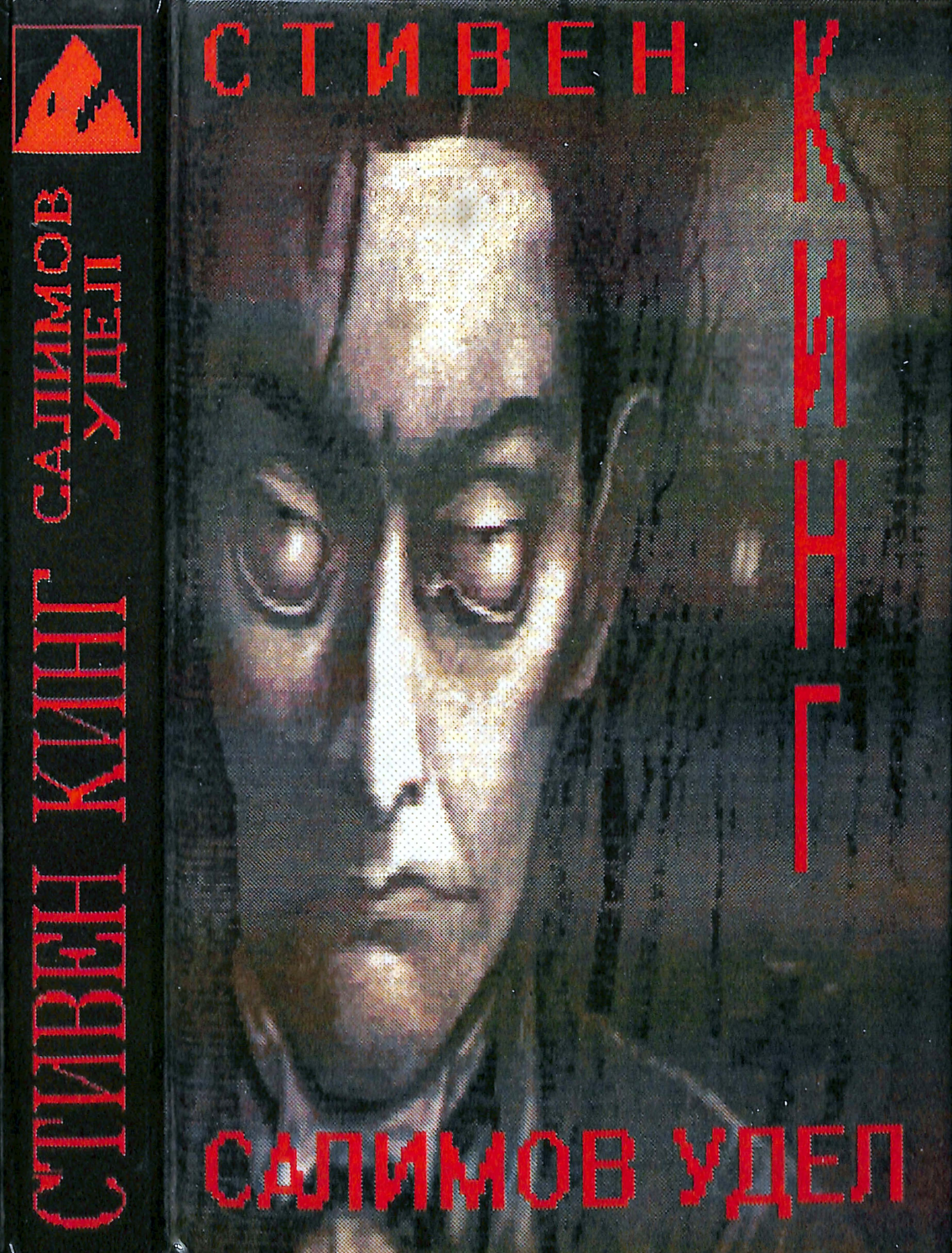

СТИВЕН КИНГ
САЛИМОВ УДЕЛ
СТИВЕН КИНГ САЛИМОВ УДЕЛ

СТИВЕН КИНГ

«САЛИМОВ УДЕЛ»

Перевод с английского Александровой Е.Ю.

Иллюстрации Миннибаевой О.

МОСКВА
«БАРКАЛАЯ И К°»
1993

ISBN **5-85564-002-7-003-5**

© Е. Ю. Александрова, 1992.
Перевод.
© О. Минанбаева, 1992.
Иллюстрации.
© «Альтруист». Художественное оформление макета, 1992.

От автора

Никто не пишет длинный роман в одиночку, и мне хотелось бы на минуту отвлечь ваше внимание, чтобы поблагодарить тех людей, которые помогли мне с этой книгой: Дж. Эверетта Мак-Катчена из Хэмпденской академии — за поддержку и дельные предложения, доктора Джона Пирсона из Олдтауна, штат Мэн, медицинского эксперта округа Пенобскот, обладающего прекрасным стажем в самой замечательной врачебной специальности — общей терапии, отца Ренолда Холли из костела Святого Иоанна, Бангор, штат Мэн. И, конечно, мою жену, чья критика была столь же суровой и прямой, как всегда.

Хотя окружающие Салимов Удел городки весьма реальны, сам Салимов Удел существует целиком и полностью в воображении автора и всякое сходство между его обитателями и теми, кто живет в реальном мире, случайно и непреднамеренно.

ПРОЛОГ

Что, старый друг, разыскиваешь ты?
Вне Родины прошло немало лет,
И ты вернулся, образами полон,
Что выносил под чужестранным небом,
Далече от своих родных краев.

Джордж Сеферис

1.

Почти все думали, что мужчина с мальчиком — отец и сын.

Они пересекли страну в старом седане-ситроене, направляясь без точного курса на юго-запад, держась главным образом окольных дорог и двигаясь урывками. Прежде, чем достигнуть места своего назначения, они трижды останавливались: сначала в Род-Айленд, где высокий черноволосый мужчина устроился рабочим на текстильную фабрику; потом — в Огайо, в Янгстауне, там он три месяца отработал на сборке тракторов у конвейера; и, наконец, в маленьком калифорнийском городке у мексиканской границы — там мужчина устроился бензозаправщиком и чинил небольшие иностранные автомобильчики настолько успешно, что сам удивлялся и радовался.

Где бы путники ни останавливались, он покупал издающуюся в Мэне портлендскую газету «Пресс-Герольд» и просматривал ее в поисках заметок, касающихся небольшого городка под названием Салимов Удел, расположенного в южной части Мэна, и его окрестностей. Время от времени такие заметки попадались.

До того, как попасть к Центральным Водопадам Род-Айленда, мужчина в номере мотеля вчерне набросал повесть и отослал своему агенту. Миллион лет назад, в те времена, когда тьма еще не окутала его жизнь, он слыл умеренно удачливым беллетристом. Агент отнес набросок к последнему издателю мужчины. Тот выказал вежливый интерес и полное отсутствие намерений расстаться с деньгами на аванс. «За «спасибо» и «пожалуйста»,— сказал мужчина мальчику, разрывая письмо агента,— платить пока еще не надо.» Выговорив это без излишней горечи, он,

тем не менее, уселся за книгу. Мальчик говорил мало. Его лицо постоянно сохраняло зажатое выражение, а глаза оставались темными, как будто всегда осматривали некий внутренний горизонт. В столовках и на бензоколонках, где они останавливались по пути, мальчик был вежлив — и только. Казалось, он не хочет терять из вида высокого мужчину, и даже, когда тот покидал мальчика, чтобы воспользоваться туалетом, мальчик как будто бы начинал нервничать. Про городок Иерусалимов Удел он говорить отказывался, хотя время от времени высокий мужчина пытался поднять эту тему, и не заглядывал в портлендские газеты, которые мужчина иногда нарочно оставлял на видном месте.

Когда книга была написана, они жили в пляжном домике вдали от автострады и оба много плавали в Тихом океане — он был теплее и дружелюбнее Атлантического. Не вызывал никаких воспоминаний. Мальчик начал покрываться очень темным загаром.

Несмотря на то, что жили они достаточно хорошо, чтобы три раза в день прилично поесть, а над головой иметь прочную крышу, мужчина ощутил, как подступают сомнения по поводу жизни, которую они вели, а с ними — подавленность. Он занимался с мальчиком, так что в смысле образования тот, похоже, ничего не терял (у мальчугана была светлая голова и он любил читать, как когда-то — сам высокий мужчина). Но мужчина считал, что в случае Салимова Удела «с глаз долой» не означало для мальчика «из сердца вон» — иногда по ночам парнишка кричал во сне, скидывая на пол одеяло.

Из Нью-Йорка пришло письмо.

Агент высокого мужчины писал: «Рэндом Хаус» предложил аванс — двенадцать тысяч долларов, а продажа книги через клуб дело почти решенное. Идет?

Идет.

Мужчина уволился с бензоколонки и вместе с мальчиком пересек границу.

2.

Лос-Сапатос, что означает «ботинки» (название, которое втайне бесконечно радовало мужчину) пред-

ставлял собой небольшую деревеньку неподалеку от океана. Совершенно свободную от туристов. Тут не было ни хорошей дороги, ни вида на океан (для этого следовало проехать еще пять миль к западу), ни каких-либо исторических достопримечательностей. Вдобавок местная кантина кишела тараканами, а единственная шлюха была бабулей пятидесяти лет.

Когда Штаты остались позади, на их жизнь снизошел почти неземной покой. Самолеты над головой пролетали редко, автострады отсутствовали, и на сто миль окрест ни у кого не было электрических газонокосилок (может быть, никому просто не хотелось ими обзаводиться). У них был приемник, но и он рождал лишь ничего не значащий шум — все новости передавали по-испански. Мальчик уже нахватался отдельных слов, но для мужчины этот язык оставался абракадаброй — навсегда. Вся музыка, похоже, состояла из опер. По вечерам они иногда ловили монтерейскую станцию, передававшую поп-музыку, неистовую от акцентов Вулфмэна Джека, однако звук то появлялся, то замирал. Единственной машиной в пределах слышимости был нелепый старый рототиллер, принадлежащий местному фермеру. При подходящем ветре до их ушей, подобно беспокойному духу, долетал слабый, не ритмичный, рыгающий шум мотора. Воду они доставали из колодца вручную.

Раз или два в месяц (не всегда вместе) они посещали мессу в маленькой городской церквушке. Обряда не понимал ни один из них, но все равно они ходили. Иногда мужчина спохватывался, что задремывает в удушливой жаре от монотонного знакомого напева и голосов, облекающих этот напев в слова. Один раз в воскресенье мальчик вышел на шаткое заднее крыльцо, где мужчина начал работу над новой повестью и, запинаясь, сказал, что поговорил с местным священником о том, чтобы быть принятым в лоно церкви. Мужчина кивнул и спросил, хватит ли его испанского, чтобы принять наставления. Мальчик ответил: он думает, такой проблемы не будет.

Раз в неделю мужчина проделывал сорокапятимильную поездку за очередной портлендской газетой, которая всегда оказывалась устаревшей самое меньшее на неделю, а иногда — пожелтевшей от собачьей мочи. Через две недели после того, как мальчик сообщил ему о своих намерениях, мужчина наткнулся на

художественный очерк о Салимовом Уделе и вермонтском городишке под названием Момсон. В очерке упоминалась фамилия высокого мужчины.

Газету — без особой надежды, что мальчик подберет ее — он оставил на видом месте. По ряду причин статья его встревожила. Похоже, в Салимовом Уделе еще не закончилось.

На следующий день мальчик пришел к нему с газетой, развернутой так, чтобы был виден заголовок: «В штате Мэн — город-призрак?»

— Я боюсь,— сказал он.

— Я тоже,— ответил высокий мужчина.

3.

В ШТАТЕ МЭН — ГОРОД-ПРИЗРАК?
Джон Льюис, художественный редактор Иерусалимов Удел.

Иерусалимов Удел — небольшой городок к востоку от Камберленда, двадцатью милями севернее Портленда. В истории Америки это не первый город, который был поспешно покинут жителями и обезлюдел. Вероятно, и не последний, однако этот случай — один из самых странных. Города-призраки — частое явление на юго-западе Америки, где общины возле богатых золотых и серебряных жил вырастают буквально за ночь, чтобы потом, когда жила драгоценного металла истощится, почти так же быстро исчезнуть, оставляя необитаемые магазины, бары и гостиницы опустело гнить в заброшенной тишине.

В Новой Англии единственным собратом таинственно опустевшего Иерусалимова — или Салимова, как частенько называют его местные жители, Удела — можно на звать лишь небольшой вермонтский городок Момсон. За лето 1923 года Момсон полностью обезлюдел, покинутый всеми своими триста двенадцатью обитателями. В центре города до сих пор стоят дома и несколько небольших зданий делового характера, однако с того лета полувековой давности их так никто и не заселил. Кое-где мебель увезли, но почти во всех домах обстановка сохранилась, словно всех горожан средь бела дня унес сильный ветер. В одном доме полностью накрыт к ужину стол — вплоть до вазочки с давно увядшими цветами, стоящей в центре. В

другом оказались откинуты одеяла в спальне второго этажа, словно кто-то собрался ложиться спать. В местном магазинчике на прилавке нашли сгнивший рулон хлопчатобумажной ткани, а в окошке кассового аппарата оказалась выбита стоимость: один доллар двадцать два цента. В ящике кассы нашли нетронутыми пять тысяч долларов.

Жители этого района любят потчевать туристов историей Момсона, намекая на то, что в городе водятся привидения — вот почему, по их мнению, он и пустует с тех пор. Более вероятной причиной кажется то, что Момсон расположен в богом забытом уголке штата, вдали от всех крупных дорог. Там нет ничего, что нельзя было бы найти в сотне других городков — кроме, конечно, секрета его внезапного запустения в духе «Марии-Селесты».

Почти то же можно сказать и про Салимов Удел.

По переписи населения семидесятого года в Салимовом Уделе насчитывалось 1319 жителей — за десять лет, прошедших с предыдущей переписи, прирост населения составил 67 человек. В этом привольно раскинувшемся уютном городке, который прежние обитатели фамильярно звали Удел, редко происходило что-либо примечательное. Единственное, о чем могли поговорить собравшиеся в парке или вокруг теплицы на сельскохозяйственном рынке Кроссена старожилы, это пожар пятьдесят первого года, когда небрежно брошенная спичка дала начало одному из крупнейших в истории штата лесных пожаров.

Если кому-то хотелось уйти на пенсию и без приключений коротать дни в не большом провинциальном городке, где каждый занят только собой, а самое крупное событие любой недели — распродажа благотворительной выпечки, лучше Удела было не найти. Что касается демографии, перепись семидесятого года показала тенденцию, знакомую и социологам, занимающимся проблемами деревни, и старо жилам любого мэнского городка: множество стариков, несколько бедняков и полным полно молодежи, которая с дипломами подмышкой покидает родные места с тем, чтобы никогда не возвращаться.

Но чуть меньше года тому назад в Салимовом Уделе стало твориться нечто необычное. Начали пропадать люди. Естественно, большую часть этих исчезновений нельзя назвать исчезновениями в полном

смысле этого слова. Бывший констебль Удела, Паркинс Джиллеспи, проживает сейчас в Киттери со своей сестрой. Чарльз Джеймс, владелец бензоколонки, что стояла через улицу от аптеки, сейчас владеет ремонтной мастерской в соседнем Камберленде. Полина Диккенс переехала в Лос-Анжелес, а Рода Корлесс работает в Портленде, в миссии Святого Матфея. Список «не-пропавших» можно продолжать и продолжать.

В этих разысканных людях интригует их единодушное нежелание — или неспособность — рассказывать об Иерусалимовом Уделе и том, что же могло там произойти (если что-то вообще происходило). Паркинс Джиллеспи просто взглянул на нашего корреспондента, закурил и сказал: «Решил уехать, и все тут.» Чарльз Джеймс заявил, что покинул Удел поневоле, поскольку вместе с запустением города пришло в упадок и дело Джеймса. Полина Диккенс, многие годы проработавшая официанткой в кафе «Экселлент», так и не ответила на письмо нашего корреспондента. А мисс Корлесс вообще отказывается разговаривать про Салимов Удел.

Часть исчезновений можно объяснить, поработав головой и проведя небольшое исследование. Лоренс Крокетт, местный торговец недвижимостью, исчезнувший вместе с женой и дочерью, оставил после себя ряд сомнительных рискованных контрактов и договоров на продажу земли, включая продажу участка портлендской территории, на котором теперь строится Портлендский центр отдыха и торговли. Чета Макдугаллов, также числящаяся среди пропавших без вести, годом раньше лишилась крошечного сынишки, а значит, мало что могло удержать их в городке. Они могут оказаться где угодно. Прочие подпадают под эту же категорию. По словам шефа полиции штата, Питера Мак-Фи, «мы разослали запросы насчет великого множества жителей Салимова Удела, но люди пропадают не только в этом мэнском городке. Например, Ройс Макдугалл уехал, задолжав одному банку и двум финансовым компаниям... насколько я могу судить, он просто нечестный человек и решил смыться. В один прекрасный день — в этом ли году, в следующем ли — он воспользуется одной из тех кредитных карточек, что носит в бумажнике, и судебные исполнители возьмут его за глотку. В Америке пропавшие люди так же обычны, как пирог с вишнями. Мы жи-

вем в обществе, ориентированном на машины. Каждые два-три года люди собирают пожитки и переезжают. Иногда они забывают оставить свой будущий адрес. Особенно, если удирают, не заплатив долги.»

И все же, несмотря на трезвый практицизм слов капитана Мак-Фи, вопросы относительно Салимова Удела остаются без ответа. Исчез Генри Питри с женой и сыном, а ведь мистер Питри руководил страховой компанией «Благоразумный», и его вряд ли можно назвать злостным неплательщиком. В разряд не имеющих адреса по пали также: местный гробовщик, местный библиотекарь, местный парикмахер. Спи сок тревожит своей длиной.

В окрестных городках уже пошли шепотки и пересуды, а значит, дано начало легенде. Салимов Удел приобрел репутацию «города с привидениями». Время от времени сообщается о цветных огнях, нависших над рассекающей город пополам линией электропередач Центральной Мэнской энергокомпании и, если предположить, что жителей Удела забрали инопланетяне, никто смеяться не станет.

Были разговоры и о шабаше темных сил, устроенном молодежью, которая отслужила в городке черную мессу и, возможно, навлекла гнев Господень на тезку священнейшего из городов Святой земли. Иные, менее суеверного склада, припомнили молодых людей, которые «пропадали» в районе Хаустона (Техас) около трех лет назад и были потом обнаружены в жутких массовых захоронениях.

Если действительно приехать в Салимов Удел, разговоры начинают казаться менее дикими. Последней прекратила существование «Аптека и всякая всячина» Спенсера — ее двери закрылись в январе. Сельскохозяйственный магазин Кроссе на, магазин скобяных изделий, «Мебель» Барлоу-Стрейкера, кафе «Экселлент» и даже муниципалитет заколочены досками. Новая начальная школа пустует, так же, как и средняя, одна на три городка, построенная в Уделе в шестьдесят седьмом году. В ожидании результатов референдума в остальных городках школьного района, мебель и книги вывезли в Камберленд в качестве временных пособий, но, похоже, когда начнется новый учебный год, в Салимовом Уделе не пойдет в школу ни один ребенок. Там нет детей — лишь брошенные магазины и лавчонки, покинутые дома, заросшие газоны,

пустынные улицы и дороги. Вот кого еще хотела бы разыскать полиция штата или получить от них весточку: Джон Гроггинс, пастор методистской церкви Иерусалимова Удела; отец Дональд Каллахэн, приходской священник церкви Святого Андрея; Мэйбл Уэртс, вдова, известная своей церковной и общественной деятельностью; Лестер и Хэрриет Дорхэм — чета, работавшая на ткацкопрядильной фабрике в Гэйтс, Ева Миллер, владелица местного пансиона...»

4.

Спустя два месяца после появления статьи в газете, мальчика приняли в лоно церкви. Он впервые исповедовался — и исповедался во всем.

5.

Деревенский священник оказался стариком с белыми волосами и лицом, покрытым сетью морщинок. Глаза с обгоревшего на солнце лица глядели с удивительной живостью и жадностью. Они были голубыми, очень ирландскими. Когда высокий мужчина подъехал к дому священника, тот сидел на крыльце и пил чай. Рядом стоял мужчина в городском костюме. Его волосы были разделены пробором и набриолинены так, что высокому мужчине вспомнились фотопортреты девяностых годов прошлого века. Человек этот чопорно сказал:

— Я — Хесус де ла рей Муньос. Отец Гракон попросил меня переводить, сам он английским не владеет. Моя семья очень обязана отцу Гракону, не стану упоминать, почему. Что касается дела, которое он желает обсудить, на уста мои ляжет печать. Вы согласны?

— Да.— Он пожал руку Муньосу, потом Гракону. Гракон что-то сказал по-испански и улыбнулся. У него оставалось только пять зубов, но улыбка вышла солнечной и радостной.

— Он спрашивает: хотите чашечку чая? Это зеленый чай. Очень прохладительный.

— Это было бы прелестно.

После обмена любезностями священник сказал:

— Мальчик не ваш сын.

— Нет.

— Его исповедь была странной. По сути дела, за все время, что я являюсь священнослужителем, более странной исповеди я не слышал.

— Меня это не удивляет.

— Он плакал,— продолжал отец Гракон, прихлебывая чай.— И плач этот шел из самого сердца, наводя ужас. Из тайников души его. Должен ли я задать вопрос, который родила в моем сердце эта исповедь?

— Нет,— бесстрастно ответил мужчина.— Нет. Он говорит правду.

Отец Гракон кивнул даже раньше, чем Муньос перевел, и его лицо посерьезнело. Он склонился вперед, зажал ладони между колен, и долго говорил. Муньос напряженно слушал, старательно сохраняя бесстрастное выражение лица. Когда священник замолчал, Муньос сказал:

— Он говорит, на свете случаются странные вещи. Сорок лет назад крестьянин из Эль-Граньонес принес ему ящерицу, которая кричала, как женщина. Он видел мужчину со стигмами — метками страстей Господа нашего, а в Страстную пятницу ладони и ступни этого человека кровоточили. Он говорит, это ужасная, темная вещь. Серьезная для вас с мальчиком. Особенно для мальчика. Это гложет его. Он говорит...

Гракон снова что-то коротко сказал.

— Он спрашивает, понимаете ли вы, что натворили в этом Новом Иерусалиме.

— Иерусалимовом Уделе,— поправил высокий мужчина.— Да. Понимаю.

Гракон опять что-то сказал.

— Он спрашивает, что вы намерены с этим делать?

Высокий мужчина очень медленно покачал головой.

— Не знаю.

Гракон сказал еще что-то.

— Он говорит, что будет молиться за вас.

6.

Спустя неделю он, обливаясь потом, очнулся от кошмара и окликнул мальчика по имени.

— Я возвращаюсь,— сказал он.

Мальчик под загаром побледнел.

— Можешь поехать со мной? — спросил мужчина.
— Ты меня любишь?
— Да. Господи, да.
Мальчик начал всхлипывать, и высокий мужчина обнял его.

7.

И все же сон к мужчине не шел. В тени таились лица, они, крутясь, вырастали над ним, словно заслоненные метелью, а когда ветер стукнул по крыше нависшей над ней веткой, высокий мужчина дернулся.
Иерусалимов Удел.
Он прикрыл глаза, положил на них ладони и все стало возвращаться. Он видел стеклянное пресс-папье — если встряхнуть такое, в нем поднимается крошечный снежный буран.
Салимов Удел...

Часть 1. Дом Марстена

... Ни один живой организм не способен длительное время вести разумное нормальное существование в условиях абсолютной реальности — по некоторым предположениям спят даже жаворонки и зеленые кузнечики. Хилл-Хаус — не обладающий рассудком — стоял на своих холмах сам по себе, скрывая внутри тьму. Он простоял восемьдесят лет и мог простоять еще восемьдесят. Внутри — прямые стены, аккуратно подогнанные кирпичи, твердые полы и разумно закрытые двери. К дереву и камню Хилл-Хаус навсегда прильнула тишина, а то, что там бродило, бродило в одиночестве.

Ширли Джексон, «Привидения в Хилл-Хаус».

Глава первая

Бен (I)

1.

К тому времени, как Бен Мирс, направляясь по автостраде на север, миновал Портленд, в животе у него уже закололо от возбуждения и волнения, и нельзя сказать, чтобы ощущение было неприятным. Было пятое сентября семьдесят пятого года, и лето напоследок с удовольствием пустилось во все тяжкие. Деревья исходили зеленью, высокое небо было мягкого голубого цвета, а сразу за фолмутским городским шоссе Бен увидел двух мальчишек, которые шли по проселочной дороге параллельно автостраде с пристроенными на плечо на манер карабинов удочками.

Он съехал на другую полосу, сбавил скорость до допустимого на автостраде минимума и начал выискивать что-нибудь, что дало бы толчок воспоминаниям. Сначала ничего не попадалось, и он предостерег себя от почти неминуемого разочарования. *Тебе тогда было семь. А значит, вода утекала под мост двадцать пять лет. Места меняются. Как люди.*

В те дни четырехполосное шоссе № 295 не существовало. Если вам хотелось попасть из Удела в Порт-

ленд, вы ехали по дороге № 12 в Фолмут, а потом выбирались на дорогу № 1. Да, жизнь на месте не стояла.

Кончай пороть чушь.

Однако остановиться было трудно. Трудно останавливаться, когда... Мимо Бена по полосе обгона проревел здоровенный мотоцикл с высоко поднятыми рукоятками руля. За рулем сидел парнишка в футболке, на заднем сиденье — девчонка в красном полотняном пиджаке и огромных солнечных очках с зеркальными стеклами. Они вклинились перед Беном чуть быстрее, чем следовало, и он отреагировал слишком бурно, обеими ногами надавив на тормоз, а обеими руками — на клаксон. Мотоцикл рванул вперед, выбрасывая из выхлопной трубы синий дым, а девчонка сунула за спину руку с торчащим средним пальцем.

Бен вернул прежнюю скорость. Хотелось курить. Руки легонько дрожали. Теперь мотоцикл почти исчез из вида — так быстро он двигался. Детки. Детишки, черт бы их побрал. В сознание Бена пытались протиснуться воспоминания — воспоминания более свежие. Он отогнал их. Он уже два года не садился на мотоцикл. И не собирался садиться. Никогда.

Поодаль справа он заметил красную вспышку. Когда Бен пригляделся, в нем взорвалась радость узнавания. Далеко впереди, на другом краю заросшего клеверо м и тимофеевкой поля, поднимавшегося по склону, на холме стоял амбар — амбар с полукруглой, выкрашенной в белый цвет крышей. Даже с такого расстояния видно было, как блестит на солнце венчающий этот купол флюгер. Абмар был на этом месте тогда и по-прежнему стоял здесь сейчас. И выглядел точно так же. Может быть, несмотря ни на что, все будет хорошо. Потом амбар загородили деревья. Когда автострада пересекла границу Камберленда, Бену стало казаться, что он узнает все больше. Он проехал над Королевской рекой, где мальчишкой удил с друзьями треску и щурят. Мимо показавшейся на краткий миг из-за деревьев, мелькнувшей и пропавшей Камберленд-виллидж. Вдали — камберлендская водонапорная башня, сбоку — выписанный огромными буквами лозунг: «Сохраним Мэн зеленым». Тетя Синди всегда говорила, что пониже надо бы написать «Несите денежки!»

Первоначальные волнение и возбуждение росли, и

Бен поехал быстрее, следя за дорожными знаками. Через пять миль впереди появился подмаргивающий, окруженный рефлекторами зеленый указатель:

ДОРОГА № 12 ИЕРУСАЛИМОВ УДЕЛ
КАМБЕРЛЕНД, ОКРУГ КАМБЕРЛЕНД

Внезапно на Бена нахлынула чернота, потушившая хорошее настроение, как песок — пламя. Этому он был подвержен с того самого черного дня (Бен попытался мысленно выговорить имя Миранды, и не позволил себе этого) и привык давать от пор, однако на сей раз тьма окутала его с обескураживающе свирепой силой.

Что же он делает — возвращается в город, где ребенком провел четыре года, и пытается вернуть нечто безвозвратно утерянное? Какое волшебство думает он возвратить прогулками по тем проселочным дорогам, что когда-то исходил еще мальчишкой и которые, возможно, уже расчищены от леса, выпрямлены, заасфальтированы и замусорены банками из-под выпитого туристами пива? Магия исчезла — и черная, и белая. Все ушло псу под хвост той ночью, когда мотоцикл потерял управление, а потом на дороге очутился желтый мебельный фургон, который все рос, рос... и крик Миранды — жены Бена — оборвался с внезапной окончательностью, когда...

Впереди справа показался выезд, и Бен на секунду задумался — не проехать ли мимо, дальше, в Чемберлен или Льюистон, чтобы остановиться там, пообедать, а уж потом развернуться и двинуться восвояси. Восвояси куда? Домой? Смешно. Если у него и есть дом, он тут. Тут, даже если он прожил в нем всего четыре года.

Он посигналил, сбавил ход ситроена и поехал вверх по склону. К вершине, где съезд с автострады вливался в дорогу № 12, а та поближе к городу превращалась в Джойнтер-авеню. Бен поглядел на горизонт. То, что он там увидел, заставило его обеими ногами надавить на тормоз. Ситроен содрогнулся и замер.

К востоку полого поднимались деревья — в основном сосны и ели, у границ видимости они как бы втискивались в небо. Город отсюда виден не был. Только деревья и в отдалении, где эти деревья поднимались в небо, островерхая двускатная крыша дома Марстена.

Бен, зачарованный, не мог отвести от него глаз.

На лице быстро, как в калейдоскопе, сменялись противоборствующие чувства.

— Все еще тут,— вслух пробормотал он.— Чтоб я провалился.

И опустил взгляд на руки. Они покрылись гусиной кожей.

2.

Он нарочно проскочил город, заехал в Камберленд, а потом вернулся обратно в Салимов Удел с запада, по Бернс-роуд. Его изумило, как мало городок изменился. Несколько новых домов, которых Бен не помнил, прямо за городской чертой — забегаловка под названием «У Делла» да парочка недавно возникших гравийных карьеров. Немалое количество леса ушло на переработку. Однако старый жестяной знак, указывающий дорогу к городской свалке, оказался по-прежнему на месте, саму дорогу так и не замостили, и она пестрела выбоинами и старыми колеями, а сквозь просеку среди деревьев, по которой с северо-запада на юго-восток убегали вышки линии электропередачи Центральной Мэнской энергокомпании, виднелся Школьный холм. На своем месте была и ферма Гриффена, хотя гумно расширили. Бен задумался: интересно, тут по-прежнему разливают в бутылки и про дают свое молоко? Значок изображал улыбающуюся корову под фирменной надписью «Солнечное молоко с ферм Гриффена!» Бен улыбнулся. В доме тетушки Синди им было вылито на пшеничные хлопья немало этого молока.

Он свернул влево, на Брукс-роуд, миновал кованые железные ворота и низкую каменную ограду кладбища Хармони-Хилл, а потом съехал вниз по крутому склону и двинулся вверх по дальнему боку холма — боку, известному, как Марстен-Хилл.

У вершины окаймлявшие дорогу деревья расступились. Справа внизу стал виден собственно город — он впервые открылся взору Бена. Слева — дом Марстена. Бен вышел из машины.

Дом ничуть не изменился. Ни капельки.

Можно было подумать, что в последний раз Бен видел его вчера.

На дворе перед фасадом буйно разрослась высокая ведьмина трава. Она загораживала старые, покороб-

ленные морозами плиты, которые вели к крыльцу. В траве распевали сверчки. Бен увидел, как, описывая странные параболы, скачут кузнечики.

Сам дом глядел вниз, на городок. Такой же огромный, нелепой планировки, оседающий и покосившийся. Беспорядочно заколоченные окна придавали ему тот зловещий вид, какой присущ всем старым домам, долго простоявшим пустыми. Непогода стерла краску, и дом приобрел однообразный серый цвет. Метели сорвали не одну чешуйку черепицы, а обильный снег отогнул книзу западный угол главной крыши, отчего дом казался сутулым и сгорбленным. Справа к столбику перил был приколочен облезлый знак: «Посторонним вход воспрещен».

Бен ощутил непреодолимое желание пройти по заросшей дорожке мимо сверчков и кузнечиков, которые брызнут у него из-под ног, взобраться на крыльцо, заглянуть в щели между кое-как приколоченными досками в коридор... или в гостиную. Может быть, подергать парадную дверь. И, если она незаперта, войти.

Он сглотнул и пристально посмотрел на дом, без малого загипнотизированный. Дом, в свою очередь, с безразличием идиота уставился на Бена.

Пройдешь по коридору, чувствуя запах сырой штукатурки и гниющих обоев, а за стенами будут скрестись мыши. Вокруг окажется развал, груды хлама, можно будет что-нибудь подобрать — хотя бы пресс-папье — и сунуть в карман. По том, в конце коридора, вместо того, чтобы пойти в кухню, ты сможешь повернуть налево и подняться по лестнице; под ногами заскрипит известковая пыль, которая годами сеялась с потолка. Ступенек там четырнадцать. Ровным счетом четырнадцать. Но верхняя была поменьше, несоразмерной, словно ее добавили только, чтобы избежать несчастливого числа. Наверху лестницы, на площадке, ты останавливаешься, глядя на закрытую дверь в конце коридора. Если пойти к ней, наблюдая словно откуда-то извне, как она приближается и растет, то можно про тянуть руку, положить ладонь на тусклую пятнистую серебряную ручку...

Бен повернул прочь от дома, со свистом выдыхая сухой, как солома, воздух. Еще не время. Позже — может быть, но не сейчас. Пока достаточно знать, что это по-прежнему здесь. Оно поджидало его. Бен

уперся ладонями в капот и поглядел на город. Там, внизу, можно выяснить, кто владелец дома Марстена и, может быть, снять этот дом. Кухня отлично подойдет для рабочего кабинета, а спать он сможет в гостиной. Но ходить наверх Бен себе не позволит.

Только, если иначе будет нельзя.

Он сел в машину, завел ее и поехал вниз с холма, в Иерусалимов Удел.

Глава вторая

Сьюзан (I)

1.

Сидя в парке на лавочке, Бен заметил, что за ним наблюдает какая-то девушка. Девушка была очень хорошенькой, светлые легкие волосы обвивал шелковый шарфик. Сейчас она читала книгу, однако рядом лежал блокнот для эскизов и нечто, внешне напоминающее угольный карандаш.

Был вторник, шестнадцатое сентября, первый день школьных занятий, и парк волшебным образом опустел, лишившись своих самых шумных посетителей. Остались только рассеянные по всему парку мамаши с младенцами, несколько стариков, сидящих возле военного мемориала, да эта девушка в пятнистой тени кривого старого вяза.

Она оторвалась от книги и увидела его. По лицу прошла тень испуга. Она опустила глаза к странице, снова поглядела на Бена, начала подниматься, видимо, одумалась, все-таки встала и снова села.

Он поднялся и подошел, тоже с книгой в руках. Это был вестерн в мягкой обложке.

— Привет,— дружелюбно сказал Бен.— Мы знакомы?

— Нет,— сказала девушка.— То есть... вы — Бенджамен Мирс, правильно?

— Правильно.— Он поднял брови.

Девушка нервно рассмеялась, не глядя ему в глаза — только бросая украдкой короткие взгляды в попытках прочесть показания барометра намерений Бена. Она совершенно очевидно была не из тех девиц,

что имеют привычку заговаривать в парке с незнакомыми мужчинами.

— А я уж подумала, что вижу привидение.— Она приподняла книгу, которая лежала у нее на коленях. Бен мельком увидел, что на толстом обрезе страниц оттиснуто: «Публичная библиотека Иерусалимова Удела». Книга оказалась «Воздушным танцем», его вторым романом. Девушка показала Бену заднюю обложку — с нее смотрела его собственная фотография, фотография теперь уже четырехлетней давности. Лицо выглядело мальчишеским и пугающе серьезным — глаза казались черными бриллиантами.

— С таких вот несущественных встреч начинаются династии,— сказал он и, хотя замечание было брошено просто так, в шутку, оно странным образом зависло в воздухе, как произнесенное в насмешку пророчество. В заболоченном пруду у них за спиной плескались несколько недавно научившихся ходить малышей, а мама внушала Родди: «Не раскачивай сестренку так *высоко*». Невзирая на это, сестренка в развевающемся платьице взлетала на качелях под самое небо. Этот момент Бен помнил и много лет спустя — как будто от пирога времени отрезали особый маленький кусочек. Если в такой миг между двумя людьми ничего не вспыхнуло, он просто канет обратно туда, где разрушаются воспоминания.

Потом она рассмеялась и протянула ему книгу.

— Не дадите автограф?

— На библиотечной книжке?

— Я выкуплю ее у них и заменю.

Он отыскал в кармане свитера механический карандаш, раскрыл книгу на форзаце и спросил:

— Как вас зовут?

— Сьюзáн Нортон.

Он быстро, не задумываясь, написал: «*Сьюзан Нортон, самой хорошенькой девушке в парке. С теплыми пожеланиями, Бен Мирс.*» Под своей подписью он размашистым почерком добавил дату.

— Теперь вам придется ее украсть,— сказал он, возвращая книгу.— «Воздушный танец» больше не издают — увы.

— Закажу копию в одном из книгохранилищ в Нью-Йорке,— она замялась и на этот раз посмотрела ему в глаза чуть более долгим взглядом.— Это ужасно хорошая книга.

— Спасибо. Когда я снимаю ее с полки и гляжу на нее, то никак не могу понять, почему ее вообще напечатали.

— И часто снимаете?

— Ага, но стараюсь с этим покончить.

Она усмехнулась, и оба рассмеялись, что сделало ситуацию более естествен ной. Позже у Бена будет случай подумать, как легко, как гладко все произошло. Эта мысль никогда не прибавляла ему душевного комфорта. Она вызывала в воображении образ судьбы, но не слепой, а обладающей фантазией и чувствами, воз намерившейся размолоть беспомощных смертных между огромных жерновов Вселенной, чтобы испечь некий неизвестный нам хлеб.

— И «Дочь Конвея» я тоже читала. Прелесть. Полагаю, вы все время это слышите.

— На удивление редко,— честно признался Бен. Миранда тоже обожала «Дочь Конвея», но приятели Бена из кофеен по большей части отвечали уклончиво, а почти все критики ее громили. Ну, вот тебе твоя критика: выкидываем сюжет, заменяем мастурбацией.

— А я слышала часто.

— А новую книгу вы читали?

— «Билли сказал: давай-давай»? Еще нет. Мисс Кугэн из аптеки говорит, книжка здорово неприличная.

— Да черт возьми, она почти пуританская,— сказал Бен.— Язык, правда, грубоват, но когда пишешь про неотесанных деревенских парней, нельзя же... послушайте, можно, я куплю вам мороженое, что ли? Мне как раз ужасно захотелось мороженого с содовой.

Она в третий раз заглянула ему в глаза. Потом тепло улыбнулась.

— Конечно. Обожаю мороженое. У Спенсера оно просто классное.

Таково было начало.

2.

— Вот это мисс Кугэн?

Бен задал вопрос, понизив голос. Он смотрел на высокую сухопарую женщину в накинутом поверх белого халата красном нейлоновом пыльнике. Ее подсиненные волосы были вручную уложены ступенчатыми волнами.

— Да, она. У нее есть тележка, которую она каждый вторник вечером берет с собой в библиотеку. И доводит мисс Старчер до бешенства, потому что загружает в эту тележку не меньше тонны формуляров на книжки, которые хочет отложить.

Они сидели на красных кожаных табуретках у фонтанчика содовой. Бен пил содовую с шоколадом, Сьюзан — с клубничным сиропом.

Аптека Спенсера заодно служила местной автобусной станцией, и с того места, где они сидели, сквозь старомодную, украшенную завитушками арку можно было выглянуть в комнату для ожидания, где, поставив чемодан между ног, мрачно сидел одинокий юнец в голубой форме ВВС.

— Не знаю, куда уж он едет, но радостным его не назовешь, верно? — сказала Сьюзан, проследив взгляд Бена.

— Думаю, увольнению пришел конец,— сказал Бен. Теперь, подумал он, она спросит, приходилось ли мне служить в армии.

Но вместо этого:

— В один прекрасный день я сяду в час тридцать на такой вот автобус. Прощай, Салимов Удел. Может, у меня будет такой же мрачный вид, как у этого парня.

— И куда?

— Наверное, в Нью-Йорк. Поглядеть, смогу ли я в конце концов сама себя содержать.

— А тут что не так?

— В Уделе? Я его обожаю. Но, знаете ли, родители. Они всегда будут... заглядывать мне через плечо, что ли. «Ах, ты, лентяйка.» Кроме того, молодой честолюбивой девице Удел может предложить не так уж много.— Она пожала плечами и пригнула голову, чтобы отхлебнуть через соломинку коктейль. На загорелой шее красиво обрисовались мышцы. Сьюзан была в пестром платье-рубашке с набивным рисунком, которое намекало на хорошую фигуру.

— И какую же работу вы ищете?

Она пожала плечами.

— В Бостонском университете я получила бакалавра искусств... правда, работа не стоила той бумаги, на которой была напечатана, честное слово. Главным образом искусство, в меньшей степени — английский. Подлинное «дипсо дуо». Как нельзя лучше подходит под категорию образованных идиоток. Я даже не су-

мею обставить контору. Кое-кто из девчонок, с которыми я ходила в среднюю школу, теперь заполучил жирную секретарскую работу. Я-то сама так и не продвинулась дальше первого года обучения машинописи для личных нужд.

— Так что же остается?

— О... может быть, издательство,— неопределенно сказала она.— Или какой нибудь журнал... может, рекламный. Лавочка такого рода всегда сумеет использовать человека, который умеет рисовать по чьей-нибудь указке. Я — могу. У меня и портфолио есть.

— А спрос? — вежливо поинтересовался Бен.

— Нет... нету. Но...

— В Нью-Йорк без запроса не ездят,— сказал он.— Поверьте мне. Только каблуки стопчете.

Она неловко улыбнулась.

— Наверное, вы-то знаете.

— Тут что-нибудь продали?

— О да.— Она коротко рассмеялась.— На сегодняшний день самая крупная сделка у меня состоялась с корпорацией «Синэкс». Они открывали в Портленде новый тройной кинотеатр и купили чохом двенадцать картин, чтобы развесить в фойе. Заплатили семьсот долларов. Я сделала первый взнос за свой автомобильчик.

— В Нью-Йорке вам придется на неделю или около того снять номер в гостинице,— сказал он,— и тыкаться со своим пакетом предложений во все журналы и издательства, какие сумеете разыскать. Назначайте встречу заранее, за полгода, чтобы у редакторов и издателей ничего не оказалось в расписании. Но, Бога ради, не сматывайте удочки в большой город просто так.

— А вы что же? — спросила она, оставляя соломинку и вылавливая мороженое ложечкой.— Что вы делаете в процветающем обществе Иерусалимова Удела, штат Мэн, население -- тысяча триста человек?

Он пожал плечами.

— Пытаюсь написать роман.

Она немедленно загорелась возбуждением.

— В Уделе? Про что? Почему здесь? Вы что...

Он серьезно посмотрел на нее.

— Вы расспрашиваете.

— Я?.. Ой, правда. Извините.— Сьюзан обтерла донышко своего стакана салфеткой.— Скажем, я не

хотела лезть в чужие дела. Как правило, я не склонна к излияниям, честное слово.

— Не стоит извиняться,— сказал Бен.— Все писатели любят поговорить о своих книгах. Иногда, когда я ночью лежу в постели, то выдумываю интервью с самим собой «Плейбою». Напрасная трата времени. Они занимаются авторами только, если их книги что-то значат для университетских интеллектуалов.

Военно-воздушный юнец поднялся. Пыхтя воздушными тормозами, к тротуару перед аптекой подъезжал «грейхаунд».

— Я, когда был маленьким, прожил в Салимовом Уделе четыре года. На Бернс-роуд.

— На Бернс-роуд? Там теперь остались только «Болота» и маленькое кладбище. Его называют Хармони-Хилл.

— Я жил у своей тети Синди. Синтии Стоуэнс. Понимаете, отец умер, а с мамой случилось что-то... ну... вроде нервного срыва. Поэтому она отправила меня к тете Синди — на то время, что приходила в себя. Тетя Синди посадила меня на автобус и отправила обратно на Лонг-Айленд к маме ровно через месяц после большого пожара.— Он взглянул в лицо своему отражению в зеркале, висевшем позади фонтанчика содовой.— Я плакал в автобусе, уезжая от мамы, и ревел, когда автобус увозил меня от тети Синди из Иерусалимова Удела.

— В тот год, когда случился пожар, я родилась,— сказала Сьюзан.— Самое крупное событие за всю историю этого городка, чтоб его, и я его проспала!

Бен рассмеялся.

— Так вы на семь лет старше, чем я подумал в парке.

— Правда? — Вид у нее был довольный.— Спасибо... наверное. Должно быть, дом вашей тети сгорел.

— Да,— сказал он.— Та ночь — одно из моих самых четких воспоминаний. К дверям подбежали какие-то люди с резиновыми шлангами на спинах и сказали, что нам надо уходить. Это было захватывающе. Тетя Синди, взбудораженная, суетилась по дому, собирая вещи и загружая их в свой «хадсон». Господи, ну и ночка.

— Ваша тетя была застрахована?

— Нет, но дом мы снимали, а почти все ценное перенесли в машину. Кроме телевизора. Мы пытались под-

нять его, но не сумели даже оторвать от пола. Это был «Король видео» с семидюймовым экраном и увеличительным стеклом перед кинескопом. Смерть глазам. Да все равно, у нас тогда был только один канал — сплошь музыка «кантри», репортажи с ферм и «Клоун Китти».

— И вы вернулись сюда, чтобы написать книгу,— изумилась девушка.

Бен ответил не сразу. Мисс Кугэн вскрывала блоки сигарет и заполняла витрину возле кассы. Провизор, мистер Лэбри, бесцельно слонялся за высоким аптечным прилавком, напоминая заиндевевшее привидение. Парнишка в форме ВВС стоял у двери автобуса, поджидая, когда водитель вернется из уборной.

— Да,— сказал Бен. Он повернулся и посмотрел на Сьюзан — прямо в лицо, в первый раз. Личико у нее было прехорошенькое — простодушные голубые глаза и высокий, чистый загорелый лоб.— Ваше детство прошло в этом городе? — спросил он.

— Да.

Бен кивнул.

— Тогда вы понимаете. В Салимовом Уделе я жил ребенком, и для меня он населен призраками. Когда я вернулся, то чуть не проехал мимо — боялся, что он окажется другим.

— Здесь ничего не меняется,— сказала Сьюзан.— Почти ничего.

— Обычно мы с ребятишками Гарднера играли в войну на «Болотах». Пиратствовали на Королевском пруду. Играли в «захвати флаг» и прятки в парке. После того, как я расстался с тетей Синди, мы с мамой попадали в крутые места. Когда мне было четырнадцать, она покончила с собой. Но большая часть волшебной пыли стерлась с меня задолго до этого. А та, что была — была здесь. И до сих пор ни куда не делась. Город не настолько изменился. Глядеть на Джойнтер-авеню — все равно, что глядеть сквозь тонкую ледяную пластину, вроде той, какую можно снять с верхушки городского резервуара, если сперва оббить края. Все равно, что разглядывать сквозь нее свое детство. Все зыбко, туманно, а кое-где уходит в ничто, но в основном оно еще здесь.

Изумленный, Бен замолчал. Он произнес речь!

— Вы говорите точь-в-точь, как ваши книги,— благоговейно сказала Сьюзан.

Он рассмеялся.

— Раньше я никогда не говорил ничего подобного. Во всяком случае, вслух.

— А что вы делали после того, как ваша мама... умерла?

— Шатался по белу свету,— коротко ответил он.— Ешьте свое мороженое.

Она послушалась.

— Кое-что изменилось,— сказала она немного погодя.— Мистер Спенсер умер. Вы его помните?

— Конечно. Каждый четверг вечером тетя Синди приезжала в город за покупками, а меня отсылала сюда, попить травяного пива. Тогда оно еще было в продаже — настоящее рочестерское сладкое травяное пиво. Тетя давала мне пять центов, завернутые в носовой платок.

— Когда подошло мое время, пиво стоило дайм. Помните, как он всегда говорил?

Бен сгорбился, подавшись вперед, скрючил кисть одной руки в артритную клешню, а уголок рта у него поехал вниз, как у человека, перенесшего инсульт.

— Пузырь,— прошептал он.— Ох, доконает это пивко твой пузырь, хвастунишка!

Смех Сьюзан взлетел к вентилятору, медленно вращавшемуся у них над головами. Мисс Кугэн с подозрением подняла глаза.

— Ой, *вылитый*! Только меня он называл красотулей.

Они радостно посмотрели друг на дружку.

— Слушай, хочешь сегодня вечером пойти в кино? — спросил Бен.

— Это было бы чудесно.

— Какой кинотеатр ближе всего?

Она хихикнула.

— Честно говоря, портлендский «Синэкс», где фойе украшают бессмертные полотна Сьюзан Нортон.

— А еще? Какие фильмы ты любишь?

— Что-нибудь переживательное, с автомобильной погоней.

— Заметано. Помнишь «Нордику»? Она же была прямо в самом городе.

— А как же. Закрылась в шестьдесят восьмом. Когда я училась в старших классах, мы ходили туда компашками в две парочки и кидались в экран пакетиками из-под воздушной кукурузы, если фильм оказывался плохим.— Она хихикнула.— А так обычно и бывало.

— Они обычно крутили старые сериалы,— сказал Бен.— «Человек-ракета». «Возвращение человека-ракеты». «Крэш Каллахэн и бог смерти вуду».

— Это было до меня.

— Что же стало с «Нордикой»?

— Теперь там контора Ларри Крокетта — торговля недвижимостью,— объяснила она.— По-моему, «Нордику» погубил кинотеатр под открытым небом в Камберленде. Он и еще телевидение.

Они немножко помолчали, думая каждый о своем. Часы «грейхаунда» показывали без четверти одиннадцать.

Оба хором сказали:

— Слушай, а ты помнишь...

Молодые люди переглянулись, и на сей раз, когда зазвенел смех, мисс Кугэн удостоила взглядом обоих. Даже мистер Лэбри выглянул из-за прилавка.

Они болтали еще четверть часа, а потом Сьюзан неохотно призналась, что должна бежать по делам, но что к семи тридцати успеет собраться, да. Когда они разошлись в разные стороны, оба удивились, как непринужденно, естественно, случайно пересеклись их жизни.

Бен широким шагом направился вниз по Джойнтер-авеню, задержавшись на углу Брок-стрит, чтобы небрежно взглянуть на дом Марстена. Он вспомнил, что в пятьдесят первом году пожар добрался было до двора Марстенов, и тут ветер переменился.

Бен подумал: может быть, дом должен был сгореть. Может, так было бы лучше.

3.

Нолли Гарднер вышел из здания муниципалитета и уселся на ступеньку рядом с Паркинсом Джиллеспи как раз вовремя, чтобы увидеть Сьюзан с Беном, вместе заходящих к Спенсеру. Паркинс курил «Пэлл-Мэлл» и чистил складным ножом пожелтевшие ногти.

— Это тот мужик, писатель? — спросил Нолли.

— Угу.

— А с ним была Сьюзи Нортон?

— Угу.

— Так-так, интересно,— сказал Нолли и подтянул форменный ремень. На груди поблескивала шерифская звезда. За ней Нолли посылал в детективный

магазин — город не обеспечивал своих выборных констеблей значками. У Паркинса значок был, но он носил его в бумажнике — Нолли никак не мог этого понять. Конечно, весь Удел знал, что он констебль, но существовала еще такая штука, как традиции. Такая штука, как ответственность. Если вы — представитель закона, приходится думать и о том, и о другом. Нолли часто думал и о том, и о другом, хотя мог позволить себе облекаться властью лишь на неполный рабочий день.

Нож Паркинса соскользнул и срезал кожу с большого пальца.

— Черт,— негромко сказал Паркинс.

— Думаешь, он всамделишный писатель, а, Парк?

— А то. Чего далеко ходить — у него в тутошней библиотеке три книжки.

— Из жизни или из головы?

— Из головы.— Паркинс отложил нож и вздохнул.

— Флойду Тиббитсу придется не по вкусу, что какой-то тип проводит время с его бабой.

— Они неженаты,— сказал Паркинс.— А ей больше восемнадцати.

— Флойду это не понравится.

— По мне, так Флойд может насрать себе в шляпу и носить ее задом наперед,— сказал Паркинс. Он потушил сигарету о ступеньку, вынул из кармана коробочку из-под леденцов, сунул туда погасший окурок и убрал коробочку обратно в карман.

— Где этот писатель живет?

— В центре, у Евы,— ответил Паркинс. Он внимательно изучал пораненный палец.— Позавчера он ездил наверх, смотреть дом Марстена. И странная же была у парня физиономия.

— Странная? То есть?

— Странная, и все тут.— Паркинс вытащил сигареты. Солнце приятно грело лицо.— А потом он поехал к Ларри Крокетту. Хотел снять этот дом.

— Дом *Марстена*?

— Угу.

— Он что, тронутый?

— Может, и так.— Паркинс согнал с левой штанины муху и проследил, как та с жужжанием унеслась в светлое утро.— Старина Ларри Крокетт последнее время был шибко занят. Я слыхал, он ездил про-

давать Деревенскую Лохань. Коли на то пошло, так загнал он ее не вчера.

— Че-го? Это старое барахло?

— Угу.

— Что ж можно захотеть в ней сделать?

— Не знаю.

— Ну.— Нолли поднялся и опять поправил ремень.— Объеду-ка я город.

— Давай,— сказал Паркинс и опять закурил.

— Хочешь со мной?

— Нет, я, наверное, еще посижу тут.

— Ладно. Пока.

Нолли спустился по ступенькам, недоумевая (не в первый раз), когда же Паркинс решит уйти в отставку, чтобы он, Нолли, смог работать полный день. Как, скажите на милость, можно разнюхать преступление, сидя на ступеньках муниципалитета?

Паркинс с чувством слабого облегчения наблюдал, как Нолли уходит. Нолли был хорошим парнишкой, но уж больно энергичным. Паркинс вытащил складной нож, раскрыл и снова принялся подрезать ногти.

4.

Иерусалимов Удел был зарегистрирован в 1765 году (два века спустя он отметил свое двухсотлетие фейерверком и карнавалом в парке; от случайной искры загорелся костюм Дэбби Форестер «индийская принцесса», а Паркинсу Джиллеспи пришлось бросить в местный вытрезвитель шесть человек за появление в пьяном виде в общественном месте), за целых пять лет до того, как Мэн в результате Миссурийского Компромисса сделался штатом.

Свое странное название городок получил вследствие весьма прозаических событий. Одним из самых первых здешних обитателей был суровый долговязый фермер по имени Чарльз Белнэп Тэннер. Он держал свиней и одного из самых крупных хряков назвал Иерусалимом. Однажды во время кормежки Иерусалим вырвался из загона, скрылся в ближайшем лесу, одичал и озлобился. Не один год спустя Тэннер предостерегал ребятню держаться подальше от его собственности. Он перегибался через ворота и зловещим голосом каркал: «Коли не хочете, чтоб вам кишки выпус-

тили, держитеся подале от Ерусалимова леса, подале от Ерусалимова удела!» Предостережение прижилось, название — тоже. Это мало что доказывает — вот разве только, что в Америке и свинья может стремиться к бессмертию.

Главная улица, первоначально известная как портлендская почтовая дорога, в 1896 году получила название Джойнтер-авеню в честь Элиаса Джойнтера. Джойнтер шесть лет (пока на пятьдесят девятом году жизни его не свел в могилу сифилис) заседал в палате представителей и ближе всего подходил к образу человека, которым Удел мог бы похваляться... если не считать хряка Иерусалима и Перл Энн Баттс, которая в 1907 году сбежала в Нью-Йорк-сити.

Точно посередине Джойнтер-авеню под прямым углом пересекала Брок-стрит, а сам городок был почти круглым (хотя на востоке, там, где границей служила извилистая Королевская река, очертания городского массива немного уплощались). На карте две эти основные дороги придавали городу очень большое сходство с окуляром телескопа.

Северо-западный квадрант представлял собой север Иерусалимова Удела — наиболее лесистую часть города. Он располагался на возвышенности. Правда, высокой она не показалась бы никому, вот разве что какому-нибудь жителю Среднего запада. Источенные старыми трактами лесоразработок старые усталые холмы полого спускались к собственно городу. На последнем холме стоял дом Марстена.

Большая часть северо-восточного квадранта представляла собой сенокосные луга: тимофеевку с люцерной. Там бежала Королевская река — старая река, сточившая берега почти до основания. Пронося свои воды под небольшим деревянным Брокстритским мостом, она плоскими сияющими дугами змеилась к северу, пока не вступала на территорию близ северных границ городка, где под тонким слоем почвы залегал твердый гранит. За миллион лет река пробила дорогу в пятидесятифутовом камне скал. Это место ребятишки прозвали «Пьяницын прыжок», потому что несколько лет назад брат Вирджа Ратбана, жуткий пропойца Томми Ратбан искал место, где бы отлить, оступился и свалился с обрыва. Королевская река питала загрязненный фабриками Эндроскоггин, но сама всегда оставалась чистой — единственным производ-

ством, каким когда-либо мог похвастаться Удел, была давным-давно закрытая лесопилка. В летние месяцы обычное зрелище являли рыбаки, закинувшие удочки с Брокстритского моста. День, когда вам не удавалось вытащить из Королевской реки свой минимум, был редкостью.

Самым красивым был юго-восточный квадрант. Здесь земля снова поднималась, однако после пожара не осталось ни уродливых ожогов, ни разрушенных верхних слоев почвы. Землей по обе стороны Гриффен-роуд владел Чарльз Гриффен, хозяин самой крупной молочной фермы к югу от Микэник-Фоллз, а со Школьного холма можно было видеть огромный гриффенов амбар, чья алюминиевая крыша сверкала на солнце подобно чудовищному гелиографу. В округе были и другие фермы, а еще — немало домов, купленных «белыми воротничками», которые регулярно ездили на работу либо в Портленд, либо в Льюистон. Иногда, осенью, стоя на вершине Школьного холма, вы могли вдохнуть благоухание выжигаемых полей и увидеть игрушечный фургончик добровольной пожарной дружины Салимова Удела: он поджидал, чтобы вмешаться, если что-то пойдет не так. Урок пятьдесят первого года для здешних жителей не прошел даром.

Вагончики появлялись только в юго-западной части города — вагончики со всем, ито им сопутствует, наподобие пригородного пояса астероидов: поднятые на блоки разбитые останки машин, прицепленные к потертым канатам покрышки, поблескивающие на обочинах жестянки из-под пива, изношенное бельишко, развешанное после стирки между первыми попавшимися жердями, сочный запах нечистот из наскоро поставленных отхожих мест. Дома на Повороте приходились близкой родней дровяным сараям, но почти на каждом торчала поблескивающая телевизионная антенна, а внутри почти у всех стояли цветные телевизоры, купленные в кредит у Гранта или Сирса. Во дворах этих лачуг и вагончиков было полно детей, игрушек, пикапов, снегоходов, а еще — мопедов. В некоторых случаях вагончики содержались хорошо, но чаще это, похоже, оказывалось слишком хлопотно. Одуванчики и ведьмина трава разрастались, доходя до щиколоток. Почти сразу за городской чертой, там, где Брок-стрит превращалась в Брок-роуд, находилось кафе «У Делла», по пятницам в нем играли рок-н-

ролл, а по субботам — «комбо». В семьдесят первом году кафе сгорело и было отстроено заново. Почти все ковбои, живущие в южной части городка, наведывались туда со своими девчонками выпить пивка или подраться.

Многие телефоны были спаренными — на два, три или шесть абонентов, так что здешним жителям всегда было о ком поболтать. Во всех небольших городках скандал всегда потихоньку кипит на задней конфорке, как печеные бобы тетушки Синди. За редкими исключениями, скандалы рождались на Повороте, но в общий котел то и дело вносил свою лепту кто-нибудь с чуть более прочным статусом.

Управлялся Удел городским сходом и, хотя с 1965 года шел разговор о том, чтобы сменить такую форму правления на городской совет, который бы раз в два года публично отчитывался по статьям бюджета, ходу эта идея так и не получила. Город рос недостаточно быстро для того, чтобы старый способ сделался активно тягостным и болезненным, хотя тяжеловесная демократия типа «что касается меня» заставляла кое-кого из новоприбывших раздраженно закатывать глаза. Было трое выборных, городской констебль, ответственный за призрение бедных, городской нотариус (чтобы зарегистрировать машину, приходилось ехать к черту на кулички, на Тэггарт-стрим-роуд, и храбро встречать двух злющих псов, свободно разгуливающих по двору) и школьный инспектор. Добровольная пожарная дружина получала чисто символические ассигнования — триста долларов в год — но главным образом служила клубом общения для стариков-пенсионеров. За те месяцы, что горели травы, отставники успевали повидать массу волнующего и остаток года просиживали вокруг Обладателя достоверных сведений, рассказывая друг другу байки. Отдела коммунального хозяйства не было — ведь не было ни общего водоснабжения, ни газопровода, ни канализации, ни электросети. С северо-запада на юго-восток город наискось рассекал строй вышек линии электропередач Центральной Мэнской энергокомпании, прорубая в лесных участках огромную брешь шириной в сто пятьдесят футов. Одна такая вышка стояла рядом с домом Марстена, угрожающе нависая над ним, как страж иной цивилизации.

Все, что Салимов Удел знал о войнах, пожарах и

правительственных кризисах, он черпал в основном из телепередачи «Уолтер Кроникл». Да, парнишку Поттеров убили во Вьетнаме, а сын Клода Боуи вернулся на протезе (наступил на противопехотную мину), но он же устроился работать на почту, помогать Кэнни Дэнлису, так что с *этим* все было нормально. Ребята носили волосы длинней, чем у отцов и не так аккуратно причесывались, но больше никто действительно ничего не замечал. Когда в Объединенной средней школе отказались от формы, Эгги Корлисс написала в камберлендский «Леджер» письмо — но Эгги уже много лет каждую неделю писала в «Леджер», главным образом, насчет пагубности спиртного и чуда принятия Иисуса Христа в сердце свое как лично своего спасителя.

Кое-кто из ребят баловался наркотиками. Сын Хораса Килби, Фрэнк, в августе предстал перед судьей Хукером и был оштрафован на пятьдесят долларов (судья согласился разрешить ему заплатить из прибыли от пирушки в газете), но более серьезную проблему представлял алкоголь.

С тех пор, как возраст продажи спиртного снизился до восемнадцати, в кафе «У Делла» болтались целые толпы подростков. Домой они летели как оглашенные, словно хотели сделать на дороге новое, резиновое покрытие, и то и дело кто-нибудь разбивался насмерть. Например, как Билли Смит, который со скоростью девяносто миль в час врезался в дерево на Дип-Кат-роуд, угробив и себя, и свою подружку, Лаверну Дьюби.

Однако, если не считать этого, знание Уделом провинциальных мучений было академическим. Время текло здесь по иному расписанию.

В таком милом городке не было почвы ни для каких чудовищных мерзостей. Только не здесь.

5.

Энн Нортон гладила, и тут с сумкой продуктов ворвалась дочь, кинула ей под самый нос какую-то книжку, с задней обложки которой смотрел довольно тонколицый молодой человек, и принялась болтать.

— Помедленней,— сказала Энн.— Приглуши телевизор и рассказывай.

Сьюзан заткнула рот Питеру Маршаллу, который тысячами выдавал доллары на «Голливудские квадраты», и рассказала матери про встречу с Беном Мирсом. Миссис Нортон заставила себя выслушать излияния Сьюзан, спокойно и сочувственно кивая, несмотря на желтые предупредительные огни, которые вспыхивали каждый раз, как Сьюзан упоминала нового молодого человека... теперь молодых людей сменили мужчины, полагала миссис Нортон, хотя думать, будто Сьюзан достаточно взрослая для мужчин, было трудно. Но сегодня огни горели чуть ярче обычного.

— Звучит волнующе,— сказала она и положила на гладильную доску очередную мужнину рубашку.

— Он действительно оказался очень милым,— сказала Сьюзан.— Очень естественным.

— Ох, ноги мои, ноги,— сказала миссис Нортон. Она поставила утюг на-попа, отчего тот злобно зашипел, и опустилась в бостонское кресло-качалку возле большого окна. Потянувшись, она вытащила из пачки на кофейном столике «Парламентскую» и закурила.

— Ты уверена, что он в порядке, Сьюзан?

Сьюзан оборонительно улыбнулась.

— Конечно, уверена. Он похож... ну, не знаю... на инструктора из колледжа, что ли.

— Говорят, Сумасшедший Взрывник был похож на садовника,— задумчиво сообщила миссис Нортон.

— Чушь собачья,— бодро сказала Сьюзан. Этот эпитет неизменно раздражал ее мать.

— Дай-ка посмотреть книжку,— мать протянула к ней руку.

Сьюзан подала книгу, внезапно припомнив сцену гомосексуального изнасилования в тюремной камере.

— «Воздушный танец»,— задумчиво протянула Энн Нортон и принялась наобум пролистывать страницы. Сьюзан покорно ждала. У матери было чутье на такие вещи и она, как всегда, учует.

Фрамуги были подняты, ленивый предполуденный ветерок шевелил желтые кухонные занавески — мама настаивала, чтобы кухню называли столовой, как будто Нортоны жили, утопая в шике. Дом был приятным — из твердого кирпича, который было трудновато прогреть зимой, зато летом тут царила прохлада, как в речном гроте. Стоял он на полого поднимавшейся в горку Брок-стрит, и из большого окна, у которого

сидела миссис Нортон, уходящая в город дорога была видна целиком. Вид радовал глаз, а зимой становился даже живописным: длинная сверкающая колея, уходящая в перспективу, нетронутый снег и уменьшенные расстоянием домики, отбрасывающие на снежное поле продолговатые мазки желтого света.

— Кажется, я читала в портлендской газете рецензию на это. Не слишком положительную.

— А мне нравится,— решительно заявила Сьюзан.— И он — тоже.

— Может, он и Флойду понравится,— лениво сказала миссис Нортон.— Ты должна их познакомить.

Сьюзан почувствовала укол самого настоящего гнева и испугалась. Она думала, что они с матерью уже выдержали и последние юношеские бури, и даже остаточные волнения, но вот вам пожалуйста: возобновлялся древний спор — личность Сьюзан против опыта и убеждений матери... сказка про белого бычка.

— Мы уже говорили про Флойда, мам. Ты же знаешь, тут ничего прочного нет.

— В газете писали, в этой книжке еще и какие-то страшные грязные тюремные сцены. Мальчики с мальчиками.

— Ох, мама, ради Бога.— Она угостилась сигаретой из пачки матери.

— Нечего божиться,— невозмутимо сказала миссис Нортон. Она отдала книгу и стряхнула длинный столбик пепла с сигареты в керамическую пепельницу, сделанную в форме рыбы. Пепельницу подарила ей одна из приятельниц по дамскому клубу. Эта штука всегда непонятным образом раздражала Сьюзан — было что-то непристойное в том, чтобы стряхивать пепел в рот окуню.

— Я уберу продукты,— сказала Сьюзан, поднимаясь.

Миссис Нортон спокойно произнесла:

— Я просто хотела сказать, что если вы с Флойдом Тиббитсом собираетесь пожениться...

— Ради Бога, с *чего* ты это взяла? Я что, когда-нибудь говорила об этом?

— Я полагала...

— Ты полагала неправильно,— горячо и не вполне правдиво объявила Сьюзан. Однако уже несколько недель она медленно, градус за градусом, остывала к Флойду.

— Я полагала, что, когда целых полтора года встречаешься с одним и тем же парнем,— тихо и неумолимо продолжала мать,— это означает, что дело зашло дальше стадии хождения под ручку.

— Мы с Флойдом больше, чем друзья,— бесстрастно согласилась Сьюзан. Ну, пусть сделает что-нибудь из *этого*.

Между ними повис невысказанный вслух диалог:

— *Ты спала с Флойдом?*

— *Не твое дело.*

— *Что для тебя значит этот Бен Мирс?*

— *Не твое дело.*

— *Ты собираешься втрескаться в него и сделать какую-нибудь глупость?*

— *Не твое дело.*

— *Я люблю тебя, Сьюзан. Мы с папой оба тебя любим.*

На это ответить было нечего. Нечего. Нечего ответить. Вот почему Нью-Йорк — или любой другой город — превратился в императив. В итоге вы всегда терпели крушение на баррикадах их невысказанной любви, будто ударяясь о стены обитой войлоком камеры. Подлинность этой любви делала невозможным дальнейший полный подтекста спор, создавая нечто, исчезавшее до того, как потерять смысл.

— Ладно,— негромко сказала миссис Нортон. Она воткнула сигарету карпу в губы, и та провалилась дальше, в брюхо.

— Я пошла наверх,— сказала Сьюзан.

— Конечно. Можно мне прочесть эту книгу после тебя?

— Если хочешь.

— Я хотела бы с ним познакомиться,— сказала Энн.

Сьюзан развела руками и пожала плечами.

— Сегодня вечером вернешься поздно?

— Не знаю.

— Что мне сказать Флойду Тиббитсу, если он позвонит?

Гнев вспыхнул снова.

— Что угодно.— Она помедлила.— Ты же все равно...

— Сьюзан!

Та, не оглядываясь, ушла наверх.

Миссис Нортон осталась на месте, незряче уставившись в окно, на город. Над головой послышались

шаги Сьюзан, а потом деревянный стук вытаскиваемого мольберта.

Она встала и снова взялась гладить. Когда она сочла, что Сьюзан с головой погрузилась в работу, то пошла в кладовку к телефону и позвонила Мэйбл Уэртс. Во время разговора Энн невзначай упомянула, что Сьюзи говорит, будто в их окружении объявился известный автор, а Мэйбл фыркнула и сказала: а, это ты про того, который написал «Дочь Конвея»?, на что миссис Нортон ответила: да, а Мэйбл сказала: тоже мне литература, голый секс и ничего больше. Миссис Нортон спросила: он остановился в мотеле или же...

Ну, раз уж речь зашла об этом, так он остановился в центре, в «Комнатах Евы» — единственном городском пансионе. Миссис Нортон пронизало облегчение: Ева Миллер — порядочная женщина, вдова, и никакие шуры-муры не потерпит. Ее правила относительно женщин в пансионе были краткими и по делу. Если это ваша мать или сестра — ладно. Если же нет, можете посидеть на кухне. Правило не обсуждалось.

Пятнадцатью минутами позже, искусно завуалировав свою главную цель пустячной болтовней, миссис Нортон повесила трубку.

Сьюзан, думала она, возвращаясь к гладильной доске, ох, Сьюзан... я просто хочу твоего же блага. Как ты не понимаешь?

6.

Они возвращались из Портленда по шоссе № 295, и было вовсе не поздно — самое начало двенадцатого. За пределами портлендских предместий скорость на автостраде ограничивали до пятидесяти пяти миль в час, а водителем Бен был хорошим. Фары ситроена резали темноту, как масло.

В кино оба провели время хорошо, но осторожничали, как бывает, когда люди нащупывают границы приемлемого друг для друга. Теперь Сьюзан вспомнился вопрос матери, и она сказала:

— Где ты остановился? Снял дом?

— Я заполучил уютное местечко на третьем этаже в «Комнатах Евы», на Рэйлроуд-стрит.

— Но это же ужасно! Там, наверху, должно быть, градусов под сто!

— Мне жара нравится,— сказал он.— В жару мне хорошо работается. Раздеваюсь до пояса, включаю приемник и выпиваю галлон пива. И выдаю по десять страниц свежего черновика в день. К тому же там есть интересные стариканы. А когда, наконец, выйдешь на крыльцо да на ветерок... рай Господень!

— До поры до времени,— с сомнением сказала Сьюзан,

— Я подумываю, не снять ли дом Марстена,— небрежно сообщил Бен.— Зашел так далеко, что даже расспросил об этом. Но его уже продали.

— Дом *Марстена*? — она улыбнулась.— Ты путаешь его с каким-то другим.

— Не-а. Дом, который стоит на первом холме к северо-западу от города. На Брукс-роуд.

— Его продали? Кто, скажи на милость...

— Вот и я удивился. Время от времени меня обвиняют в том, будто у меня винтиков не хватает, но даже я подумывал всего лишь снять его. Парень, который занимается продажей домов, ничего не говорит. Похоже, это глубокая мрачная тайна.

— Может, кто-нибудь, кто не в себе, хочет превратить его в дом для летнего отдыха,— сказала Сьюзан.— Кто бы это ни был, он сумасшедший. Одно дело обновить дом — я сама бы с радостью попробовала... но дом Марстена... об обновлении нет и речи. Он был развалиной уже тогда, когда я была девчонкой. Бен, зачем тебе там жить?

— А ты хоть раз была там внутри? — Нет, но на слабо заглядывала в окно. А ты?

— Да. Один раз.

— Страшно там, да?

Они замолчали, оба думали про дом Марстена. Именно это воспоминание было лишено пастельной ностальгии прочих. Скандал и насилие, связанные с домом, имели место до их рождения, но такое в маленьких городках помнят долго и церемонно передают свои ужасы из поколения в поколение.

История Хьюберта Марстена и его жены Берди больше всего напоминала городскую страшную тайну. Хьюби в двадцатые годы был президентом крупной новоанглийской грузовой транспортной компании — компании, которая, как поговаривали, свой самый прибыльный бизнес делала после полуночи, перевозя в Массачусетс канадское виски.

В 1928 году они с женой зажиточными людьми удалились на покой в Салимов Удел, но немалую часть своего состояния (никто, даже Мэйбл Уэртс, не знал точно, какую) потеряли во время биржевого краха двадцать девятого года.

Десять лет, прошедших с упадка рынка до подъема Гитлера, Марстен с женой прожили в доме отшельниками. Их можно было увидеть только в среду днем, когда они делали в городе покупки. Ларри Мак-Леод, работавший в те годы почтмейстером, рассказывал, что Марстен выписывает четыре ежедневных газеты, «Субботнюю вечернюю почту», «Нью-Йоркер» и дешевый журнал под названием «Удивительные истории», где публиковались сенсационные рассказы. Кроме того, раз в месяц Хьюби получал от транспортной компании, обосновавшейся в Фолл-Ривер, штат Массачусетс, чек. Ларри говорил, что может определить, чек это или нет, перегнув конверт и заглянув в окошко для адреса.

Именно Ларри нашел их летом 1930 года. За пять дней в почтовом ящике накопилось столько газет и журналов, что пихать дальше стало некуда. Все это Ларри пронес по дорожке, намереваясь засунуть между сеткой от комаров и входной дверью.

Стоял август, лето было в разгаре, начинались самые жаркие дни, и трава во дворе у Марстена перед парадным крыльцом — зеленая, буйная — доходила до середины икр. Деревянную решетку на западной стороне дома сплошь покрыла жимолость. Вокруг белых, как воск, благоухающих соцветий лениво жужжали жирные пчелы. В те дни дом, несмотря на высокую траву, все еще выглядел приятно, и все сходились на том, что до того, как повредиться головой, Хьюби выстроил самый красивый в Салимовом Уделе дом.

Пройдя до середины дорожки (согласно истории, которую по прошествии некоторого времени, затаив от ужаса дыхание, рассказывали каждой новой леди, вступившей в дамский клуб), Ларри унюхал что-то нехорошее — вроде бы протухшее мясо. Он постучал в парадную дверь, но ответа не получил. Он заглянул в нее, но в густом сумраке ничего не смог разобрать. Вместо того, чтобы зайти, он обошел дом с тыла. Там пахло еще хуже. Ларри попробовал заднюю дверь, обнаружил, что она незаперта и шагнул в кухню. В уг-

лу, раскинув ноги, босиком распростерлась Берди Марстен. Полголовы у нее снесло выстрелом в упор из тридцать шестого калибра.

(«Мухи,— всегда говорила в этом месте Одри Херси спокойным авторитетным тоном.— Ларри сказал, кухня была полна ими. Они жужжали, садились на... ну понимаете, и опять взлетали. Мухи.»)

Ларри Мак-Леод развернулся и отправился прямиком в город. Он сходил за Норрисом Верни, который тогда был констеблем, и за тремя или четырьмя зеваками из Универмага Кроссена — в те дни им все еще управлял отец Милта. Среди них был старший брат Одри, Джексон. Они вернулись в шевроле Норриса и почтовом фургончике Ларри.

Никто из горожан так и не побывал в доме — сенсация оказалась кратковременной. После того, как возбуждение улеглось, портлендская «Телеграм» напечатала о происшествии художественный очерк. Дом Хьюберта Марстена оказался заваленной отбросами, беспорядочно захламленной помойкой, кишащей воинственными крысами. Узкие проходы вились между желтеющими кипами газет и журналов и кучами плесневеющих, совершенно ненужных книжек, когда-то полученных в подарок. Предшественницей Лоретты Старчер из помойки были извлечены и отправлены в Публичную библиотеку Иерусалимова Удела полные собрания сочинений Диккенса, Скотта и Мэриэтта, которые и по сей день хранились там на стеллажах.

Джексон Херси взял «Субботнюю вечернюю почту», начал пролистывать и вдруг присмотрелся повнимательнее. К каждой странице липкой лентой был аккуратно приклеен доллар.

Как повезло Ларри, Норрис Верни обнаружил, направляясь в обход дома к черному ходу. К креслу оказалось прикручено ремнем орудие убийства — так, что ствол указывал прямехонько на входную дверь на уровне груди. Ружье было на взводе, а от курка по коридору к дверной ручке тянулась веревочка.

(«Вдобавок ружье было заряжено,— говорила в этом месте Одри.— Стоило Ларри Мак-Леоду разок потянуть — и он отправился бы прямиком к райским вратам.»)

Там были и другие ловушки, менее смертоносные. Над кухонной дверью приспособили сорокафунтовую

связку газет. Одну из подступеней ведущей на второй этаж лестницы подпилили, что могло стоить кому-нибудь сломанной лодыжки. Быстро стало ясно, что Хьюби Марстен был мало сказать Тронутым — он был совершенным психом.

Самого Хьюби нашли наверху в спальне, которой оканчивался коридор. Хьюби свисал с потолочной балки.

(Сьюзан с подружками сладко мучили друг друга историями, по мелочам почерпнутыми у старших. У Эйми Роклифф на заднем дворе была игрушечная избушка, и они запирались в ней и сидели в темноте, пугали друг друга домом Марстена еще даже до того, как Гитлер вторгся в Польшу, и повторяли услышанное от старших, украшая его множеством неприятных подробностей, на какие только было способно их воображение. Даже сейчас, восемнадцать лет спустя, Сьюзан обнаружила, что само воспоминание о доме Марстена подействовало на нее как заклинание чародея, вызвав тягостно отчетливые образы: в игрушечном домике Эйми скорчились, держась за руки, маленькие девочки, а сама Эйми внушительно и зловеще говорит: «Лицо у него все распухло, а язык почернел и вывалился изо рта, и по нему ползали мухи. Моя мамочка рассказывала миссис Уэртс.»)

— ...дом.

— Что? Прости,— она вернулась в настоящее, почти физически ощутив рывок. Бен съезжал с автострады на спуск, с которого начинался въезд в Салимов Удел.

— Я сказал, это старый дом с привидениями.

— Как сходишь туда, расскажешь.

Он невесело рассмеялся и резко включил дальний свет. Пустынный двухполосный асфальт убегал вперед, в аллею сосен и елей.

— Все началось с детских шуточек. Может, в этом никогда и не было ничего больше. Помню, происходило это в пятьдесят первом, и детишками тогда приходилось работать головой — ведь до нюханья авиационного клея из бумажных пакетов тогда еще не додумались. Я очень много играл с ребятами с Поворота — теперь почти все они, вероятно, разъехались отсюда... а что, юг Салимова Удела по-прежнему называют Поворотом?

— Да.

— Я шатался с Дэйви Барклэем, Чарльзом Джеймсом — только все ребята звали его Сынок,— Хэролдом Роберсоном, Флойдом Тиббитсом...

— С Флойдом? — ошарашенно спросила Сьюзан.

— Да, а ты его знаешь?

— Я с ним гуляла,— сказала она, испугалась, что голос прозвучал странно, и заторопилась: — Сынок Джеймс тоже еще тут. У него на Джойнтер-авеню бензоколонка. Хэролд Роберсон умер. Лейкемия.

— Все они были старше меня на год — два. У них был клуб. Элитный, знаешь ли. Обращаться только Кровавым Пиратам с тремя рекомендациями.— Бен хотел, чтобы это прозвучало легко, но в словах таилось бремя давней горечи.— Но я был настырным. От жизни я хотел только одного — стать Кровавым Пиратом... по крайней мере, в то лето. Они, наконец, ослабли и сказали, что меня могут принять, если я пройду посвящение, которое выдумал Дэйви. Мы все пойдем на холм к дому Марстена, и мне надо будет зайти внутрь и что-нибудь вынести оттуда. Какой-нибудь трофей.

Он хохотнул, но во рту у него пересохло.

— И что же произошло?

— Я забрался в дом через окно. Хотя прошло уже двенадцать лет, в доме все еще было полно хлама. Газеты, должно быть, забрали во время войны, но прочее осталось. В коридоре возле входной двери стоял стол, а на нем один из снежных шаров — знаешь, о чем я? Там внутри крошечный домик и, когда встряхнешь, идет снег. Я сунул шар в карман, но не ушел. Мне действительно хотелось доказать, какой я. Поэтому я пошел наверх — туда, где он повесился.

— О Господи,— сказала Сьюзан.

— Залезь в бардачок, достань мне сигарету, ладно? Я пытаюсь закончить, но без сигареты нельзя.

Она дала ему сигарету, и Бен чиркнул прикрепленной к приборному щитку зажигалкой.

— В доме воняло. Не поверишь, как воняло. Плесенью и гниющей мебелью... или коврами... и еще был какой-то прогорклый запах, как от испортившегося масла. И запах какой-то живности — крыс, сурков или еще чего-то — которая гнездилась в стенах, а может, устроилась на зимнюю спячку в погребе. Едкий сырой запах.

Я прокрался по лестнице — перепуганный насмерть малыш девяти лет. Вокруг поскрипывал и оседал дом, и слышно было, как по другую сторону шту-

катурки от меня разбегаются какие-то твари. Я все время думал, что за спиной слышу шаги. И боялся обернуться — вдруг я увидел бы Хьюби Марстена, тащившегося следом с совершенно черным лицом и петлей в руке.

Бен очень сильно сжал руль. Легкость из его тона исчезла. *Яркость* воспоминаний немного испугала Сьюзан. В слабом свете приборной доски лицо Бена прорезали вертикальные морщины, как у человека, путешествующего по ненавистной стране, которую не удается полностью забыть.

— Наверху лестницы я собрал всю храбрость и пробежал по коридору к комнате. Моя идея была такова: вбежать туда, схватить там что-нибудь еще и убираться к чертовой матери. Дверь в конце коридора оказалась закрыта. Я видел, как она все приближается и приближается, видел, что петли осели, а нижний край покоится на порожке. Мне видна была серебряная дверная ручка, немного потускневшая в том месте, где за нее брались рукой. Когда я потянул за нее, нижний край двери визгливо заскрежетал по дереву пола, как будто женщина закричала от боли. Думаю, будь я умнее, я сразу бы развернулся и убрался оттуда к черту. Но я был по уши накачан адреналином, Поэтому вцепился в дверь обеими руками и изо всех сил потянул. Дверь распахнулась. А за ней оказался Хьюби — он свисал с балки, свет из окна очерчивал силуэт его тела.

— Ох, Бен, не надо,— нервно сказала Сьюзан.

— Да нет, я правду говорю,— настаивал он.— Правду о том, что увидел девятилетний мальчик и что мужчина, вопреки всему, помнит двадцать четыре года спустя. Там висел Хьюби, и лицо у него было вовсе не черным. Оно было зеленым. Глаза заплыли опухолью. Руки синевато-бледные... отвратительные. А потом он открыл глаза.

Бен глубоко затянулся и выкинул сигарету за окошко, в темноту.

— Я завизжал так, что, наверное, и за две мили было слышно. А потом кинулся наутек. На середине лестницы я упал, слетел вниз, поднялся, выбежал через входную дверь и дунул прямиком по дороге. Ребята ждали меня примерно полумилей дальше. Тут-то я и заметил, что так и держу в руке стеклянный шар. Он до сих пор у меня.

— Ты же на самом деле не думаешь, что видел Хьюберта Марстена, а, Бен? — Далеко впереди Сьюзан увидела мигающий желтый огонь, который обозначил центр города, и обрадовалась.

После долгой паузы он сказал:

— Не знаю.— Он сказал это неохотно, с трудом, словно предпочел бы сказать «н е т» и тем самым закрыть тему.— Вероятно, я так завелся, что все это мне померещилось. С другой стороны, в идее, будто дома поглощают выраженные в их стенах эмоции, будто они хранят что-то вроде... сухого экстракта — в этом есть своя правда. Возможно, подходящая личность... личность мальчика с развитым воображением, например... может сработать как катализатор, и этот сухой экстракт вызовет активное проявление... не знаю, чего. Я говорю не о привидениях как таковых. Я говорю о неком трехмерном психическом телевидении. Может быть, это даже нечто живое. Чудовище, если хочешь.

Она взяла у него одну сигарету и прикурила.

— Ну, все равно. Много недель спустя я все еще спал при включенном свете, а снилось мне, что я до конца жизни открываю и закрываю ту дверь. Стоит мне перенести стресс, и сон возвращается.

— Это ужасно.

— Нет, вовсе нет,— сказал Бен.— Ну, как бы там ни было, не слишком.— Он ткнул большим пальцем в безмолвно спящие дома Джойнтер-авеню, которые они проезжали.— Иногда я недоумеваю: почему самые доски этих домов не кричат от ужасных вещей, которые случаются во сне.— Он помолчал.— Если хочешь, поехали в центр, к Еве, немножко посидим на крыльце. Внутрь пригласить тебя я не могу, но у меня в морозилке парочка бутылок «кока-колы», а в комнате, если есть желание выпить перед сном, немного «Бакарди».

— Я была бы двумя руками «за».

Он свернул на Рэйлроуд-стрит, внезапно выключил фары и заехал на маленькую грязную стоянку, которой пользовались постояльцы меблированных комнат. Выкрашенное в белый цвет заднее крыльцо было обведено красной каймой. Выстроившиеся в ряд три плетеных стула глядели на Королевскую реку. Река казалась ослепительным сном: на дальнем берегу в деревьях запуталась поздняя летняя луна, на три четверти полная; она рисовала на воде серебряную дорожку. Поскольку

город молчал, Сьюзан расслышала слабый шум пенящейся воды, которая стекала в шлюзы дамбы.

— Садись. Я сейчас.

Он вошел в дом, тихонько притворив дверь-ширму, а она уселась в одну из качалок. Несмотря на свою странность, Бен ей нравился. Сьюзан была не из тех, кто верит в любовь с первого взгляда, хотя она действительно не сомневалась, что часто возникает мгновенное вожделение (которое обычно более невинно именуется увлечением). И все-таки Бен не был человеком, который мог бы заурядно вдохновить на полночные писания в хранящемся под замком дневнике — он был слишком худощав для своего роста, немного бледноват. Его лицо было самоуглубленным и книжным, а глаза редко выдавали ход мысли. Все это венчала тяжелая копна черных волос, которая выглядела так, словно ее расчесывали не гребешком, а пальцами.

И эта история...

Ни «Дочь Конвея», ни «Воздушный танец» не намекали на такие болезненные повороты мысли. Первая книга была о дочери министра, которая убегает из дому, присоединяется к контркультуре и пускается в долгое путешествие по стране автостопом, по принципу «нынче здесь, завтра там». Вторая рассказывала историю Фрэнка Баззи, сбежавшего преступника, который в другом штате начинает новую жизнь — автослесарем — и о его окончательном исправлении. Обе книжки были светлыми, энергичными, и тень свисающего Хьюби Марстена, зеркально отраженная в глазах девятилетнего мальчика, похоже, не накрыла ни одну из них.

Сьюзан обнаружила, что, словно от одного лишь предположения, ее взгляд увело влево от реки, за крыльцо, где звезды загораживал последний на подступах к городу холм.

— Вот,— сказал Бен.— Надеюсь, это подойдет...

— Погляди на дом Марстена,— сказала Сьюзан.

Он поглядел. Там горел свет.

7.

Все было выпито, миновала полночь, луна почти исчезла из вида. Они поговорили о чем-то легком, потом Сьюзан сказала, заполнив паузу:

— Ты мне нравишься, Бен. Очень.

— Ты мне тоже. И я удивлен... нет, я не то хотел сказать. Помнишь, как я глупо пошутил в парке? Уж слишком везет.

— Если захочешь меня повидать еще раз, я согласна.

— Да.

— Но не торопись. Помни, я просто девчонка из маленького городка.

Он улыбнулся.

— Очень похоже на Голливуд. Но на хороший Голливуд. Сейчас я должен тебя поцеловать, да?

— Да,— серьезно ответила она.— Думаю, в сценарии дальше именно это.

Бен сидел рядом с девушкой в кресле-качалке и, не прекращая медленного движения вперед-назад, перегнулся через подлокотник и прижался ртом к губам Сьюзан, не делая ни малейшей попытки ни всосать ее язык, ни прикоснуться к ней. Губы Бена оказались твердыми от нажатия ровных зубов, дыхание слабо пахло ромом и табаком. Сьюзан тоже принялась покачиваться, и движение превратило поцелуй в нечто новое. Он то ослабевал, то разгорался, то легкий, то крепкий.

Сьюзан подумала: «Он пробует, какова я на вкус». Мысль пробудила в ней скрытое отчетливое возбуждение, и она прервала поцелуй, не дожидаясь, пока он заведет ее дальше.

— У-у,— сказал Бен.

— Хочешь завтра вечером пообедать у меня дома? — спросила она.— Держу пари, мои будут в восторге от знакомства с тобой.— Момент был таким радостным и безмятежным, что Сьюзан могла кинуть матери этот кусок.

— Готовка домашняя?

— Домашней некуда.

— Буду очень рад. Я, с тех пор как приехал, живу обедами из полуфабрикатов.

— Тогда в шесть? Мы в Стиксвилле едим рано.

— Конечно. Отлично. И, кстати о доме, лучше я тебя провожу. Пошли.

На обратном пути они не разговаривали, пока Сьюзан не увидела огонек, подмаргивающий в ночи с вершины холма — тот, что мать всегда оставляла, если Сьюзан не было дома.

— Интересно, кто это там? — спросила она, глядя в сторону дома Марстена.

— Вероятно, новый хозяин,— уклончиво ответил Бен.

— Этот свет не похож на электрический,— задумчиво проговорила она.— Слишком желтый, слишком слабый. Может, керосиновая лампа?

— Наверное, у них еще не было случая подключить энергию.

— Может быть. Но любой, кто хоть немного способен заглянуть вперед, позвонил бы в Энергокомпанию до того, как въехать.

Он не ответил. Они уже были у подъездной дороги Нортонов.

— Бен,— неожиданно сказал девушка,— твоя новая книга — о доме Марстена?

Он рассмеялся и чмокнул ее в кончик носа.

— Уже поздно.

Она улыбнулась.

— Я не хотела выспрашивать.

— Ничего страшного. Но, может, в другой раз... днем.

— Договорились.

— Лучше беги-ка в дом, девчушка. Завтра в шесть?

Она взглянула на часы.

— Сегодня в шесть.

— Спокойной ночи, Сьюзан.

— Спокойной ночи.

Сьюзан вылезла из машины и легко побежала по дорожке к боковой двери, потом обернулась и, когда Бен стал отъезжать, помахала. Прежде, чем зайти в дом, она прибавила к списку для молочника сметану. Печеная картошка со сметаной придаст ужину легкий шик.

Еще минуту она медлила, глядя вверх, на дом Марстена, а потом зашла внутрь.

8.

В маленькой, похожей на коробку комнатушке Бен разделся, не зажигая света, и голый заполз в постель. Сьюзан оказалась милой девочкой — первой милой девочкой, какую он встретил после гибели Миранды. Бен надеялся, что не пытается превратить ее в

новую Миранду — это было бы мучительно для него и чудовищно несправедливо по отношению к ней.

Он улегся и позволил себе поплыть. Незадолго до того, как навалился сон, Бен приподнялся на локте и посмотрел в окно, на фоне которого квадратной тенью виднелась его пишущая машинка, а рядом с ней — тонкая стопка листков. Он специально попросил Еву Миллер сдать ему именно эту комнату после того, как посмотрел еще несколько, потому что ее окна выходили прямо на дом Марстена.

Там все еще горел свет.

В эту ночь, впервые с тех пор, как Бен приехал в Салимов Удел, ему приснился давний сон — с такой живостью он не возвращался с самой гибели Миранды в аварии.

Бег по коридору; ужасный визг отворяемой двери; висящая фигура, которая неожиданно открыла отвратительные заплывшие глаза; охваченный медленной паникой сновидения, будто увязнув в густой тине, Бен оборачивается к двери...

И обнаруживает, что та заперта.

Глава третья

Удел (I)

1.

Разбудить город — дело нехитрое, заботы ждать не будут. Даже когда краешек солнца еще прячется за горизонтом, а земля окутана тьмой, жизнь уже начинается.

2.

4:00 утра.

Мальчики Гриффена — Хэл, восемнадцати лет, и Джек, четырнадцати, вместе с двумя наемными рабочими начали доение. Отмытый добела и сияющий хлев являл собой чудо чистоты. С обеих сторон тянулись стойла, вдоль них шли дорожки без единого пятнышка, а между дорожками, по центру, шел под уклон цементный желоб-поилка. Хэл щелкнул выклю-

чателем в дальнем конце хлева, отвернул вентиль и пустил воду. Загудел, включаясь в бесперебойную работу, электронасос, который поднимал ее из артезианского колодца (ферма снабжалась из двух таких). Хэл был парнишкой угрюмым, не слишком сообразительным, а в этот день — особенно раздраженным. Вчера вечером они с отцом выясняли отношения. Хэл хотел бросить школу. Он ее ненавидел. Он ненавидел тамошнюю скуку, требование неподвижно высиживать по добрых пятьдесят минут, а еще — все предметы за исключением лесного дела и черчения. Английский доводил до исступления, история была глупостью, счетоводство — непонятным. А самым поганым было то, что и одно, и другое, и третье не имело никакого значения. Коровам плевать, говоришь ли ты «не-а» и путаешь ли времена; им наплевать, кто был главнокомандующим проклятой Потомакской армии во время проклятой Гражданской войны, а что до математики, так собственный папаша Хэла — чтоб ему пусто было — не мог даже под угрозой расстрела сложить пятьдесят и пятьдесят с половиной. Вот почему он держал бухгалтера. А поглядеть на этого парня! Выучился в колледже, а все одно пашет на такого болвана, как старик Хэла. Папаша много раз говорил: не в книжках секрет успешного ведения дел (а молочная ферма — бизнес не хуже любого другого), *разбираться в людях* — вот где собака зарыта. Папаша был мастак поразоряться насчет чудес образования и своих шести классов. Читал старик исключительно «Читательский дайджест», а ферма приносила 16 000 долларов в год. Понимать в людях. Уметь жать им руки и спрашивать, как их жены, называя тех по имени. Ну, в людях Хэл разбирался. Они делились на два сорта: такие, которыми можно помыкать, и такие, которыми нельзя. Первые соотносились с последними, как десять к одному.

К несчастью, папаша и был этим одним.

Хэл оглянулся через плечо на Джека, который медленно таскал вилами из развалённой копны сено в четыре первых стойла. Вот он, книжный червяк, папочкин любимчик! Дерьмо несчастное.

— Давай-давай! — крикнул он.— Давай сено!

Он открыл замки склада, вытащил первый из четырех электродоильников и по катил его по проходу, ожесточенно хмурясь над блестящей верхушкой из нержавейки. В бога-душу-мать *школа*!

Перед ним бесконечной гробницей простирались еще девять месяцев учебы.

3.

4:30 утра.

Плоды вчерашней поздней дойки были обработаны и теперь держали путь обратно в Удел, на сей раз не в гальванизированных стальных флягах для молока, а в картонках с пестрой наклейкой «Слюфут-хиллские молочные продукты». Отец Чарльза Гриффена торговал собственным молоком, но это стало непрактичным. Конгломераты поглотили последних независимых фермеров.

Молочником от Слюфут-Хилл в западной части Удела работал Ирвин Пэринтон. Свой маршрут он начал с Брок-стрит (известной в округе как «Та стиральная доска, креста на ней нет»). Позже он проедет по центру города, а потом выберется оттуда по Брукс-роуд.

Вину в августе сравнялось шестьдесят один, и приближающийся уход на пенсию впервые показался реальным и возможным. Его жена, злобная старая стерва по имени Элси, умерла осенью семьдесят третьего года (единственным знаком внимания, какой она оказала мужу за двадцать семь лет их брака было то, что она умерла раньше него) и когда, наконец, пришло время уходить на покой, Вин собрался прихватить свою собаку, кокера-полукровку по кличке Док, и переехать поближе к Пемакид-Пойнт. Он планировал каждый день спать до девяти и больше ни разу не видеть восхода.

Он подъехал к дому Нортонов и положил в корзинку их заказ: апельсиновый сок, две кварты молока, дюжину яиц. Когда Вин выбирался из кабины, колено прострелила боль, но несильная. Все предвещало отличный день. К обычному списку миссис Нортон округлым палмеровским почерком Сьюзан было прибавлено: «Вин, пожалуйста, оставьте одну маленькую упаковку сметаны. Спасибо.»

Пэринтон вернулся за сметаной, думая, что сегодня — один из тех дней, когда всем хочется чего-нибудь эдакого. Сметана! Он один раз попробовал ее, и его чуть не вырвало.

Небо на востоке начало светлеть, а в полях, отделявших Брок-стрит от города, королевскими бриллиантами засверкала тяжелая роса.

4.

5:15 утра.

Вот уже двадцать минут, как Ева Миллер встала, натянув обтрепанный халат и расшлепанные розовые тапочки. Она готовила себе завтрак — яичница-болтунья из четырех яиц, восемь тонких ломтиков бекона, кастрюлечка домашнего жаркого. Эту скромную трапезу украсили два тоста с вареньем и десять унций апельсинового сока в высоком стакане. За соком последовали две чашки кофе со сливками. Ева была женщиной крупной, но нельзя сказать, чтобы толстой. Она слишком ожесточенно трудилась, поддерживая в доме надлежащий порядок, чтобы когда-нибудь растолстеть. У нее были героические, раблезианские формы. Наблюдать, как она хлопочет возле своей восьмиконфорочной электрической плиты было все равно, что следить за неутомимым прибоем или передвижением песчаных дюн.

Еве нравилось завтракать в таком вот полном одиночестве, планируя работу на весь день. Работы было полно: по средам она меняла постельное белье. Сейчас у нее было девять жильцов, включая и новенького, мистера Мирса.

В доме было три этажа и семнадцать комнат, а еще — полы, которые требовалось мыть, лестницы, которые надо было отскабливать, перила, которые следовало натереть воском и ковер в центральной комнате, который нужно было перевернуть. Она возьмет в помощь Проныру Крейга — если только он не отсыпается после капитальной попойки.

Как раз, когда она садилась к столу, открылась дверь черного хода.

— Привет, Вин. Как дела?

— Сносно: Коленка немножко буянит.

— Сочувствую. Не хочешь оставить лишнюю кварту молока и галлон того лимонада?

— Конечно,— покорно сказал он.— Я знал, что денек выдастся именно такой.

Она углубилась в яичницу, игнорируя замечание.

Вин Пэринтон всегда находил, на что пожаловаться, хотя Господь свидетель: с тех пор, как та кошка, что держала его на крючке, свалилась в погреб и сломала шею, он должен был стать счастливейшим из живущих на земле. В без четверти шесть — дымя «Честерфилдом», Ева как раз приканчивала вторую чашку кофе — в розовые кусты, глухо шмякнув об стену, свалилась «Пресс-Герольд». В третий раз за неделю. Парнишка Килби совершенно спятил. Может, у него из битой головы выскочило, как доставлять газеты? Ладно. Пусть полежит. Сквозь окна на восточной стороне в дом косо падал слабый, золотой-презолотой свет очень раннего утра. Это было лучшее время дня Евы, и она ни за что на свете не потревожила бы этот невозмутимый покой.

Ее жильцы имели право пользоваться плитой и холодильником — вместе с еженедельной сменой белья это входило в плату за жилье,— и очень скоро покою придет конец: спустятся Гровер Веррилл с Мики Сильвестром, чтоб перед уходом на текстильную фабрику «Гэйтс-Фоллз», где оба работали, с хлюпаньем напиться молока со сладостями.

Евины мысли как будто бы вызвали предвестник их появления — в туалете на третьем этаже полилась вода, а на лестнице раздался топот тяжелых рабочих башмаков Сильвестра.

Она тяжело поднялась и пошла выручать газету.

5.

6:05 утра.

В некрепкий утренний сон Сэнди Макдугалл проник тоненький поскуливающий плач ребенка, и, не открывая затуманенных глаз, она поднялась, чтобы взглянуть на малыша. Ободрав голень о ночной столик, Сэнди сказала: «*какашка!*»

Услышав ее голос, ребенок заверещал громче.

— Заткнись! — завопила она.— Уже иду!

Она прошла по узкому коридору вагончика на кухню — стройная девушка, теряющая едва заметную красоту... если Сэнди хоть когда-нибудь ею обладала. Сэнди вынула из холодильника бутылочку Рэнди, подумала, что надо бы ее подогреть, потом подумала — а ну ее к черту. Если тебе так приспичило, можешь выпить и холодное.

Она прошла в детскую и холодно взглянула на ребенка. Ему уже исполнилось десять месяцев, но для своего возраста мальчик был болезненным и плаксивым. Ползать он начал только в прошлом месяце. Может быть, у него полиомиелит или что-то в этом роде. Сейчас на руках малыша — и на стене тоже — что-то было. Она наклонилась, недоумевая, во что это, пресвятая дева, он влез.

Сэнди было семнадцать. В июле они с мужем отметили первую годовщину свадьбы. Когда она выходила за Ройса Макдугалла на седьмом месяце, напоминая новогоднего увальня-снеговика, брак казался точь-в-точь таким благословенным, каким его назвал отец Каллахэн — благословенным выходом из положения. Теперь он казался кучей какашек. Чем, с отвращением поняла Сэнди, Рэнди и перемазал ручонки, стену и волосы.

Она стояла, тупо глядя на него, с холодной бутылочкой в руке.

Вот ради чего она бросила школу, друзей, надежды стать манекенщицей. Ради этого приткнувшегося на Повороте паршивого вагончика, где со стоек лохмотьями сходил пластик, ради мужа, который весь день вкалывал на фабрике, а по вечерам отправлялся пьянствовать или резаться в покер со своими никчемушными дружками с бензоколонки. Ради пацана, который как две капли воды был похож на своего никчемного папочку и пачкал какашками все подряд.

Мальчик вопил из всех сил.

— *А ну, заткнись*! — неожиданно заорала она в ответ и швырнула в него пластиковой бутылочкой. Бутылочка угодила в лоб, и малыш опрокинулся в кроватке на спину, скуля и размахивая ручонками. Прямо под линией волос отпечатался красный кружок, и Сэнди ощутила пугающий укол радости, жалости и ненависти, подкативших к горлу. Она вытащила его из кроватки, как тряпку.

— *Заткнись! Заткнись! Заткнись*! — не сумев остановиться, она два раза сильно ударила Рэнди, и тот так зашелся от боли, что беззвучно захрипел. Он лежал в кроватке, широко разевая рот, лицо полиловело.

— Прости,— пробормотала она.— Иисус-Мария-Иосиф. Прости. Рэнди, ты в порядке? Подожди минутку, мамочка тебя вымоет.

К тому времени, как она вернулась с мокрой тря-

почкой, оба глаза Рэнди распухли, закрылись и поменяли цвет, но бутылочку он взял и, когда мать принялась обмывать ему личико мокрой тряпкой, беззубо улыбнулся.

«Скажу Рою, что он свалился с пеленального столика,» — подумала Сэнди.— «Он поверит. О, Господи, хоть бы поверил.»

6.

6:45 утра.

Почти все «синие воротнички», проживающие в Салимовом Уделе, держали путь на работу. Майк Райерсон был одним из тех немногих, кто работал в самом городке. В ежегодном городском отчете он именовался «землеустроителем», но на самом деле отвечал за содержание трех городских кладбищ. Летом эта работа была почти круглосуточной, но и зимой Майк не гулял руки в брюки, как, похоже, думал кое-кто из местных вроде невыносимого Джорджа Миддлера, который жил в центре у скобяной лавки. Часть времени Майк работал у Карла Формена, уделовского могильщика, а почти все местные старики, похоже, отдавали Богу душу зимой.

Сейчас он направлялся из города на Бернс-роуд в пикапе, нагруженном садовыми ножницами, электрической машинкой для стрижки живой изгороди, коробкой колышков, ломом — на случай, если надгробие упадет и его надо будет поднимать,— десятигаллонной канистрой бензина и двумя газонокосилками фирмы «Бриггс и Стратон».

В это утро ему предстояло подстричь траву на Хармони-Хилл, привести надгробия в надлежащий вид и при необходимости отремонтировать каменную ограду, а нынче в полдень он поедет на другой конец города, на Школьный холм, на тамошнее кладбище, куда время от времени наведывались школьные учителя сделать копии с барельефов, поскольку там хоронила своих покойников вымершая колония трясунов. Но из всех трех кладбищ Хармони-Хилл нравилось Майку больше всего. Оно было не таким старым, как погост на Школьном холме, зато приятным и тенистым. Майк надеялся когда-нибудь — лет этак через сто — и сам там лечь.

Майку было двадцать семь. Его пестрая карьера включала даже три года в колледже. Он надеялся в один прекрасный день вернуться и доучиться до конца. Открытое приятное лицо Майка было красиво, поэтому для него не составляло труда подцепить субботним вечером «У Делла» или в Портленде одинокую женщину. Некоторых отпугивала его работа, и Майк честно считал это непонятным. Приятная работа, без начальника, который бы все время стоял над душой, трудился Райерсон на воздухе под Божьим небом — так что с того, если он выроет пару-тройку могил или при случае поведет катафалк Карла Формена? Кому-то надо этим заниматься. По соображениям Майка, единственной вещью, более естественной, чем смерть, был секс.

Напевая себе под нос, он свернул на Бернс-роуд и, поднимаясь на холм, переключил передачу на вторую. Позади машины пенилась сухая пыль. Сквозь вялую летнюю зелень по обе стороны дороги виднелись голые стволы деревьев, сгоревших в пожаре пятьдесят первого года — они напоминали скелеты, разрушающиеся старые кости. Майк знал, что среди этих деревьев полно поваленных стволов, где, если не поостеречься, можно сломать ногу, как в капкане. Даже по прошествии четверти века шрам от великого пожара никуда не делся. Вот то-то и оно. В разгар жизни попадаешь в смерть.

Кладбище располагалось на вершине холма. Майк свернул на подъездную дорогу, готовый выскочить и отпереть ворота... а потом надавил на тормоз и остановил содрогнувшийся грузовик.

С кованых железных ворот вниз головой свисал труп собаки, а земля под ними превратилась от крови в месиво.

Майк вылез из грузовика и поспешил к воротам. Он вынул из задних карманов рабочие перчатки и одной рукой приподнял голову пса. Та поднялась с ужасной бескостной легкостью, и Майк уставился прямо в пустые стеклянные глаза Дока, кокера-полукровки Вина Пэринтона. Собаку подвесили к одному из высоких остриев ворот, как кусок говядины к мясницкому крюку. По трупу уже неспешно ползали медлительные от прохлады раннего утра мухи.

Майк дергал изо всех сил, тянул, и, наконец, стащил пса с ворот, чувствуя тошноту от сырых звуков,

сопровождавших эти усилия. Кладбищенский вандализм был для него старой песенкой, особенно в канун Дня всех святых, но до того оставалось еще полтора месяца, да и ничего подобного Майк еще не видел. Обычно довольствовались тем, что опрокидывали несколько надгробий, выцарапывали несколько непристойностей и вывешивали на ворота бумажный скелет. Но это убийство не было делом рук ребятишек — или же они настоящие ублюдки. Сердце Вина будет разбито.

Он обдумал, не забрать ли собаку в город прямо сейчас, чтобы показать Паркинсу Джиллеспи, но решил, что это ничего не даст. Старину Дока, беднягу, можно забрать в город, когда Майк поедет обедать... не сказать, чтоб у него сегодня был хороший аппетит.

Он отпер ворота и взглянул на свои перчатки, вымазанные кровью. Железные прутья ворот придется отскабливать, и, похоже, сегодня днем до Школьного холма ему не добраться. Он заехал за ограду и поставил машину, но больше не напевал. Изюминка дня исчезла.

7.

8:00 утра.

Грохочущие желтые школьные автобусы отправились по назначенным маршрутам, собирая детей, которые вышли к своим почтовым ящикам и резвились там или стояли, держа свертки с ленчем. За рулем одного из этих автобусов сидел Чарли Роудс, его маршрут охватывал Тэггарт-Стрим-роуд в восточном Уделе и верхнюю половину Джойнтер-авеню.

Дети, ездившие в автобусе Чарли, вели себя лучше всех в городе — если уж на то пошло, то лучше всех в учебном округе. В автобусе номер шесть не бывало ни воплей, ни грубых шуток, ни дерганья за косички. Они, черт их возьми, сидели тихо и помнили, как надо себя вести — а не то имелась возможность прошагать две мили до начальной школы на Стэнли-стрит пешком да еще объясняться в учительской, почему так вышло.

Чарли знал, *что* они про него думают и очень хорошо представлял себе, *как* называют его за глаза. Ну да ничего. Он не собирался позволить всем, кому не лень, валять дурака и пакостить в его автобусе. Пусть приберегут это для своих бесхребетных учителишек.

У директора со Стэнли-стрит хватило смелости спросить Чарли, «по наитию» ли он действовал, когда три дня подряд ссаживал мальчишку Дорхэма только за то, что тот разговаривал чуть громче, чем надо. Чарли уставился на него, и мало-помалу директор (мокроухая маленькая пискля, всего четыре года как из колледжа) отвел глаза. Начальник автопарка С.А.Д., старый приятель Дейв Фельсен — они вместе прошли весь путь до Кореи — он-то понимал. Им обоим было ясно, что творится в стране и как пацан, который «просто разговаривал чуть громче, чем надо» в школьном автобусе в пятьдесят восьмом году оказывался в шестьдесят восьмом парнем, который при всех ссал на флаг.

Чарли взглянул в широкое зеркальце над головой и увидел, как Мэри Кэйт Григсон передала записку своему маленькому дружку, Бренту Тенни. Маленькому дружку, ага, так точно. Нынче они уже к шестому классу трахаются почем зря. Он притормозил, включив мигалки «стоп». Мэри Кэйт с Брентом испуганно подняли глаза.

— Есть о чем поговорить, да? — спросил Чарли у зеркальца.— Добро. Лучше вам двигать.

Он открыл складную дверь и подождал, чтобы они сошли с его автобуса к чертовой матери.

8.

9:00 утра.

Проныра Крейг выкатился из постели — в буквальном смысле. Льющийся в окошко третьего этажа солнечный свет слепил глаза. В голове тошнотворно бухало. Парень сверху, писатель, уже затюкал. Иисусе, надо быть дурней мартовского зайца, чтобы день деньской так стучать — тап-тап-тап.

Он поднялся и в одних подштанниках пошел к календарю, взглянуть, не безработный ли он сегодня. Нет. Нынче была среда.

Похмелье было не таким тяжким, как случалось. Он просидел у Делла до часу — до закрытия — но при себе имел только два доллара и, когда они улетучились, не сумел много выпить на чужой счет. Теряю контакт, подумал он и поскреб рукой щеку.

Проныра натянул теплую нижнюю фуфайку, кото-

рую носил и зимой, и летом, зеленые рабочие штаны, а потом открыл шкаф и вытащил свой завтрак — бутылку теплого пива (выпить тут, наверху) и пачку благотворительных овсяных хлопьев (съесть внизу). Он ненавидел овсянку, но пообещал вдове, что поможет перевернуть этот ее ковер — а она, наверное, уже напридумывала и других дел.

Ему, в общем-то, было наплевать, но так повелось с тех времен, когда он делил с Евой Миллер постель. Ее муж погиб от несчастного случая на лесопилке в пятьдесят девятом, и до некоторой степени это было забавно, если можно назвать забавным такое ужасное происшествие. В те дни на лесопилке работало не то шестьдесят, не то семьдесят человек, а Ральф Миллер стоял в очереди к директорскому креслу.

Происшедшее с ним было до некоторой степени забавным, поскольку с пятьдесят второго года Ральф Миллер и пальцем не притрагивался к машинам — целых семь лет, с тех пор, как из десятников шагнул прямо в высший эшелон. Такова была благодарность администрации. Проныра полагал, что Ральф ее заслужил. Когда большой пожар выплеснулся из «Болот» и, гонимый неумолимым восточным ветром, перепрыгнул на Джойнтер-авеню, казалось, что лесопилка неминуемо загорится. Пожарные команды из шести соседних городков итак разрывались на части, пытаясь спасти город, где уж там было расходовать людей на такую плевую операцию, как лесопилка в Салимовом Уделе. Ральф Миллер организовал полную вторую смену борющемуся с огнем подразделению. Под его руководством увлажнили крышу и к западу от Джойнтер-авеню сделали то, что оказалась не в состоянии сделать целая объединенная пожарная команда — соорудили противопожарную баррикаду, которая остановила огонь и повернула его на юг, где пламя полностью укротили.

Через семь лет Ральф свалился в дробилку, беседуя с какими-то заезжими шишками из одной массачусетской компании. Ральф показывал им предприятие, надеясь убедить купить его. Сукин сын поскользнулся в луже и ухнул в дробилку прямо на глазах у гостей. Нечего и говорить, что всякая возможность сделки пошла коту под хвост вместе с Ральфом Миллером. Лесопилку, которую он спас в пятьдесят первом, в феврале шестидесятого закрыли от греха подальше.

Проныра взглянул в заляпанное водой зеркало и расчесал седые волосы, косматые, красивые и в шестьдесят семь все еще завлекательные. Похоже, волосы — единственное, что в Проныре буйно произросло на алкоголе. Потом он натянул рабочую рубаху защитного цвета, взял пачку овсяных хлопьев и пошел вниз.

Вот, пожалуйста — спустя без малого шестнадцать лет после всего он тут нанялся в проклятые домработницы к бабе, с которой когда-то спал... к бабе, которую все еще считал чертовски привлекательной.

Стоило ему переступить порог солнечной кухни, вдова кинулась на него, как стервятник.

— Слушай, тебе не хочется после завтрака натереть для меня воском перила на парадной лестнице, Проныра? Есть у тебя время? — Оба сохраняли деликатную видимость того, что он делает это в одолжение, а не в оплату за свою комнату наверху (четырнадцать долларов в неделю).

— Конечно, Ева.

— А ковер в гостиной...

— ...надо перевернуть. Помню, помню.

— Как нынче утром твоя голова? — Она задала вопрос деловито, не позволяя проникнуть в тон и крупице жалости... но Проныра ощутил глубоко спрятанное сочувствие.

— Голова отлично,— обиженно отозвался он, ставя кипятиться воду для овсянки.

— Ты поздно пришел, вот я и спросила.

— Добыла на меня компромат, а? — Он весело вздернул бровь и с радостью увидел, что Ева все еще способна краснеть, как школьница, даже если они и бросили все забавы почти девять лет назад.

— Ну, Эд...

Только она одна по-прежнему звала его Эдом. Для всех остальных в Уделе он был просто Пронырой. Да пусть их. Пусть зовут его, как им нравится. Вот же налепили ярлычок, грубияны!

— Ничего,— грубовато отозвался он.— Я не с той ноги встал.

— Судя по звуку, не встал, а выпал из кровати,— она проговорила это быстрее, чем собиралась, но Проныра только хрюкнул. Он приготовил свою ненавистную овсянку и съел ее, потом, не оглядываясь, взял жестянку мебельной мастики и тряпку.

Наверху не смолкало «тап-тап-тап» машинки это-

го парня. Винни Апшо, снимавший комнату наверху через коридор от него, сказал, что тот берется за дело каждое утро в девять, работает до полудня, снова начинает в три, тарахтит до шести, *опять* берется за долбежку в девять и валяет ровно до двенадцати. Проныра не мог себе представить, что у человека в голове помещается столько много слов.

Тем не менее парень казался приятным. Однажды вечером может сгодиться на то, чтобы пропустить «У Делла» несколько стаканчиков пива. Проныра слыхал, что почти все писатели пьют, как сапожники.

Он принялся методично натирать перила и снова погрузился в мысли о вдове. На деньги от мужниной страховки она превратила этот дом в пансион, и дела шли хорошо. Почему бы и нет? Она работала, как ломовая лошадь. Но, должно быть, привыкла регулярно получать от муженька свое и, когда горе растаяло, потребность эта осталась. Черт, и любила же она это дело!

В те дни шестьдесят первого и шестьдесят второго люди еще звали его не Пронырой, а Эдом, и тогда еще он держал бутылку, а не наоборот. У него была хорошая работа в «Би и Эм» — вот однажды январской ночью шестьдесят второго все и произошло.

Он прервал размеренные движения и задумчиво поглядел в крохотное круглое окошко на площадке второго этажа. Окошко заполнял последний, яркий, идиотски золотистый летний свет — свет, смеющийся над холодной шелестящей осенью и над еще более холодной зимой, что придет следом.

В ту ночь виноваты были оба, а когда грех уже случился, и они лежали рядом в спальне Евы, она расплакалась и сказала, что они поступили неправильно. Проныра ответил: правильно, не зная, так ли это и не заботясь на этот счет. Сильный северный ветер выл, кашлял и визжал под стрехами, в комнате же было тепло и безопасно, и они в конце концов заснули бок о бок, как серебряные ложечки в посудном ящике.

Ах, Господь с младенцем Иисусом, время — что река, и Проныра задумался, знает ли писатель про *это*.

Он снова принялся длинными, размашистыми, скользящими движениями натирать перила.

9.

10:00 утра.

В начальной школе на Стэнли-стрит — в самом новом и великолепном здании Удела — пришло время большой перемены. Учебный округ все еще платил за низкое, остекленное здание с четырьмя классными комнатами. Оно было настолько же новым, светлым и современным, насколько начальная школа на Брок-стрит — старой и темной.

Ричи Боддин, школьный хулиган и забияка, гордившийся этим, важно вышел на детскую площадку, отыскивая глазами шустрого новичка, который всегда знал ответы на все вопросы по математике. Ни один новичок не являлся запросто в *его* школу без того, чтобы узнать, кто тут хозяин. Особенно такой вот четырехглазый педрила, учительский любимчик.

В свои одиннадцать лет Ричи весил сто сорок фунтов. Всю жизнь мать приставала к людям: поглядите, какой *громадный* у меня сынуля! Так он узнал, что большой. Иногда он внушал себе, что чувствует, как от его шагов дрожит земля под ногами. А когда Ричи вырастет, то будет курить «Кэмел», прямо как папаша.

Четвертый и пятый классы боялись его как огня, а ребятишки поменьше взирали на Ричи как на школьный тотем. Когда он перейдет в седьмой класс школы на Брок-стрит, их пантеон опустеет, лишившись своего демона. Все это безгранично радовало Ричи.

А тут еще этот парень, Питри, дожидался, чтобы его взяли поиграть на большой перемене в футбол.

— Эй! — громко крикнул Ричи.

Оглянулись все, кроме Питри. Глаза у всех без исключения стеклянно заблестели. Когда стало понятно, что Ричи остановил взгляд на ком-то другом, в них появилось облегчение.

— Эй, ты! Четырехглазый!

Марк Питри обернулся и посмотрел на Ричи. Очки в стальной оправе сверкнули в утреннем солнце. В росте он не уступал Боддину, то есть возвышался почти над всеми однокашниками, но был стройнее, а лицо выглядело беззащитным и книжным.

— Ты мне говоришь?

— «Ты мне говоришь?» — передразнил Ричи высоким фальцетом.— Что-то голос у тебя, как у педика, четырехглазый. Знаешь ты это?

— Нет, я этого не знал.— сказал Марк.

Ричи сделал шаг вперед.

— Провалиться мне, если ты не сосешь, понял, четырехглазый? Чтоб я сдох, ты сосешь хрен волосатый!

— Да-а? — вежливый тон Марка приводил в ярость.

— Ага, я слыхал, ты в самом деле сосешь. Тебе одних четвергов мало. Невтерпеж. Каждый день — твой.

Вокруг начали собираться ребята, чтобы посмотреть, как Ричи сделает из новенького лепешку. Мисс Хилком, которая на этой неделе надзирала за детской площадкой, вышла на школьный двор присмотреть за малышами на качелях.

— А тебе что? — спросил Марк Питри. Он смотрел на Ричи так, словно обнаружил нового интересного жука.

— «А тебе что?» — фальцетом передразнил Ричи.— Ничего, просто я слыхал, будто ты жирный педик, вот и все.

— Правда? — все еще вежливо спросил Марк.— А я слышал, что ты — здоровенный неуклюжий кусок говна. Вот что я слышал.

Полнейшая тишина. Остальные мальчишки разинули рты (но заинтересованно, никто из них еще не видел, чтобы человек сам подписывал себе смертный приговор). Полностью застигнутый врасплох Ричи разинул рот вместе с прочими.

Марк снял очки и подал стоявшему рядом мальчишке:

— Подержишь, ладно?

Мальчишка взял их и молча вылупил на Марка глаза.

Ричи пошел в наступление. Он нападал медленно, неуклюже, без тени тонкости или изящества. Земля у него под ногами дрожала. Ричи переполняла самоуверенность, а еще — отчетливое радостное побуждение топтать и ломать. Он сильно ударил правой. Кулак должен был попасть четырехглазому педриле прямо в зубы, так, чтобы те разлетелись, как клавиши пианино. Готовься идти к зубодеру, педик. Вот я иду.

Марк Питри мигом нырнул, отступая в сторону. Удар прошел у него над головой и своей силой наполовину развернул самого Ричи. Марку потребовалось только подставить ножку. Ричи Боддин с глухим стуком свалился на землю.

Он зарычал. В толпе зрителей раздалось дружное «Аааааааххх!»

Марк превосходно понимал, что, если лежащий на земле неуклюжий верзила восстановит свое преимущество, то всыплет ему по первое число. Марк был очень подвижным, но в драке на школьном дворе на подвижности долго не продержишься. Если бы это происходило на улице, как раз подошло бы время делать ноги: обогнать более медлительного преследователя, а потом обернуться и показать ему нос. Но двор — не улица, и Марк отлично понимал, что, если сейчас быстро и решительно не накинется на этого здоровенного уродливого засранца, его самого будут изводить вечно.

Эти мысли пронеслись у него в голове за долю секунды.

Он прыгнул Ричи Боддину на спину.

Ричи замычал. Толпа снова выдохнула «ааааааххх!» Марк вцепился Ричи в руку, побеспокоившись, чтобы ухватить его выше манжета рубашки — иначе потная рука выскользнула бы из захвата — и завернул ее Ричи за спину. Ричи завизжал от боли.

— Говори: сдаюсь,— велел Марк.

Ответом Ричи остался бы доволен и моряк с двадцатилетним стажем.

Марк дернул руку Ричи вверх, к лопаткам, и Ричи снова взвизгнул. Его переполняли негодование, страх и недоумение. Такого с ним еще не бывало. Такого не могло быть и сейчас. Конечно же, не мог никакой четырехглазый педик сидеть у Ричи на спине и выворачивать ему руку, заставляя вопить на глазах у вассалов.

— Скажи «сдаюсь»,— повторил Марк.

Ричи тяжело поднялся на колени. Марк своими коленками стиснул бока Ричи, как человек, скачущий на лошади без седла, и удержался. Оба извалялись в пыли, но одежке Ричи досталось куда сильнее. Лицо стало красным и напряженным, глаза вылезали из орбит, щека была расцарапана. Он попытался скинуть Марка через голову, но Марк снова поддернул его руку кверху. На этот раз Ричи не вскрикнул. Он заскулил.

— Скажи «сдаюсь» или, помоги мне Господь, я ее сломаю.

Рубашка Ричи выбилась из штанов. Живот казался горячим и ободранным. Он начал всхлипывать и поводить плечами из стороны в сторону, но ненавист-

ный четырехглазый педик держался крепко. Кисть его руки была ледяной, а плечо горело огнем.

— Сваливай с меня, проститутский сынок! Ты дрался нечестно!

Взрыв боли.

— Скажи «сдаюсь».

— Нет!

Потеряв равновесие, Ричи упал лицом вниз, в пыль. Боль в руке парализовывала. Он ел землю. Земля набилась в глаза. Он беспомощно дрыгал ногами. Он позабыл, что он *громадный*. Он забыл, как дрожит под ногами земля, когда он идет. Он забыл, что, когда вырастет, собирается курить «Кэмел», как отец.

— Сдаюсь! Сдаюсь! Сдаюсь! — пронзительно закричал Ричи. Он чувствовал, что готов кричать «сдаюсь» часами, днями, если только это вернет ему руку.

— Скажи: я — здоровый злющий кусок говна.

— Я — здоровый злющий кусок говна! — провизжал Ричи в грязь.

— Неплохо. Сойдет.

Марк Питри слез с Ричи и, пока тот поднимался, осторожно отступил за пределы его досягаемости. Бедра Марка ныли — так он их стискивал. Он надеялся, что Ричи утратил весь свой боевой задор. Если нет, из него сделают взбитые сливки. Ричи поднялся. Он огляделся. Все отводили глаза. Они развернулись и пошли заниматься своими делами. Вонючий пацан по фамилии Глик стоял рядом с педиком и смотрел на него так, словно тот был кем-то вроде Господа.

Ричи стоял один-одинешенек, едва в состоянии поверить, как быстро пришло его крушение. Слезы стыда и ярости промыли на запыленном лице чистые дорожки. Он прикинул, не броситься ли на Марка Питри. Но стыд и страх — прежде неизведанные, сияющие, *огромные* — не позволяли. Пока не позволяли. Рука ныла, как гнилой зуб. Грязный проститутский драчун. Если я хоть раз доберусь до тебя и собью с ног... Но не сегодня. Он развернулся и пошел прочь, и земля ни капельки не задрожала. Он смотрел себе под ноги, чтобы не пришлось смотреть в лицо ребятам. На половине девочек кто-то рассмеялся — высокий, издевательский звук с жестокой отчетливостью разнесся в утреннем воздухе. Ричи не поднял глаз, чтобы увидеть, кто над ним смеется.

10.

11:15 утра.

Городская свалка Иерусалимова Удела была когда-то обычным карьером, откуда таскали гравий, пока в 1945 году не наткнулись на глину и не откупили его. Свалка находилась в конце горной жилы, которая уводила от Бернс-роуд на две мили за кладбище Хармони-Хилл.

На дороге внизу Дад Роджерс слышал слабое тарахтение и чиханье газонокосилки Майка Райерсона. Но скоро этот звук должно было заглушить потрескивание пламени.

Дад работал сторожем на городской свалке с пятьдесят шестого. Его ежегодное переизбрание городским сходом превратилось в рутину и принималось без голосования при единодушном шумном одобрении. Он жил на свалке в аккуратной толевой пристройке с односкатной крышей, а табличка на косо навешенной двери гласила: «Сторож свалки». Три года назад он ухитрился выманить у скупердяев из выборного совета обогреватель и навсегда покинул свою городскую квартиру.

Дад был горбуном с забавно вздернутой головой, отчего казалось, что перед тем, как позволить Даду явиться на свет, Господь последним раздраженным шлепком свернул ее на сторону; свисавшие до колен, как у обезьяны, руки были на удивление сильными. Когда в скобяной лавке обновляли стены, то, чтобы загрузить старые полы в панелевоз понадобилось четверо мужиков. Под тяжестью досок грузовик заметно осел. Но Дад Роджерс единолично снял их оттуда — на шее проступили жилы, на лбу и руках синими кабелями вздулись вены. Он сам перевалил полы через борт.

Даду свалка *нравилась*. Ему нравилось обращать в бегство ребятишек, которые приходили туда поохотиться за бутылками, а еще нравилось направлять машины к тому месту, где в этот день сваливали мусор. Ему нравилось рыться в хламе — это была его привилегия сторожа. Он не сомневался, что, когда он вышагивает по горам мусора в болотных сапогах, с пистолетом в кобуре, мешком за плечами и складным ножом в руке, над ним насмехаются. Пускай насмехаются. Тут попадалась медная проволока, а иногда целые моторы с нетронутой медной обмоткой, за медь

же в Портленде платили хорошо. Бывали разломанные письменные столы, стулья и диваны — вещи, которые можно было подправить и продать на дороге № 1 охотникам до антиквариата. Дад обманывал торговцев, а те, извернувшись, обманывали дачников — но разве не это вращает мир? Два года назад он нашел кровать с шишечками и покореженной рамой и продал за две сотни зеленых гомику из Уэллса. Гомик впал в экстаз из-за подлинного новоанглийского происхождения этой кровати, понятия не имея, как старательно Дад затер песком на изножье «Сделано в Грэнд-Рэпидс».

В дальнем конце свалки помещались негодные машины — бьюики, форды, что угодно — называйте, не промахнетесь. Господи Боже, что за детали люди оставляют в своих машинах, когда тем выходит срок! Лучше всего были радиаторы, но хороший четырехгнездный аккумулятор после того, как замочишь его в бензине, стоил семь долларов. Не говоря уж о ремнях безопасности, фарах заднего света, колпачках трамблера, ветровых стеклах, рулях и ковриках под ноги!

Да, свалка была прекрасна! Свалка была Диснейлендом и Шангри-Ла, слитыми воедино. Но лучше всего были даже не деньги, припрятанные в черную коробку, которую Дад закопал в землю под своим мягким креслом.

Лучше всего были костры... и крысы.

По воскресеньям и средам с утра и вечером в понедельник и пятницу Дад выжигал участки свалки. Вечерние костры были красивей всего. Ему нравилось тусклое свечение, которое расцветало на всех газетах и коробках и выбивалось из зеленых пластиковых мешков с мусором. Но утренние костры нравились ему больше — из-за крыс.

Сейчас, сидя в мягком кресле и наблюдая, как от разгорающегося пламени в небо повалил жирный черный дым, заставивший чаек подняться повыше, Дад некрепко сжимал свой пистолет 22 калибра и ждал, когда же выйдут крысы. Если они появлялись — они появлялись целыми батальонами. Большие, грязные, серые, с розовыми глазами. По их шкурам прыгали маленькие блохи и клещи. Хвосты волочились сзади, как толстая розовая проволока. Дад обожал стрелять крыс.

— Да ты гильзы мешками закупаешь, Дад,— говорил внизу, в скобяной лавке своим звучным голосом

Джордж Миддлер, подталкивая к Даду через прилавок коробки «ремингтонов».— За счет города, что ль?

Шутка была старая. Несколько лет назад Дад предъявил ордер на покупку двух тысяч патронов двадцать второго калибра с полыми наконечниками, и Билл Нортон угрюмо послал его куда подальше.

— Ну,— отвечал Дад,— ты ж знаешь, это дело — чистой воды служба обществу, Джордж.

Вот. Вон та здоровая, жирная, хромающая на заднюю лапу будет Джордж Миддлер. В пасти она держала что-то, с виду напоминавшее разодранную цыплячью печенку.

— Иди сюда, Джордж. Вот так,— сказал Дад и нажал курок. Его 22-й отозвался равнодушно, недраматично, но крыса два раза перекувырнулась и лежала, подергиваясь. Полые наконечники — вот в чем фокус. Дад собирался в один прекрасный день обзавестись крупнокалиберным оружием — 45-м калибром или «магнумом» и поглядеть, что будет твориться с маленькими мерзавцами.

Теперь следующую. Эта будет той маленькой шлюшкой Рути Крокетт — той, что ходит в школу без лифчика и всякий раз, как Дад проходит мимо, сдавленно хихикает, толкая приятельниц локтем в бок. Бэнг. До свиданья, Рути.

Крысы как сумасшедшие прыснули в дальний конец свалки, ища защиты, но раньше, чем они исчезли, Дад уложил шесть тварей — хорошая утренняя охота. Если он вылезет из кресла и пойдет посмотреть на них, окажется, что клещи бегут с остывающих трупиков как... как... ну, как крысы с тонущего корабля. Это вдруг показалось Даду восхитительно забавным. Запрокинув странно вздернутую голову, он откинулся на горб и разразился долгим, громким, спазматическим смехом, а огонь тем временем прокрадывался сквозь мусор цепкими хваткими оранжевыми пальцами. Жизнь, несомненно, была прекрасна.

11.

12:00.

Возвестив время ленча во всех трех школах и приветствуя полдень, отзвучал свои двадцать секунд громкий городской гудок. Лоренс Крокетт, второй вы-

борный в Уделе, владелец «Южно-мэнского страхового общества и торговли недвижимостью Крокетта» отложил книгу, которую читал («Сексуальные рабы Сатаны») и поставил по гудку часы. Он подошел к двери и повесил на шторку табличку «Вернусь в час дня». Заведенный им порядок вещей не менялся. Он отправится в кафе «Экселлент», съест пару чизбургеров с гарниром, выпьет чашку кофе и, покуривая «Уильям Пенн», поглазеет на ноги Полины.

Он тряхнул дверную ручку, чтобы убедиться, защелкнулся ли замок, и ушел по Джойнтер-авеню к центру. На углу он остановился и посмотрел наверх, на дом Марстена. Там на подъездной дороге стояла машина — он так и видел ее, сверкающую и блестящую. От этого где-то в груди зашевелился тоненький червячок беспокойства. Около года назад он продал дом Марстена вместе с Деревенской Лоханью в комплексной сделке. Это была самая загадочная сделка в его жизни, а в свое время ему приходилось заключать сделки довольно странные. Владелец стоявшей там наверху машины, по всей вероятности, звался Стрейкером. Р.Т.Стрейкер. Как раз нынче утром Крокетт получил от этого Стрейкера кое-что по почте.

Чуть больше года назад, мерцающим июльским полднем, упомянутый субъект подъехал к конторе Крокетта. Он вылез из машины и, прежде, чем зайти внутрь, секунду постоял на тротуаре — высокий мужчина, одетый, несмотря на дневную жару, в деловой костюм-тройку. Он был лыс, как биллиардный шар и так же не потел. Под прямой черной чертой бровей в темных углублениях, которые в угловатой поверхности лица мог бы прорыть бур, прятались глазницы. Мужчина нес тонкий черный дипломат. Когда Стрейкер вошел, Ларри был в конторе один: трудившаяся у него часть дня секретарша — фолмутская девчонка с самым восхитительным бюстом и попкой, к каким вам только удавалось приклеиться взглядом — после обеда работала у юриста с «Гэйтс Фоллз».

Лысый мужчина уселся на стул для клиентов, положил дипломат на колени и вперил глаза в Ларри Крокетта. Выражение этих глаз прочесть было невозможно, и это встревожило Ларри. Ему нравилось прочитывать желания клиента в его младенчески голубых или карих еще до того, как человек раскроет рот. Этот мужчина не задержался, чтобы разглядеть фотоснимки

местной недвижимости, прикрепленные к информационному стенду, не сделал попытки пожать Ларри руку, не представился, не сказал даже «Привет!».

— Чем могу служить? — спросил Ларри.

— Меня прислали купить в вашем столь прелестном городке дом под жилье и учреждение под бизнес,— сказал лысый. Говорил он настолько бесстрастно и невыразительно, что Ларри подумал о записанных на магнитофон объявлениях, которые слышишь, набрав номер бюро погоды.

— Ну... э-э... замечательно,— сказал Ларри.— У нас есть несколько отличных домов, которые...

— Это ни к чему,— сказал лысый, поднимая руку, чтобы Ларри замолчал. Ларри с замиранием сердца отметил, что пальцы у этого человека на удивление длинные — казалось, в среднем пальце от основания до кончика дюйма четыре, а то и пять.— Учреждение под бизнес — это дом позади здания Городского Офиса. Он выходит в парк.

— Да-а, поработать можно. Вообще-то это была фабрика-прачечная. Год назад сломалась. Действительно хорошее место, если...

— Дом под жилье,— не обращая на него внимания продолжал лысый,— зовется в городе домом Марстена.

Ларри слишком долго занимался торговлей недвижимостью, чтобы его лицо отразило его чувства — чувства совершенно ошеломленного человека.

— Вот как?

— Да. Меня зовут Стрейкер. Ричард Трокетт Стрейкер. Все бумаги будут на мое имя.

— Очень хорошо,— сказал Ларри. Человек этот не шутил, сомневаться не приходилось.— Цена, которую мы запрашиваем за дом Марстена — четырнадцать тысяч долларов, хотя я думаю, моих клиентов можно будет убедить немного снизить ее. Что касается старой прачечной...

— Не пойдет. Я уполномочен заплатить один доллар.

— Один...? — Ларри вздернул голову так, как делает тот, кому не удалось расслышать что-то правильно.

— Да. Прошу внимания.

Длинные пальцы Стрейкера расстегнули замки дипломата, открыли его и извлекли оттуда несколько документов, сложенных в голубую прозрачную папку.

Ларри Крокетт, хмурясь, наблюдал за ним.

— Прочтите, пожалуйста. Это сэкономит время.

Ларри большим пальцем отогнул голубую пластиковую обложку и с видом человека, умиротворяющего дурака, взглянул на первый лист. Его взгляд скользил слева направо от силы секунду, а потом что-то приковало его к себе.

Стрейкер едва заметно улыбнулся. Он полез в карман пиджака, достал плоский золотой портсигар и выбрал сигарету. Он размял ее, потом прикурил от спички. Контору заполнил терпкий аромат турецкого табака, и вентилятор разогнал дым.

Следующие десять минут в конторе царила тишина, нарушаемая только гудением вентилятора да приглушенным шумом машин, проезжающих по улице за стенами конторы. Стрейкер докурил сигарету до крохотного остатка, растер светящийся пепел между пальцами и закурил следующую.

Ларри с бледным потрясенным лицом поднял глаза.

— Это шутка. Кто вас подбил на это? Джон Келли?

— Не знаю никакого Джона Келли. Я не шучу.

— Эти бумаги... акт об отказе от претензий... проверка законности прав на владение землей... Господи. Да вы знаете, что этот участок стоит полтора миллиона?

— В самую точку,— холодно сказал Стрейкер.— Он стоит четыре миллиона. Скоро будет стоить больше — когда построят торговый центр.

— Чего вы хотите? — спросил Ларри охрипшим голосом.

— Я уже сказал вам, чего хочу. Мы с моим партнером планируем открыть в городе свое дело. А жить планируем в доме Марстена.

— Какое дело? «Убийство Инкорпорейтед»?

Стрейкер холодно улыбнулся.

— Боюсь, самую обычную торговлю мебелью. В том числе весьма специфическим антиквариатом для коллекционеров. Мой партнер в этой области... ну, скажем, эксперт.

— Ч-черт,— грубо сказал Ларри.— Дом Марстена можете получить за восемь с половиной тысяч, магазин — за шестнадцать. Ваш партнер должен был это знать. И оба вы должны знать, что этот город не сможет поддержать торговлю вычурной мебелью и антиквариатом.

— Мой партнер крайне осведомлен относительно

всего, что вызывает его заинтересованность,— парировал Стрейкер.— Он знает, что ваш городок расположен на шоссе, которым пользуются туристы и дачники. Вот те люди, с которыми мы собираемся вести основную массу дел. Однако ваше согласие не требуется. Находите вы, что документы в порядке?

Ларри шлепнул голубую папку на стол.

— Кажется, так. Но я не собираюсь торговаться с вами — плевать, что по вашим *словам* вы хотите.

— Нет, конечно, нет.— Голос Стрейкера граничил с благовоспитанным презрением.— У вас, по-моему, в Бостоне есть юрист. Некий Фрэнсис Уолш.

— Откуда вы знаете? — рявкнул Ларри.

— Неважно. Отвезите документы к нему. Он подтвердит их законную силу. Земля, на которой должен быть построен торговый центр, становится вашей при выполнении трех условий.

— А,— с видимым облегчением сказал Ларри.— Условия.— Он откинулся на спинку стула и выбрал из керамической сигарницы на своем столе «Уильям Пенн».— Ну, теперь мы подбираемся к сути, валяйте.— Он чиркнул спичкой о кожаный башмак и прикурил.

— Номер первый. Вы продаете мне дом Марстена и учреждение для ведения дел за один доллар. В случае дома ваш клиент — земельная корпорация из Бангора. Учреждение сейчас принадлежит портлендскому банку. Я уверен, что обе стороны изъявят согласие на самые низкие приемлемые цены, если вы компенсируете разницу. Минус, конечно, ваши комиссионные.

— Откуда у вас такая информация?

— Вас это не касается, мистер Крокетт. Условие второе. Вы ни словом не обмолвитесь о сегодняшней сделке. Ни словом. Если такой вопрос когда-либо всплывет, вам известно только то, что я рассказал: мы — партнеры, начинающие дело, которое нацелено на туристов и дачников. Это очень важно.

— Не имею привычки болтать.

— Тем не менее я хочу подчеркнуть серьезность этого условия. Может прийти время, мистер Крокетт, когда вам захочется поделиться с кем-нибудь, какую замечательную сделку вы сегодня заключили. Если вы сделаете это, я узнаю. Я вас уничтожу. Понятно?

— Вы говорите, как в дешевых фильмах про шпионов,— сказал Ларри. Судя по тону, он держал себя в

руках, но внутри ощущалась противная дрожь страха. Слова *«я вас уничтожу»* прозвучали так же невыразительно, как и *«добрый день»*. Что придавало заявлению неприятный оттенок правдивости. И как, черт побери, этот шутник узнал про Фрэнка Уолша? Про Фрэнка Уолша не знала даже жена Ларри.

— Вы понимаете меня, мистер Крокетт?

— Да,— сказал Ларри.— Я привык не рисковать понапрасну.

Стрейкер снова одарил его улыбкой.

— Конечно. Вот почему я имею дело с вами.

— Третье условие?

— Дому понадобится определенный ремонт.

— Ну, можно выразиться и так,— сухо сказал Ларри.

— Мой партнер планирует справиться с этой задачей самостоятельно. Но вы станете его доверенным лицом. Время от времени будут возникать просьбы. Время от времени мне нужны будут услуги нанятых вами работников, чтобы доставить определенные вещи либо в дом, либо в магазин. О подобных услугах вы будете помалкивать. Понятно?

— Ага, понятно. Но вы сами нездешние, да?

— Это имеет значение? — Стрейкер поднял брови.

— А как же. Это же не Бостон и не Нью-Йорк. Тут дело окажется не только в том, держу я рот на замке или нет. Пойдут разговоры. Да что там, вон, на Рэйлроуд-стрит есть одна старая калоша, Мэйбл Уэртс ее звать, так она день-деньской торчит с биноклем...

— Горожане меня не заботят. Горожане не заботят моего партнера. В небольших городках всегда идут пересуды. То же самое, что висящие на телефоне сороки. Скоро нас тут примут.

Ларри пожал плечами.

— Дело ваше.

— Совершенно верно,— согласился Стрейкер.— Вы будете оплачивать все услуги, сохраняя накладные и счета. Возмещение получите. Согласны?

Ларри, как и сказал Стрейкеру, обычно не рисковал понапрасну, а ведь он был одним из лучших игроков в покер округа Камберленд. И хотя всю дорогу Крокетт поддерживал внешнее хладнокровие, внутри у него все горело. Этот сумасшедший предлагал такую сделку, какая наклевывается только раз в жизни — если вообще наклевывается. Может быть, босс этого

парня — один из чокнутых биллионеров-затворников, которые...

— Мистер Крокетт? Я жду.

— Два условия есть и у меня,— сказал Ларри.

— Да? — выказал Стрейкер вежливый интерес.

Ларри постучал по голубой папке.

— Во-первых, бумаги надо проверить.

— Разумеется.

— Во-вторых, если вы там занимаетесь чем-то противозаконным, я об этом знать не желаю. А именно...

Но его перебили. Стрейкер запрокинул голову и один-единственный раз холодно неэмоционально хохотнул.

— Я сказал что-то смешное? — спросил Ларри без тени улыбки.

— О... э-э... нет, конечно, мистер Крокетт. Вы должны извинить мой порыв. У меня есть собственные причины счесть ваше замечание забавным. Что вы хотели добавить?

— Насчет ремонта. Не собираюсь добывать вам ничего такого, чтоб подставлять свою шею. Если вы надумали гнать там самогонку, или ЛСД, или взрывчатку для каких-нибудь хиппи-радикалов, следите за этим сами.

— Принято,— сказал Стрейкер. Улыбка исчезла с его лица.— Мы договорились?

И Ларри со странным чувством облегчения сказал:

— Если бумаги пройдут проверку, мне кажется, мы заключим это соглашение. Хотя, похоже, хлопоты полностью ваши, а я только заработал.

— Сегодня понедельник,— сказал Стрейкер.— Скажем, в четверг после обеда?

— Лучше в пятницу.

— Так. Очень хорошо.— Он поднялся.— До свидания, мистер Крокетт.

Бумаги проверили. Бостонский юрист Ларри сказал, что земля, на которой должны были выстроить портлендский торговый центр, куплена фирмой под названием «Континентальная торговля землей и недвижимостью», контора которой помещалась в Нью-Йорке, в здании «Кэмикл Бэнк». В офисах фирмы не было ничего, кроме нескольких пустых стеллажей под папки-скоросшиватели и кучи пыли.

В ту пятницу Стрейкер приехал еще раз, и Ларри

подписал необходимые документы. Что проделал с сильным привкусом сомнения — в первый раз он отбросил личную персональную максиму: не гадь там, где ешь. И, несмотря на сильнейший соблазн, когда Стрейкер убрал документы на владение домом Марстена и былой Деревенской Лоханью в свой дипломат, Ларри понял, что всецело отдал себя в распоряжение этого человека. То же относилось и к его партнеру, отсутствующему мистеру Барлоу.

Когда миновал конец августа и лето соскользнуло в осень, а осень — в зиму, Ларри начал ощущать еле уловимое облегчение. К нынешней весне ему почти удалось забыть заключенную им сделку, целью которой были документы, покоившиеся теперь в сейфе Крокетта, в Портленде.

Потом начались происшествия.

Полторы недели назад приехал этот писатель, Мирс, он расспрашивал, нельзя ли снять дом Марстена и, когда Ларри сказал, что тот продан, наградил его странным взглядом.

Вчера в почтовом ящике Ларри оказались длинный сверток-трубка и письмо от Стрейкера. По сути дела, записка. Она была краткой: «Будьте добры вывесить полученное объявление в витрине магазина. Р.Т.Стрейкер.» Само объявление оказалось совершенно обычным, даже помягче, чем бывает. В нем было написано только: «Открывается через неделю. Барлоу и Стрейкер. Прекрасная мебель. Избранный антиквариат. Приглашаем посмотреть.» Чтобы вывесить плакат, Ларри нанял Ройяла Сноу.

А теперь там, возле дома Марстена стояла машина. Он все еще глядел на нее, когда кто-то рядом с ним сказал:

— Спим, Ларри?

Он вздрогнул и оглянулся на Паркинса Джиллеспи, который стоял рядом с ним на углу и прикуривал «Пэлл-Мэлл».

— Нет,— сказал он и нервно рассмеялся.— Просто задумался.

Паркинс взглянул наверх, на дом Марстена, где на подъездной дороге солнце подмаргивало на хроме и металле, а потом опустил глаза на старую прачечную с новой вывеской в окне.

— Сдается мне, не ты один. Всегда здорово, коли в городе появляются новые ребята. Ты их знаешь, так?

— Одного. Познакомились в прошлом году.

— М-ра Барлоу или м-ра Стрейкера?

— Стрейкера.

— Как он тебе показался, ничего, приятный?

— Трудно сказать,— ответил Ларри и обнаружил, что ему хочется облизать губы. Делать этого он не стал.— Мы говорили только о деле. Мне он показался нормальным.

— Хорошо. Это хорошо. Пошли. Пройдусь с тобой до «Экселлент».

Когда они переходили улицу, мысли Ларри занимали сделки с дьяволом.

12.

1:00 пополудни.

Сьюзан Нортон вошла в «Салон красоты Бэбс», улыбнулась Бэбс Гриффен (старшей сестре Хэла и Джека) и сказала:

— Слава Богу, что ты сумела взять меня сразу же.

— В середине недели это не проблема,— сказала Бэбс, включая вентилятор.— Батюшки, как душно-то, а? Сегодня к вечеру будет гроза.

Сьюзан посмотрела на небо — безупречно голубое, без единого пятнышка.

— Ты думаешь?

— Ага. Как будем делать, лапуля?

— Естественно,— ответила Сьюзан, думая про Бена Мирса.— Как будто я сюда и близко не подходила.

— Лапуля,— со вздохом сказала Бэбс, надвигаясь на нее,— так все говорят.

Вздох принес запах фруктовой жевательной резинки «Джуси». Бэбс спросила Сьюзан — видела ли та, что кто-то открывает в старой Деревенской Лохани новый мебельный магазин. С виду дорогой, но правда славненько, если бы у них нашелся миленький небольшой фонарик-«молния» в пару к тому, что есть у Бэбс на квартире... самый умный шаг, какой Бэбс сделала — это уехала из дому и поселилась в городе... правда, лето было приятное? Просто стыд, что оно когда-нибудь кончится.

13.

3:00 пополудни.

Бонни Сойер лежала на большой двуспальной кровати в доме на Дип-Кат-роуд. Это был настоящий дом, не какая-нибудь хибарка типа трейлера: дом стоял на фундаменте и в нем был подвал. Муж Бонни, Редж, заколачивал хорошие деньги, работая автомехаником у Джима Смита в «Понтиаке». Если не считать пары полупрозрачных голубых трусиков, на Бонни ничего не было, и она нетерпеливо оглянулась на часы, стоявшие на ночном столике: 3:02. Где он?

Словно мысль Бонни вызвала того, кого она поджидала, дверь спальни чуть-чуть приоткрылась, и в нее заглянул Кори Брайант.

— Все в порядке? — прошептал он. Кори было всего двадцать два, он два года отработал в телефонной компании и роман с замужней женщиной — особенно с такой сногсшибательной, как Бонни Сойер, которая в 1973 году стала «Мисс Округ Камберленд» — наполнял его ощущением собственной слабости, нервозностью и похотью.

Бонни улыбнулась ему, показав очаровательные зубки.

— А как же, лапсик,— сказала она,— не то в тебе уже была бы такая дырка, что хоть телевизор сквозь нее смотри.

Он на цыпочках зашел. На талии забавно позвякивал ремень монтера.

Бонни хихикнула и раскрыла объятия.

— Ей-богу,ты мне нравишься, Кори. Ты такой хорошенький.

Глаза Кори случайно задержались на темной тени под туго натянутым голубым нейлоном, и похоть взяла верх над беспокойством. Он и думать забыл про хождение на цыпочках, оказался возле Бонни и, когда они соединились, где-то в лесах зазвенела цикада.

14.

4:00 пополудни.

Бен Мирс оттолкнулся от стола, закончив дневное писание. Чтобы вечером можно было с чистой совестью пообедать у Нортонов, он отказался от прогулки

в парке и работал почти весь день без перерыва. Он встал и потянулся, слушая, как хрустят позвонки. Торс был мокрым от пота. Бен подошел к комоду у изголовья кровати, достал свежее полотенце и отправился в ванную, чтобы вымыться до того, как кто-нибудь другой вернется с работы и застрянет в душе.

Он повесил полотенце через плечо, повернул обратно к двери, а потом подошел к окну, за которым что-то привлекло его внимание. Но не в городке. Удел дремал в позднем пополудне под небом того особенного темно-голубого оттенка, какой в дни позднего лета украшает Новую Англию. За двухэтажными домиками Джойнтер-авеню, за плоскими асфальтированными крышами, за парком (сейчас там били баклуши, катались на великах и ссорились по пустякам вернувшиеся из школы дети) Бену видна была северо-западная часть города, где Брок-стрит исчезала за откосом того самого первого поросшего лесом холма.

Взгляд Бена естественным образом пропутешествовал к бреши в лесном массиве — там Бернсроуд буквой «Т» пересекалась с Брукс-роуд,— и дальше, наверх, туда, откуда вниз на город глядел дом Марстена.

Отсюда, уменьшенный до размеров детского кукольного домика, он казался великолепно сделанной миниатюрой, и это нравилось Бену. Из окна комнаты дом Марстена виделся такого размера, с каким можно было иметь дело. Можно было поднять руку и загородить его ладонью.

На подъездной дороге стояла машина.

Бен стоял с полотенцем через плечо, не шевелясь, глядя из окна на эту машину и чувствуя, как в животе закопошился ужас, проанализировать который он не пытался. Два отвалившихся ставня повесили на место, отчего дом приобрел вид скрытного слепца — прежде этого не было.

Губы Бена беззвучно шевельнулись, словно выговаривая слова, которых никто — даже он сам — не мог понять.

15.

5:00 пополудни.

Мэтью Бэрк с дипломатом в левой руке покинул здание средней школы и через пустую автостоянку

прошел туда, где стоял его старый «шевви-бискайн», до сих пор — в прошлогодних зимних шинах.

Бэрку было шестьдесят три, до обязательной отставки оставалось два года, но он еще нес полную нагрузку и уроков английского, и внепрограммных занятий. На эту осень пришлась школьная постановка, и он только что закончил читку трехактного фарса под названием «Проблема Чарли». Ему достался обычный избыток совершенно невозможных ребят, дюжина пригодных экземпляров — они, по крайней мере, затвердят свои роли (чтобы потом исполнить их дрожащим голосом, с мертвенной невыразительностью) и трое ребят, выказавших способности. В пятницу он распределит роли и со следующей недели примется за черновую работу. И вплоть до тридцатого октября — до дня спектакля — они будут дружно трудиться. По теории Мэтта, спектакль, поставленный силами средней школы, должен быть таким же, как тарелка кембелловского супа «Элфабет»: безвкусным, но не вызывающим отвращения. Придут родственники и будут в восторге. Придет театральный критик из камберлендского «Леджера», он разразится многосложными экстатическими дифирамбами, поскольку получает деньги именно за такую реакцию на любой местный спектакль. Исполнительница главной женской роли (в этом году, вероятно, Рути Крокетт) влюбится в кого-нибудь из труппы и, вполне вероятно, лишится девственности после вечеринки для участников. А потом Мэтт возобновит работу «Клуба спорщиков».

В шестьдесят три года Мэтт Бэрк все еще получал удовольствие от преподавания. Дисциплину он поддерживал паршиво, за что и поплатился всеми когда-либо предоставлявшимися ему возможностями подняться до административного поста. Для того, чтобы эффективно работать помощником директора, у Мэтта был чуточку более мечтательный взгляд, чем следовало, однако недостаток дисциплины никогда не сдерживал его. Он читал сонеты Шекспира в холодных, урчащих трубами классах, полных летающими самолетиками и шариками жеваной бумаги; он садился на кнопки и рассеянно выбрасывал их со словами: «Найдите в учебнике страницу 467»; открывал ящики, чтобы достать бумагу для сочинения — и обнаруживал сверчков, лягушек, а один раз семифутовую черную змею.

Он странствовал вдоль и вширь английского языка, как одинокий и странно благодушный древний мореход: Стейнбек — первый урок, Чосер — второй, тематические упражнения — третий и функции герундия перед самым ленчем. С пальцев не сходила желтизна — скорее, от меловой пыли, чем от никотина — и все равно это были остатки наркотического вещества.

Любви и почтения дети к нему не питали (он не был неким мистером Чипсом, чахнущим в американской глубинке в ожидании Росса Хантера, который его обнаружит), но многие ученики Мэтта действительно зауважали его, а несколько человек научились от него тому, что преданность — эксцентричная или скромная, все равно — может заслуживать внимания. Мэтту нравилась его работа.

Сейчас он сел в машину, слишком сильно утопил педаль газа, подождал и снова надавил. Он настроил приемник на портлендскую рок-н-рольную станцию и догнал громкость почти до искажения звука: Мэтт считал рок-н-ролл отличной музыкой. Он задним ходом выбрался из своей щелки на стоянке, тормознул и снова завел машину.

На Тэггарт-Стрим-роуд у него был домик, куда крайне редко заглядывали гости. Мэтт никогда не был женат, и вся его семья состояла из брата в Техасе, который работал в нефтяной компании и писем не писал. Если честно, Мэтт без привязанностей не скучал. Он был одиноким человеком, но одиночество никоим образом не исказило его душу.

Он притормозил перед мигалкой на пересечении Джойнтер-авеню с Брок-стрит, потом повернул к дому. Тени уже удлинились, а дневной свет — ровный, золотой, как на картинах французских импрессионистов — приобрел занятную, чудесную теплоту. Мэтт взглянул влево, увидел дом Марстена и бросил в ту сторону еще один взгляд.

— Ставни,— вслух сказал он под рвущийся из приемника заводной ритм.— Снова навесили ставни.

Он заглянул в зеркальце заднего вида и увидел, что на подъездной дороге возле дома стоит машина. Мэтт преподавал в Салимовом Уделе с пятьдесят второго года и ни разу не видел на этой подъездной дороге припаркованной машины.

— Там что, кто-то живет? — спросил он в пространство и поехал дальше.

16.

6:00 вечера.

Отец Сьюзан, Билл Нортон, первый салимовский выборный, с удивлением обнаружил, что Бен Мирс ему нравится — еще как нравится. Билл был крупным суровым мужчиной с черными волосами, сложением напоминал грузовик и даже на шестом десятке не разжирел. Он с разрешения отца бросил школу в одиннадцатом классе и ушел на флот, откуда и выкарабкался, защитив диплом в двадцать четыре года на экзамене, приравненном к выпускному экзамену средней школы — словно идея сдать его пришла к Биллу с большим опозданием. Он не был слепым грубым врагом интеллектуалов, какими становятся некоторые простые рабочие, когда — то ли волею судеб, то ли их собственными молитвами — им отказывают в том уровне образования, какой они могли бы осилить, но он терпеть не мог «художников-пердежников», как определял некоторых длинноволосых юношей с газельими глазами, которых Сьюзан приводила домой из колледжа. Ему наплевать было и на волосы, и на одежку. Беспокоило Билла другое — похоже, у всех у них в голове гулял ветер. Симпатию жены к Флойду Тиббитсу, парнишке, с которым Сьюзи, отучившись, гуляла чаще всего, Билл тоже не разделял, но и активной неприязни к нему не испытывал. У Флойда была очень приличная работа — в Фолмуте, у Гранта, к тому же Билл Нортон считал его умеренно серьезным. Вдобавок Флойд был здешним. Но здешним, можно сказать, был и Бен Мирс.

— И не лезь к нему со своими художниками-пердежниками,— предупредила Сьюзан, поднимаясь, когда в дверь позвонили. На ней было светло-зеленое летнее платье, а уложенные в новую небрежную прическу волосы охватывал чуть великоватый моток зеленой пряжи.

Билл рассмеялся.

— Чего вижу, то и говорю, Сьюзи, дорогуша. Не буду тебя конфузить... да я тебя и не конфузил никогда, верно?

Она нервно, печально улыбнулась ему и пошла открывать.

Мужчина, с которым она вернулась, оказался долговязым, с виду проворным, с тонко прорисованными

чертами и густой копной черных волос, которые, несмотря на природную маслянистость, казались только что вымытыми. То, как он был одет, настроило Билла доброжелательно. Простые, совершенно новые синие джинсы и белая рубашка с закатанными до локтей рукавами.

— Бен, это мои папа и мама, Билл и Энн Нортон. Мам, папа — Бен Мирс.

— Здравствуйте. Очень приятно.

Он немного настороженно улыбнулся миссис Нортон, а она сказала:

— Здравствуйте, мистер Мирс. Мы в первый раз так близко видим настоящего живого писателя. Сьюзан *ужасно* взволновалась.

— Не тревожьтесь, я не цитирую собственные произведения.— Он опять улыбнулся.

— Здрасте,— сказал Билл, вырастая из кресла. Сейчас он занимал в профсоюзе портлендских докеров некий пост, которого добился сам, и его рукопожатие было сильным и жестким. Но рука Мирса не съежилась, чтобы выскользнуть медузой, как руки обычных художников-пердежников Сьюзи, и Биллу это пришлось по душе. Он предложил свой второй проверочный критерий.

— Пиво любите? Я уж поставил на лед несколько баночек,— он махнул рукой в сторону притулившегося к задней части дома патио, которое выстроил сам. Пердежники неизменно говорили «нет»: почти все они были придурками и не могли понапрасну расходовать свое ценное сознание на выпивку.

— Пиво? Обожаю,— ответил Бен и улыбка превратилась в ухмылку.— Стаканчика два... даже три.

Бен загрохотал смехом.

— Ладушки, наш человек. Пошли.

При звуке его смеха между двумя очень похожими женщинами на миг как бы возникла странная связь. Брови Энн Нортон сдвинулись, а лоб Сьюзан разгладился — кажется, бремя беспокойства телепатически перенеслось через комнату.

Бен последовал за Биллом на веранду. На табуретке в углу стоял лоток со льдом, набитый жестянками с круговой надписью «Пабст».

Билл вытянул из охладителя жестянку, и бросил Бену, который поймал ее одной рукой, но легко, так, чтобы она не пшикнула.

— Тут приятно,— сказал он, глядя в сторону расположившейся на заднем дворе площадки, предназначенной для того, чтобы жарить на углях мясо. Это было низкое, рабочего вида кирпичное сооружение. Над ним висело марево теплого воздуха.

— Сам строил,— сказал Билл.— Лучше не хаять.

Бен сделал большой глоток, а потом рыгнул — еще очко в его пользу.

— Сьюзи думает, вы парень очень ничего,— сказал Нортон.

— Она милая девушка.

— Хорошая, практичная девушка,— добавил Нортон и задумчиво рыгнул.— Она говорит, вы три книжки написали. Да еще и напечатали.

— Да, так.

— Хорошо идут?

— Первая да,— сказал Бен, но больше ничего не добавил. Билл Нортон слабо кивнул, одобряя человека, у которого довольно шариков в голове, чтобы держать ход своих денежных дел про себя.

— Хотите бутерброд или сосиску?

— Конечно.

— Сосиски надо разрезать, чтоб пары выпустить. Знаете про это?

— Ага.— Бен со слабой усмешкой крест-накрест рассек воздух указательным пальцем. Маленькие надрезы на природной оболочке франкфуртских сосисок не давали им пойти пузырями.

— Так вы — выходец из нашего лесного перешейка, точно,— произнес Билл Нортон.— Чертовски хорошо сказано. Берите-ка вон тот пакет с брикетами, а я организую мясо. Пиво берите с собой.

— Вам меня от него не оторвать.

Билл затормозил на самом пороге и поднял бровь, поглядев на Бена Мирса.

— Ты, парень, серьезный человек? — спросил он.

Бен мрачновато улыбнулся:

— Так точно.

Билл кивнул.

— Это хорошо,— сообщил он и зашел внутрь.

Предсказывая дождь, Бэбс Гриффен промахнулась на добрый миллион миль, и обед на заднем дворе проходил хорошо. Возник легкий ветерок, он объединился с клубами дыма от горящего под жаровней гикори и не подпустил самых злых предосенних комаров.

Женщины унесли бумажные тарелки и приправы, а потом вернулись попить пива и посмеяться над тем, как искусно играющий с мудреными потоками ветра Билл обставляет Бена в бадминтон 21:6. Бен с неподдельным сожалением отказался от матча-реванша, кивнув на часы.

— Книжка горит,— сказал он.— Я задолжал еще шесть страниц. Если я напьюсь, то не сумею даже прочесть, что написал за сегодняшнее утро.

Сьюзан проводила его до калитки — Бен пришел из города пешком. Гася огонь, Билл кивнул своим мыслям. Бен сказал, что он — парень серьезный, и Билл готов был поймать его на слове. Парень не строил из себя важную персону, чтобы произвести на кого-нибудь впечатление, но всякий, кто работает после обеда, выходит пометить чье-нибудь дерево... может статься, крупными буквами.

Однако Энн Нортон так и не смягчилась.

17.

7:00 вечера.

Флойд Тиббитс подъехал на усыпанную дробленым камнем автостоянку возле кафе «У Делла» примерно через десять минут после того, как Делберт Марки, хозяин и бармен, зажег на фасаде новую розовую вывеску. Буквы в три фута высотой сообщали: «У ДЕЛЛА».

Снаружи сгущающиеся лиловые сумерки высасывали с неба солнечный свет, а в низко лежащих земляных «карманах» вскоре должен был образоваться грунтовый туман. Через час или около того следовало ждать появления первых вечерних завсегдатаев.

— Привет, Флойд,— сказал Делл, вытаскивая из холодильника «Майклоб».— Хороший денек?

— Отличный,— ответил Флойд.— А пивко с виду недурное.

Флойд — высокий парень с хорошо подстриженной русой бородой — был сейчас в слаксах с двойной отстрочкой и повседневном спортивном пиджаке — рабочей форме Гранта. Он был вторым по значению лицом, ведающим кредитами, и относился к своей работе с той рассеянной симпатией, какая может нежданно-негаданно пересечь грань, отделяющую ее от

скуки. Флойд сознавал, что плывет по течению, но ощущение не было активно неприятным. И потом, существовала еще Сьюзи — отличная девчонка. Очень скоро она должна была подойти, и тогда, полагал Флойд, он найдет себе занятие.

Он бросил на стойку однодолларовую бумажку, по стеночке слил пиво в стакан, жадно проглотил и налил еще.

Сейчас единственным клиентом кроме Флойда был молодой парнишка в одежде служащего телефонной компании — парня звать Брайант, подумал Флойд. Он пил пиво за столиком и слушал льющуюся из музыкального автомата унылую песенку про любовь.

— Ну, что новенького в городе? — спросил Флойд, уже зная ответ. По сути дела, ничего новенького быть не могло. Кто-нибудь из старшеклассников приперся в школу пьяным... но больше Флойду ничего придумать не удавалось.

— Да кто-то пришиб собаку твоего дяди. Вот что новенького.

Флойд замер, не донеся стакан до рта.

— Что? Псину дяди Вина? Дока? — Правильно.

— Сбили машиной?

— Не сказать, чтоб это было заметно. Его нашел Майк Райерсон. Он ездил на Хармони-Хилл стричь траву, и там, на таких пиках, которыми кончаются наверху ворота кладбища, висел Док. Со вспоротым брюхом.

— Сукины дети! — сказал пораженный Флойд.

Делл мрачно кивнул, довольный произведенным впечатлением. Он знал еще кое-что — нынче вечером это было в городке предметом горячего обсуждения: девчонку Флойда видели с тем писателем, что поселился у Евы. Но это Флойд пусть узнает сам.

— Райерсон оттащил труп Паркинсу Джиллеспи,— сказал он Флойду.— *Тот* думает, что псина, может, подохла, а какая-то компания ребятишек подвесила ее смеха ради.

— Да Джиллеспи свою жопу от дырки в земле не отличит.

— Может, и нет. Я тебе скажу, что *мне* думается.— Делл склонился вперед, опираясь на толстые руки.— Думаю, это пацанва, точно... черт, да я *знаю*. Но дело может оказаться чуток серьезней обычной шутки. Вот, глянь-кась.— Он сунул руку под стойку

и шлепнул на прилавок газету, развернутую одной из внутренних полос наружу.

Флойд взял ее. Заголовок гласил: «ПОКЛОННИКИ САТАНЫ ОСКВЕРНЯЮТ ФЛОРИДСКИЙ ХРАМ». Он бегло проглядел статью. Судя по всему, чуть позже полуночи в католический храм флоридского городка Клюистона вломилась группа ребят и провела там некий нечестивый ритуал. Алтарь осквернили, на скамьях, исповедальнях и купели нацарапали непристойные слова, а ведущие в нефы ступени оказались забрызганы кровью. Аналитики из лаборатории подтвердили, что, хотя часть крови животного происхождения (предположительно козья), в основном кровь человеческая. Шеф клюистонской полиции признал, что никаких немедленных шагов не предпринимали.

Флойд положил газету.

— Сатанисты в Уделе? Да ладно, Делл, попал пальцем в небо.

— Ребята нынче с ума сходят,— упрямо сказал Делл.— Вот увидишь, так оно и есть. Дальше ты узнаешь, что они на пастбище Гриффена людей в жертву приносят. Еще налить?

— Нет, спасибо,— сказал Флойд, соскальзывая с табуретки.— Пойду-ка я лучше гляну, как там дядя Вин. Он в этой собаке души не чаял.

— Большой ему от меня привет,— сказал Делл, укладывая газету под стойку. Попозже она станет гвоздем вечера.— Страсть как жалко услышать про такое.

На полпути к дверям Флойд приостановился и как бы в пространство сказал:

— На пиках повесили, да? Бог свидетель, хотел бы я добраться до детишек, которые это сделали.

— Поклонники дьявола,— сказал Делл.— Я бы ни капли не удивился. Не знаю, что нынче вселяется в людей.

Флойд ушел. Парнишка Брайант опустил в музыкальный автомат еще десять центов, и Дик Корлесс запел «Похороните с бутылкой меня».

18.

7:30 вечера.

— И чтоб домой вернулись рано,— сказал Марджори Глик своему старшему сыну Дэнни.— Завтра в

школу. Я хочу, чтоб в четверть десятого твой брат уже был в кровати.

Дэнни повозил ногами.

— Непонятно, чего это я вообще должен брать его с собой.

— Нет, не должен,— с опасной любезностью согласилась Марджори.— Всегда можешь остаться дома.

Она повернулась обратно к кухонному столу, на котором разделывала рыбу, а Ральфи высунул язык. Дэнни сжал кулак и погрозил, но эта гнилушка, его младший братец, только улыбнулась.

— Вернемся, вернемся,— пробурчал он и развернулся, чтобы выйти из кухни с Ральфи на буксире.

— К девяти.

— Ладно, *ладно*.

В гостиной, перед телевизором, задрав ноги сидел Тони Глик и смотрел матч между «Ред Сокс» и «Янки».

— Мальчики, вы куда?

— В гости к новенькому,— ответил Дэнни.— К Марку Питри.

— Ага,— подтвердил Ральфи.— Идем смореть его... *электрические поезда*.

Дэнни наградил братца недобрым взглядом, но отец не заметил ни паузы, ни ударения. Только что выбивал Дуг Гриффен.

— Чтоб дома были не поздно,— рассеянно велел отец.

Снаружи в небе еще угасали последние лучи света, хотя солнце уже село. Когда ребята шли через задний двор, Дэнни сказал:

— Надо бы излупить тебя, как сидорову козу, поганец.

— А я скажу,— самодовольно объявил Ральфи.— Скажу, почему ты *взаправду* захотел пойти.

— Ах ты, гад,— безнадежно сказал Дэнни.

Там, где кончался поросший подстриженной травой двор, вниз по склону, в леса, уводила утоптанная тропинка. Дом Гликов стоял на Брок-стрит, дом Марка Питри — в южной части Джойнтер-авеню. Дорожка — короткий путь — значительно экономила время, если вам было двенадцать и девять и хотелось пробраться через ручей Крокетт-брук по камням брода. Под ногами похрустывали сосновые иголки и прутики. Где-то в лесах плакал козодой, а вокруг повсюду распевали сверчки.

Рассказав брату, что у Марка Питри есть полный набор авроровских пластиковых монстров — оборотень, мумия, Дракула, Франкенштейн, сумасшедший врач и даже Комната Ужасов — Дэнни совершил ошибку. Их мама считала все это гадостью, которая засоряет мозги, и братец Дэнни немедленно превратился в шантажиста. Гнилятина, иначе не скажешь.

— А знаешь, что ты гнилятина? — спросил Дэнни.

— Знаю,— гордо отозвался Ральфи.— А это чего?

— Это когда станешь зеленым, мокрым и склизким, как страшилище.

— Чтоб тебя скрючило,— пожелал ему Ральфи. Они спускались по берегу ручья Крокетт-брук, который лениво журчал по своему галечному ложу, сохраняя легкий жемчужный налет на поверхности. Двумя милями дальше к востоку он вливался в Тэггарт-стрим, который, в свою очередь, впадал в Королевскую реку.

Дэнни двинулся вперед по камням брода, щурясь в сгущающихся сумерках, чтобы видеть, куда ступает.

— Щас я тебя спихну! — радостно завопил позади него Ральфи.— Берегись, Дэнни, щас я тебя спихну!

— Попробуй, я тогда сам тебя спихну в зыбучие пески,— сказал Дэнни.

Они добрались до другого берега.

— Тут нигде нету зыбучих песков,— издевательски заявил Ральфи, тем не менее подвигаясь поближе к брату.

— Да-а? — зловеще сказал Дэнни.— Всего несколько лет назад один парень погиб в зыбучих песках. Я слышал от тех старых пижонов, что точат лясы у магазина.

— Правда? — спросил Ральфи, широко раскрывая глаза.

— Ага,— ответил Дэнни.— Его засасывало, а он визжал и вопил, и рот ему забило зыбучим песком, вот. Р-р-аааааххх!

— Пошли,— тревожно сказал Ральфи. Уже почти стемнело и лес наполнился шевелящимися тенями.— Давай выбираться отсюда.

Они принялись взбираться на берег, оскальзываясь на сосновых иглах. Мальчишке, пересуды о котором Дэнни слышал в магазине, было десять и звали его Джерри Кингсфилд. Он вполне мог, визжа и вопя, уйти в зыбучие пески — но, если так оно и было, его

никто не услышал. Он просто исчез шесть лет назад, отправившись в «Болота» на рыбалку. Кто-то думал на зыбучие пески, другие придерживались мнения, что мальчика убил маньяк-извращенец. Извращенцы были повсюду.

— Говорят, его призрак до сих пор бродит в лесах,— угрюмо сообщил Дэнни, не давая себе труда объяснить младшему братишке, что «Болота» на три мили южнее.

— Не надо, Дэнни,— с беспокойством сказал Ральфи.— Темно... не надо.

Вокруг таинственно потрескивали леса. Плач козодоя оборвался. Где-то за спиной у мальчиков треснула ветка — так, словно не хотела, чтобы ее услышали. Дневной свет с неба почти исчез.

— Время от времени,-- зловеще продолжал Дэнни,— когда какой-нибудь трепливый пацан выходит из дому после захода солнца, призрак, развеваясь, появляется из-за деревьев, а лицо у него все сгнившее, отвратное и покрыто зыбучим песком...

— Дэнни, *пошли*.

Голос братишки звучал по-настоящему умоляюще, и Дэнни замолчал — он едва не испугал сам себя. Вокруг, куда ни глянь, стояли темные массивные деревья, они медленно шевелились под ночным ветерком, терлись друг о друга, хрустели суставами.

Слева от них резко треснула еще одна ветка. Дэнни вдруг пожалел, что они не пошли по дороге. Еще одна ветка.

— Дэнни, я боюсь,— прошептал Ральфи.

— Не глупи,— сказал Дэнни.— Идем.

Они снова тронулись в путь. Под ногами потрескивали сосновые иголки. Дэнни сказал себе, что не слышал никакого треска веток. Не слышал ничего, кроме своих шагов и шагов брата. В висках глухо стучала кровь. Руки стали холодными. «Считай шаги,— велел он себе.— Через двести шагов мы окажемся на Джойнтер-авеню. А обратно пойдем по дороге, так что это трепло не будет бояться. Всего через минуту мы увидим уличные фонари и почувствуем себя дураками, но до чего *здорово* будет почувствовать себя дураками, так что считай шаги. Один... два... три...»

Ральфи взвизгнул.

— *Я его вижу! Я вижу призрак!* ВИЖУ!

В грудь Дэнни раскаленным железом кинулся

ужас. Вверх по ногам словно бы взбежали провода. Он бы повернулся и дал деру, но в него вцепился Ральфи.

— Где? — прошептал он, позабыв, что сам выдумал этот призрак.— Где? — Он заглянул в гущу деревьев, уже наполовину боясь того, что может увидеть... но увидел только черноту.

— Уже пропал... но я его видел... глаза. Я видел глаза. Ох, Дэнниии...— язык у малыша заплетался.

— Нет тут никаких призраков, дурак. Шагай.

Дэнни взял брата за руку и они пошли. Ноги казались сделанными из десяти тысяч ластиков. Колени дрожали. Ральфи жался к нему, едва не сталкивая с тропинки.

— Он за нами смотрит,— прошептал Ральфи.

— Слушай, не буду я...

— Нет, Дэнни, правда. Ты что, не *чувствуешь*?

Дэнни остановился. Он действительно что-то чувствовал, как это бывает у детей, и понимал, что теперь они уже не одни. На лес пало великое молчание, но молчание это было недобрым, таящим угрозу. Погоняемые ветром тени томно извивались вокруг ребят.

А потом Дэнни учуял что-то свирепое — но не носом.

Привидений не бывает, зато бывают извращенцы. Они притормаживают в черных машинах и предлагают тебе леденец, или ошиваются на углах улиц, или... или идут следом за тобой в лес.

А потом...

Ох, а потом...

— Бежим,— хрипло произнес Дэнни.

Но рядом с ним дрожал парализованный страхом Ральфи. Его пальцы впились в руку Дэнни не хуже тугой бечевки. Глаза неподвижно смотрели в лес, а потом стали расширяться.

— Дэнни?

Треснула ветка. Дэнни обернулся и посмотрел туда, куда смотрел его брат. Мальчиков окутала тьма.

19.

9:00 вечера.

Мэйбл Уэртс, чудовищно толстая женщина, отметила в последний день рождения свое семидесятичетырехлетие, а ее ноги делались все менее надежными.

Мэйбл была хранилищем городской истории и городских сплетен. Память ее простиралась вглубь времен на пять десятилетий некрологов, супружеских измен, воровства и безумия. Она была сплетницей, однако не намеренно жестокой (хотя те, чей сор она поспешила вынести из избы, были склонны не соглашаться). Мэйбл просто жила в городе — и ради него. В определенном смысле она *сама* была городом: толстая вдова, теперь крайне редко покидавшая дом, она почти все время проводила у окна, одетая в похожий на шатер шелковый лиф; желтоватые, как слоновая кость, волосы уложены в корону из толстых кос, по правую руку — телефон, по левую — мощный японский бинокль. Первое в сочетании со вторым плюс время на то, чтобы использовать их в полной мере, делали ее доброжелательным пауком, который восседал в центре паутины коммуникаций, простирающейся от Поворота до восточного Удела.

Мэйбл уже давно наблюдала за домом Марстена, понукаемая желанием увидеть что-нибудь получше, и тут ставни слева от крыльца раскрылись, выпустив золотой квадрат света, который определенно не был ровным свечением электричества. Но Мэйбл лишь мельком засекла то, что могло быть очертаниями головы и плеч мужчины — и это причиняло вдове танталовы муки. А еще повергло ее в странный трепет.

Больше в доме никакого шевеления не было.

Мэйбл подумала: ну что ж это за люди такие, если они открывают окна только тогда, когда ни одна живая душа не может их толком разглядеть?

Она положила бинокль и осторожно подняла телефонную трубку. Два голоса, которые она быстро определила как принадлежащие Хэрриет Дорхэм и Глинис Мэйберри, болтали про то, как этот парнишка — Райерсон — нашел собаку Ирвина Пэринтона.

Мэйбл сидела тихо, дыша ртом, чтобы ничем не выдать своего присутствия на линии.

20.

11:59 вечера.

День дрожал на грани угасания. Дома спали во мраке. В центре города ночные огни в скобяной лавке, «Похоронном бюро Формена» и кафе «Экселлент»

заливали мостовую мягким электрическим светом. Кое-кто лежал без сна — Джордж Боер, только что вернувшийся домой со второй смены на «Гэйтс-Милл» (с трех до одиннадцати), Вин Пэринтон — он сидел, раскладывал «солитер» и не мог уснуть из-за мыслей о Доке, чья кончина поразила его куда сильней, чем смерть жены. Но почти все в городе спали сном праведников и людей, зарабатывающих на хлеб в поте лица своего.

В воротах кладбища Хармони-Хилл задумчиво стояла темная фигура, поджидая смену часа. Когда фигура заговорила, голос оказался негромким и интеллигентным.

— О, отец мой, помоги же мне теперь! Повелитель Мух, поддержи меня в этот час. Вот я принес тебе гнилое мясо, зловонную плоть. Я принес тебе жертву — левою рукою я приносил ее. Дай же мне знамение на земле этой, освященной во имя твое. Я жду знамения, чтобы взяться за дело твое.

Голос замер. Поднялся слабый ветер, он принес вздохи и шепот листвы на ветвях и трав, а еще слабый запах падали со свалки, расположенной выше по дороге.

Никаких звуков кроме тех, что принес ветер. Фигура некоторое время стояла молча, погруженная в раздумья. Потом нагнулась и выпрямилась с детской фигуркой на руках.

— Вот что я принес тебе.

Для слов не осталось места.

Глава четвертая

Дэнни Глик и другие

1.

Дэнни и Ральфи Глик отправились навестить Марка Питри, получив приказ вернуться к девяти. Когда в начале одиннадцатого они не появились, Марджори Глик позвонила Питри домой. Нет, сказала миссис Питри, мальчиков тут не было. Не приходили. Может быть, лучше ваш муж поговорит с Генри. Миссис Глик передала трубку мужу, ощущая в животе легкость страха.

Мужчины переговорили. Да, мальчишки пошли по тропинке через лес. Нет, в это время года ручеек очень сильно мелеет, особенно в хорошую погоду. Не глубже, чем по щиколотку. Генри предложил, что пойдет с мощным фонарем со своего конца тропинки, а мистер Глик — со своего. Может, мальчики нашли нору сурка, или курят, или еще что. Тони согласился и поблагодарил мистера Питри за беспокойство. Мистер Питри сказал — что вы, какое же беспокойство. Тони повесил трубку и успокоил жену — та была напугана. Про себя он решил, что пусть только мальчишки найдутся — оба не смогут сидеть целую неделю.

Но не успел он даже выйти со двора, как из-за деревьев, спотыкаясь, появился Дэнни и рухнул рядом с площадкой для рашпера на заднем дворе. Он был как в чаду, говорил медленно, на вопросы отвечал с трудом и не всегда осмысленно. За отвороты брюк набилась трава, в волосах запутались осенние листья.

Он рассказал отцу, что они с Ральфи пошли по дорожке через лес, перешли вброд по камням Крокетт-брук и совершенно спокойно взобрались на другой берег. Потом Ральфи начал болтать, что в лесу призрак (Дэнни не стал упоминать, что сам вбил братишке в голову эту мысль). Ральфи сказал, что видит какое-то лицо. Дэнни стало страшно. Он не верил ни в призраков, ни в прочую чушь вроде буки, но действительно подумал, будто что-то слышит в темноте.

Что они сделали потом?

Дэнни думал, что они пошли дальше, держась за руки. Но уверен в этом не был. Ральфи хныкал насчет призрака. Дэнни велел ему перестать, потому что скоро станут видны фонари на Джойнтер-авеню. Оставалось всего две сотни шагов. А потом случилось что-то плохое.

Что? Что плохое?

Дэнни не знал.

Они заспорили с ним, разволновались, принялись увещевать. Дэнни только медленно, непонимающе качал головой. Да, он знал, что должен бы помнить — но вспомнить не мог. Честное слово, не мог. Нет, он не припоминает, чтобы обо что-то споткнулся и упал. Просто... все потемнело. Очень сильно потемнело. А следующее, что помнит Дэнни — он лежит на дорожке один. Ральфи исчез.

Паркинс Джиллеспи заявил, что нет никакого смысла идти в лес нынче ночью. Слишком много поваленных деревьев. Может, мальчик просто убрел от тропинки. Они с Нолли Гарднером, Тони Гликом и Генри Питри прошли из конца в конец и по дорожке, и вдоль обочин Джойнтер-авеню и Брок-стрит, громко выкликая Ральфи через мощные мегафоны на батарейках.

Ранним утром следующего дня камберлендская полиция и полиция штата начали совместно прочесывать лесной массив. Ничего не обнаружив, они расширили область поисков. Четыре дня они рыскали по кустам, а мистер и миссис Глик бродили по лесам и полям, обходя поваленные стволы, и с бесконечной щемящей надеждой выкрикивали имя сынишки.

Поскольку успехом поиски не увенчались, очистили тралом дно Тэггарт-стрим и Королевской реки. Впустую.

На пятый день насмерть перепуганная, впавшая в истерику Марджори разбудила мужа в четыре часа утра. В коридоре наверху Дэнни свалился без чувств по дороге в туалет. Скорая помощь увезла его в центральную больницу штата. Предварительным диагнозом был жестокий и запоздалый нервный шок.

Лечащий врач, человек по фамилии Горби, отвел мистера Глика в сторонку.

— Ваш мальчик был когда-нибудь подвержен астматическим приступам?

Мистер Глик, быстро помаргивая, затряс головой. Меньше, чем за неделю, он состарился на добрых десять лет.

— И никакой ревматической лихорадки?

— У Дэнни? Нет... у Дэнни нет.

— А положительной туберкулиновой пробы у мальчика в прошлом году не было?

— Туберкулиновой? У моего мальчика туберкулез?

— Мистер Глик, мы просто пытаемся выяснить...

— Мардж! Мардж! Иди-ка сюда!

Марджóри Глик поднялась и медленно пошла по коридору в их сторону. Лицо ее было бледным, волосы причесаны кое-как. Казалось, эту женщину мучает приступ жестокой мигрени.

— Дэнни в этом году делали туберкулиновую пробу?

— Да,— невыразительно сказала она.— В начале учебного года. Проба отрицательная.

Горби спросил:

— Он не кашляет по ночам?

— Нет.

— Жалобы на боль в груди или в суставах?

— Нет.

— Болезненное мочеиспускание?

— Нет.

— Какие-нибудь анормальные кровотечения? Из носа, стул с кровью или, может, царапин и синяков больше обычного?

— Нет.

Горби улыбнулся и кивнул.

— Мы хотели бы еще подержать его тут, если можно. Для обследования.

— Конечно,— сказал Тони.— Конечно. Мы состоим в «Синем Кресте».

— У мальчика очень замедленные реакции,— сказал доктор.— Мы сделаем рентген, костномозговую пробу, подсчитаем количество белых форменных элементов...

Глаза Марджори Глик стали медленно расширяться.

— У Дэнни лейкемия? — прошептала она.

— Миссис Глик, вряд ли...

Но она лишилась чувств.

2.

Бен Мирс был в рядах добровольцев Салимова Удела, которые прочесывали кусты в поисках Ральфи Глика, и в награду за труды получил лишь репьи, набившиеся за манжеты брюк, да обострение сенной лихорадки из-за позднего цветения золотарника.

На третий день поисков Бен заглянул к Еве на кухню съесть банку равиоли, чтобы потом рухнуть в постель — немного вздремнуть перед работой. И обнаружил, что у плиты суетится Сьюзан Нортон — она готовила что-то вроде овощного рагу с гамбургерами. Вокруг стола сидели только что вернувшиеся с работы мужчины и, притворяясь, будто разговаривают, глазели на девушку — на ней была подвязанная под грудью линялая ковбойка и обрезанные вельветовые шорты. Ева Миллер гладила в закрытой нише за кухней.

— Эй, что это ты тут делаешь? — спросил Бен.

— Готовлю тебе приличный ужин, пока ты окончательно не сошел на нет,— ответила Сьюзан, и за выступом стены всхрапнула от смеха Ева. У Бена запылали уши.

— Готовит она и впрямь отменно, что да, то да,— сказал Проныра.— Я-то знаю, все время смотрел.

— Попялься ты чуток подольше, зенки на лоб бы повылазили,— объявил Гровер Веррилл и гадко хихикнул.

Сьюзан накрыла рагу крышкой, поставила в духовку, и они вышли на заднее крыльцо подождать, пока будет готово. Садилось красное пылающее солнце.

— Есть что-нибудь?

— Нет. Ничего.— Он вытащил из нагрудного кармана измятую пачку сигарет и закурил.

— От тебя пахнет так, словно ты купался в «Старом лесовике»,— сказала Сьюзан.

— Черта лысого помогло,— он вытянул руку и показал несколько распухших укусов насекомых и полузаживших царапин.— Сукины дети комары и проклятые колючие кусты.

— Как думаешь, что с ним случилось, Бен?

— Бог его знает,— он выдохнул дым.— Может, кто-нибудь подкрался из-за спины старшего брата, хватил по голове мешочком с песком или еще чем-то тяжелым, и уволок пацана.

— Ты думаешь, его нет в живых?

Бен взглянул на нее, чтобы увидеть, какой ответ она хочет слышать: честный или обнадеживающий. Он взял девушку за руку и сплел пальцы со своими.

— Да,— коротко ответил он.— Думаю, парнишка погиб. Никаких неопровержимых доказательств пока нет, но я думаю так.

Сьюзан медленно покачала головой.

— Надеюсь, ты ошибаешься. Моя мама и еще кое-кто из дам ходили сидеть с миссис Глик — она совершенно обезумела, и ее муж тоже. А второй мальчик бродит по дому, как привидение.

— Угм,— сказал Бен. Он смотрел наверх, на дом Марстена и, в общем-то, не слушал. Ставни были закрыты: они откроются после наступления темноты. Ставни откроются, когда стемнеет. От этой мысли, в которой было очень много от заклятия, Бен ощутил нездоровый озноб.

— М-м? Извини,— он оглянулся на Сьюзан.

— Я сказала, папа хотел, чтобы ты зашел завтра вечером. Сможешь?

— А ты будешь?

— Конечно, буду,— сказала она и посмотрела на него.

— Ладно. Хорошо.— Бену хотелось смотреть на девушку (в лучах заходящего солнца она была прелестна), но его взгляд магнитом притягивал дом Марстена.

— Притягивает, да? — спросила Сьюзан, и то, что она прочла мысли Бена вплоть до метафоры, было почти сверхъестественным.

— Да. Притягивает.

— Бен, о чем твоя новая книга?

— Потом,— ответил он.— Дай ей время. Я расскажу тебе, как только будет можно. Она... она должна разработаться.

В этот самый момент Сьюзан захотелось сказать *«я люблю тебя»* — сказать с той легкостью и беззастенчивостью, с какими эта мысль поднялась к поверхности сознания, но девушка прикусила язык. Ей не хотелось говорить об этом, пока Бен смотрел... смотрел туда наверх.

Она поднялась.

— Пойду, гляну на рагу.

Когда Сьюзан оставила Бена, он курил и глядел наверх, на дом Марстена.

3.

Утром двадцать второго Лоренс Крокетт сидел у себя в конторе, притворяясь, что читает почту понедельника, и глазея на прелести своей секретарши, и тут зазвонил телефон. Крокетт думал о карьере, которую сделал в Салимовом Уделе, о маленькой блестящей машине на подъездной дороге дома Марстена и о сделках с Сатаной.

Еще до того, как они со Стрейкером поимели сделку (ни хрена себе выраженьице, подумал Ларри и медленно обшарил взглядом перед секретаршиной блузки), Лоренс Крокетт без сомнения был самым богатым человеком в Салимовом Уделе и одним из самых богатых в округе Камберленд, хотя ни он сам, ни его контора не наводили на подобные мысли.

Помещение конторы было старым, пыльным и освещалось двумя засиженными мухами желтыми шарами. Письменным столом служило заваленное бумагами, авторучками и почтой древнее бюро с выдвижной крышкой. С одного края стояла баночка с клеем, а с другого — стеклянное квадратное пресс-папье, разные грани которого демонстрировали фотографии домочадцев Крокетта. Наверху штабеля гроссбухов опасно балансировал стеклянный аквариум, полный спичек. Надпись на передней стенке гласила: «Для наших бесспичечных друзей». Кроме трех стальных несгораемых шкафов для документов и секретарского столика в маленькой выгородке, в конторе ничего не было.

Вот только фотографии.

Они были повсюду — приколотые, прикрепленные на ткань или прилепленные липкой лентой ко всем доступным поверхностям. Попадались новые, сделанные «поляроидом». Были и цветные снимки кодаком, сделанные несколькими годами раньше, и все же основная масса представляла собой скрутившиеся, желтеющие черно-белые фото. Под каждым — отпечатанная на машинке сопроводиловка: «Отличная жизнь на лоне природы!» «Шесть комнат, или Селимся на вершине холма!» «Тэггарт-стрим-роуд — 32 000 долларов — дешево!» или «То, что надо сквайру! Десятикомнатный сельский дом, Бернс-роуд». Это наводило на мысли о мрачной, унылой, безнадежной деятельности. Так оно и было до 1967 года. Крокетт, которого сливки общества Салимова Удела считали недалеко ушедшим от лентяя-неумехи, решил тогда, что будущее — за трейлерами. В те смутно вспоминающиеся, давно почившие дни абсолютному большинству трейлер представлялся красивой серебристой штуковиной, которую цепляешь к машине, если захотелось отправиться в Иеллоустонский национальный парк фотографировать жену с детьми на фоне Старого Патриота. В те тусклые мертвые дни вряд ли хоть один человек (исключением не были и сами производители трейлеров) предвидел, что красивые серебристые штуковины сменятся кэмперами, которые подвешиваешь прямо к своему шевви-пикапу или покупаешь укомплектованными, уже с мотором.

Ларри, однако, в знании подобных вещей не нуждался. Он, фантазер-дилетант в лучшем случае, про-

сто поехал в центр, в городскую контору (Ларри в те дни не входил в городской совет — тогда его не выбрали бы и живодером) и просмотрел зональное законодательство Иерусалимова Удела. Оно более чем устроило Ларри. Заглядывая между строк, он видел тысячи долларов. Закон гласил: нельзя содержать общественную свалку или иметь во дворе больше трех бросовых машин, если только у тебя нет разрешения устроить двор для утиля. Или: нельзя построить химический туалет (причудливое и не слишком точное обозначение отхожего места во дворе), если городской санинспектор не дал на это «добро». Вот то-то и оно!

Ларри заложил все до нитки, потом залез в долги и купил три вагончика — не три красивые серебристые штуки, а три длинных, роскошных, зобатых чудовища с облицовкой из пластика под дерево и туалетами. На Повороте, где земля была дешевой, Ларри купил для каждого вагончика делянку в один акр и взялся их продавать. Этим он занимался три месяца, преодолевая некоторое начальное сопротивление тех, кому жизнь в доме, напоминающем пульмановский вагон, казалась сомнительной, и его прибыль приблизилась к десяти тысячам долларов. В Салимов Удел прихлынула волна будущего, и Ларри Крокетт оказался тут как тут, в самых барашках на ее гребне.

В тот день, когда в контору Ларри вошел Р.Т.Стрейкер, Крокетт стоил почти два миллиона. Их он сделал на спекуляции земельными участками в огромном множестве соседних городков (но не в Уделе, девизом Лоренса Крокетта было «не гадь там, где ешь»), основываясь на убеждении, что производство подвижных домов будет разрастаться. Так и вышло — и Господи Боже, как же покатились к Ларри денежки!

В 1965 году Ларри Крокетт стал негласным партнером строительного подрядчика по имени Ромео Пулэн, который строил в Обэрне площадку под супермаркет. Пулэн был ветераном подрезания углов, с его знанием дела и обхождением Крокетта с цифрами они сколотили по семьсот пятьдесят тысяч долларов на нос, но Дядюшке, следовало доложить только про треть. Все это было в высшей степени удовлетворительно, а если крыша супермаркета текла — что ж, такова жизнь.

В 66-68 годах Ларри купил контрольные интересы

в трех мэнских предприятиях, занимающихся передвижными домами, пройдя через бесконечные перемещения владельцев, дабы отвязаться от налоговых инспекторов. Ромео Пулюну он описывал этот процесс так: входишь в тоннель любви с девушкой А, трахаешь у нее за спиной в машине девушку Б и в итоге выходишь, держась за руки с девушкой А. Для Ларри дело кончилось тем, что он покупал передвижные дома сам у себя, и эти кровосмесительные сделки оказались столь здоровыми, что просто пугали.

Сделки с Сатаной, а как же, думал Ларри, тасуя на столе бумаги. Когда заключаешь с ним сделку, так и указания должны приходить как положено — серой.

Трейлеры покупали синие и белые воротнички из низов среднего класса, люди, которые не могли осилить вступительный взнос за более обычный дом или же люди пожилые, искавшие путей увеличить свою социальную защищенность. Для такой публики мысль о совершенно новом шестикомнатном доме была чем-то весьма значительным. Для людей постарше существовало и другое преимущество (упускаемое прочими и подмеченное неизменно проницательным Ларри): все трейлеры были одноэтажными, без лестниц, по которым пришлось бы взбираться.

Финансовый вопрос тоже решался просто. Обычно для продолжения бизнеса хватало первого взноса в размере пятисот долларов. А в скверные дни шестидесятых, во времена финансистов-барракуд, изголодавшихся по дому людей редко осеняло, что выплата остальных девяти с половиной тысяч из двадцати четырех процентов — ловушка.

И Боже правый! Как текли денежки!

Сам Крокетт изменился очень мало даже после того, как сыграл в «давай провернем сделку» со смутившим его покой Стрейкером. Художник-декоратор так и не заглянул в контору, чтобы переоформить ее. Ларри по-прежнему обходился дешевым электрическим вентилятором вместо кондиционирования воздуха, носил все те же лоснящиеся на седалище костюмы или кричащие спортивные куртки со штанами, курил дешевые сигары и все так же забегал субботним вечерком к «Деллу» выпить пива и сыграть с ребятами в «бампер-пул». Недвижимость родного города Ларри держал в руках, что принесло два плода: во-первых,

сделало его избранным старейшиной и, во-вторых, прекрасным образом свело на нет декларацию о доходах, поскольку видимая деятельность Ларри каждый год чуть-чуть не дотягивала до уровня разорения. Помимо дома Марстена Ларри был — и уже давно — агентом по продаже трех дюжин других обветшалых домиков в своем районе. Конечно, подвернулось несколько хороших предложений, но Ларри их так и не протолкнул. В конце концов, денежки к нему уже текли.

Может быть, слишком много денег. Он полагал, что можно обхитрить самого себя.

Войти в тоннель любви с девушкой А, трахнуть девушку Б и выйти рука об руку с девушкой А только для того, чтобы обе отделали тебя, как Бог черепаху. Стрейкер сказал, что свяжется с ним, и было это четырнадцать месяцев назад.

Ну вот, а что, если...

Тут-то и раздался телефонный звонок.

4.

— Мистер Крокетт,— сказал знакомый невыразительный голос.

— Стрейкер, это вы?

— В самом деле.

— Я только что про вас думал. Может, я экстрасенс?

— Крайне удивительно, мистер Крокетт. У меня к вам просьба: нужно, чтобы вы поработали.

— Думаю, можно.

— Пожалуйста, обеспечьте грузовик. Большой. Можно нанять. Пусть сегодня вечером, ровно в семь, он будет в портлендских доках. На Таможенной верфи. Я думаю, двух грузчиков хватит.

— Ладно.— Правой рукой Ларри перевернул листок и нацарапал: «Х. Питерс, Р.Сноу. «Перевозки Генри». Самое позднее шесть.» Он не помедлил, чтобы задуматься, насколько необходимым кажется буквально следовать указаниям Стрейкера.

— Там — дюжина коробок, которые нужно забрать. Все, кроме одной, пойдут в магазин. Эта одна — «Хеппльуайт», чрезвычайно ценный буфет. Его нужно отвезти в дом. Понятно?

— Ага.

— Пусть спустят ее в подвал. Ваши люди смогут войти через наружную пристройку под окнами кухни. Понятно?

— Да. Теперь, этот буфет...

— Попрошу еще об одной услуге. Вы достанете пять крепких йельских амбарных замков. Вам знакома фирма «Йель»?

— Как и всем на свете. Что...

— Ваши грузчики, уходя, запрут черный ход магазина. Ключи ко всем пяти замкам оставят в доме, на столе в подвале. Пусть, уходя, навесят замки на дверь пристройки, парадную дверь, черный ход и сарай, он же гараж. Понятно?

— Да.

— Благодарю, мистер Крокетт. Точно следуйте всем указаниям. Всего доброго.

— Эй, погодите минутку...

Отбой.

5.

Когда большой оранжево-белый грузовик с красующейся на заду и боках надписью «ПЕРЕВОЗКИ ГЕНРИ» подъехал к будке из рифленого металла, стоящей в конце Таможенной верфи портлендских доков, было без двух минут семь. Возвращался прилив. Он лишил чаек покоя, и они с плачем кружили над головой под малиновым закатным небом.

— Господи, да тут ни души,— сказал Ройял Сноу, большим глотком приканчивая остаток пепси и бросая пустую банку на пол кабины.— Загребут нас за взлом!

— Вон кто-то,— ответил Хэнк Питерс.— Легавый.

Легавый оказался ночным сторожем. Он посветил в кабину фонариком.

— Кто из вас Лоренс Крюкэт?

— Крокетт,— поправил Ройял.— Мы от него. Приехали забрать коробки.

— Хорошо,— сказал ночной сторож.— Айда в контору, у меня для вас накладная. Распишетесь.— Он сделал знак Питерсу, который сидел за рулем.— Давай назад, вон туда, к тем двустворчатым дверям, где лампочка горит. Видишь?

— Ага.— Хэнк пустил грузовик задним ходом.

Ройял Сноу последовал за охранником в контору, где булькала кофеварка.

Часы над прикрепленным булавками календарем показывали семь ноль четыре. Ночной сторож порылся в каких-то бумагах на столе и вернулся с книжкой накладных.

— Подпиши тут.

Ройял расписался.

— Пойдешь внутрь, будь поосторожней. Зажги свет. Там крысы.

— Ни разу не видел крысы, которая бы не дала деру вот от этого,— сказал Ройял и описал дугу ногой, обутой в рабочий башмак.

— Это, сынок, портовые крысы,— сухо ответил сторож.— Им и покрупней тебя мужики нипочем.

Ройял вышел из будки и зашагал к дверям склада. Ночной сторож стоял на пороге, глядя ему вслед.

— Осторожней,— сказал Ройял Питерсу.— Дедок говорит, там крысы.

— Добро.— Питерс хихикнул.— «Старина Ларри Крюкэт».

Ройял отыскал за дверью выключатель и зажег свет. Внутри стоял тяжелый запах, в котором смешались ароматы соли, гнилого дерева и сырости. Веселость от него пропадала. От запаха, а еще — от мысли о крысах.

Коробки лежали штабелем посреди широкого складского пола. Кроме них, в помещении ничего не было, и в результате эта груда выглядела несколько зловеще. Буфет стоял в центре, возвышаясь над всем прочим, и только на нем не было надпечатки «Барлоу и Стрейкер, Джойнтер-авеню, 27, Иер.Удел, Мэн».

— Погано, но не слишком,— сказал Ройял. Он сверился со своей копией накладной, а потом пересчитал коробки.— Ага, все здесь.

— Тут крысы,— проговорил Хэнк.— Слышь?

— Ага. Жалкие твари. Ненавижу их.

Оба на секунду умолкли, прислушиваясь к несущимся из тени писку и топоту.

— Ну, давай-ка приступать к делу,— сказал Ройял.— Сперва давай заберем этого малыша-крепыша, чтоб не торчал на дороге, когда доберемся до магазина.

— Ладно.

Они подошли к коробке, и Ройял достал складной нож. Одним быстрым движением он рассек прикрепленный сбоку липкой лентой коричневый конверт с накладной.

— Эй,— сказал Хэнк.— Думаешь, стоит...

— Нам надо убедиться, что мы берем ту хренови-ну, или нет? Вот напутаем, так Ларри наши жопы на свой стенд с бюллетенями прибьет.

Он вытащил квитанцию и заглянул в нее.

— Чего там написано? — поинтересовался Хэнк.

— Героин,— рассудительно ответил Ройял.— Двести фунтов этого дерьма. А еще — тыща шведских книжонок с девочками, три сотни гроссов французских щекотунчиков...

— Дай сюда,— Хэнк вырвал накладную.— Буфет,— сказал он.— Ларри нам так и говорил. Из Англии, из Лондона. В Портленд, Мэн. Французские щекотунчики, чтоб я сдох. Положь на место.

Ройял положил.

— Что-то в этом странное,— сказал он.

— Ага. Ты. Странный, как армия итальяшек.

— Нет, без дураков. На этом раздолбае — ни единого штемпеля с таможни. Ни на коробке, ни на конверте с накладной. На накладной тоже нету. Никаких штемпелей.

— Стало быть, их ставят такими чернилами, что видать только, когда сунешь под специальный черный свет.

— Когда я работал в доках, так никогда не делали. Господи, да там грузы испечатывали вдоль и поперек — за коробку не схватиться было, чтоб не изгваздаться по локоть синими чернилами.

— Отлично. Я очень рад. Но моя жена, бывает, отправляется в постель рано, а я надеялся, что нынче вечером мне что-нибудь обломится.

— Может, если б мы заглянули внутрь...

— Ни в коем разе. Давай. Берись.

Ройял пожал плечами. Они накренили коробку, и внутри что-то тяжело подвинулось. Поднимать ее оказалось сучьей работенкой. В коробке вполне мог оказаться один из комодов со всякими финтифлюшками. Штука была достаточно тяжелой.

Кряхтя и пошатываясь, они прошли к грузовику и с одинаковыми возгласами облегчения взгромоздили свою ношу на гидравлический подъемник. Пока

Хэнк манипулировал подъемником, Ройял стоял сзади. Коробка поравнялась с кузовом грузовика, они вскарабкались туда и втащили ее внутрь.

Чем-то эта коробка не нравилась Ройялу. Не просто отсутствием таможенных штампов. Чем-то, не поддающимся определению. Он смотрел на нее, пока Хэнк не побежал к задней дверке.

— Пошли,— крикнул он,— давай, заберем остальное.

Остальные коробки были проштампованы как положено, кроме тех трех, что приплыли сюда из глубины Соединенных Штатов. Как только они загружали в грузовик очередную коробку, Ройял отмечал ее в накладной и надписывал инициалами. Все коробки, следующие в новый магазин, они поставили возле задней дверцы фургона, подальше от буфета.

— Кто, скажите на милость, скупит всю эту дрянь? — спросил Ройял после того, как они закончили.— Польское кресло-качалка, немецкие часы, прялка из Ирландии... Боже Всемогущий, не сойти мне с этого места, это ж целое состояние, будь оно проклято.

— Туристы,— мудро заметил Хэнк.— Туристы все купят. Кое-кто из этих бостонских да нью-йоркских мешок навоза купит, только бы мешок был *старый*.

— Ладно. Давай, повезли, куда положено.

До Салимова Удела ехали молча. Хэнк сильно жал на газ — ему хотелось разделаться с этой командировкой, у него не лежала к ней душа. Как сказал Ройял, дело было чертовски странным.

Он подъехал к черному ходу нового магазина. Дверь оказалась незаперта, как и предупреждал Ларри. Нашарив на стене за самой дверью выключатель, Ройял пощелкал им, но безрезультатно.

— Вот это мило,— проворчал он.— Придется выгружать эту ерунду, чтоб ее, в темноте... слышь, как по-твоему, не чудно тут попахивает, а?

Хэнк потянул носом. Да, какой-то неприятный запашок был, но сказать точно, что он ему напоминает, Питерс не мог. Сухой запах едко щекотал ноздри, как дыхание застарелого гниения.

— Просто тут слишком долго было закрыто,— сказал он, освещая фонариком длинную пустую комнату.— Вот бы проветрить хорошенько.

— Или хорошенько пустить красного петуха,— отозвался Ройял. Ему это место не нравилось, оно

чем-то отталкивало.— Давай. Попробуем не переломать ноги.

Они сгрузили коробки так быстро, как только смогли, осторожно спуская каждую на землю. Через полчаса Ройял со вздохом облегчения закрыл черный ход и защелкнул на двери один из новых висячих замков.

— Полдела сделано,— сказал он.

— Легкие полдела,— отозвался Хэнк. Он посмотрел наверх, на дом Марстена. В этот вечер свет в доме не горел, ставни были закрыты.— Не лежит у меня душа тащиться туда наверх, и я не боюсь сказать об этом. Коли и был тут когда дом с привидениями, так это он. Не иначе, у этих мужиков крыша поехала — то-то они и пытаются там жить. Один черт, странные они — любовь у них друг с дружкой, что ли...

— Как у этих, голубых, которые дома изнутри украшают,— согласился Ройял.— Может, они хотят попробовать дом за деньги показывать? Хороший бизнес.

— Ну, давай работать, коли подрядились.

Они бросили последний взгляд на запакованный буфет, прислоненный к боку «ПЕРЕВОЗОК», а потом Хэнк сдернул заднюю дверцу вниз. Та громко лязгнула. Он сел за руль, и они поехали вверх по Джойнтер-авеню на Брукс-роуд. Минутой позже впереди вырос темный, поскрипывающий дом Марстена, и Ройял почувствовал, как в животе червяком закопошилась первая ниточка настоящего испуга.

— Боженька ты мой, вот где страх-то,— пробормотал Хэнк.— Кому это припала охота тут жить?

— Не знаю. Не видишь, горит за ставнями свет?

— Не горит.

Казалось, дом клонится к грузовику, словно ждет не дождется их прибытия. Хэнк прогнал грузовик по подъездной дороге и вокруг дома. И он, и Ройял не слишком пристально вглядывались в то, что мог выхватить в буйной траве заднего двора прыгающий свет фар. Хэнк ощутил, как в сердце проникает напряжение страха, какого он не чувствовал даже в Наме, хотя боялся там почти постоянно. Тогдашний страх шел от рассудка: страшно было наступить на эпонж и увидеть, как нога вздувается наподобие ядовито-зеленого воздушного шара, страшно, что какой-нибудь парнишка в черной пижаме, имя которого без поллитры

было просто не выговорить, может снести тебе голову из русского автомата. Страшно, что окажешься в одном патруле с каким-нибудь чокнутым джейком, которому может приспичить, чтобы ты уничтожил всех поголовно в деревне, где уже неделю нету вьетконга. А этот страх был детским, призрачным. Он ни к чему конкретно не относился. Дом как дом — доски, пороги, гвозди и подоконники. Не было никакой — совершенно никакой — причины ощущать, что каждая трещинка выдыхает меловой аромат зла. Просто дурацкие выдумки, все от них. Привидения? После Вьетнама Хэнк в привидения не верил.

Ему пришлось дважды нащупывать передачу, чтобы дать задний ход, а потом грузовик рывками подкатил к ведущей в подвал пристройке. Заржавевшие двери были раскрыты, и в красном свечении задних фар фургона казалось, будто невысокие каменные ступени ведут в ад.

— Черт, *ничего* не просекаю,— сказал Хэнк. Он попытался улыбнуться, но вышла гримаса.

— И я тоже.

Придавленные страхом грузчики переглянулись в слабом свете приборного щитка. Но детство давно миновало. Они не могли вернуться, не сделав дело из-за неразумного страха — как потом объясняться при ярком свете дня? Работа должна быть сделана.

Хэнк вырубил мотор, они выбрались наружу и обошли грузовик. Ройял забрался наверх, высвободил стяжной болт и откатил дверку по направляющим.

Коробка стояла в кузове — приземистая, немая, все еще в налипших опилках.

— О Господи, не хочу я тащить ее туда, вниз! — сдавленно выговорил Хэнк Питерс, и его голос прозвучал почти как всхлип.

— Давай-давай,— сказал Ройял.— Давай отделаемся от этой штуки.

Они выволокли коробку на подъемник и под шипение утекающего воздуха начали опускать на землю. Когда коробка оказалась на уровне пояса, Хэнк отпустил рычаг, и они ухватились за нее.

— Легче...— ворчал Ройял, пятясь к ступенькам.— Легче давай... легче...— В красном свечении задних фар его лицо было напряженным и зажатым, как у человека с сердечным приступом.

Он пятился по лестнице, ступая на каждую сту-

пеньку. Задравшись кверху, коробка опрокинулась ему на грудь, и Ройял почувствовал, как его, будто каменной плитой, придавила страшная тяжесть. Позже Ройял будет думать: да, коробка была тяжелой, но не настолько. Им с Хэнком приходилось таскать для Ларри Крокетта грузы и потяжелее — и вверх по лестницам, и вниз. Но в атмосфере этого дома присутствовало нечто, лишающее вас присутствия духа, и ни к чему хорошему это не вело.

Ступеньки оказались гадко-скользкими. Ройял дважды шатался на самой грани равновесия, страдальчески выкрикивая: «Эй! Ради Бога! Осторожней!»

Потом лестница кончилась, над головой навис потолок, да так низко, что буфет Ройял с Хэнком заносили, согнувшись, как две ведьмы-карги.

— Ставь сюда! — выдохнул Хэнк.— Дальше тащить не могу!

Опустив с глухим стуком буфет, они отступили в сторону и, обменявшись взглядом, поняли, что некая таинственная алхимия превратила страх едва ли не в ужас. Подвал вдруг показался полным таинственного шуршания. Крысы, может быть... или такое, о чем даже думать невыносимо. Они пустились наутек — Хэнк впереди, Ройял следом,— взбежали по ступенькам наверх, и Ройял, пошарив за спиной, захлопнул двери пристройки. Они вскарабкались в кабину «ПЕРЕВОЗОК». Хэнк завел машину и включил передачу, но Ройял вцепился ему в руку. В темноте его лицо показалось сплошными глазами — огромными, неподвижными.

— Хэнк, а замки мы так и не повесили.

Оба уставились на скрепленную мотком проволоки связку новых амбарных замков, которая лежала на приборном щитке грузовика. Хэнк сунул руку в карман и извлек кольцо с ключами — пять новеньких йельских ключиков. Один должен был подойти к замку на дверях черного хода магазина в городе, четыре — к замкам здесь, в доме. На каждом ключе висела аккуратная бирка.

— О Боже,— сказал он.— Слышь, а что, коли вернуться завтра утречком, пораньше...

Но Ройял отцепил прикрепленный под приборным щитком фонарик.

— Так не пойдет,— сказал он.— Сам же знаешь.

Они выбрались из кабины. Потные лбы овеял прохладный вечерний ветерок.

— Иди разберись с черным ходом,— велел Ройял.— А я возьмусь за парадные двери и сарай.

Они разделились. Хэнк направился к черному ходу. Сердце тяжело бухало в груди. Ему пришлось дважды нащупывать скобу, чтобы продеть в нее дужку замка.

В такой близи от дома запах старины и гнилого дерева был почти осязаем. В голову Хэнку вдруг полезли все осмеянные в детстве россказни про Хьюби Марстена, а с ними и припевка, с которой они носились за девчонками: «раз-два-три-четыре-пять, не ходи гулять, а то Хьюби придет, на тот свет заберет... *не ходи гулять...*»

— Хэнк?

Он резко втянул воздух, и второй замок выпал у него из рук. Хэнк подобрал его.

— Соображать же надо! Какого лешего подкрадываешься? Ты уже?

— Ага. Хэнк, кто снова полезет в погреб класть ключи на стол?

— Не знаю,— ответил Хэнк Литерс.— Я не знаю.

— Думаешь, лучше кинуть монетку?

— Ага. По мне, это самое толковое.

Ройял вынул четвертак.

— Скажешь, пока лететь будет,— он подкинул монету.

— Решка.

Ройял поймал четвертак на руку, пришлепнул и показал. Ровно поблескивая, на них смотрел орел.

— Иисусе,— страдальчески выговорил Хэнк. Однако взял ключи и фонарик и снова открыл дверь пристройки.

Он заставил ноги отнести его вниз по лестнице. Когда потолок перестал нависать над самой головой, Хэнк осветил фонариком видимую часть подвала, который тридцатью футами дальше делал поворот в виде буквы «Г» и уходил Бог весть куда. Луч выхватил из мрака стол, накрытый пыльной клетчатой скатертью. На столе сидела огромная крыса. Свет упал на нее, но она не шелохнулась — сидела на пухлых задних лапах и буквально ухмылялась.

Хэнк прошел мимо коробки к столу.

— Кшшш! Крысятина!

Крыса спрыгнула со стола и затрусила прочь, за поворот. Руки у Хэнка затряслись, и луч фонарика

рывками заскользил с места на место, выхватывая то пыльную бочку, то сосланный сюда письменный стол, сделанный не один десяток лет назад, то кипу старых газет, то... Хэнк судорожно вернул луч фонарика к газетам и, высветив что-то слева от них, шумно втянул воздух. Рубашка... что это, рубашка? Свернутая, как старая тряпка. Дальше лежало то, что могло быть джинсами. И еще... похожее на...

У Хэнка за спиной что-то громко треснуло.

Он поддался панике, швырнул ключи на стол и широким шагом, сбиваясь на бег, двинулся в обратный путь. Проходя мимо коробки, он понял, откуда донесся звук. Одна из алюминиевых лент лопнула и теперь, как палец, указывала зазубринами в низкий потолок.

Спотыкаясь, Хэнк одолел лестницу, захлопнул за собой дверь пристройки (все тело покрылось гусиной кожей, но это он осознает только потом), защелкнул замок и побежал к кабине грузовика. Дышал он судорожно, часто, со свистом, как раненая собака. Как сквозь вату донесся голос Ройяла — тот спрашивал, в чем дело, что там внизу творится. Потом Хэнк погнал грузовик, который на двух колесах с визгом и ревом обогнул угол дома, зарываясь в мягкую землю. Хэнк мчался в сторону города, к конторе Лоренса Крокетта, не сбавляя скорости до самой Брукс-роуд. А потом его так затрясло, что он испугался, как бы не пришлось остановиться.

— Чего там внизу было? — спросил Ройял.— Чего ты увидал?

— Ничего,— ответил Хэнк Питерс. Слово выбралось наружу, разрубленное на слоги клацающими зубами.— Ничего я не видел и видеть больше не хочу. Никогда.

6.

Ларри Крокетт собрался закрыть лавочку и пойти домой, и тут, предварительно постучавшись, опять вошел Хэнк Питерс. Он все еще выглядел испуганным.

— Что-нибудь забыл, Хэнк? — спросил Ларри. Когда грузчики вернулись из дома Марстена, вид у обоих был такой, словно кто-то крепко ущипнул их за яйца.

Ларри выдал каждому по десять долларов сверх обещанного, по две непочатых упаковки «Черной этикетки» и намекнул: не будет ли много лучше, если оба воздержатся от лишней болтовни насчет вечерней загородной прогулки?

— Мне надо вам сказать,— объявил Хэнк на этот раз.— Ничего не поделаешь, Ларри. Я должен.

— Конечно, давай,— сказал Ларри. Он открыл нижний ящик стола, достал бутылку «Джонни Уокера» и плеснул понемножку в пару чашек.— Что у тебя на уме?

Хэнк набрал полный рот виски, скорчил гримасу и проглотил.

— Понес я эти ключи вниз, положить на стол, и смотрю — вроде как одежка. Рубашка и какие-то штаны, что ли... и одна кроссовка. По-моему, кроссовка, Ларри.

Ларри пожал плечами и улыбнулся.

— И что же? — ему казалось, будто в груди покоится большая глыба льда.

— Тот мальчонка, Глик... он был в джинсах. Так в «Леджере» сказано. В джинсах и красной рубашке... пуловере. И в кроссах. Ларри, а ну как...

Ларри продолжал улыбаться, чувствуя, что улыбка примерзла к губам. Хэнк судорожно сглотнул.

— А ну как типы, которые купили дом Марстена и этот магазин, пришпокнули мальчонку Гликов? — Ну вот. Слово было сказано. Хэнк проглотил остававшийся в чашке жидкий огонь.

Ларри, улыбаясь, спросил:

— Может, ты и труп видел?

— Нет... нет. Но...

— Тут бы разобраться полиции,— проговорил Ларри Крокетт. Он снова наполнил чашку Хэнка, и рука у него ни капли не дрожала. Она была холодной и твердой, как камень в застывшем ручье.— И я отвез бы тебя прямиком к Паркинсу. Но такая штука...— Он покачал головой.— Может вылезти куча неприятных вещей. К примеру, про вас с той официанткой из «Делла»... ее Джеки звать, так?

— Чего это вы, черт побери, болтаете? — Лицо Хэнка стало мертвенно-бледным.

— А насчет твоего позорного увольнения они выяснят как штык. Но ты выполняй свой долг, Хэнк. Делай, как считаешь нужным.

— Никакого трупа я не видел,— прошептал Хэнк.

— Вот и хорошо,— улыбаясь, сказал Ларри.— А может, ты и шмоток никаких не видел? Может, это были просто... тряпки.

— Тряпки,— глухо повторил Хэнк Питерс.

— Конечно. Ты же знаешь, что такое старые дома. Какого только хлама там нет! Может, ты видел какую-нибудь старую рубашку или что другое, разорванное на тряпки для уборки?

— Точно,— сказал Хэнк. Он во второй раз осушил стакан.— Хороший у вас способ смотреть на вещи.

Крокетт вынул из заднего кармана бумажник, раскрыл и отсчитал пять десятидолларовых бумажек.

— Это за что?

— В прошлом месяце забыл заплатить тебе за ту работу для Бреннана. Ты давай тормоши меня насчет таких дел, Хэнк. Знаешь ведь, как я все забываю.

— Но вы же...

— Господи,— с улыбкой перебил Ларри,— вот ты можешь сидеть на этом самом месте и что-нибудь мне рассказывать, а наутро я ни слова не вспомню. Вот жалость-то, а?

— Да,— еле слышно отозвался Хэнк. Протянув дрожащую руку, он взял банкноты и запихал в нагрудный карман куртки, словно торопился избавиться от прикосновения к ним. И поднялся, да так поспешно, что чуть не перевернул стул.— Слушайте, Ларри, мне надо идти. Я... я не... Мне надо идти.

— Прихвати бутылку,— предложил Ларри, но Хэнк уже выходил за дверь. Он не остановился.

Ларри снова сел. И налил себе еще. Руки у него по-прежнему не дрожали. Закрывать свою лавочку он не стал. Он выпил стакан, потом еще. И думал о сделках с дьяволом. Наконец, зазвонил телефон. Ларри взял трубку. Послушал.

— Меры приняты,— сказал Ларри Крокетт.

Послушал. Повесил трубку. И опять наполнил стакан.

7.

Назавтра Хэнк Питерс ни свет ни заря очнулся от сна, в котором огромные крысы выползали из откры-

той могилы, из могилы, где лежало зеленое сгнившее тело Хьюби Марстена с куском манильской пеньки вокруг шеи.

Питерс лежал, приподнявшись на локтях и тяжело дыша, обнаженный торс блестел от пота, а когда его руки коснулась жена, он не сдержал крика.

8.

Сельскохозяйственный магазин Милта Кроссена располагался на углу, образованном пересечением Джойнтер-авеню и Рэйлроуд-стрит. Когда начинался дождь, и парк делался необитаемым, все старые чудаки отправлялись туда. Долгими зимами они прочно обосновывались в магазине, коротая там день за днем.

Когда в своем тридцать девятом (или это был сороковой?) паккарде подъехал Стрейкер, еле моросило. Милт Кроссен с Пэтом Миддлером вели бессвязный разговор о том, когда сбежала девчонка Фредди Оверлока, Джуди: в пятьдесят седьмом, или же в пятьдесят восьмом. Оба сходились на том, что сбежала она с коммивояжером из Ярмута и оба были согласны, что тот и коровьей лепешки не стоил — впрочем, как и сама Джуди,— но дальше этого столковаться не могли.

Стоило Стрейкеру войти в магазин, как все разговоры оборвались.

Он оглянулся на них: на Милта с Пэтом Миддлером, на Джо Крейна, Винни Апшо и Клайда Корлисса — и улыбнулся без тени веселья.

— Добрый день, джентльмены,— сказал он.

Милт Кроссен поднялся, чопорно подтягивая передник.

— Чем могу?

— Замечательно,— сказал Стрейкер.— Будьте добры заняться вон тем контейнером с мясом.

Он купил говяжью вырезку, дюжину превосходных ребер, несколько гамбургеров и фунт телячьей печенки. К этому он добавил немного бакалеи — муку, сахар, бобы — и несколько буханок полуфабрикатного хлеба.

Покупки он делал в полной тишине. Завсегдатаи магазина сидели вокруг большого обогревателя «Пэрл-

Кинео», приспособленного отцом Милта для отмеривания масла, курили, с умным видом поглядывали на небо, а краешком глаза наблюдали за чужаком.

Когда Милт закончил упаковывать товар в большую картонку, Стрейкер расплатился наличными, двадцаткой и десяткой. Он взял коробку, сунул подмышку и опять сверкнул суровой, лишенной веселости улыбкой.

— До свидания, джентльмены,— сказал он и вышел.

Джо Крейн набил свою сделанную из кукурузного початка трубку порцией «Плантера». Клайд Корлисс откашлялся и сплюнул обильную мокроту пополам с жеваным табаком в помятый бачок, стоящий рядом с обогревателем. Винни Апшо извлек из недр жилетки старенькую машинку для сворачивания папирос, всыпал туда струйку табака и распухшими от артрита пальцами вставил папиросную бумагу.

Они наблюдали, как незнакомец поднимает картонку в машину. Все знали, что вместе с бакалеей картонка должна весить фунтов тридцать, и все видели, как Стрейкер, выходя, сунул ее подмышку, словно пуховую подушку.

Стрейкер обошел машину, сел за руль и поехал по Джойнтер-авеню. Проехав вверх по холму, машина свернула влево на Брукс-роуд, исчезла и несколькими минутами позже опять появилась за ширмой деревьев, уменьшенная расстоянием до размеров игрушки. Она свернула на въезд во двор Марстена и исчезла из вида.

— Странный тип,— сказал Винни. Он воткнул в рот папиросу, стряхнул с ее кончика несколько крупинок табака и достал из жилетного кармана спички.

— Должно быть, один из этих... которые купили тот магазин,— заметил Джо Крейн.

— И дом Марстена тоже,— согласился Винни.

Клайд Корлисс пукнул.

Пэт Миддлер с большим интересом ковырял мозоль на левой ладони.

Прошло пять минут.

— Как думаешь, сладится у них дело? — Клайд ни к кому конкретно не обращался.

— Может быть,— сказал Винни.— Летом дела могут пойти куда как бойко. Нынче трудно раскумекать, что к чему.

Общий согласный ропот, почти вздох.

— Сильный мужик,— сказал Джо.

— Угм,— ответил Винни.— Надо же, тридцать девятого года паккард, и ни пятнышка ржавчины.

— Сорокового,— поправил Клайд.

— У сорокового подножек нету,— сказал Винни.— Тридцать девятый это был.

— Ошибаешься,— сказал Клайд.

Прошло пять минут. Они увидели, что Милт изучает двадцатку, которой расплатился Стрейкер.

— Чего, Милт, липа? — спросил Пэт.— Этот мужик тебе липу подсунул?

— Нет, но поглядите,— Милт передал кредитку через прилавок, и все уставились на нее. Кредитка была гораздо больше обычного банкнота.

Пэт подержал ее против света, изучил, потом перевернул.

— Серия-то Е-20, а, Милт?

— Ага,— подтвердил Милт.— Их перестали делать сорок пять, а то и пятьдесят лет назад. По-моему, в Портленде, в «Эркед-койн» за эту штуку кой-чего заплатят.

Пэт пустил бумажку по кругу. Каждый изучил ее, держа либо у самого носа, либо как можно дальше от глаз — в зависимости от дефектов зрения. Джо Крейн вернул бумажку Милту, и тот сунул купюру под ящик кассы, к чекам и купонам.

— Занятный мужик, занятный,— протянул Клайд.

— Угм,— сказал Винни и помолчал.— Хотя это был тридцать девятый. У моего сводного брата Вика такой был. Первая его собственная машина. Он ее подержанную купил, в сорок четвертом. Однажды утром слил из нее масло и сжег поршни, чтоб им.

— По-моему, это был сороковой,— сказал Клайд.— Потому как я помню: на юге, около Альфреда, был один мужик, стулья плетеные делал, так он подъезжал прямехонько к твоему дому — мужик этот — и...

Так начался спор, развивающийся больше молчанием, чем речами, как шахматная партия по переписке. И казалось, их день замер на месте, простершись в вечность, а Винни Апшо принялся со сладостной артритной неторопливостью скручивать еще одну папиросу.

9.

Когда в дверь постучали, Бен работал, поэтому он сперва отметил, где остановился, а уж потом встал и пошел открывать. Это было в самом начале четвертого, в среду, двадцать четвертого сентября. Дождь покончил со всякими планами дальнейших поисков Ральфи Глика, и все сошлись на том, что искать хватит. Парнишка Гликов пропал, как сквозь землю провалился.

Бен открыл. На пороге, дымя сигаретой, стоял Паркинс Джиллеспи. В руке он держал книжку в мягкой обложке. Бен с некоторым изумлением увидел, что это бэнтамовское издание «Дочери Конвея».

— Заходите, констебль,— сказал он.— Там снаружи мокро.

— Есть немного,— согласился Паркинс, переступая порог.— В сентябре погода гриппозная. Я-то сам без галош не выхожу. Есть такие, что смеются, только гриппа у меня не бывало с сорок четвертого — тогда я подцепил эту пакость во Франции.

— Плащ кладите на кровать. Жалко, не могу угостить вас кофе.

— Ну, мне бы в голову не пришло мочить кровать,— сказал Паркинс и стряхнул пепел в корзинку для мусора.— А потом, я только-только выпил чашку кофе у Полины, в «Экселленте».

— Я могу быть чем-нибудь полезен?

— Ну... моя жена прочла вот это...— Констебль протянул книгу.— Она у меня дикарка, но прослышала, что вы в городе и вроде как подумала, может, подпишете на книжке свое имя или что...

Бен взял книгу.

— Послушать Проныру Крейга, так ваша жена уже лет четырнадцать или пятнадцать на том свете.

— Вон что? — Паркинс, казалось, вовсе не удивился.— Этого Проныру хлебом не корми, дай потрепаться. В один прекрасный день разинет рот слишком широко, да туда и ухнет.

Бен ничего не сказал.

— Как по-вашему, ежели так, можете вы мне ее подписать?

— С превеликим удовольствием.— Бен взял со стола ручку, раскрыл книгу на форзаце («Кусок жизни!» — кливлендский «Честняга»), написал: «Кон-

стеблю Джиллеспи с наилучшими пожеланиями от Бена Мирса. 24.09.75» и протянул книгу обратно.

— Ценю,— сказал Паркинс, даже не взглянув, что же написал Бен. Он наклонился и потушил окурок о бортик корзинки для мусора.— Единственная подписанная книжка, какая у меня есть.

— Пришли меня повязать? — спросил Бен с улыбкой.

— Быстро вы соображаете,— сказал Паркинс.— Раз уж пошел такой разговор, так я подумал, что надо заглянуть, задать пару вопросов. Ждал, пока Нолли куда-то не свалил. Он парень хороший, только тоже любит потрепаться. Батюшки, как же тут сплетничают.

— Что вам хотелось бы знать?

— Главным образом, где вы были в прошлую среду вечером.

— В тот вечер, когда пропал Ральфи Глик?

— Угу.

— Констебль, вы меня подозреваете?

— Нет, сэр. Подозреваемых у меня нету. Это, можно сказать, не мое дело. Вот ловить тех, кто ездит быстрей положенного на дороге возле «Делла» или гонять из парка ребятишек, пока они не разорались да не расхамились — это больше по моей части. Просто совать нос то туда, то сюда.

— Предположим, я не хочу рассказывать.

Паркинс пожал плечами и вытащил сигареты.

— Твое дело, сынок.

— Я обедал со Сьюзан Нортон и ее родителями. Поиграл с ее отцом в бадминтон.

— Провалиться мне, коли Билл тебя не обставил, а? Он всегда обыгрывает Нолли. Нолли на стенку лезет — до того ему охота хоть разок общелкать Билла Нортона. Во сколько ты ушел?

Бен рассмеялся, но веселья в его смехе было немного.

— Смотрите в корень, а?

— Знаешь,— сказал Паркинс,— будь я одним из нью-йоркских детективов из телевизора, я б подумал, тебе есть что скрывать — так ты вокруг моих вопросов польку вытанцовываешь.

— Скрывать мне нечего,— ответил Бен.— Просто устал быть в городе чужаком, в которого тычут пальцем... а стоит появиться в библиотеке, все принимают-

ся толкать друг дружку локтем в бок. Теперь с обычной песенкой являетесь вы — тоже мне янки-коммивояжер,— чтобы выяснить, нет ли в моем шкафу скальпа Ральфи Глика.

— Нет, так я не думал, вовсе нет.— Паркинс взглянул на Бена поверх сигареты и его глаза посуровели.— Пытаюсь тебя отсечь, вот и все. Кабы мне взбрело в голову, что ты имеешь хоть какое-то отношение хоть к чему-то, сидел бы ты в кутузке.

— Ладно,— сказал Бен.— Я ушел от Нортонов около четверти восьмого. И пешочком прогулялся до Школьного холма. Когда стало слишком темно, чтобы видеть, я вернулся сюда, поработал пару часов и лег спать.

— Во сколько ты сюда вернулся?

— По-моему, в четверть девятого. Что-то около того.

— Ну, это отмывает тебя меньше, чем мне хотелось бы. Видел кого?

— Нет,— ответил Бен.— Никого.

Паркинс уклончиво крякнул и прошел к пишущей машинке.

— О чем пишешь?

— Не вашего ума дело,— сказал Бен и его тон стал непроницаемым.— Скажу спасибо, если не будете лезть туда ни руками, ни глазами. Если только, конечно, у вас нет ордера.

— Больно ты обидчивый для человека, который пишет книжки, чтобы их читали.

— Вот пройдет моя писанина через три черновика, редакторскую правку, окончательный набор и печать — я лично прослежу, чтобы вы получили четыре экземпляра. С автографом. А пока эти бумаги относятся к разряду личных.

Паркинс улыбнулся и отошел.

— Годится. Хотя все равно мне чертовски сомнительно, что там — подписанное признание.

Бен вернул улыбку.

— Марк Твен сказал: роман — признание во всем человека, который так ничего и не совершил.

Паркинс выпустил струю дыма и пошел к двери.

— Не стану больше капать на ваш коврик, мистер Мирс. Хочу сказать спасибо, что потратили на меня время... и просто для памяти: думаю, вы этого парнишку, Глика, и в глаза не видели. Но такая уж у меня работа — расспрашивать про всякую хренотень.

Бен кивнул.

— Понятно.

— И надо бы вам знать, как оно в городках вроде Салимова Удела, или Милбриджа, или Гилфорда, или в любом ссаном «бурге». Пока не проживешь в городке лет двадцать, все будешь чужаком.

— Знаю. Извините, если фыркнул на вас. Но после того, как неделю ищешь и ни шиша не находишь...

Бен потряс головой.

— Да,— согласился Паркинс.— Для матери беда. Страшная беда. Вы поосторожней.

— Конечно,— сказал Бен.

— Не обиделись?

— Нет.— Он помолчал.— Скажете мне одну вещь?

— Коли смогу.

— Где вы взяли эту книжку? Честно?

Паркинс Джиллеспи улыбнулся.

— Ну, есть в Камберленде один малый, держит сарай для подержанной мебели. Такой неженка, по фамилии Гендрон. Продает мягкие книжки по десять центов за штуку. Таких у него было пять.

Бен запрокинул голову и расхохотался, а Паркинс Джиллеспи вышел, улыбаясь и попыхивая сигаретой. Бен подошел к окну и смотрел, пока не увидел, как констебль появился на улице и перешел дорогу, осторожно ступая черными галошами, чтобы не угодить в лужу.

10.

До того, как постучаться, Паркинс на минуту остановился, чтобы заглянуть в витрину нового магазина. Когда здесь помещалась Деревенская Лохань, человек, заглянувший в это окно, увидел бы только множество толстых баб в бигуди, которые добавляли отбеливатель или вытаскивали из приделанной к стене машины чистое белье, и все они чуть ли не поголовно жевали резинку — ни дать ни взять коровы с пастью, полной жвачки. Однако вчера и почти весь день сегодня тут простоял грузовик портлендского художника-оформителя, так что магазин выглядел сильно изменившимся.

На витрину взгромоздили платформу, укрытую

образчиком толстого узловатого ковра светло-зеленого цвета. Наверху пара невидимых с улицы прожекторов заливала мягким светом три расставленных в витрине предмета, выделяя их: часы, прялку и старомодный кабинет черешневого дерева. Перед каждым предметом стояла небольшая подставка, на подставке — ярлычок с разумной ценой... да Господи, неужто найдется человек, который в здравом уме выложит шесть сотен за прялку, коли можно съездить в центр, в «Вэлью-хаус», и за сорок восемь долларов девяносто пять центов купить «Зингер»?

Паркинс вздохнул, подошел к двери и постучал.

Не прошло и секунды, как та открылась, будто новый мужик прятался за ней, поджидая, чтобы Паркинс подошел.

— Инспектор! — еле заметно улыбаясь, сказал Стрейкер.— Как хорошо, что вы заглянули.

— Наверное, просто констебль, по старинке,— сказал Паркинс, закурил «Пэлл Мэлл» и небрежно вошел.— Паркинс Джиллеспи, приятно познакомиться.— Он сунул Стрейкеру ладонь. Ладонь ухватили, легонько сжали пальцами, показавшимися на ощупь ненормально сильными и очень сухими, потом выпустили.

— Ричард Трокетт Стрейкер,— сообщил лысый мужчина.

— Я догадался,— сказал Паркинс, оглядываясь по сторонам. Весь магазин был застлан и отдан во власть маляров. Запах свежей краски был приятным, но сквозь него словно бы пробивался какой-то другой неприятный запашок. Его Паркинс распознать не сумел. Он снова переключил внимание на Стрейкера.

— Чем могу быть полезен в такой прекрасный день? — поинтересовался тот.

Паркинс обратил свой мягкий взгляд за окно, где безостановочно лил дождь.

— Да, по-моему, ничем. Просто заскочил узнать, как дела. Более или менее сказать вам «добро пожаловать в город» и пожелать удачи.

— Какая чуткость. Хотите кофе? Чуточку шерри? Там внутри у меня есть и то, и другое.

— Нет, спасибо, задерживаться не могу. Мистер Барлоу тут?

— Мистер Барлоу в Нью-Йорке на закупках. До десятого октября — самое раннее — я его не жду.

— Стало быть, откроетесь без него,— сказал Паркинс, думая, что, если цены на витрине хоть о чем-то говорят, вряд ли у Стрейкера не будет отбою от покупателей.— Кстати, а звать Барлоу?

Снова явилась тонкая, как лезвие, улыбка Стрейкера.

— Это профессиональный интерес, констебль?

— Не-а. Просто любопытно.

— Полное имя моего партнера — Курт Барлоу,— сказал Стрейкер.— Мы работали вместе и в Лондоне, и в Гамбурге. Это,— он повел рукой вокруг себя,— наш уход от дел. Скромно. И тем не менее, со вкусом. Мы ожидаем, что заработаем только на прожитие, не более. И все-таки оба любим старые вещи... отличные вещи... и надеемся приобрести репутацию в округе... может быть, даже во всем вашем таком чудесном регионе Новая Англия. Как вы думаете, констебль, это возможно?

— По мне, так все может быть,— ответил Паркинс, озираясь в поисках пепельницы. Ничего такого он не увидел и стряхнул пепел в карман плаща.— Ну, все равно, надеюсь, вам повезет как нельзя лучше... увидите мистера Барлоу, скажите, что я постараюсь наведываться.

— Хорошо,— сказал Стрейкер.— Он получает огромное удовольствие от общения.

— Отлично,— сказал Джиллеспи. Он пошел к дверям, помедлил, оглянулся. Стрейкер пристально смотрел на него.— Кстати, как вам этот старый дом?

— Требуется очень много потрудиться,— отозвался Стрейкер.— Но время у нас есть.

— Уж наверное,— согласился Паркинс.— Не думаю, чтоб вы встречали тут поблизости молодняк.

— Молодняк? — брови Стрейкера сдвинулись.

— Ну, ребятишек,— терпеливо пояснил Паркинс.— Знаете, как они иногда любят подразнить новеньких. Швыряют камнями, или звонят в звонок — и деру... всякое такое.

— Нет,— сказал Стрейкер.— Никаких детей.

— Похоже, мы одного вроде как потеряли.

— Вот как?

— Да,— рассудительно произнес Паркинс.— Да, так. Теперь думают, может, нам его уж и не найти. Живым.

— Какой позор,— отстраненно заметил Стрейкер.

— Вроде того. Ежели что увидите...

— Разумеется, я моментально сообщу вам в контору,— он снова прохладно улыбнулся.

— Вот и хорошо,— сказал Паркинс. Он открыл дверь и смиренно взглянул на проливной дождь.— Скажите мистеру Барлоу, что я смотрю в будущее.

— Конечно, констебль Джиллеспи. *Чао.*

Паркинс озадаченно оглянулся.

— *Чава?*

Улыбка Стрейкера стала шире.

— До свидания, констебль Джиллеспи. Это известное итальянское выражение, и означает оно «до свидания».

— О? Ну, каждый день узнаешь что-нибудь новое, верно? Пока.

Он вышел под дождь и затворил за собой дверь.

— Мне-то оно неизвестное, не-ет.

Сигарета Паркинса намокла, и он ее выкинул.

Изнутри Стрейкер через витрину следил, как констебль уходит по улице от магазина. Он больше не улыбался.

11.

Добравшись до своего кабинета, Паркинс позвал:

— Нолли? Нолли, ты здесь?

Никакого ответа. Паркинс кивнул. Нолли был хорошим парнишкой, только вот мозгов у него чуток не хватало. Он снял плащ, расстегнул галоши, уселся за свой стол, отыскал в портлендской телефонной книге номер и набрал его. Трубку на другом конце провода сняли после первого же гудка.

— Портленд, ФБР. Агент Хэнрахэн.

— Говорит Паркинс Джиллеспи, констебль населенного пункта Иерусалимов Удел. У нас тут мальчик пропал...

— Так, понятно,— твердо сказал Хэнрахэн.— Ральф Глик. Девять лет, четыре фута три дюйма, волосы черные, глаза голубые. Что, рапорт о похищении?

— Вовсе нет. Можете кой-кого для меня проверить?

Хэнрахэн ответил утвердительно.

— Первый — Бенджамен Мирс. М-И-Р-С. Писа-

тель. Написал книжку под названием «Дочь Конвея». Два других вроде как в связке. Курт Барлоу. Б-А-Р-Л-О-У. А второй...

— Этот Курт пишется через «т» или через «д»? — спросия Хэнрахэн.

— Не знаю.

— Ладно. Продолжайте.

Потея, Паркинс продолжил. Общение с настоящим законом всегда заставляло его чувствовать себя идиотом.

— Второй — Ричард Трокетт Стрейкер. С двумя «т» на конце, а Стрейкер — как слышится. Этот тип и Барлоу занимаются мебельным и антикварным бизнесом. Только что открыли тут, в городе, магазинчик. Стрейкер утверждает, что Барлоу на закупках в Нью-Йорке. И еще — что они вместе работали в Лондоне и Гамбурге. По-моему, отличное прикрытие.

— Вы подозреваете этих людей по делу Глика?

— Покамест я не знаю, есть ли такое дело вообще. Но они объявились в городе примерно в то самое время.

— Думаете, Мирс как-то связан с двумя другими?

Паркинс откинулся на спинку стула и одним глазом глянул в окно.

— Это,— сказал он,— одна из тех вещей, которые я хотел бы выяснить.

12.

В ясные, прохладные дни телефонные провода издают странное гудение, словно вибрируют от передающейся по ним болтовни. Этот звук — одинокий голос, летящий в пространстве,— не спутать ни с чем. Зимние заморозки и оттепели придали серым, занозистым телефонным столбам небрежный наклон и сделали не такими деловитыми и вымуштрованными, как столбы, закрепленные намертво цементом. Их основания черны от гудрона, если они стоят рядом с мощеной дорогой, или припудрены пылью, если дорога эта — проселочная. На поверхности столбов, там, где карабкались что-то исправить монтеры (в сорок шестом, пятьдесят втором или шестьдесят девятом), видны старые, побитые ветром и дождями метки от монтерских «кошек». Птицы — вороны, воробьи, скворцы, малиновки — усаживаются на гудящие провода и

сидят в нахохленном молчании, возможно, слыша когтистыми лапками звуки чужой, человеческой, речи. Если так, их глаза-бусинки ничем этого не выдают. Город чувствует ход времени, а не истории, и, кажется, телефонным столбам это известно. Если положить на такой столб ладонь, можно почувствовать дрожь от идущих в глубине древесины кабелей (словно там заключены чьи-то души, которые отчаянно пытаются выбраться наружу).

— ...и заплатил старой двадцаткой, Мэйбл, из тех больших. Клайд сказал, он таких не видел с тех самых пор, как в тридцатом году дела вел «Гэйтс Бэнк энд Траст». Он...

— ...да, он *действительно* странный человек, Эвви. Я видела его в бинокль, он катил по двору за домом тачку. Интересно, он там наверху один или...

— ...Крокетт может знать, но не скажет. На эту тему он ни гу-гу. Он всегда был...

— ...писатель у Евы. Интересно, знает Флойд Тиббитс, что...

— ...проводит ужасно много времени в библиотеке. Лоретта Старчер говорит, она никогда не видела человека, который бы знал так много...

— ...она сказала, его звали...

— ...да, Стрейкер, мистер Р.Т.Стрейкер. Мамаша Кенни Дэнлиса говорит, она остановилась в центре возле этого нового магазина, так там в витрине стоит самый настоящий кабинет «Де Бирс» и просят за него *восемьсот долларов*. Можешь себе представить? Вот я и сказала...

— ...забавно, он приезжает, а мальчонка Гликов...

— ...ты не думаешь...

— ...нет, но это и впрямь *занятно*. Кстати, у тебя еще сохранился тот рецепт на...

Провода гудят. Гудят. Гудят.

13.

23 сентября 1975 года
Имя: Глик Дэниел Фрэнсис
Адрес: 4270, Мэн, Иерусалимов Удел, Брок-роуд РФД 1
Возраст: 12
Пол: мужской
Раса: белый

Дата поступления: 22.09.75
Кем помещен в больницу: Энтони Х.Гликом (отцом)
Симптомы: шок, потеря памяти (частичная), тошнота, отсутствие аппетита, общее одеревенение, запор
Анализы: см. приложение
кожная туберкулиновая проба — отр.
палочки Коха в слюне и моче — отриц.
сахар крови — отриц.
к-во белых форменных элементов крови — норма
красные кровяные тельца: гемоглобин — 45 об.%
костномозговая проба — отриц.
рентген грудной клетки — норма
Возможный диагноз: первичная или вторичная злокачественная анемия.
Результат предыдущих анализов: гемоглобин 86 об.%. Вторичная анемия маловероятна. Язвы, геморрагия, геморроидальные кровотечения в анамнезе отсутствуют. Вероятна первичная анемия в сочетании с психическим потрясением.
Рекомендуется: бариевая клизма с последующим рентгенологическим исследованием для исключения возможности внутреннего кровотечения. По словам отца, за последнее время несчастных случаев не было. Также рекомендована ежедневная терапия цианкобаламином (см. приложение).

До получения результатов дальнейших исследований может быть выписан.

Лечащий врач: Г.М.Горби

14.

24 сентября в час ночи в палату к Дэнни Глику зашла сиделка, выполнить назначение врача. Хмурясь, она остановилась в дверях.

Кровать была пуста.

Взгляд медсестры перескочил с кровати на странно чахлый белый комок, лежавший в изножье на полу.

— Дэнни? — сказала она и шагнула к мальчику с мыслью: ему понадобилось в туалет и не хватило сил, вот и все.

Сиделка осторожно перевернула Дэнни.

До нее не сразу дошло, что мальчик мертв, и поначалу она подумала: В12 помогает, он выглядит получше, не то что когда его к нам привезли...

А потом она ощутила холодную плоть запястья, отсутствие движения в бледноголубой ажурной сетке вен под своими пальцами — и кинулась в ординаторскую, доложить о смерти дежурному врачу.

Глава пятая

Бен (II)

1.

Двадцать пятого сентября Бен снова обедал у Нортонов. Был вечер четверга, кормили традиционно, сосисками с бобами. Сосиски Билл Нортон жарил на жаровне во дворе, а у Энн с девяти утра тихонько кипела в патоке фасоль. Поев под открытым небом, они всей четверкой сели покурить, обмениваясь обрывочными фразами насчет шансов Бостона взять приз.

Атмосфера неуловимо изменилась: все еще было достаточно приятно даже с короткими рукавами, но добавилось что-то сродни яркому мерцанию льдинок. Осень, почти не таясь, ждала в кулисах. Листья большого старого клена перед пансионом Евы уже тронул багрянец.

В отношениях Бена с Нортонами все оставалось по-прежнему. Приязнь Сьюзан к нему была открытой, отчетливой и естественной. Бену девушка тоже очень нравилась, а в Билле он чувствовал постоянно нарастающую симпатию. Однако эту симпатию держало во временном бездействии подсознательное табу, под влияние которого попадают все отцы в присутствии мужчин, интересующихся не столько ими самими, сколько их дочерьми. Если вам по душе другой мужик и вы этого не скрываете, то вы общаетесь свободно, за пивом обсуждаете дамский пол и разливаетесь соловьем насчет политики. Но как бы глубока ни была ваша симпатия, невозможно полностью раскрыться перед человеком, у которого между ног болтается то, что в потенциале лишит невинности вашу дочь. Бен рассуждал так: после свадьбы возможное превращается в действительное, а разве можно до конца подружиться с человеком, который ночь за ночью трахает вашу дочь? Возможно, здесь даже содержалась мораль, однако Бен в этом сомневался.

Энн Нортон продолжала относиться к нему с прохладцей. Сьюзан накануне вечером немного рассказала ему о ситуации с Флойдом Тиббитсом, о предположениях матери, что таким образом проблема зятя решилась аккуратно и удовлетворительно. Флойд был величиной известной. С другой стороны, Бен Мирс приехал ниоткуда и мог так же быстро исчезнуть обратно в никуда, унося в кармане сердце дочери миссис Нортон. Творческим особям мужского пола Энн не доверяла с инстинктивной неприязнью жительницы небольшого городка (какую мигом распознал бы Эдвард Арлингтон Робинсон или Шервуд Андерсон). Бен подозревал, что миссис Нортон глубоко усвоила максиму: если не педик — то бык-производитель, а иногда — убийца, самоубийца или маньяк, имеющий обыкновение отсылать молоденьким девушкам свое левое ухо в пакетике. Участие Бена в поисках Ральфи Глика, похоже, не успокоило ее подозрения, а скорее усилило их, и он считал, что расположить к себе Энн — дело невозможное. Он гадал: знает она о визите Паркинса Джиллеспи к нему домой, или нет. Бен лениво пережевывал эти мысли, и тут Энн сказала:

— Этот мальчик Гликов... какой ужас.

— Ральфи? Да,— согласился Бен.

— Нет, старший. Он умер.

Бен вздрогнул.

— Кто? Дэнни?

— Умер вчера рано утром.— Казалось, миссис Нортон удивлена, что мужчины не в курсе. В городе только об этом и болтали.

— Я слышала, как про это говорили у Милта,— сказала Сьюзан. Ее рука нашла под столом руку Бена, и он с готовностью забрал ее пальцы в свои.— Как Глики это приняли?

— Так же, как приняла бы я,— просто ответила Энн.— С ума сходят.

«Еще бы,» — подумал Бен. Десять дней назад их жизнь совершала обычный упорядоченный круг, а сейчас семейная ячейка оказалась раздавленной в куски. При этой мысли молодого человека пробрала болезненная дрожь.

— Как по-вашему, объявится второй мальчик Гликов живым? — спросил Билл у Бена.

— Нет,— сказал Бен.— Думаю, его тоже нет в живых.

— Прямо как в Хаустоне два года назад,— сказала Сьюзан.— Я просто надеюсь, что, если Ральфи мертв, его не найдут. Тот, кто способен так обойтись с маленьким беззащитным мальчиком...

— По-моему, полиция ищет,— отозвался Бен.— Вылавливают тех, про кого уже известно, что они привлекались за половые преступления, и беседуют с ними.

— Когда они разыщут этого типа, они должны подвесить его за большие пальцы,— заявил Билл Нортон.— Бен, бадминтон?..

Бен встал.

— Нет, спасибо. Слишком похоже на игру в солитер, где я за дурака. Спасибо, все было очень вкусно. Сегодня вечером мне надо поработать.

Энн Нортон подняла бровь, но промолчала.

Билл поднялся.

— Как подвигается новая книжка?

— Хорошо,— коротко ответил Бен.— Сьюзан, не хочешь пройтись со мной вниз по холму и выпить содовой у Спенсера?

— Ой, не знаю,— быстро встряла Энн.— После Ральфи Глика и всего прочего я бы чувствовала себя лучше, если бы...

— Мам, я уже большая девочка,— перебила Сьюзан.— И по всей Брок-Хилл висят фонари.

— Разумеется, я провожу тебя обратно,— сказал Бен почти формально. «Седан» он оставил у Евиного пансиона — ранний вечер был слишком хорош, чтобы ехать на машине.

— С ними все будет тип-топ,— сказал Билл.— Ты, мать, слишком много беспокоишься.

— Ох, наверное, так. Молодежь всегда знает лучше, правда? — она тонко улыбнулась.

— Только пиджак прихвачу,— промурлыкала Сьюзан Бену и пошла по дорожке к дому. Когда она поднималась по ступенькам, доходившая ей до бедер красная переливчатая юбка сильно открыла ноги. Бен следил за Сьюзан, понимая, что Энн наблюдает, как он смотрит. Ее муж затаптывал угли.

— Сколько вы собираетесь пробыть в Уделе, Бен? — спросила Энн с вежливым интересом.

— Пока книга не напишется — точно,— ответил он.— А потом? Не могу сказать. По утрам тут красиво и воздух, как вдохнешь, такой вкусный...— Он улыбнулся ей в глаза.— Могу остаться и подольше.

Она улыбнулась в ответ.

— Зимой тут делается холодно, Бен. Страшно холодно.

Потом по ступенькам спустилась Сьюзан в наброшенном на плечи легком жакетике.

— Готов? Я буду шоколад. Держись, фигура!

— Переживет твоя фигура,— сказал Бен и повернулся к мистеру и миссис Нортон.— Еще раз спасибо.

— Всегда рады,— откликнулся Билл.— Хотите, так приходите завтра вечерком с упаковкой пива. Посмеемся над этим проклятым Ястремским.

— Это было бы забавно,— ответил Бен,— но что мы станем делать после второй подачи?

Билл от души расхохотался, и его смех несся им вслед, пока они не свернули за угол.

2.

— Честно говоря, я не хочу идти к Спенсеру,— сказала Сьюзан, когда они спускались с холма.— Пойдем лучше в парк.

— Как насчет грабителей, дамочка? — спросил он, изображая для нее выговор Бронкса.

— В Уделе все грабители должны быть дома к семи. Городское постановление. А сейчас восемь ноль три.

Пока они спускались по косогору, стемнело, и их тени в свете уличных фонарей то бледнели, то сгущались.

— Сговорчивые у вас грабители,— сказал Бен.— И никто не ходит в парк после того, как стемнеет?

— Иногда местные ребята заходят пообжиматься, если не хватает денег на кино,— ответила Сьюзан и подмигнула.— Так если увидишь, что кто-то крадется по кустам, гляди в другую сторону.

Они зашли в парк с западной стороны, обращенной к муниципалитету. Полный теней парк был чуточку призрачным, среди еще не облетевших деревьев, изгибаясь, убегали прочь цементные дорожки, а обмелевший пруд невозмутимо поблескивал, отражая свет уличных фонарей. Если тут кто-то и был, Бен их не видел.

Они обошли Военный мемориал с длинным перечнем имен, самые старые из которых относились к

Революционной войне, а самые последние — к Вьетнаму, но высечены были под войной 1812 года. Самый недавний конфликт вписал туда шесть здешних городских фамилий — новые прорези на латуни блестели, как свежие раны. Бен подумал: этот город называется неправильно. Надо было назвать его Время. И, словно действие естественным образом произросло из мысли, оглянулся через плечо на дом Марстена, но тот загораживало массивное здание муниципалитета.

Сьюзан заметила, куда глядит Бен, и это заставило ее нахмуриться. Они расстелили на траве свои пиджаки, уселись (садовые скамейки были без обсуждения с презрением отвергнуты), и Сьюзан сказала:

— Мама говорила, Паркинс тебя проверял. Деньги на школьное молоко, конечно же, украл новичок... так?

— Вот уж кто личность так личность,— заметил Бен.

— Собственно говоря, мама уже судила тебя и признала виновным.— Это было сказано легко, но легкость дрогнула и пропустила нечто серьезное.

— Твоя мама не очень-то меня жалует, а?

— Да,— ответила Сьюзан, взяв его за руку.— Случай нелюбви с пёрвого взгляда. Такая жалость!

— Ничего,— сказал он.— Все равно, пять сотен я выбил.

— Папа? — девушка улыбнулась.— Просто папа узнает класс, когда видит.

Улыбка растаяла.

— Бен, о чем новая книга?

— Трудно сказать,— он скинул ботинки и зарылся ногами в росистую траву.

— Меняем тему?

— Нет, могу тебе рассказать. Ничего не имею против.— К своему удивлению, Бен обнаружил, что так оно и есть. О незавершенных работах он всегда думал, как о детях — о слабых детях, которых следует защищать и оберегать. Излишек болтовни их губит. Миранде Бен отказывался хоть словом обмолвиться о «Дочери Конвея», хотя жена изводилась от любопытства. Но Сьюзан — другое дело. С Мирандой рассказ всегда оборачивался неким направленным прощупыванием, а ее вопросы больше напоминали допрос.— Просто дай подумать, как лучше свести все вместе.

— А можешь поцеловать меня, пока будешь ду-

мать? — спросила Сьюзан и прилегла на траву. Бен волей-неволей осознал, как коротка ее юбка — она мало что прикрывала.

— Думаю, это может помешать процессу размышлений,— мягко заметил он.— Давай посмотрим.

Он наклонился и поцеловал Сьюзан, легонько положив руку ей на талию. Девушка решительно встретила его губы, а руку накрыла обеими ладонями. Через секунду Бен в первый раз почувствовал язык девушки и встретил его своим. Она подвинулась, чтобы полнее ответить на поцелуй, и тихий шелест ситцевой юбки показался громким, буквально сводящим с ума. Рука Бена скользнула выше, Сьюзан выгнулась, и в ладонь молодому человеку легла грудь, полная и мягкая. Во второй раз после их встречи Бен ощутил, что ему шестнадцать — шестнадцать, голова идет кругом, а впереди в шесть полос шириной открывается путь ко всему, и в поле зрения никаких препятствий для путешествия.

— Бен?

— Да?

— Хочешь, займемся любовью?

— Да,— сказал он.— Хочу.

— Здесь, на траве,— сказала Сьюзан.

— Да.

В темноте Сьюзан посмотрела на него снизу вверх широко раскрытыми глазами. И сказала:

— Сделай так, чтобы было хорошо.

— Постараюсь.

— Не спеши,— сказала она.— Не спеши. Не торопись. Так...

Во мраке они превратились в тени.

— Вот,— сказал он.— О, Сьюзан.

3.

Они гуляли. Бесцельно побродив по парку, они с более определенными намерениями двинулись в сторону Брок-стрит.

— Жалеешь? — спросил Бен.

Сьюзан подняла на него глаза и ответила улыбкой, в которой не было и тени наигранности.

— Нет. Я рада.

— Хорошо.

Они шагали молча, держась за руки.

— А книга? — спросила Сьюзан.— Перед тем, как нас так мило прервали, ты собирался рассказать мне о ней.

— Книга эта про дом Марстена,— медленно проговорил Бен.— Быть может, она еще не начала свое существование... Я думал, что напишу про этот город. Но, может, я просто сам себя дурачил. Понимаешь, я узнавал про Хьюби Марстена. Он был гангстером. Транспортная компания служила всего-навсего ширмой.

Она недоуменно взглянула на него.

— Как ты это выяснил?

— Кое-что в бостонской полиции, а еще больше от женщины по имени Минелла Кори — сестры Берди Марстен. Ей сейчас семьдесят девять и она не в состоянии вспомнить, что ела на завтрак, но хранит в памяти абсолютно все, случившееся до сорокового года.

— И она рассказала тебе...

— Столько, сколько знала. Она — в нью-хэмпширском доме престарелых, и, думаю, уже много лет никто не тратил время на то, чтобы выслушать ее. Я спросил: Хьюби Марстен действительно подвизался наемным убийцей в окрестностях Бостона — полиция уверена, что да — и она кивнула. «Сколько?» — спросил я. Она подняла руки к глазам, растопырила пальцы, помахала из стороны в сторону и сказала: «Сколько раз? Можешь сосчитать?»

— О Господи.

— В 1927 году Хьюберт Марстен причинил бостонской организации очень сильное беспокойство,— продолжал Бен.— Его дважды забирали для допроса — один раз городская полиция и один раз — мэлденская. В Бостоне его замели за убийство кого-то из своих, но через два часа он уже был на улице. В Мэлдене дело касалось вовсе не работы. Речь шла об убийстве одиннадцатилетнего мальчика. Ребенка выпотрошили.

— Бен,— сказала она болезненным тоном.

— Из этой передряги Марстена вытащили его наниматели — мне кажется, он знал, где похоронили пару-тройку трупов,— но в Бостоне для него все было кончено. Он тихо перебрался в Салимов Удел — такой себе ушедший от дел служащий транспортной компании, который раз в месяц получает чек. Из дому он выходил редко — по крайней мере, мы мало об этом знаем.

— То есть?

— Я много времени провел в библиотеке, просматривая старые «Леджеры» с двадцать восьмого по тридцать девятый год. За этот период исчезло четверо детей. Не так уж необычно для сельской местности — дети могут заблудиться и, случается, гибнут от воздействия внешних факторов. Иногда ребят засыпает оползнями в галечных карьерах. Неприятно, но бывает.

— Но по-твоему дело в другом.

— Я *не знаю*. Но зато очень хорошо знаю, что ни одного из этих четверых так и не нашли. Ни тебе охотников, которые бы в сорок пятом наткнулись на скелет, ни строителей, выкопавших остов, когда вынимали гравий для цемента. Хьюби с Берди прожили в этом доме одиннадцать лет, а дети пропали — все, больше никто ничего не знает. Но я все думаю про того мэлденского парнишку. И думаю много. Знаешь «Привидения в Хилл-Хаус» Ширли Джексон?

— Да.

Бен негромко процитировал:

— «А то, что бродило там, бродило в одиночестве». Ты спросила, о чем моя книга. В сущности, она о возвратности сил зла.

Сьюзан положила ладонь ему на руку.

— Ты же не думаешь, что Ральфи Глика...

— Проглотил мстительный дух Хьюберта Марстена, который раз в три года, в полнолуние, возвращается к жизни?

— Что-то в этом роде.

— Если хочешь, чтобы тебя разуверили, то вопрос не по адресу. Не забывай, я — тот пацан, который отворил дверь в спальню на втором этаже и увидел, как Хьюби свисает с балки.

— Это не ответ.

— Нет. Прежде, чем я скажу тебе, что действительно думаю, позволь добавить еще вот что. Это я услышал от Минеллы Кори. Она сказала: на свете есть дурные люди — истинно дурные. Иногда мы слышим про них, но чаще они делают свое дело в полном мраке. По словам Минеллы, проклятием ее жизни было узнать двух таких людей. Одним был Адольф Гитлер. Вторым — ее шурин, Хьюберт Марстен.— Бен помолчал.— Она сказала, что в тот день, когда Хьюби застрелил ее сестру, сама она находилась за триста миль отсюда, в Кейп-Код. Тем летом она нанялась

экономкой в богатую семью. Минелла нарезала салат в большую деревянную миску. Часы показывали четверть третьего. Внезапно Минеллу охватила боль. Говорит, «как молнией ударило». Боль пронзила голову, и Минелла услышала ружейный выстрел. Она утверждает, что повалилась на пол, а поднялась (она была в доме одна) через двадцать минут. Посмотрев в деревянную салатницу, Минелла громко закричала — ей показалось, что миска полна крови.

— Господи,— пробормотала Сьюзан.

— Через секунду все пришло в норму. Никакой головной боли, а в салатнице — только салат. Но Минелла говорит, что поняла — она *поняла*: сестра погибла, убита выстрелом из ружья.

— Эту ее историю ничем нельзя доказать?

— Нет, нельзя. Но Минелла — не какая-нибудь изворотливая лгунья. Это старуха, у которой ума не осталось даже на то, чтобы врать. Собственно, этот аспект меня не беспокоит. Во всяком случае, не сильно. Сейчас достаточно много данных, над которыми здравомыслящий человек смеется — за счет самого себя. В то, что Берди с помощью некоего психического телеграфа передала факт своей смерти на триста миль, мне и вполовину не так трудно поверить, как в лик зла — действительно чудовищный лик, который, как мне иногда думается, проглядывает сквозь очертания этого дома. Ты спросила, что я думаю. Отвечу. Я думаю, что людям относительно легко смириться с такими вещами, как телепатия или предчувствия, поскольку их готовность поверить ничего им не стоит. Она не лишает их сна. Но мысль о том, что сотворенное человеком зло живет и после его смерти, тревожит гораздо сильнее.

Бен взглянул на дом Марстена и медленно продолжил:

— Думаю, этот дом может оказаться памятником, который Хьюберт Марстен воздвиг злу, чем-то вроде психического резонатора. Если хочешь, сверхъестественным маяком. Стоит тут все эти годы и, может быть, хранит в своих разрушающихся костях концентрированное зло Хьюби.

— А теперь его опять заняли.

— И снова исчезновение.— Бен повернулся к Сьюзан и взял запрокинутое лицо девушки в ладони.— Видишь ли, возвращаясь сюда, я никак не рассчиты-

вал на такое. Я думал, что дом, может быть, снесли, но мне и в самых дичайших снах не снилось, что его кто-то купил. Я видел, как снимаю его и... ох, не знаю. Может быть, смотрю в лицо собственным ужасу и злу. Или играю в изгоняющего привидения: «именем всех святых, Хьюби, изыди!» Или, может, просто окунаюсь в атмосферу дома и пишу книгу достаточно страшную для того, чтобы сделать на ней миллион долларов.

Но все равно — я чувствовал себя хозяином положения, вот в чем разница. Я больше не был девятилетним пацаном, готовым с визгом убежать от картинок из волшебного фонаря — картинок, исходящих, может быть, из его собственного сознания. Но сейчас...

— Что сейчас, Бен?

— Сейчас этот дом занят! — взорвался он и ударил кулаком по ладони.— Я *не* управляю ситуацией! Исчез маленький мальчик, и я не знаю, что думать. Возможно, исчезновение никак не связано с этим домом, но... я в это не верю.

Последние слова он произнес медленно и раздельно.

— Привидения? Духи?

— Не обязательно. Может быть, какой-нибудь безобидный человек, восхищавшийся этим домом в детстве, купил его и стал... одержимым.

— Ты что-то знаешь о...— встревоженно начала Сьюзан.

— Новом жильце? Нет. Только догадываюсь. Но если дело в доме, я больше склоняюсь к одержимости.

— А не к чему?

Бен ответил просто:

— Может быть, дом вызвал еще одного дурного человека.

4.

Энн Нортон следила за ними из окна. Чуть раньше она позвонила в аптеку. «Нет,» — сказала мисс Кугэн и в ее голосе прозвучало что-то вроде ликования.— «Здесь их не было. Не заходили.» *Где ты была, Сьюзан? Ох, где ты была?* Уголки ее рта дернулись книзу в беспомощной злой гримасе. *Уходи, Бен Мирс. Уходи и оставь ее в покое.*

5.

Покинув его объятия, Сьюзан сказала:

— Сделай для меня одну очень важную вещь, Бен.

— Все, что смогу.

— Не говори о таких вещах больше ни с кем в городе. Ни с кем.

Он невесело улыбнулся.

— Не волнуйся, меня не заботит, как бы заставить людей думать, что у меня не все дома.

— Ты запираешь свою комнату в пансионе?

— Нет.

— Я бы начала запирать.— Она откровенно взглянула на Бена.— Ты должен думать о себе, как о подозреваемом.

— С тобой тоже?

— Да... вот только я тебя люблю.

А потом Бен остался один. Сьюзан заспешила по подъездной дороге, а он остался глядеть ей вслед, потрясенный всем, что наговорил, а еще сильнее — четырьмя или пятью заключительными словами девушки.

6.

Вернувшись к Еве в пансион, Бен обнаружил, что не может ни работать, ни спать. И для первого, и для второго он был слишком взбудоражен. Поэтому Бен прогрел мотор ситроена и после секундного колебания поехал в сторону кафе Делла.

Там оказалось полно народу, накурено и шумно. Музыканты, взятая на испытательный срок кантри-вестерн-группа под названием «Рейнджеры», играли вариацию на тему «Так далеко ты прежде не бывал», громкостью восполняя нехватку мастерства. На полу по спирали вращались примерно сорок парочек, почти все — в джинсах. Бен с легким изумлением припомнил строчку Эдварда Олби насчет обезьяньих сосков.

Табуретки перед стойкой оседали — и из-за конструкции, и под тяжестью фабричных рабочих, которые пили пиво из одинаковых стаканов и были обуты в почти одинаковые рабочие башмаки на резиновом ходу, с сыромятными шнурками.

Между столиками и кабинками сновали две или

три официантки с пышно взбитыми прическами и вышитыми на белых блузках золотой ниткой именами (Джеки, Тони, Ширли). Делл разливал пиво за стойкой, а в дальнем ее конце похожий на ястреба мужчина с набриолиненными, зачесанными назад волосами, смешивал коктейли. Он отмерял спиртное в рюмки, сливал в серебряный шейкер, добавлял то, что положено, а лицо оставалось абсолютно пустым.

Бен двинулся к стойке, огибая танцплощадку по краю, и тут кто-то позвал:

— Бен! Слышь, приятель! Здорово, корешок!

Бен огляделся и за столиком неподалеку от стойки увидел Проныру Крейга, сидевшего перед полупустым стаканом.

— Привет, Проныра,— отозвался Бен, усаживаясь. При виде знакомого лица ему полегчало, и потом, Проныра ему нравился.

— Решил маленько пожить ночной жизнью, а, корешок? — Проныра улыбнулся и хлопнул Бена по плечу. Бен подумал, что тот, должно быть, получил деньги, потому что уже само дыхание Проныры прославило бы «Милуоки».

— Ага,— ответил он. Он вытащил доллар и положил на стол, испещренный круглыми отпечатками множества пивных стаканов, которые там перебывали.— Как жизнь?

— Просто отлично. Что думаешь про этих новых лабухов? Классно, а?

— Порядок,— сказал Бен.— Ну-ка, прикончите эту штуку, пока она не выдохлась. Я ставлю.

— Весь вечер ждал, чтоб кто-нибудь сказал это! *Джеки!* — заорал Крейг.— Неси моему корешу кувшин! Будвейзера!

Джеки принесла кувшин на подносе, где в беспорядке валялась мокрая от пива мелочь, и сняла его на столик, отчего на правой руке вздулись мускулы под стать премированному борцу. Она взглянула на доллар так, словно это был таракан какой-то новой породы.

— С вас бак со»ок,— сообщила она.

Бен выложил еще одну бумажку. Девушка взяла обе, выудила из разнообразных луж на подносе шестьдесят центов и сказала:

— Проны»а Крейг, когда ты так вопишь, ты похож на петуха, кото»ому сво»ачивают шею.

— Лапуля, ты чудо,— отозвался Проныра.— Это Бен Мирс. Книжки пишет.

— Будем знакомы,— сказала Джеки и исчезла в полумраке.

Бен налил себе стакан пива. Проныра последовал его примеру, профессионально наполнив стакан до краев. Пена нависла над ними, грозя перелиться — и осела обратно.

— Твое здоровье, корешок!

Бен отсалютовал стаканом и выпил.

— Ну и как твоя писанина?

— Отлично, Проныра.

— Видел, как ты крутился с малышкой Нортон. Она настоящий персик, иначе не скажешь. Тут ты лучше выбрать не мог.

— Да, она...

— *Мэтт!* — завопил Проныра, напугав Бена до того, что он чуть не выронил стакан.» Господи,— подумал Бен,— он *правда* похож на петуха, прощающегося с этим светом.

— Мэтт Бэрк! — Проныра бешено замахал, и седой мужчина поднял в знак приветствия руку, начиная пробиваться сквозь толпу.— Вот мужик, с которым тебе надо свести знакомство,— сказал Проныра Бену.— Мэтт Бэрк — головастый сукин сын.

Приближающийся к ним мужчина выглядел лет на шестьдесят. Он был высокого роста, в чистой, расстегнутой у ворота фланелевой рубашке, а волосы, такие же белые, как у Проныры, были подстрижены армейским ежиком.

— Привет, Проныра,— сказал он.

— Как жизнь, корешок? — спросил Крейг.— Хочу, чтоб ты познакомился с парнем, который живет у Евы. Бен Мирс. Книжки пишет, вон как. Чудный парень.— Он взглянул на Бена.— Мы с Мэттом росли вместе, только он получил образование, а я хрен с маслом.— Проныра хихикнул.

Бен поднялся и от души потряс сложенные щепотью пальцы Мэтта Бэрка.

— Как дела?

— Спасибо, отлично. Читал одну из ваших книжек, мистер Мирс. «Воздушный танец».

— Пожалуйста, зовите меня Бен. Надеюсь, книга вам понравилась.

— Мне она явно понравилась гораздо больше, чем

критикам,— отозвался Мэтт, усаживаясь.— Думаю, со временем к ней придет успех. Как жизнь, Проныра?

— Бьет ключом,— ответил тот.— Бьет ключом, как всегда. *Джеки!* — завопил он.— Тащи Мэтту стакан!

— Подождешь минутку, пердун старый! — заорала Джеки в ответ, отчего за ближайшими столиками рассмеялись.

— Прелесть что за деваха,— заметил Проныра.— Дочка Морин Толбот.

— Да,— согласился Мэтт.— Джеки у меня училась. Выпуск семьдесят первого года. А мать — пятьдесят первого.

— Мэтт учит английскому в средней школе,— сообщил Проныра Бену.— Вам будет о чем поговорить, еще как.

— А я помню девушку по имени Морин Толбот,— сказал Бен.— Она приходила к моей тетке и забирала стиранное белье, а возвращала все сложенным в плетеную корзинку. Без одной ручки.

— Так вы из Удела, Бен? — спросил Мэтт.

— Мальчишкой я жил тут некоторое время у своей тетки Синтии.

— У Синди Стоуэнс?

— Да.

Пришла Джеки с чистым стаканом, и Мэтт налил себе пива.

— Ну, значит, мир и впрямь тесен. Когда я первый год преподавал в Салимовом Уделе, ваша тетя была в выпускном классе. Как она поживает, хорошо?

— Она в семьдесят втором умерла.

— Простите.

— Она перешла в мир иной очень легко,— ответил Бен и снова наполнил стакан. Музыканты отыграли и гуськом потянулись к стойке. Шум болтовни едва заметно притих.

— Вы вернулись в Иерусалимов Удел написать про нас книгу? — спросил Мэтт.

В голове у Бена раздался предупредительный звонок.

— Наверное в каком-то отношении,— отозвался он.

— Для биографа этот городок мог оказаться и хуже. «Воздушный танец» вышел отличной книжкой. Думаю, в нашем городке могла бы сложиться еще одна превосходная книга. Когда-то мне казалось, что я сам смогу ее написать.

— А почему не написали?

Мэтт улыбнулся — в легкой улыбке не было и следа горечи, злобы или цинизма:

— Не хватило одного жизненно важного ингредиента: таланта.

— Не верьте, не верьте,— вмешался Проныра, сливая в стакан опивки из кувшина.— У старины Мэтта таланта вагон и маленькая тележка. Учить в школе — работа что надо. Школьных учителей никто не ценит, но они...— Он покачнулся на стуле в поисках завершения. Его очень сильно развезло.— Соль земли,— закончил он, набрал полный рот пива, скривился и встал.— Пардон... схожу отлить.

Он убрел прочь, натыкаясь на людей и громко окликая их по именам.

Те, нетерпеливо или добродушно приветствуя Проныру, пропускали его, и наблюдать за его продвижением к мужскому туалету было все равно что наблюдать за пинболльным шариком, который, подпрыгивая, мчится вниз, к подкидывающим его шпенькам.

— Вот вам крушение отличного человека,— сказал Мэтт и поднял палец. Почти немедленно появилась официантка. Она обратилась к нему «мистер Бэрк». Девушка казалась слегка скандализованной тем, что ее давнишний преподаватель классического английского сидит тут и поддает с субъектами вроде Проныры. Когда она повернула прочь, чтобы принести еще один кувшин, Бен подумал, что вид у Мэтта несколько смущенный.

— Мне Проныра нравится,— сказал Бен.— У меня возникло такое чувство, что когда-то в нем много чего было. Что с ним случилось?

— О, тут рассказывать нечего,— ответил Мэтт.— Бутылка одолела. Одолевала-одолевала, с каждым годом — чуть сильнее, а теперь прибрала целиком. Во время Второй мировой он за Анизо получил Серебряную звезду. Циник бы счел, что, погибни Проныра, его жизнь имела бы больший смысл.

— Я не циник,— сказал Бен.— Мне он все равно нравится. Но, думаю, будет лучше, если сегодня вечером я подвезу его домой.

— Было бы прекрасно, если бы вы это сделали. Я теперь хожу сюда послушать музыку. Люблю громкую музыку, а с тех пор, как слух начал сдавать —

больше, чем когда-либо. Вас, как я понимаю, интересует дом Марстена. Ваша книга о нем?

Бен подскочил.

— Кто сказал?

Мэтт улыбнулся.

— Как это в старой песенке у Мартина Гэя? «Мне нашептало виноградное вино». Ароматная яркая идиома, хотя, если подумать, образ немного нечеткий. Возникает такая картина: склонив ухо к «Конкорду» или «Токаю», стоит человек и внимает. Я говорю бессвязно? Нынче я частенько говорю бессвязно, перескакиваю с одного на другое, но редко пытаюсь справиться с этим. Откуда я узнал? Джентльмены из прессы называют это «информированными источниками»... собственно говоря, от Лоретты Старчер. Она — библиотекарь в местном оплоте литературы. Вы несколько раз заходили просмотреть в камберлендском «Леджере» статьи, касающиеся старинного скандала, а еще брали у нее два публицистических сборника на криминальные темы, где были очерки о нем. Кстати, Лаберт написал неплохо — он в сорок шестом приезжал в Удел и сам проводил расследование. Но вот опус Сноу — просто словесный мусор.

— Знаю,— машинально отозвался Бен.

Официантка поставила на столик новый кувшин с пивом, и перед Беном внезапно возникла картина, от которой стало неуютно: вот, мелькая то здесь, то там среди бурых водорослей и планктона привольно и незаметно (по его мнению) плавает рыбка. А отодвинься подальше и взгляни — фокус вот в чем: плавает она в аквариуме с золотыми рыбками.

Мэтт расплатился с официанткой и сказал:

— Там, наверху, случилась омерзительная вещь. И вдобавок застряла в сознании города. Конечно же, байки о мерзостях и убийствах всегда с рабским наслаждением передаются из поколения в поколение... а ученики при всем при том стонут и жалуются, оказавшись перед изучением трудов Джорджа Вашингтона Карвера или Джонаса Солка. Но, думаю, дело не только в этом. Может быть, дело в географической аномалии.

— Да,— сказал Бен, заводясь против собственной воли. Учитель только что высказал идею, которая таилась под поверхностью сознания Бена с того самого дня, как он вернулся в город... возможно, и до того.—

Он стоит на холме, глядя на поселок сверху вниз как... ну, как мрачный идол, что ли.— Бен издал смешок, чтобы замечание прозвучало банально: ему казалось, что, неосмотрительно высказав такое глубинное ощущение, он, должно быть, открывает этому незнакомцу окошко в свою душу. Внезапное и пристальное рассмотрение Мэттом его персоны тоже не улучшало самочувствия.

— Вот он, талант,— сказал учитель.

— Простите?

— Вы очень точно выразились. Почти пятьдесят лет дом Марстена взирает на нас сверху — на наши мелкие грешки, провинности, обманы. Как идол.

— Может быть, он видел и хорошее,— предположил Бен.

— В маленьких городках, где все ведут сидячий образ жизни, хорошего мало. Главным образом, равнодушие, приправляемое время от времени нечаянным, бессмысленным или, хуже того, сознательным злом. По-моему, Томас Вульф написал об этом примерно фунтов семь сочинений.

— Я думал, цинизм — не ваша стихия.

— Это ваши слова, а не мои.— Мэтт улыбнулся и отхлебнул пива. Музыканты, великолепные в своих красных рубахах, блестящих жилетках и шейных платках, уходили от стойки. Солист взял гитару и начал перебирать струны.— Все равно, на мой вопрос вы так и не ответили. Ваша новая книга — о доме Марстена?

— В некотором смысле, полагаю, да.

— Я выспрашиваю. Извините.

— Ничего,— ответил Бен, думая про Сьюзан и чувствуя себя неуютно.— Интересно, куда запропастился Проныра? Он ушел черт знает как давно.

— Можно мне, полагаясь на наше краткое знакомство, попросить о довольно большом одолжении? Если вы откажетесь, это будет более чем понятно.

— Конечно, просите.

— У меня есть литературный кружок,— объяснил Мэтт.— Дети умные, в основном одиннадцатый и двенадцатый класс. И я хотел бы показать им человека, который зарабатывает на жизнь словами. Кого-то, кто... как бы выразиться?.. взял слово и облек его в плоть.

— Буду более чем счастлив,— ответил Бен,

чувствуя себя нелепо польщенным.— Длинные у вас уроки?

— Пятьдесят минут.

— Ну, мне кажется, за такое время я не сумею слишком наскучить им.

— Да? А мне, по-моему, это отлично удается,— заметил Мэтт.— Хотя я уверен, что им вовсе не будет скучно. Тогда на будущей неделе?

— Конечно. Назовите день и время.

— Вторник? Четвертый урок? Это с одиннадцати до без десяти двенадцать. Освистать вас не освищут, но, подозреваю, урчания в животах наслушаетесь вдоволь.

— Принесу ваты заткнуть уши.

Мэтт рассмеялся.

— Весьма польщен. Если вас устроит, встретимся в учительской.

— Отлично. Вы...

— Мистер Бэрк? — это была Джеки, женщина с могучими бицепсами.— Проныра отрубился в мужском туалете. Как по-вашему...

— А? Господи, конечно. Бен, вы...

— Само собой.

Они поднялись и пересекли комнату. Музыканты снова заиграли — что-то о ребятах из Маскоджи, которые до сих пор уважают декана колледжа.

В туалете воняло прокисшей мочой и хлоркой. Проныра подпирал стену между двумя писсуарами, а приблизительно в двух дюймах от его правого уха мочился какой-то парень в армейской форме.

Рот Проныры был раскрыт, и Бен подумал: каким же ужасно старым выглядит Крейг — старым и опустошенным холодными безликими силами, начисто лишенными всякого налета нежности. К нему вернулась реальность собственного распада, приближающегося с каждым днем — не впервые, но с потрясающей неожиданностью. Жалость, подступившая к горлу чистыми черными водами, относилась в равной степени и к Проныре, и к самому Бену.

— Так,— сказал Мэтт.— Сможете подсунуть под него руку, когда этот джентльмен закончит справлять нужду?

— Да,— ответил Бен. Он поглядел на лениво отряхивающегося мужчину в военной форме.— Поднажми, приятель, можешь?

— Чего это? У него не горит.

Тем не менее он застегнул штаны и отступил от писсуара, чтобы они могли подойти.

Бен подсунул руку Проныре под спину, зацепил ладонью подмышкой и поднял. Ягодицы Бена на миг прикоснулись к кафельной стене, и он почувствовал, как та вибрирует от музыки. Полностью отключившийся Проныра поднялся тяжело и безвольно, как мешок. Просунув голову под другую руку Крейга, Мэтт обхватил его за талию, и они вынесли Проныру за дверь.

— Вон Проныра топает,— сказал кто-то. Раздался смех.

— Делл должен гнать его в три шеи,— проговорил Мэтт задыхающимся голосом.— Знает же, чем это всегда кончается.

Они прошли за двери, в фойе, а потом дальше, на деревянную лесенку, ведущую вниз к стоянке.

— Легче...— кряхтел Бен.— Не уроните.

Они спустились с крыльца. Вялые ноги Проныры стукались о ступеньки, как деревянные колоды.

— Ситроен... в последнем ряду.

Они перенесли Крейга туда. Прохлада воздуха теперь ощущалась острее — завтра листва станет багряной. У Проныры хрюкнуло глубоко в горле, а голова на стебле шеи слабо дернулась.

— Сумеете уложить его в постель, когда вернетесь к Еве? — спросил Мэтт.

— Да, наверное.

— Хорошо. Глядите-ка, над деревьями отлично виден конек крыши дома Марстена.

Бен посмотрел. Мэтт был прав — над темным горизонтом сосен выдавался острый угол, заслоняющий обыденными очертаниями людской постройки звезды на краю видимого мира. Бен открыл пассажирскую дверцу и сказал:

— Сюда. Давайте-ка его мне.

Приняв на себя всю тяжесть Проныры, он аккуратно протиснул его на пассажирское сиденье и закрыл дверцу. Голова Проныры привалилась к окну, отчего стала казаться нелепо плоской.

— Во вторник, в одиннадцать?

— Я буду.

— Спасибо. И за помощь Проныре — тоже спасибо.

Мэтт протянул руку. Бен пожал ее.

Бен сел в машину, завел ситроен и взял курс обратно в город. Стоило неоновой вывеске придорожного кафе исчезнуть за деревьями, как дорога стала пустынной и черной. Бен подумал: в этот час по дорогам бродят привидения.

Позади, всхрапнув, застонал Проныра, и Бен вздрогнул. Ситроен едва заметно вильнул.

«Что это взбрело мне в голову?»

Вопрос остался без ответа.

7.

Бен открыл боковое окошко так, чтобы холодный ветер выплескивался по дороге домой прямо на Проныру, и к тому времени, как они заехали на двор Евы Миллер, Проныра отчасти пришел в себя, но словно бы плавал в густом тумане.

То и дело спотыкаясь, Бен отвел его по ступеням черного крыльца на кухню, тускло освещенную флюоресцентной лампочкой плиты. Проныра застонал, потом низким горловым голосом пробормотал:

— Она дивная девка, Джек, а замужние бабы — они знают... знают...

Из холла выделилась тень — Ева. Из-за старого стеганого халата она казалась огромной, закрученные на бигуди волосы покрывал тонкий сетчатый шарфик. Ночной крем делал ее лицо бледным и призрачным.

— Эд,— сказала она.— Ох, Эд. Ты опять за свое, да?

При звуке ее голоса Проныра чуть приоткрыл глаза и слабо улыбнулся.

— Опять, опять, опять,— квакнул он.— Уж кому знать, как не тебе.

— Сможете отвести его наверх, в комнату? — спросила Ева Бена.

— Да уж не надорвусь.

Он покрепче обхватил Проныру и исхитрился протащить его наверх по лестнице и по коридору до комнаты, уложив там на постель. В тот же миг признаки сознания исчезли, и Крейг провалился в глубокий сон.

Бен минуту помедлил, оглядываясь. Комната была чистой, почти стерильной, вещи убраны с казарменной аккуратностью. Взявшись трудиться над башмаками Проныры, он услышал за спиной голос Евы Миллер:

— Не беспокойтесь, мистер Мирс. Если хотите, идите наверх.

— Но его надо...

— Я раздену.— Ее лицо было серьезным и полным степенной, сдержанной печали.— Раздену, разотру спиртом и утром помогу с похмельем. Было время, мне частенько приходилось это делать.

— Ладно,— сказал Бен и, не оглядываясь, отправился наверх. У себя он медленно разделся, подумал, что надо бы принять душ и отказался от этой идеи. Он забрался в постель и долго лежал без сна, разглядывая потолок.

Глава шестая

УДЕЛ (II)

1.

Осень и весна приходили в Иерусалимов Удел с одинаковой внезапностью тропических восходов и закатов. Демаркационная линия могла оказаться шириной в один день. Но весна — не самое прекрасное время года в Новой Англии: она слишком короткая и робкая, ей слишком мало нужно, чтобы обернуться лютой и свирепой. Но даже и тогда в апреле выпадают дни, которые хранятся в памяти после того, как забудешь прикосновения жены или ощущение беззубого младенческого ротика у соска. Зато к середине мая солнце поднимается из утренней дымки властным и могущественным, так что, остановившись в семь утра на верхней ступеньке своего крыльца с пакетиком, в котором твой обед, понимаешь: к восьми часам роса на траве высохнет, а если по проселочной дороге проедет машина, в воздухе на добрых пять минут повиснет неподвижная пыль. К часу дня третий этаж фабрики разогреется до 95 градусов и с плеч маслом покатится пот, приклеивая рубаху к спине все разрастающимся пятном — прямо как в июле.

Но вот приходит осень, выкинув пинком под зад коварное лето (что случается всякий раз, как сентябрь перевалит за середину) и поначалу гостит, как хороший приятель, без которого ты скучал. Устраивается она надолго — так старинный друг, примостившись в

твоем любимом кресле, достал бы трубку, раскурил ее и заполнил послеобеденный час рассказами, где побывал и что делал со времени вашей последней встречи.

Осень остается на весь октябрь, а в редкие годы — до ноября. Над головой изо дня в день видна ясная, строгая синева небес, по которой (всегда с запада на восток) плывут спокойные белые корабли облаков с серыми килями. Днем поднимается неуемный ветер, он подгоняет вас, когда вы шагаете по дороге и под ногами хрустят невообразимо пестрые холмики опавших листьев. От этого ветра возникает ноющая боль, но не в костях, а где-то гораздо глубже. Возможно, он затрагивает в человеческой душе что-то древнее, некую струнку памяти о кочевьях и переселениях, и та твердит: *в путь — или погибнешь... в путь — или погибнешь...* Ветер бьется в дерево и стекло непроницаемых стен вашего дома, передавая по стрехам свое бесплотное волнение, так что рано или поздно приходится оставить дела и выйти посмотреть. А после обеда, ближе к вечеру, можно выйти на крыльцо или спуститься во двор и смотреть, как через пастбище Гриффена вверх на Школьный холм мчатся тени от облаков — свет, тьма, свет, тьма, словно боги открывают и закрывают ставни. Можно увидеть, как золотарник, самое живучее, вредное и прекрасное растение новоанглийской флоры, клонится под ветром подобно большому, погруженному в молчание, молитвенному собранию. И, если нет ни машин, ни самолетов, если по лесам к западу от города не бродит какой-нибудь дядюшка Джо, который бабахает из ружья, стоит завопить фазану, если тишину нарушает лишь медленное биение вашего собственного сердца, вы можете услышать и другой звук — голос жизни, движущейся к финалу очередного витка и ожидающей первого снега, чтобы завершить ритуал.

2.

В тот год первый день осени (настоящей осени, в противоположность календарной) пришелся на двадцать восьмое сентября — день, когда на кладбище Хармони-Хилл хоронили Дэнни Глика.

В церкви служили только для близких, но кладбищенская служба была открытой для горожан, так что

народу собралось немало — одноклассники, любопытные, а еще — старики, которые по мере того, как старость опутывает их своим саваном, испытывают почти непреодолимую тягу к похоронам.

По Бернс-роуд, которая вилась вверх по склону и терялась из вида за следующим холмом, ехала длинная вереница машин. Несмотря на сияние дня, у всех были включены фары. Впереди катил катафалк Карла Формена, полный цветов, видневшихся в задних окошках. За ним — Тони Глик в «меркурии» шестьдесят пятого года, сломанный глушитель ревел и портил воздух. Следом ехали четыре машины родственников с обеих сторон, среди них оказалась даже группа оклахомцев из самой Таласы. Еще в этом растянувшемся по дороге, светящем фарами кортеже двигались: Марк Питри (мальчик, к которому Ральфи с Дэнни держали путь в тот вечер, когда Ральфи исчез) с отцом и матерью, Ричи Боддин с семьей, Мэйбл Уэртс в одном автомобиле с мистером и миссис Уильям Нортон (устроившись на заднем сиденье, она поставила между опухших ног трость и пустилась без умолку рассказывать обо всех похоронах, на которых ей случилось побывать с самого 1930 года), Лестер Дорхэм с женой Хэрриет, Пол Мэйберри с женой Глинис, Пэт Миддлер, Джо Крейн, Винни Апшо и Клайд Корлисс — эта четверка ехала в машине, за рулем которой сидел Милт Кроссен (перед отъездом Милт открыл холодильник и, усевшись возле обогревателя, они поделили между собой шестибаночную упаковку). В следующей машине — Ева Миллер с двумя близкими подругами, которые так и не побывали замужем, Лореттой Старчер и Родой Корлисс, а за ними — Паркинс Джиллеспи с помощником, Нолли Гарднером, в здешней полицейской машине («форде» Паркинса с пришпиленным к приборному щитку болванчиком). Лоренс Крокетт ехал со своей слабой здоровьем женой, дальше — Чарльз Роудс, злющий шофер автобуса, который из принципа ходил на все похороны, а за ним — семейство Чарльза Гриффена: жена и двое сыновей, Хэл с Джеком (последние из отпрысков, еще живущие дома).

В этот день рано утром Майк Райерсон с Ройялом Сноу выкопали могилу, а выброшенную наверх сырую почву закрыли полосками поддельной травы. По особому заказу Гликов Майк зажег Вечный Огонь и

припомнил, что пришло ему в голову нынче утром: Ройял сам не свой. Обычно шуточки и песенки насчет предстоящей работы так и сыпались из Сноу (надтреснутый фальшивящий тенорок: «завернут тебя в простынку целиком, как есть, а потом под землю спустят футов так на шесть»), но нынче утром Ройял казался исключительно тихим. «С похмелья, что ли,— подумал Майк.— Точно, вчера он с этим качком, своим приятелем Питерсом, весь вечер кирял у Делла.»

Углядев пять минут назад, что примерно милей ниже по дороге через холм переваливает катафалк Карла Формена, Майк распахнул широкие кованые ворота, глянув наверх, на высокие железные острия — эту привычку он приобрел с тех пор, как нашел на них Дока. Оставив ворота открытыми, он вернулся к свежевырытой могиле, где ждал отец Дональд Каллахэн, пастор прихода Иерусалимов Удел. На плечах пастора была стола, а в руках — библия, открытая на службе по усопшему ребенку. Майк знал: это называют «третьей остановкой». Первая — дом умершего, вторая — крохотный католический храм Святого Андрея. Конечная остановка — Хармони-Хилл. Все выходят.

Майка пробрала легкая дрожь, и он опустил взгляд к яркой пластиковой траве, недоумевая, отчего такая трава — непременная принадлежность каждых похорон. Она выглядела именно тем, чем была: дешевой имитацией жизни, тактично скрывающей тяжелые коричневые комья земли последнего пристанища.

— Едут, святой отец,— сказал Майк.

Каллахэн был высоким румяным мужчиной с пронзительными голубыми глазами и седовато-стальными волосами. Райерсону, который не бывал в церкви с тех пор, как ему стукнуло шестнадцать, он нравился больше прочих местных шаманов. Джон Гроггинс, глава методистской церкви, был старым лицемерным болваном, а Паттерсон из церкви Святых Последнего Дня и Последователей Креста — дурным, как забравшийся в улей медведь. Два или три года назад, на похоронах одного из дьяконов, Паттерсон, расстроившись, принялся кататься по земле. Но приверженцам Папы Каллахэн казался достаточно приятным — у него похороны приносили утешение и проходили спокойно и всегда быстро. Райерсон сомневался, что все эти красные лопнувшие жилки на ще-

ках и носу Каллахэна происходят от молений, но если тот и прикладывался потихоньку к бутылке — кто его упрекнет? Мир устроен так, что диву даешься, отчего все эти проповедники не оканчивают свои дни в психушке.

— Спасибо, Майк,— сказал Каллахэн и посмотрел на ясное небо.— Трудненько придется.

— Наверное. Долго?

— Десять минут, не больше. Я не собираюсь затягивать муки родителей. У них впереди еще довольно страданий.

— Ладно,— сказал Майк и пошел в дальнюю часть кладбища. Он перепрыгнет каменную стенку, пойдет в лес и съест поздний обед. Из долгого опыта Майк знал: последнее, что хотели бы видеть скорбящие родные и близкие на третьей остановке — отдыхающего могильщика в измазанной землей одежонке. Это вроде как портило сияющие картины бессмертия и жемчужных врат, которые рисовал пастор.

У стены, огораживающей кладбище с тыла, Майк остановился и нагнулся обследовать упавшее вперед сланцевое надгробие. Он поднял плиту и, когда смахнул землю с надписи на ней, опять ощутил легкий озноб:

ХЬЮБЕРТ БАРКЛИ МАРСТЕН
6 октября 1889 — 12 августа 1939
Тебя во тьму угрюмых Вод забрал
тот Ангел Смерти, что Светильник держит,
из бронзы сделанный, за дверью золотой.

А под этим, почти стертое тридцатью шестью сменами морозов и оттепелей:

Дай Бог, чтоб он лежал спокойно

Майк Райерсон отправился в лес посидеть у ручья и перекусить, но его так и не оставила смутная тревога, причин которой он никак не мог понять.

3.

Когда отец Каллахэн только начинал учиться в семинарии, приятель подарил ему вышивку гарусом. В те дни эта вышивка заставила Каллахэна разразиться испуганным смехом, но с годами казалась все более верной и менее богохульной: «Господь, даруй мне СТОЙКОСТЬ принимать то, что я не в силах изменить, УПОРСТВО менять то, что могу и ВЕЗЕНИЕ не

на...ться слишком часто». Все это — староанглийскими буквами на фоне восходящего солнца.

Сейчас, стоя перед теми, кто оплакивал Дэнни Глика, он снова вспомнил это давнее кредо.

Двое дядюшек и двое двоюродных братьев мальчика вынесли гроб и опустили в землю. Марджори Глик, в черном пальто и черной шляпке с вуалью, сквозь дырочки которой виднелось похожее на творог лицо, стояла, покачиваясь и вцепившись в сумочку, как в спасательный круг. Отец заботливо обнимал ее за плечи. Тони Глик стоял отдельно от жены, потрясенное лицо выражало полный разброд мыслей. Во время отпевания в церкви он несколько раз принимался озираться по сторонам, словно желая удостовериться, что и впрямь присутствует среди этих людей. Лицо Тони было лицом человека, убежденного, что видит сон.

«Церкви не оборвать этот сон,— подумал Каллахэн.— Так же, как никакому спокойствию, упорству и везению на свете. А на..ться Глик уже на...лся.»

Он окропил гроб и могилу святой водой, освящая их на веки вечные.

— Помолимся же,— сказал он. Слова из горла выкатывались мелодично, как всегда — в блеске или тени, у трезвого и у пьяного. Скорбящие склонили головы.

— Господи, Владыка! Твоей милостью в вере прожившие вечный покой обретают. Благослови могилу сию и пошли ангела Своего хранить ее. Когда предадим мы тело Дэниела Глика земле, прими его в свет лица Своего и со святыми Своими дай ему возрадоваться в Тебе навечно. Ради Христа, Господа нашего, аминь.

— Аминь,— пробормотали собравшиеся, и ветер унес обрывки слов. Тони Глик оглядывался широко раскрытыми загнанными глазами. Его жена зажимала рот платком.

— С верою в Иисуса Христа мы благоговейно приносим тело этого ребенка в его человеческом несовершенстве на погребение. Помолимся же с верою в Господа, дающего жизнь всему живому — да возвысит он это бренное тело к совершенству и да прикажет святым ангелам принять душу его и ввести в райскую обитель.

Он перевернул страницу требника. В третьем ряду

толпы, имеющей форму широкой подковы, принялась хрипло всхлипывать какая-то женщина. Где-то в лесах за кладбищем чирикнула птица.

— Помолимся же за брата нашего Дэниела Глика Господу нашему Иисусу Христу,— сказал отец Каллахэн,— который рек: «Я — воскресение и жизнь. Кто верует в меня — и после смерти жив будет, и всяк живущий, кто уверует в меня, никогда не претерпит страданий вечной смерти». Господи, Ты оплакал смерть Лазаря, друга Своего: облегчи же наше горе. С верою молим.

— Господи, услышь молитву нашу,— отозвались католики.

— Ты воскресил мертвого, дай же брату нашему Дэниелу жизнь вечную. С верою молим.

— Господи, услышь молитву нашу,— откликнулись они. В глазах Тони Глика словно бы забрезжило что-то — может быть, откровение.

— Брат наш Дэниел очищен крещением, дай ему общество всех святых Твоих. С верою молим.

— Господи, услышь молитву нашу.

— Он вкусил от плоти и крови Твоей, даруй же ему место за столом в Своем царствии небесном. С верою молим.

— Господи, услышь молитву нашу.

Марджори Глик со стонами закачалась из стороны в сторону.

— Утешь нас в горе от смерти брата нашего, пусть вера наша будет нам опорой, а вечная жизнь — надеждой нашей. С верою молим.

— Господи, услышь молитву нашу.

Пастор закрыл требник.

— Помолимся же, как учил нас Господь,— спокойно сказал он.— Отче наш, который на небесах...

— Нет! — пронзительно крикнул Тони Глик и стал проталкиваться вперед.— Не дам забросать моего мальчика землей!

Потянувшиеся остановить его руки опоздали. Тони секунду качался на краю могилы, потом фальшивая трава смялась, подалась, он упал в яму и со страшным тяжелым стуком приземлился на гроб.

— Дэнни, вылезай! — взревел Тони.

— *Батюшки!* — сказала Мэйбл Уэртс и прижала к губам черный шелковый траурный платок. Светлые глаза жадно впитывали увиденное — так белка запасает на зиму орехи.

— Дэнни, черт побери, а ну перестань выкаблучивать, мать твою!

Отец Каллахэн кивнул двум мужчинам из тех, что выносили гроб, и те шагнули вперед. Однако лягающегося, заходящегося криком и подвывающего Глика удалось извлечь из могилы только после того, как вмешались еще трое, в том числе Паркинс Джиллеспи и Нолли Гарднер.

— Дэнни, прекрати сейчас же! Ты напугал маму! Ну, ты у меня получишь березовой каши! Пустите! Пустите... к моему мальчику... пустите, раздолбаи... аххх, Господи...

— Отче наш, который на небесах...— снова начал Каллахэн, и другие голоса подхватили, вознося слова к равнодушному щиту неба.

— ...да святится имя Твое, да наступит царствие Твое, да будет воля Твоя...

— Давай, Дэнни, иди ко мне, слышишь? *Ты меня слышишь?*

— ...как на небе, так и на земле. Хлеб наш ежедневный дай нам сегодня и прости нам...

— *Дэнннниии...*

— ...долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...

— Он не мертвый, не мертвый, пустите меня, засранцы несчастные...

— ... и не введи нас во искушение, но избавь от зла. Во имя Господа нашего Иисуса Христа, аминь.

— Он не мертвый,— всхлипывал Тони Глик.— Не может этого быть. Ему, мать вашу, всего двенадцать.

Он бурно разрыдался и, несмотря на державших его мужчин, покачнулся вперед с опустошенным, залитым слезами лицом. Упав на колени у ног Каллахэна, Тони ухватил священника за брюки испачканными землей руками.

— Прошу вас, верните мне моего мальчика. Пожалуйста, перестаньте меня дурачить.

Каллахэн мягко взял его голову в ладони.

— Помолимся же,— сказал он.

Глик, сотрясаемый сокрушительными всхлипами, привалился к бедру священника.

— Господи, утешь этого человека и жену его в их скорби. Ты очистил это дитя в водах крещения и дал ему новую жизнь. Однажды, может быть, и мы при-

соединимся к нему, навсегда разделив радость небесную. Молим во имя Иисуса. Аминь.

Каллахэн поднял голову и увидел, что Марджори Глик лишилась чувств.

4.

Когда все уехали, Майк Райерсон вернулся и уселся на край раскрытой могилы доесть полсэндвича и подождать возвращения Ройяла Сноу.

Хоронили в четыре, а сейчас было почти пять часов. Тени удлинились, косые лучи солнца пробивались теперь из-за высоких дубов на западе. Этот дрочила Ройял обещал вернуться самое позднее в четверть пятого — ну, так где он?

Сэндвич был с сыром и болонской колбасой — любимый сэндвич Майка. Впрочем, других он и не делал: вот одно из преимуществ холостяцкой жизни. Он дожевал и отряхнул руки, уронив несколько хлебных крошек на гроб.

За ним кто-то следил.

Майк ощутил это внезапно и наверняка. Он пристально осмотрел кладбище широко раскрытыми испуганными глазами.

— Ройял? Ты тут, Ройял?

Никакого ответа. В деревьях, заставляя их таинственно шелестеть, вздыхал ветер. За каменной оградой в колеблющейся тени вязов Майк разглядел надгробие Хьюберта Марстена и вдруг подумал про собаку Вина, насаженную на кладбищенские железные ворота.

Глаза. Безжизненные, лишенные эмоций. Следящие.

ТЬМА, НЕ ЗАСТАНЬ МЕНЯ ЗДЕСЬ.

Словно услышав чей-то голос, Майк испуганно вскочил.

— Черт тебя побери, Ройял,— эти слова он выговорил громко, но спокойно, уже не думая, что Ройял где-то поблизости или вот-вот вернется. Придется заканчивать самому, а в одиночку он потратит уйму времени.

И засветло может не управиться.

Майк принялся за дело, не пытаясь понять охвативший его ужас, не задумываясь, с чего бы это сей-

час ему так не по себе от работы, которая раньше никогда не тревожила его. Быстро, не делая лишних движений, он оттащил полоски поддельной травы от сырой земли и аккуратно сложил. Перекинув полотнища через руку, Майк отнес их в стоявший за воротами грузовик. Стоило оказаться за пределами кладбища, как отвратительное чувство, будто за ним следят, исчезло.

Положив траву в кузов пикапа, Майк вынул лопату, тронулся в обратный путь и замешкался. Он пристально посмотрел на открытую могилу — она, казалось, насмехается над ним.

Ему пришло в голову, что ощущение, будто за ним следят, пропало, как только из его поля зрения исчез гроб, ютящийся на дне ямы. Майку вдруг представился Дэнни Глик, лежащий на шелковой подушечке с открытыми глазами. Нет, что за глупость. Глаза им закрывают. Он не раз видел, как Карл Формен это делает. «*Знамо дело, резиной клеим*,— признался однажды Карл.— *Кому охота, чтоб труп подмаргивал собравшимся, верно?*»

Майк нагрузил на лопату земли и сбросил в могилу. Раздался глухой увесистый удар. Майк моргнул. От этого звука ему стало немного не по себе. Он распрямился и недоуменно поглядел на цветы. Кидают денежки на ветер, чтоб им. Завтра все будет завалено желтыми и красными хлопьями осыпавшихся лепестков. Что им так дались цветочки? Это было выше понимания Майка. Ну, собрался тратить деньги — так отдай их в Раковое общество, или в «марш десятицентовиков», или даже в дамскую благотворительность. Хоть какая-то польза.

Он сбросил вниз еще одну лопату земли и опять прервался.

Гроб, еще одна напрасная трата. Отличный гроб красного дерева, стоит, самое малое, тысячу зеленых, и вот он закидывает его землей. Денег у Гликов не больше, чем у прочих — кто ж дает похоронную страховку на детей? Наверное, заложили все до нитки... ради ящика, который зароют в землю.

Майк нагнулся, набрал на лопату земли и неохотно кинул в яму. Снова этот ужасный, не оставляющий надежды, глухой удар. Сырая земля уже припорошила крышку гроба, но полированное красное дерево поблескивало сквозь нее... ей-ей, неодобрительно.

Хватит на меня глазеть.

Он снова зачерпнул земли (не слишком много) и бросил в могилу.

Бух.

Тени уже сделались очень длинными, Майк остановился, поднял взгляд и увидел дом Марстена с равнодушно закрытыми ставнями. Восточная сторона — та, что первой приветствовала дневной свет — смотрела вниз, прямо на железные ворота кладбища, где...

Майк заставил себя в очередной раз набрать на лопату земли и сбросить в яму.

Бух.

Земля ручейками стекала с боков, набиваясь в латунные петли. Если бы теперь кто-нибудь открыл гроб, раздался бы резкий скрип и скрежет, с каким открываются двери склепов.

Перестань глядеть на меня, черт возьми.

Он начал сгибаться, чтобы копнуть, но мысль показалась слишком тяжелой, и Майк сделал минутную передышку. Однажды (в «Нэшнл Инквайарер» или еще где-то) он прочел про одного техасца-бизнесмена — тот имел отношение к нефти. Так тот специально оговорил в завещании, чтобы его похоронили в новехоньком кадиллаке, «купе-де-вилль». Что и сделали. Могилу копали взрывом, а машину в нее загружали краном. В стране народ, куда ни плюнь, катается на старых колымагах, которые держатся на честном слове и на одном крыле, а какую-то богатую свинью хоронят за рулем десятитысячной тачки со всеми причиндалами...

Майк вдруг встряхнулся и сделал шаг назад, слабо мотая головой. Похоже, он... ну... впал было в транс. Ощущение, будто за ним следят, очень усилилось. Поглядев на небо, он с тревогой отметил, как оно потемнело. Часы показывали десять минут седьмого. Господи, прошел час, а он и пяток лопат в могилу не ссыпал! Майк согнулся, принимаясь за работу. Он пытался не давать себе думать. Б у х, б у х, б у х. Теперь земля стукалась о дерево глуше. Она коричневыми ручьями сбегала с засыпанной крышки гроба. Еще немного — и скроются щеколды и замок.

Щеколды и замок.

Да Господи, зачем же делать замок в гробу? Что, они думали, будто кто-то попытается забраться в него? Вот, должно быть, в чем дело. Само собой — не

могли же они думать, что кто-то попытается выбраться наружу...

— Хватит на меня *пялиться*,— сказал Майк Райерсон вслух, после чего почувствовал, как сердце подползает к горлу. Его нежданно-негаданно заполнило непреодолимое желание бежать от этого места, бежать прямо в город. Майку с большим трудом удалось справиться с собой. Подумаешь! Мандраж — вот и все. Разве ж можно работать на кладбище и ни разу не струхнуть? Все это напоминало Майку какой-то фильм ужасов, так его раздак: лежит пацан, от силы двенадцати лет, и надо засыпать его землей, а он таращит глаза...

— Господи, *хватит*! — крикнул Майк и дикими глазами посмотрел наверх, на дом Марстена. Теперь солнце освещало только крышу. Было шесть пятнадцать. Тут Майк принялся работать еще быстрее. Нагнуться. Вонзить лопату в землю. Выворотить коричневый ком. И не думать, ни о чем не думать. Но чувство, будто за ним наблюдают, скорее усиливалось, чем слабело, и каждая лопата земли казалась тяжелее предыдущей. Вот и крышка скрылась под грунтом, но очертания гроба все еще проступали сквозь земляной саван.

В голове Майка ни с того, ни с сего, как это бывает, зазвучала католическая молитва по усопшему. Сидя у ручья и обедая, он слышал, как ее читал отец Каллахэн... а еще слышал беспомощные крики отца парнишки.

Помолимся же за брата нашего Господу нашему Иисусу Христу, который рек...

(Отец мой, помоги же мне теперь.)

Майк остановился и бросил в могилу бессмысленный взгляд. Могила была глубокой. Очень глубокой. Тени надвигающейся ночи уже собрались в ней, как нечто злое и одушевленное. Да, еще копать и копать. Засыпать ее дотемна не удастся. Ни за что.

Я — воскресение и жизнь. Кто верует в меня, и после смерти жив будет...

(Повелитель Мух, помоги же мне теперь!)

Да, открытые глаза. Вот откуда чувство, будто за ним следят. Карл пожалел резины, и теперь пацан Гликов таращил на Майка глаза. С этим следовало что-то сделать.

...и всяк живущий, кто уверует в меня, никода не претерпит страданий вечной смерти...

(Вот я принес тебе гнилое мясо, зловонную плоть.)

Выбросить землю из могилы. Вот что нужно. Раскопать могилу заново, лопатой сбить замок, открыть гроб и закрыть эти жуткие, неподвижные, не отпускающие его глаза. Специальной резины у Майка не было, но в кармане лежали два четвертака. Сойдет. Серебро. Да, серебро — вот что нужно мальчишке.

Теперь солнце стояло над крышей дома Марстена, едва касаясь самых высоких и старых елей на западе городка. Даже при закрытых ставнях дом, казалось, пристально глядел на Майка.

Ты воскресил мертвого, дай же брату нашему Дэниелу вечную жизнь.

(Я принес тебе жертву. Левой рукою я принес ее.)

Майк Райерсон вдруг соскочил в могилу и начал бешено орудовать лопатой. Земля летела наверх коричневыми взрывами. Наконец лезвие лопаты ударилось о дерево. Райерсон смел с боков остатки земли, а потом опустился на колени и начал наносить по латунной дужке замка удар за ударом.

У ручья заплюхали лягушки, в тени пел козодой и где-то пронзительно раскричались ночные птицы.

Шесть пятьдесят.

«Что я делаю? — спросил он себя.— Что, скажите на милость, я делаю?»

Он стал коленями на крышку гроба и попытался обдумать свой вопрос... но с изнанки сознания что-то подстегивало — скорее, скорее, солнце садится...

Тьма, не застань меня здесь.

Он замахнулся лопатой и в последний раз ударил по замку. Тот сломался. В последнем проблеске рассудка Майк взглянул наверх. С украшенного разводами грязи и пота лица неподвижно смотрели набрякшие белые круги глаз.

На груди небес засияла Венера.

Тяжело дыша, Майк вылез из могилы, растянулся во весь рост на животе и пошарил в поисках защелок, удерживавших крышку гроба. Он отыскал их и открыл. Крышка отскочила кверху, петли заскрипели (точь-в-точь как Майк представлял себе) и показались розовый шелк, потом рука в темном рукаве (Дэнни Глика похоронили в деловом костюме), потом... потом лицо.

У Майка захватило дух.

Глаза оказались открыты. Точно, как Майк и ду-

мал. Широко открыты, а остекленения не было и в помине. В последнем свете умирающего дня они искрились некой отвратительной жизнью. В этом лице не было смертной бледности — казалось, под розовой кожей щек бурлят жизненные соки.

Майк попытался оторваться от поблескивающих неподвижных глаз — и не смог.

Он пробормотал: «Иисусе...»

Уменьшающаяся арка солнца скрылась за горизонтом.

5.

Марк Питри трудился в своей комнате над моделью Чудовища Франкенштейна и слушал, как внизу, в гостиной, разговаривают родители. Комната мальчика находилась на втором этаже сельского домика, который Питри купили на южной Джойнтер-авеню и, хотя сейчас дом отапливался современной топкой на масле, старые колосники второго этажа никуда не делись. Сначала, когда дом обогревался с кухни центральной печью, колосники с теплым воздухом предохраняли второй этаж от излишнего охлаждения (правда, первая хозяйка дома, жившая здесь со своим суровым мужем-баптистом с 1873 по 1896 год, все равно брала в постель обернутый фланелью разогретый кирпич), но сейчас им нашлось другое применение. Они великолепно проводили звук.

Хотя родители Марка сидели внизу, в гостиной, они с тем же успехом могли бы обсуждать свое чадо прямо у него под дверью.

Однажды (тогда они еще жили в своем старом доме и Марку было всего шесть) отец застукал его подслушивающим под дверями. Он привел сыну старую английскую пословицу: не подслушивай у замочной скважины — не придется сердиться. То есть, пояснил он, можно услышать о себе нечто такое, что придется тебе не по вкусу.

Ну, есть ведь и другая пословица. Заранее предупрежден — заранее вооружен.

В свои двенадцать лет Марк Питри был чуть ниже среднего роста и выглядел несколько субтильным. Несмотря на это, двигался мальчик с грацией и гибкостью, присущими далеко не всем его сверстникам,

которые с виду состоят сплошь из локтей, коленок и заживающих болячек. Кожа у Марка была светлой, почти молочно-белой, а черты, о которых со временем начнут говорить «орлиные», пока что казались чуточку женственными. Это причиняло ему определенные неприятности и до происшествия с Ричи Боддином в школьном дворе, и Марк уже принял решение справляться с этим самостоятельно. Он проанализировал проблему. Почти все задиры, решил Марк, здоровенные, злые и неуклюжие. Они пугают тем, что могут обидеть или сделать больно, а дерутся нечестно. Значит, если не бояться, что будет немного больно, и быть готовым подраться не по правилам, забияку можно победить. Ричи Боддин стал первым полным доказательством этой теории. С задирой из начальной школы в Киттери Марк разошелся вничью (что было своего рода победой: окровавленный, но не сломленный задира из Киттери добровольно объявил собравшимся на школьном дворе, что они с Марком Питри — дружки. Марк, который считал забияку из Киттери тупым куском дерьма, не противоречил. Он понимал, что такое благоразумие). Разговаривать с забияками не имело смысла. Ричи Боддины мира сего понимали только один язык: язык боли. Марк полагал, что именно поэтому миру всегда выпадали тяжелые времена, когда требовалось поладить. В тот день его отослали из школы, и отец очень сердился, пока смирившийся с ритуальной поркой свернутым в трубку журналом Марк не сказал ему, что даже Гитлер был в душе просто Ричи Боддином. Тут отец расхохотался как сумасшедший, и даже мать прыснула. Порка была предотвращена.

Сейчас Джун Питри говорила:

— Думаешь, это повлияло на него, Генри?

— Трудно... сказать.— И по паузе Марк догадался, что отец раскуривает трубку.— У него лицо шут знает какое непроницаемое.

— Однако в тихом омуте черти водятся,— она замолчала. Мать всегда говорила что-нибудь вроде «в тихом омуте черти водятся» или «взялся за гуж — не говори, что не дюж». Он нежно любил обоих, но иногда они казались такими нудными... точь-в-точь книжки в том отделе библиотеки, где хранятся фолианты... и такими же пыльными.

— Они же шли к Марку,— снова начала Джун.—

Поиграть с его железной дорогой... и вот один умер, а другой пропал! Не води себя за нос, Генри. Мальчик что-то чувствует.

— Он прочно стоит на земле обеими ногами,— отозвался мистер Питри.— Что бы он ни чувствовал, я уверен, он держит себя в руках.

Марк приклеил левую руку чудовища Франкенштейна в выемку плеча. Это была особым образом обработанная «аврoровская» модель — в темноте она светилась зеленым, так же, как пластмассовый Иисус, которого Марк получил в воскресной школе в Киттери за то, что от начала до конца выучил одиннадцатый псалом.

— Я иногда думал, что одного мало,— говорил отец.— Помимо всего прочего, это пошло бы Марку на пользу.

И мать, игривым тоном:

— Нельзя сказать, чтоб мы не старались, милый...

Отец хрюкнул.

В разговоре наступила долгая пауза. Марк знал, что отец листает «Уолл-стрит джорнел», а у матери на коленях — роман Джейн Остин или, может быть, Генри Джеймса, их она перечитывала снова и снова. Марк никак не мог понять, зачем читать книжку больше одного раза. Ведь знаешь, чем дело кончится.

— Думаешь, не опасно отпускать его в лес за домом? — вскоре спросила мать.— Говорят, где-то в городе есть зыбучие пески...

— До них не одна миля.

Марк немножко расслабился и приклеил чудовищу вторую руку. Монстры фирмы «Аврора» занимали целый стол — Марк составил из них живописную сцену, которую менял каждый раз, как добавлялся новый элемент. В тот вечер, когда... что-то случилось, Дэнни и Ральфи действительно шли посмотреть на них.

— Думаю, ничего страшного,— сказал отец.— Конечно, только когда светло.

— Ну, надеюсь, кошмары из-за этих ужасных похорон его мучить не будут.

Марк прямо-таки увидел, как отец пожимает плечами.

— Тони Глик... несчастный. Но смерть и горе — часть жизни. Пора ему свыкнуться с этой мыслью.

— Может быть.— Еще одна долгая пауза. «Что дальше?» — подумал Марк. Может, «ребенок — отец

мужчины»? Или «как прутик гнется — так дерево растет»? Марк приклеил чудовище к подставке — могильному холму на фоне покосившегося надгробия.— В разгар жизни мы сталкиваемся со смертью. Но у *меня* кошмары могут быть.

— О?

— Как ни жутко это звучит, мистер Формен, должно быть, настоящий художник. Честное слово, мальчик выглядел так, будто только что уснул. Будто в любой момент он может открыть глаза, зевнуть и... не понимаю, отчего люди настаивают на том, чтобы их пытали отпеванием у открытого гроба. Это... варварство.

— Ну, это уже позади.

— Да, наверное. Он хороший мальчик, правда, Генри?

— Марк? Лучше некуда.

Марк улыбнулся.

— По телевизору есть что-нибудь?

— Сейчас посмотрим.

Остальное Марк пропустил мимо ушей — серьезный разговор закончился. Он поставил модель на подоконник сохнуть и затвердевать. Еще пятнадцать минут, и мать крикнет, чтобы он собирался спать. Мальчик достал из верхнего ящика шкафа пижаму и стал переодеваться.

Строго говоря, мать напрасно тревожилась за психику Марка. Он вовсе не был таким уж чувствительным. Да и с чего бы — несмотря на свое изящество и рассчитанность движений, Марк почти во всех отношениях был обыкновенным ребенком. Крупных травм в его жизни не было, а несколько школьных драк отметин не оставили. С равными себе он ладил и, в общем, хотел того же, чего они.

Если что-то и ставило его особняком, так это запас отстраненности и холодного самоконтроля. Никто не внушал ему этого — похоже, таким Марк родился. Когда его любимого пса, Чоппера, сбила машина, Марк настоял на том, чтобы вместе с матерью пойти к ветеринару. Ветеринар сказал: «Собаку надо усыпить, мальчик мой. Понимаешь, почему?», и Марк возразил: «Вы не станете его усыплять, вы собираетесь насмерть отравить его газом. Да?» Ветеринар подтвердил. Марк ответил: валяйте, но сперва поцеловал Чоппера. Ему было жалко пса, но он не запла-

кал — глаза у мальчика никогда не были на мокром месте. Мать поплакала, но через три дня Чоппер стал для нее туманным прошлым. А для Марка пес никогда не уйдет в туманное прошлое. Вот чем ценно не плакать. Плакать — то же самое, что вылить все свои чувства на землю с мочой.

Исчезновение Ральфи Глика потрясло Марка, как потрясла затем смерть Дэнни, но он не испугался. Он слышал, как один мужик говорил в магазине, что Ральфи, наверное, попал в лапы к извращенцу. Что такое извращенцы, Марк знал. Сделав свое черное дело, они душат тебя (в комиксах малый, которого душат, всегда говорит «а-ррр-гхххх») и закапывают в гравийном карьере или под досками заброшенного сарая. Если бы когда-нибудь извращенец предложил конфетку Марку, тот пнул бы его в яйца и пустился наутек.

— Марк? — проплыл вверх по лестнице голос матери.

— Я,— ответил он и опять улыбнулся.

— Будешь умываться, не забудь про уши.

— Ладно.

Он быстро оглянулся на стол, где расположилась живая картина, его монстры: Дракула, разинув рот, угрожал клыками лежащей на земле девице, Сумасшедший Доктор тем временем пытал на дыбе какую-то даму, а мистер Хайд подкрадывался к идущему домой старичку,— и, гибко двигаясь, спустился вниз поцеловать родителей и пожелать им доброй ночи.

Понять смерть? Конечно. Это — когда чудовища, наконец, добрались до тебя.

6.

В половине девятого Рой Макдугалл въехал на ведущую к своему вагончику подъездную дорожку. Старый форд два раза газанул и вырубился. Трубка насадки дышала на ладан, дворники не работали, а в следующем месяце придет счет. Ну и машина. Ну и жизнь. В доме выл ребенок, а Сэнди орала на него. Доброе старое супружество.

Он выбрался из машины и упал, споткнувшись об одну из каменных плит, которые с прошлого лета собирался превратить в дорожку от подъездной аллеи к крыльцу.

— Чтоб ты сгорела, срань,— пробурчал он, зверем глядя на плитку и потирая подбородок.

Рой был изрядно пьян. Он ушел с работы в три и с тех пор пил у Делла с Хэнком Питерсом и Бадди Мэйберри. Хэнк совсем недавно разжился деньгами и, похоже, настойчиво пропивал все свои дивиденды, каковы бы они ни были. Рой знал, *что* Сэнди думает о его приятелях. Ладно, пускай задерется в доску. Пожалеть человеку пару кружек пива в субботу и воскресенье, даже если он ломал спину на проклятой трепальной машине всю неделю и в выходные сверхурочно, чтобы подзаработать! Чего это она стала такая святая? Весь день сидит дома, и всех дел у нее — прибрать в доме, побазарить с почтальоном да приглядеть, чтоб пацан не заполз в духовку. Хотя в последнее время она не шибко-то за ним смотрит. Позавчера проклятый мальчишка даже свалился с пеленального столика.

А ты где была?

Я держала его, Рой. Но он так крутился...

Крутился. Да уж.

Рой прошел к двери, все еще кипя. Ушибленная нога болела. От *нее*-то сочувствия хрен дождешься. И чем же она занимается, пока он надрывает пупок на этого фигова мастера? Читает журналы и жрет вишни в шоколаде. Или смотрит по ящику мыльные оперы и жрет вишни в шоколаде. А не то треплется по телефону с подружками и жрет вишни в шоколаде. Тут не то что рожа, тут и жопа опрыщавеет. Очень скоро не разобрать будет, где у этой бабы что.

Рой толкнул дверь и вошел.

То, что он увидел, поразило его сразу и сильно, пробив пивной туман, как шлепок мокрым полотенцем: орущий голый младенец с разбитым носом, у Сэнди, которая держит его на руках, безрукавка запачкана кровью, повернутое к Рою лицо съежилось от страха и неожиданности. Пеленка на полу.

Рэнди, у которого синяки под глазами побледнели совсем немного, поднял ручки, словно умоляя о чем-то.

— Что тут происходит? — медленно спросил Рой.

— Ничего, Рой. Он просто...

— Ты его стукнула,— невыразительно сказал он.— Он не хотел лежать спокойно, пока ты его пеленала, и ты его треснула.

— Нет,— быстро возразила Сэнди.— Он перекатился и стукнулся носом, вот и все. Вот и все.

— Надо бы всыпать тебе по первое число.

— Рой, он просто приложился *носом*...

Его плечи обвисли.

— Что на ужин?

— Гамбургеры. Горелые,— сварливо сказала она и вытянула из «рэнглеров» подол блузки, чтобы вытереть у Рэнди под носом. Рой заметил валик жира, которым обрастала жена. Сэнди так и не похудела после родов — ей было наплевать.

— Пусть заткнется.

— Он не...

— *Пусть заткнется*! — заорал Рой, и Рэнди, который по сути дела уже успокоился и только всхлипывал, опять раскричался.

— Дам-ка я ему бутылочку,— сказала Сэнди, поднимаясь.

— И принеси пожрать.— Он начал стаскивать джинсовую куртку.— *Господи*, что в этом доме за помойка? Что ты делаешь целый день? Баклуши бьешь?

— *Рой!* — сказала она потрясенным тоном. Потом хихикнула. Безумная злость на ребенка, который не желал спокойно лежать в пеленках и не давал Сэнди завернуть их, отошла в туманную даль. Такое могло произойти в очередной серии «Медицинского центра» или рассказываться в одной из тех историй, что она читала днем.

— Неси ужин, а потом приберись в этом затрухан-ном доме.

— Хорошо. Хорошо, конечно.— Она вынула из холодильника бутылочку, дала Рэнди и посадила его в манеж. Тот принялся апатично сосать, глядя из-за решетки маленькими кружками глаз то на мать, то на отца.

— Рой?

— М-м? Чего?

— У меня кончилось.

— Чего?

— Сам знаешь, чего. Хочешь? Сегодня вечером?

— А как же,— сказал он.— А как же.— И опять подумал: та еще жизнь, будь я проклят. *Та еще* жизнь!

7.

Когда зазвонил телефон, Нолли Гарднер слушал по приемнику рок-н-ролл и хрустел пальцами. Пар-

кинс отложил журнал с кроссвордом и сказал: «Прикрути чуток, ладно?»

— Конечно, Парк.— Нолли убавил звук и снова принялся хрустеть пальцами.

— Алло? — сказал Паркинс.

— Констебль Джиллеспи?

— Да.

— Говорит агент Том Хэнрахэн, сэр. Я получил информацию, которую вы запрашивали.

— Очень хорошо, что вы так скоро отозвались.

— Выудили мы для вас немного.

— Да это ладно,— сказал Паркинс.— Что ж вы узнали?

— В мае 1973 года Бен Мирс привлекался к расследованию после дорожно-транспортного происшествия со смертельным исходом. В штате Нью-Йорк. Никаких обвинений не выдвигали. Мотоцикл разбился. Жена Мирса, Миранда, погибла. По словам свидетелей, он ехал медленно. Проба на алкоголь отрицательная. По всей видимости, просто угодил на мокрое. Политические взгляды тяготеют к левым. Участник Принстонского мирного марша 1966 года. Произнес речь на антивоенном ралли в Бруклине в 1967 году. Марш на Вашингтон в 1968 и 1970. Больше на него ничего нет.

— Что еще?

— Курт Барлоу — «Курт» с «т». Британец, но скорее натурализованный, чем по происхождению. Родился в Германии, в 1938 году бежал в Англию явно преследуемый гестапо. Более ранние сведения о нем получить невозможно, но ему, вероятно, восьмой десяток. Настоящая фамилия — Брайхен. С 1945 года занимался в Лондоне импортом-экспортом, однако толком ничего выяснить нельзя. Стрейкер является его партнером с тех самых пор, и, похоже, именно он имеет дело с клиентами и общественностью.

— Да?

— Стрейкер — уроженец Британии. Пятьдесят восемь лет. Отец — манчестерский столяр, делал кабинеты. Оставил сыну кругленькую сумму, но и сам Стрейкер не сидел сложа руки. Восемнадцать месяцев назад они с Барлоу запросили визы на длительное пребывание в Соединенных Штатах. Вот все, что у нас есть. Да, еще: по отношению друг к другу у них могут быть определенные странности.

— Да,— вздохнул Паркинс.— Об этом я уже думал.

— Если помощь еще нужна, можно запросить о ваших новых негоциантах ЦРУ и Скотланд-Ярд.

— Да нет, все отлично.

— Кстати, Мирса с двумя другими ничто не связывает. Если только эта связь не кроется где-то глубоко.

— Ладно. Спасибо.

— Ну, мы тут для того и сидим. Нужна будет помощь, свяжитесь с нами.

— Так и сделаем. Спасибо вам.

Он положил трубку обратно на рычаг и задумчиво поглядел на нее.

— Кто это был, Парк? — спросил Нолли, прибавляя звук радио.

— Кафе «Экселлент». Нет у них ветчины с ржаным хлебом. Ни крошки. Одни тосты с сыром да яичный салат.

— Если хочешь, у меня в столе немного взбитой малины.

— Нет, спасибо,— сказал Паркинс и опять вздохнул.

8.

Свалка все еще тлела.

Вдоль ее края, принюхиваясь к аромату тлеющих отбросов, прохаживался Дад Роджерс. Под ногами хрустели пузырьки и флакончики, а при каждом шаге вверх поднимался рыхлый черный пепел. В пустыне свалки, повинуясь капризам ветра, то гас, то разгорался широкий пласт углей, напоминая Даду то открывающийся, то закрывающийся огромный красный глаз... глаз великана. То и дело со слабым приглушенным взрывом лопались аэрозольные баллончики или электрические лампочки. Когда утром Дад поджег мусор, оттуда вылезло огромное множество крыс — столько он еще не видел. Он пристрелил полных три дюжины и, когда, наконец, сунул пистолет в кобуру, тот был на ощупь горячим. Вдобавок эти сволочи были крупными — некоторые добрых два фута длиной от кончика носа до кончика хвоста. Занятно, один год их больше, другой — меньше. Связано с погодой, что ли. Если и дальше так пойдет, придется обсыпать все отравой — а этого Дад не делал с шесть-

десят четвертого года. Сейчас одна крыса ползла под козлами для пилки дров, служившими преградой огню.

Вытащив пистолет, Дад щелкнул предохранителем, прицелился и выстрелил. Выстрел взметнул перед крысой фонтанчик земли, обсыпав шерсть. Но крыса не бросилась наутек — она просто поднялась на задние лапы и посмотрела на Дада глазами-бусинками, которые в пламени отсвечивали красным. Иисусе, да среди них есть и храбрецы!

— Покедова, мистер Крыс! — сказал Дад и тщательно прицелился.

Ба-бах. Крыса повалилась и задергалась.

Дад подошел к ней и пнул тяжелым рабочим башмаком. Крыса несильно тяпнула кожаный ботинок зубами, бока едва заметно раздувались и опадали.

— Сволочь,— мягко сказал Дад и раздавил крысе голову. Он присел на корто́чки, посмотрел на нее и обнаружил, что думает про Рути Крокетт, которая ходит без лифчика. Когда она надевает облегающий свитер на пуговках, то отчетливо видны маленькие соски, встающие торчком от трения о шерстяную ткань, и, если сумеешь добраться до этих сисек и совсем немного потискаешь — помните, совсем немного — шлюшка вроде Рути в два счета кончит.

Дад взял крысу за хвост и раскачал наподобие маятника.

— А пришлось бы тебе по вкусу найти в своем пенале старину мистера Крыса? — Непреднамеренная двусмысленность такой идеи развеселила его, и он визгливо хихикнул, а странно скособоченная голова задергалась и закивала. Зашвырнув крысу высокий, чрезвычайно тонкий силуэт шагах в пятидесяти справа.

Дад вытер ладони о зеленые штаны и, подняв руки над головой, широким шагом двинулся к этому силуэту.

— Свалка закрыта, мистер.

Человек повернулся к нему. В красном свечении умирающего пламени обозначилось скуластое задумчивое лицо. В белых волосах — пряди стальной проседи, придающие лицу странную возмужалость, шевелюра откинута назад с высокого воскового лба, как у пианистов-педиков. Глаза ловили и удерживали красное свечение углей, отчего казались налитыми кровью.

— Да? — вежливо спросил мужчина. В безукориз-

ненном выговоре звучал некий слабый акцент. Этот тип мог быть лягушатником, а может — немцем или венгром.— Я пришел посмотреть на пламя. Это так красиво.

— Да,— согласился Дад.— Вы тутошний?

— Да, я недавно поселился в вашем прелестном городке. Много крыс застрелили?

— Да уж не одну. В последнее время тут расплодились миллионы этих сучат. Слышьте, вы — не тот малый, что прибрал дом Марстена, а?

— Хищники,— сказал мужчина и заложил руки за спину. Дад с удивлением отметил, что субъект этот выряжен в костюм с жилеткой и всем прочим.— Обожаю ночных хищников. Крыс... сов... волков. Тут в округе есть волки?

— Не-е,— ответил Дад.— Пару лет назад один мужик изловил койота в Дорхэме. И есть еще стая диких псов, которые гоняют оленей...

— Псы,— сказал мужчина и сделал презрительный жест.— Низкие твари, которые при звуке чужих шагов съеживаются от страха и принимаются выть. Годятся только на то, чтобы скулить да пресмыкаться. Выпустить им всем кишки, вот что я вам скажу. Выпустить им всем кишки!

— Ну, *так* я никогда об них не думал,— отозвался Дад, неуклюже отступая на шаг.— Всегда приятно, коли есть с кем выйти... но знаете, треп трепом, а

— Несомненно.

Тем не менее незнакомец вовсе не собирался уходить. Дад подумал, что всех обскакал. Весь город гадает, кто стоит за тем типом, Стрейкером, а Дад первый узнал это... ну, может, после Ларри Крокетта, но тот — мужик с головой. Когда Дад в следующий раз приедет в город за патронами к Джорджу Миддлеру, у которого на роже вечно написано «глядите, какой я правильный!», он как бы между прочим обронит: «Познакомился на днях с этим новым малым. С кем? Да ты знаешь. С тем, что взял дом Марстена. Довольно приятный. По разговору вроде из немцев-венгерцев.»

— А привидения в вашем старом доме водятся? — спросил он, поскольку старикан

— Привидения! — старикан улыбнулся, и в этой улыбке было что-то весьма тревожное. Так могла бы улыбаться барракуда.— Нет, никаких привидений.—

На последнем слове он сделал легкое ударение, словно наверху могло водиться что-то похуже.

— Ну... уже делается поздно, да вообще... вам взаправду пора уже двигать, мистер...

— Но с вами так приятно беседовать,— сказал старикан, в первый раз поворачиваясь к Даду анфас и заглядывая ему в глаза. Его собственные глаза оказались широко расставленными и еще сохраняли каемку угрюмого огня свалки. От них никак нельзя было оторваться, хоть глазеть и невежливо.— Ничего, если мы поговорим еще немножко, а?

— По мне, так ничего,— голос Дада прозвучал откуда-то издалека. Глаза, в которые он смотрел, ширились, росли, пока не превратились в окаймленные пламенем темные ямы — ямы, куда можно свалиться и утонуть...

— Благодарю вас,— сказал старикан.— Скажите... горб причиняет вам неудобство при работе?

— Нет,— откликнулся Дад, по-прежнему как бы издалека. Он вяло подумал: «Хрен мне в жопу, коли дед меня не гипнотизирует. Навроде того малого с Топшэмской ярмарки... как его бишь? Мистера Мефисто. Тот усыпит, да и заставляет проделывать какие хочешь смешные штуки — вести себя, будто ты цыпленок, или носиться по-собачьи, или рассказывать, что случилось на дне рождения, когда тебе было шесть. Загипнотизировал старину Реджи Сойера. Господи, как же мы хохотали...»

— А может, горб неудобен вам в других отношениях?

— Нет... ну...— Дад зачарованно глядел незнакомцу в глаза.

— Ну, ну,— деликатно пустился тот в уговоры.— Мы же друзья, разве не так? Поговорите со мной, расскажите...

— Ну... девушки... понимаете, девушки...

— Конечно,— успокоил Дада старикан.— Девушки смеются над вами, правда? Они ничего не знают о вашей мужественности. О силе.

— Верно,— прошептал Дад.— Смеются. *Она* смеется.

— Кто это «она»?

— Рути Крокетт. Она.. она...— Мысль улетела прочь. Дад не препятствовал. Потеряло значение все, кроме покоя. Прохладного, полного покоя.

— Что же, она подтрунивает над вами? Хихикает украдкой? Пихает подружек в бок, если вы идете мимо?

— Да...

— Но вы хотите ее,— настаивал голос.— Разве не так?

— О да...

— Вы получите ее, я уверен.

В этом было что-то... приятное. Где-то вдалеке Даду слышались приятные голоса, выпевающие грязные слова. Серебряный перезвон... белые лица... голос Рути Крокетт. Дад просто видел, как она прикрывает ладошками грудки, и те выпирают из острого мыса выреза спелыми белоснежными полушариями. Она шепчет: *поцелуй их, Дад... укуси их... пососи...* Ему казалось, что он тонет. Тонет в окаймленных красным глазах старика.

Незнакомец приблизился. Дад все понял и приветствовал это, а когда пришла боль, она оказалась драгоценной как серебро и неподвижно-зеленой, как вода в темных глубинах.

9.

Рука дрожала и, вместо того, чтобы ухватить бутылку, пальцы сшибли ее со стола. Тяжело стукнув о ковер, бутылка улеглась там, с бульканьем выпуская на зеленый ворс хорошее шотландское виски.

— Сраны! — сказал отец Дональд Каллахэн и потянулся вниз поднять бутылку, пока не все пропало. Собственно, пропадать было особенно нечему. То, что уцелело, он опять поставил на стол (на порядочном расстоянии от края) и убрел на кухню поискать под раковиной тряпку и бутылочку с чистящей жидкостью. Ни в коем случае нельзя, чтобы мисс Корлесс нашла возле ножки стола в его кабинете пятно от пролитого виски. Ее добрые сочувственные взгляды так трудно терпеть в долгие утренние часы, когда чувствуешь легкое недомогание...

Ты хочешь сказать, похмелье.

Да, отлично — похмелье! Само собой, давайте немного приоткроем правду. Узнай правду — обретешь свободу. Да шут с ней, с правдой.

Он нашел флакончик чего-то под названием «Э-Вэп», что сильно напоминало звук мощной рвоты

(«Э-Вэп!» — крякнул старый пьяница, справляя нужду и одновременно освобождаясь от ленча), и забрал его в кабинет. Каллахэна не качало. Почти совсем. «Смори, нач-чальник: щас я пройдусь до светофора прям по этой белой линии.»

Каллахэн был импозантным мужчиной пятидесяти трех лет. Тронутые серебром волосы, ирландские морщинки вокруг чистых голубых глаз (теперь прошитых крохотными красными стежками), твердый рот и еще более твердый, слегка раздвоенный подбородок. Иногда, глядя поутру в зеркало, он думал: «вот стукнет шестьдесят — откажусь от сана, подамся в Голливуд и стану зарабатывать на жизнь, изображая Спенсера Трейси.»

— Отец Флэнаган, где ты, когда ты нам нужен? — пробормотал он, присел на корточки возлé пятна, прищурившись, прочел инструкцию на этикетке бутылочки и вылил на пятно два колпачка «Э-Вэп». Пятно немедленно побелело и запузырилось. Каллахэн с некоторой тревогой воззрился на это, потом снова сверился с этикеткой.— Для трудновыводимых пятен,— прочел он вслух сочным раскатистым голосом, сделавшим его столь желанным в приходе после долгих странствий в духе отца Хьюма, старого бедняги, шамкающего вставными зубами: «разрешите разместиться минуток на семь-десять».

Каллахэн подошел к окну кабинета, выходившему на улицу Вязов с церковью Святого Андрея через дорогу.

«Ну, ну,— подумал он,— вон как — воскресный вечер, и я снова пьян.»

Благослови меня, Отче, ибо я грешил.

Если не торопиться и продолжать работать (долгие одинокие вечера отец Каллахэн посвящал своим «Заметкам», над которыми трудился уже без малого семь лет, предположительно — ради книги о католической церкви в Новой Англии, но то и дело к нему закрадывалось подозрение, что книга эта так и не будет написана. Собственно говоря, «Заметки» возникли одновременно с проблемой спиртного. Книга Бытия, 1:1 — «В начале было виски и отец Каллахэн рек: «Да будут «Заметки.»), то едва ли осознаешь, что хмель медленно, но верно овладевает тобой все глубже. Можно выучить руку не сознавать убывающую тяжесть бутылки.

Со времени моей последней исповеди прошел самое малое один день.

Одиннадцать тридцать. Выглянув в окно, Каллахэн увидел однообразную тьму, нарушаемую только круглым пятнышком света от уличного фонаря перед церковью. В любой момент в этот круг мог ворваться, вращая тросточкой, пляшущий Фред Эстэйр — цилиндр, фрак, короткие гетры и белые туфли. Его встречает Джинджер Роджерс, и они вальсируют под мелодию «Я всем им снова запустил космический «Э-Вэп-блюз».

Он прислонился лбом к стеклу, позволив красивому лицу, которое по крайней мере в некоторых отношениях было его проклятием, обвиснуть вытянутыми линиями безумной усталости.

Я пьян, я паршивый священник, Отче.

Закрыв глаза, он увидел тьму исповедальни, почувствовал, как пальцы заставляют окошко скользнуть назад, приподнимая завесу над всеми тайнами души человеческой, ощутил запах старческого пота и потертого бархата, которым обиты скамеечки для преклонения колен, слюна обрела щелочной привкус.

Благослови меня, Отче, ибо я

(сломал фургон брата, ударил жену, подглядывал в окошко к миссис Сойер, когда она раздевалась, лгал, мошенничал, у меня были похотливые мысли, я, я, я)

ибо я грешил.

Каллахэн открыл глаза, но Фред Эстэйр еще не появлялся. Может быть, когда пробьет полночь? Его город спал. Кроме...

Каллахэн взглянул наверх. Да, *там* горел свет.

Он подумал про девчушку Боуи — нет, Макдугалл, теперь ее фамилия Макдугалл — тоненьким тихим голоском признающуюся, что бьет своего ребенка, а когда он спросил, часто ли, то почувствовал (просто услышал), как у нее в голове закрутились колесики, превращая дюжину в пять раз или сотню — в дюжину. Печальное извинение для человека. Младенца он крестил сам. Рэндолл Фрэтас Макдугалл. Зачатый на заднем сиденье машины Ройса Макдугалла, наверное, во время второго фильма на двойном сеансе в кинотеатре под открытым небом. Крошечное кричащее созданьице. Каллахэн задумался: знает ли — или догадывается — маленькая Макдугалл, как ему хоте-

лось бы протянуть за окошко обе руки и схватить трепещущую по другую его сторону душу, выкручивая и сжимая ее, пока не раздастся крик. Твоя епитимья — шесть подзатыльников и хар-роший пинок под зад. Иди своей дорогой и больше не греши.

— Скучно,— сказал Каллахэн.

Но в исповедальне было не просто скучно. Не одна только скука претила священнику, подталкивая в вечно расширяющийся клуб «Ассоциация католических священнослужителей бутылки и рыцарей «Катти Сарк». Дело было в мертвом, ровно и сильно работающем двигателе церковной машины, бесконечно снующей к небесам и крушащей по дороге все мелкие грешки. Дело было в традиционном признании зла англиканской церковью, сейчас больше озабоченной злом социальным. В том, как эта церковь убеждала пожилых леди, чьи родители говорили на европейских языках, будто искупление — в четках. В том, что в исповедальне действительно присутствовало зло, такое же реальное, как запах старого бархата. Но это зло было лишенным рассудка, слабоумным, чуждым жалости и не дающим передышек. Кулак, бьющий по детскому личику. Вспоротая складным ножом покрышка. Кабацкая драка. Бритвы, вставленные в яблоки на День Всех Святых. Постоянные пресные ограничения, какие только способен извергнуть разум человеческий из лабиринта своих изгибов и поворотов. Господа, оптимальное средство от того-то — лучшие тюрьмы, лучшие полицейские. Лучшие агенты социальных служб. Лучший контроль за рождаемостью. Лучше сделанные аборты. Лучшая техника стерилизации. Господа, если мы вырвем этот зародыш, кровавое сплетение рук и ног, из утробы — он так и не вырастет, чтобы до смерти забить молотком старушку. Дамы, если мы привяжем этого человека к стулу со специальной проводкой и зажарим, как свиную отбивную, ему уже больше не представится случай замучить еще нескольких мальчиков. Соотечественники, если этот евгенический билль пройдет, я смогу гарантировать вам, что никогда больше...

Черт.

Вот уже некоторое время — может быть, целых три года — правда относительно своего состояния делалась для Каллахэна все яснее и яснее, набирая ясность и определенность, как несфокусированная кар-

тинка при регулировке — до тех пор, пока каждая линия не станет резкой и отчетливой. Каллахэн томился по Сложной Задаче. У нынешних священников были свои: расовая дискриминация, освобождение женщин (и даже «гэев»), бедность, безумие, беззаконие. От них ему делалось неуютно. Он чувствовал себя легко только с теми из озабоченных социальными проблемами священников, кто активно выступал против войны во Вьетнаме. Теперь, когда их дело устарело, они уселись обговаривать марши и ралли так, как пожилые супружеские пары вспоминают свой медовый месяц или первый вояж на поезде. Но Каллахэн не был священнослужителем ни новой, ни старой формации: он обнаружил, что ему отведена роль приверженца традиций, который больше не может доверять даже своим основополагающим постулатам. Ему хотелось возглавить дивизию в армии... кого? Господа? добродетели? добра? (от обозначения суть не менялась) и выйти на битву со ЗЛОМ. Он желал действий и боевых позиций. Чтобы забыть о том, что такое торчать на холоде у супермаркета, раздавая листовки «Бойкот салату» или «Объявим виноградную забастовку!» Он хотел увидеть ЗЛО с откинутым саваном лжи и хитрости, чтобы отчетливо различить все его черточки. Он хотел биться со ЗЛОМ один на один, как Мохаммед Али с Джо Фрэзером, как кельты с саксами, Иаков с Ангелом. Каллахэн хотел, чтобы эта борьба была чистой, без примеси политики, которая подобно уродливому сиамскому близнецу катила на закорках любого социального вопроса. Он желал всего этого с тех самых пор, как захотел стать служителем Господа, а зов этот достиг Каллахэна, когда в возрасте четырнадцати лет его воспламенила история Святого Стефана, первого христианского мученика, забитого до смерти камнями и узревшего в момент своей кончины Христа. В сравнении с привлекательностью борьбы и, может быть, гибели в служении Господу, привлекательность небес была весьма туманной.

Но битв не было. Только пустячные стычки с неопределенными результатами. А у ЗЛА оказалось множество лиц, все — пустые, и подбородки чаще блестели от сочащейся слюны, чем наоборот. По сути дела, отца Каллахэна принуждали сделать заключение, что в мире нет никакого ЗЛА, кроме обычного зла — или, возможно, (зла). В подобные минуты он подозревал, что и Гит-

лер — не что иное, как опустошенный бюрократ, а сам Сатана — умственно неполноценный с зачаточным чувством юмора из тех, кому представляется невыразимо смешным скормить чайке засунутую в хлеб петарду.

Великие социальные, нравственные и духовные битвы веков уварились до Сэнди Макдугалл, которая лупит в уголке своего сопливого пацаненка, пацаненок же вырастет и станет лупить в уголке своего собственного отпрыска — бесконечная жизнь, аллилуйя, толстый ломоть арахисового масла. Пресвятая Дева, эй, как к добру вернуть людей?

Тут речь шла не только о скуке, все это ужасало тем, *что* значило для любого осмысленного определения жизни и, не исключено, царствия небесного. Вечность церковного лото, увеселительные аттракционы и небесный стриптиз?

Каллахэн оглянулся на часы на стене. Было шесть минут первого — и все еще никаких следов Фреда Эстэйра с Джинджер Роджерс. Даже Мики Руни. Однако у «Э-Вэп» было время подействовать. Теперь он пропылесосит, миссис Корлесс не придется жалостливо смотреть на него, и жизнь пойдет своим чередом. Аминь.

Глава седьмая

МЭТТ

1.

Во вторник в конце третьего урока Мэтт зашел в учительскую. Оказалось, что там его уже ждет Бен Мирс.

— Привет,— сказал Мэтт.— Вы рано.

Бен поднялся и пожал ему руку.

— Семейное проклятие, наверное. Скажите, эти ребята меня не съедят, нет?

— Ни в коем случае,— ответил Мэтт.— Пошли.

Он был немного удивлен. Бен оделся в симпатичную спортивную куртку и серые слаксы с двойной отстрочкой. Хорошие ботинки, с виду ношенные совсем немного. В классах Мэтта бывали и другие литераторы. Те обычно одевались небрежно или во что-нибудь откровенно странное. Год назад он спросил довольно известную поэтессу, приехавшую на свой творческий

вечер в университет штата, в Портленд, не заглянет ли она на следующий день поговорить с его классом о поэзии. Так та явилась в тренировочных штанах, но на высоком каблуке. Казалось, таким образом ее подсознание заявляет: поглядите на меня — я побила систему в ее собственной игре. Я прихожу и ухожу как ветер.

От такого сравнения восхищение Мэтта Беном усилилось еще капельку. После тридцати с лишним лет на педагогическом поприще Мэтт пришел к убеждению, что систему не побьешь, игру не выиграешь, и только сопляки думают, будто вырвались вперед.

— Хорошее здание,— сказал Бен, оглядываясь по сторонам, пока они шли по коридору.— Черт-те как отличается от той школы, где учился я. Там почти все окна напоминали амбразуры.

— Первая ошибка,— отозвался Мэтт.— Никогда не называйте школу «зданием». Это — «предприятие». Школьные доски — «наглядные пособия», а ученики — «гомогенное сообщество совместно обучающихся детей среднего школьного возраста».

— Им крупно повезло,— с ухмылкой заметил Бен.

— Да, верно? Вы учились в колледже, Бен?

— Пытался. Гуманитарные науки. Но, похоже, все как один играли в интеллектуальную игру «захвати флаг» — ты тоже можешь найти топор и наточить его, и, таким образом, стать известным и обожаемым. К тому же, меня вытурили за неуспешность. Когда продавали «Дочь Конвея», я грузил в фургоны доставки ящики с кока-колой.

— Расскажите об этом ребятам. Им будет интересно.

— Вам нравится преподавать? — спросил Бен.

— Разумеется, нравится. Иначе эти сорок лет пропали бы даром.

Прозвонил запоздалый звонок. По опустевшему коридору (только какой-то лодырь медленно шел мимо нарисованной под надписью «Лесное дело» стрелки) разнеслось громкое эхо.

— Как тут с наркотиками? — спросил Бен.

— Все, что угодно. Как в любой американской школе. Все-таки наша главная беда — пьянство.

— Не марихуана?

— Я не считаю косяк проблемой. Да и начальство, заложивши за воротник и высказываясь неофициально, тоже. Если под ремешком играет «Джим Бим». Я

случайно знаю, что наш ведущий советник — один из лучших в своей области — не прочь курнуть и пойти в кино. Я и сам пробовал. Действует превосходно, но у меня от этого кислое несварение.

— В ы пробовали?

— Ш-ш-ш,— сказал Мэтт.— У Большого Брата повсюду уши. Кроме того, вот мой кабинет.

— Ах ты Господи.

— Не нервничайте,— сказал Мэтт, пропуская его вперед.— Доброе утро, ребята,— обратился он примерно к двум десяткам учеников, которые пристально разглядывали Бена.— Это мистер Бен Мирс.

2.

Сперва Бен подумал, что ошибся дверью.

Он был совершенно уверен, что, приглашая его на ужин, Мэтт Бэрк сказал: маленький серый дом сразу за красным кирпичным... но из этого дома потоком лился рок-н-ролл.

Бен воспользовался пятнистым латунным дверным молотком, не получил ответа и опять постучал. На сей раз музыку приглушили и кто-то — голос, вне всяких сомнений, принадлежал Мэтту — гаркнул: «Открыто! Входите!»

Он вошел и принялся с интересом оглядываться. Парадная дверь вела прямо в маленькую гостиную, обставленную в раннеамериканском стиле «лавка старьевщика», где господствовал неправдоподобно древний телевизор «Моторола». Музыка неслась из аудиосистемы со счетверенными динамиками.

Мэтт появился из кухни, подвязанный красно-белым клетчатым фартуком. За ним тянулся аромат соуса к спагетти.

— Простите, что так шумно,— сказал Мэтт.— Я глуховат, вот и делаю громко.

— Хорошая музыка.

— Я — приверженец рока еще со времен Бадди Холли. Чудесная музыка. Есть хотите?

— Ага,— признался Бен.— Еще раз спасибо за приглашение. По-моему, с тех пор, как я вернулся в Салимов Удел, я ем в гостях чаще, чем за пять последних лет.

— Городок у нас дружелюбный. Надеюсь, вы не

против ужина в кухне. Пару месяцев назад явился антиквар и предложил мне за обеденный стол две сотни. А другим я еще не обзавелся.

— Ничего страшного. Я — один из длинного ряда кухонных едоков.

Кухня оказалась опрятной до оскомины. На небольшой плите с четырьмя конфорками шипела кастрюлька с соусом и стоял полный дымящихся спагетти дуршлаг. На столике с откидной доской стояла пара разнокалиберных тарелок и две стеклянных посудины, по краям которых плясали герои мультфильмов. «Формочки для желе»,— изумленно подумал Бен. Последнее напряжение от общения с малознакомым человеком исчезло, и он почувствовал себя дома.

— В шкафчике над раковиной — «бурбон», ржаное и водка,— показал Мэтт.— А в холодильнике немного коктейлей. Боюсь, не слишком богатый выбор.

— Сойдет и бурбон с водой из-под крана.

— Ради Бога. А я займусь столом.

Смешивая себе выпивку, Бен сказал:

— Ваши ребята мне понравились. Они задавали хорошие вопросы. Трудные, но хорошие.

— Например «откуда вы берете свои идеи»? — Мэтт передразнил Рути Крокетт — лепет завлекательной девчушки.

— Да, она та еще штучка.

— Поистине. В морозильнике, за резаным ананасом, бутылка «Лэнсерз». Держу для особых случаев.

— Слушайте, не надо...

— Да ладно, Бен. Мы в Уделе не каждый день видим авторов бестселлеров.

— Ну, это вы немного хватили.

Бен прикончил остатки своего бурбона, взял у Мэтта тарелку спагетти, полил соусом, подцепил макароны на вилку и обернул вокруг ложки.

— Фантастика! — сказал он.— Мамма миа!

— А как же,— ответил Мэтт.

Бен опустил взгляд к тарелке, которая пустела с потрясающей скоростью. Он немного виновато утер губы.

— Еще?

— Если можно, полтарелочки. Роскошные макароны.

Мэтт принес полную тарелку.

— Если не съедим мы, съест мой кот. Несчастное

животное. Весит двадцать фунтов и к миске подходит вперевалку.

— Господи, как же я его не заметил?

Мэтт улыбнулся.

— Где-то шляется. Ваша новая книга — роман?

— Нечто охудожествленное,— ответил Бен.— Если начистоту, я пишу ее ради денег. Искусство прекрасно, но один-единственный раз мне захотелось вынуть из шляпы крупный номер.

— И каковы же перспективы?

— Темные и мрачные,-- сказал Бен.

— Пойдемте в гостиную,— сказал Мэтт.— Стулья там все в шишках, но удобнее этих кухонных кошмариков. Наелись?

— Носит ли Папа тиару?

В гостиной Мэтт выложил стопку альбомов и углубился в разжигание здоровенной узловатой трубки из горлянки. Он раскурил ее, с довольным видом окутался огромным облаком дыма и поднял голову:

— Нет, отсюда его не видно.

Бен резко оглянулся.

— Что?

— Дом Марстена. Спорим на пять центов, вы высматриваете именно его.

Бен неловко рассмеялся.

— Не надо спорить.

— Действие книги происходит в городке вроде Салимова Удела?

Бен кивнул:

— Похожий городок и похожие люди. Серия сексуальных убийств, трупы уродуют. Я собираюсь начать с одного из них и описывать в развитии, от начала до конца, в мельчайших подробностях. Сунуть читателя туда носом. Когда исчез Ральфи Глик, я как раз набрасывал эту часть книги, что оказало мне... отвратительную услугу.

— А в основе — те исчезновения, что случились в нашем городе в тридцатые годы?

Бен внимательно посмотрел на него.

— Вы о них знаете?

— Да, конечно. И изрядное количество старожилов тоже. Самого-то меня тогда в Уделе не было, но были Мэйбл Уэртс, Глинис Мэйберри и Милт Кроссен. Кое-кто из них уже связал одно с другим.

— Что связал?

— Ну, ну, Бен. Связь совершенно очевидна, разве не так?

— Наверное. Когда этот дом был обитаем в последний раз, за десять лет исчезли четыре мальчика. Теперь, спустя тридцать шесть лет, там снова кто-то поселился — и тут же исчезает Ральфи Глик.

— Вы думаете, это совпадение?

— Полагаю, да,— осторожно сказал Бен. В ушах явственно звучало предостережение Сьюзан.— Но занятно. Я справился в подшивках «Леджера» с тридцать девятого по семидесятый годы — просто, чтобы сравнить. Пропало трое ребят. Один сбежал и позже нашелся, работал в Бостоне. Ему было шестнадцать, но выглядел он старше. Другого месяцем позже выудили из Эндроскоггина. А еще одного нашли зарытым в стороне от дороги « 16 в Гэйтсе — по-видимому, он стал жертвой наезда. Все объяснилось.

— Возможно, исчезновение мальчика Гликов тоже объяснится.

— Может быть.

— Но вы думаете другое. Что вы знаете про этого Стрейкера?

— Абсолютно ничего,— сказал Бен.— И даже не уверен, что хочу с ним знакомиться. Как раз сейчас я работаю над жизнеспособной книгой, которая в определенном отношении привязана к дому Марстена и его обитателям. Если я обнаружу, что Стрейкер — рядовой бизнесмен (уверен, так оно и есть), это может меня сбить.

— По-моему, все окажется иначе. Знаете, он сегодня открыл магазин. Как я понял, туда заскочила Сьюзан Нортон с матушкой... черт, почти все женщины города зашли туда взглянуть, что к чему — и не на пять минут. Если верить Деллу Марки — а этот источник под сомнение не берется — туда приковыляла даже Мэйбл Уэртс. Должно быть, этот Стрейкер — совершенно потрясающий человек. Щеголь в одежде, крайне изящен и абсолютно лыс. И обаятелен. Мне сказали, он действительно кое-что продал.

Бен усмехнулся.

— Замечательно. А вторую половину команды кто-нибудь уже видел?

— Он на закупках. Предположительно.

— Почему «предположительно»?

Мэтт беспокойно пожал плечами.

— Может быть, все это чистая правда, но дом Марстена меня нервирует. Можно подумать, эта парочка долго искала его, пока не нашла. Вы же сами сказали — он напоминает идола, восседающего на вершине своего холма.

Бен кивнул.

— Сверх всего, у нас опять пропал ребенок. А брат Ральфи, Дэнни? Умереть в двенадцать лет! Случай злокачественной анемии со смертельным исходом.

— А что в этом необычного? Конечно, это большое несчастье...

— Мой доктор — молодой парень по имени Джимми Коди, Бен. Когда-то учился у меня. Тогда это был маленький чертенок, а теперь — хороший врач. Помните, все это слухи и сплетни.

— Ладно.

— Я зашел к нему провериться и случайно упомянул мальчика Гликов — дескать, какой позор, мало было родителям, что второй исчез, еще и этот кошмар. Джимми ответил, что консультировался по поводу этого случая с Джорджем Горби. Да, у мальчика действительно была анемия. По его словам, количество эритроцитов у мальчика одних лет с Дэнни должно составлять от 85 до 95%. А у Дэнни оно снизилось до сорока пяти.

— Ничего себе,— сказал Бен.

— Ему кололи Б-12 и давали телячью печенку, что вроде бы отлично срабатывало. Его уж собрались выписывать, и тут бум! парнишка падает мертвым.

— Вы же не хотите, чтобы это дошло до Мэйбл Уэртс,— сказал Бен.— Ей начнут мерещиться в парке туземцы, стреляющие отравленными пулями из духовых ружей.

— Об этом я не говорил никому, кроме вас. И не скажу. Кстати, Бен, на вашем месте я бы, наверное, не предавал сюжет книги огласке. Если Лоретта Старчер спросит, о чем вы пишете, отвечайте — об архитектуре.

— Мне уже дали такой совет.

— Несомненно, Сьюзан Нортон.

Бен взглянул на часы и поднялся.

— Кстати о Сьюзан...

— Ухаживающий самец в полном оперении,— сказал Мэтт.— Между прочим, мне надо в школу. Очередной черновой прогон третьего акта школьного

спектакля, комедии большого социального значения под названием «Проблема Чарли».

— В чем же его проблема?

— Прыщи,— ответил Мэтт и усмехнулся.

Они вместе направились к дверям. Мэтт задержался, чтобы натянуть старенький выцветший школьный пиджак.

Бен подумал, что, если не обращать внимания на лицо — умное, но мечтательное и какое-то невинное,— по фигуре Мэтта скорее примешь за стареющего тренера-легкоатлета, чем за домоседа-словесника.

— Послушайте,— обратился к нему Мэтт, когда они вышли на крыльцо,— а что вы думаете делать в пятницу?

— Не знаю,— отозвался Бен.— Я думал, можно бы сходить в кино со Сьюзан. Короче говоря, что-то в этом роде.

— Мне пришло в голову кое-что другое,— сказал Мэтт.— Может, образуем втроем комиссию и съездим наверх, к дому Марстена, представимся новому владельцу. От имени города, разумеется.

— Конечно,— сказал Бен,— всего лишь из обычной вежливости, правда?

— Деревня явится рассказать о себе новому члену общества,— поддакнул Мэтт.

— Поговорю сегодня со Сьюзан. Думаю, она будет за.

— Хорошо.

Ситроен Бена с мурлыканьем двинулся прочь, Мэтт поднял руку и помахал. Бен в ответ дважды нажал на гудок, а потом задние фары ситроена исчезли за холмом. Шум мотора замер вдали, но Мэтт еще добрую минуту стоял на крыльце, сунув руки в карманы пиджака, обратив взгляд к дому на холме.

3.

В четверг вечером репетиции не было, и около девяти Мэтт заехал к Деллу, пропустить пару-тройку стаканчиков пива. Если бы чертов недомерок Джимми Коди не прописал ему от бессонницы такое средство, Мэтт сделал бы это сам.

В те вечера, когда музыканты не играли, у Делла было практически пусто. Мэтт увидел только троих зна-

комых: Проныру Крейга, медленно опустошающего в уголке кружку пива, Флойда Тиббитса с грозовыми тучами на челе (на этой неделе он трижды говорил со Сьюзан, два раза — по телефону и один раз лично, в гостиной Нортонов, но успеха не добился) и Майка Райерсона, сидевшего у стены в одной из дальних кабинок.

Мэтт подошел к стойке, где Делл Марки протирал стаканы и смотрел по переносному телевизору «Айронсайд».

— Привет, Мэтт. Как дела?

— Отлично. Тихий вечер.

Делл пожал плечами.

— Да. В Гэйтсе в киношке крутят пару картин с мотоциклами. С этим я тягаться не могу. Стакан или кувшин?

— Давай кувшин.

Делл наполнил кувшин, сдул пену и долил еще пару дюймов. Мэтт расплатился и, секунду поколебавшись, направился к кабинке Майка. Майк, как большая часть молодежи Удела, прошел через один из классов, где Мэтт преподавал английский. К тому же он был симпатичен Мэтту: при заурядном интеллекте парень проделал работу выше среднего уровня, поскольку трудился в поте лица, вновь и вновь расспрашивая о том, чего не понял, пока не схватывал смысл. Вдобавок он шутил без напряжения, обладал чистым чувством юмора и такой приятной чертой, как независимая манера держаться, что и делало его любимцем класса.

— Привет, Майк,— поздоровался Мэтт.— Можно к тебе присоединиться?

Майк Райерсон поднял глаза, и Мэтт ощутил потрясение — словно дотронулся до проводов под током. Первой его реакцией было: *наркотики. Сильные наркотики.*

— Конечно, мистер Бэрк. Садитесь.— Апатичный голос, кожа страшного, нездорового белого цвета, под глазами — глубокие темные тени. Сами глаза казались ненормально большими и лихорадочными. В полумраке кафе руки Майка двигались над столом медленно, как у призрака. Перед ним стоял нетронутый стакан пива.

— Как жизнь, Майк? — Справляясь с дрожью в руках, Мэтт наполнил свою кружку. Жизнь самого Мэтта всегда напоминала график с модулированными

подъемами и спусками (да и те последние тринадцать лет, после смерти матери учителя, пребывали в предгорье), и ее ровное, гладкое течение мало что нарушало. Например, то, как жалко заканчивал свои дни кое-кто из его учеников. Билли Ройко разбился на вертолете во Вьетнаме за два месяца до прекращения огня, Салли Грир (одну из самых блестящих и живых учениц Мэтта) отправил на тот свет пьяный дружок, когда девушка сказала, что хочет с ним порвать, Гэри Коулмен ослеп из-за некого таинственного вырождения зрительного нерва, брат Бадди Мэйберри, Дуг (единственный хороший парнишка во всем полоумном клане) утонул на пляже «Старый сад»... да еще наркотики — маленькая смерть. Из канувших в воды Леты не все сочли нужным искупаться в ней, однако было довольно ребят, сделавших грезы своим хлебом насущным.

— Жизнь? — медленно произнес Майк.— Не знаю, мистер Бэрк. Не очень, чтобы очень.

— На какую пакость ты сел, Майк? — осторожно спросил Мэтт.

Майк непонимающе посмотрел на него.

— На какие наркотики,— сказал Мэтт.— Бензедринчик? Красненькие? Кокаин? Или это...

— Наркота тут ни при чем,— ответил Майк.— По-моему, я приболел.

— Правда?

— Я в жизни не садился на крутую наркоту,— выговорил Майк и это, похоже, стоило ему ужасных усилий.— Только травку курил... да и ее уже месяца четыре не пробовал. Болею... заболел я, по-моему, в понедельник. Понимаете, уснул в воскресенье вечером на Хармони-Хилл и проснулся только утром в понедельник.— Он медленно покачал головой.— Чувствовал я себя дерьмово. И с тех самых пор мне с каждым днем вроде бы все гаже.— Он вздохнул, и Мэтту показалось, что грудь Майка сотряслась от свистящего вздоха, как мертвый листок на ноябрьском клене.

Озабоченный Мэтт подался вперед.

— Это случилось после похорон Дэнни Глика?

— Ага.— Майк опять поглядел на него.— Когда все разошлись по домам, я вернулся, чтобы закончить, но этот раздолбай... прошу прощения, мистер Бэрк... этот Ройял Сноу так и не объявился. Ждал я его долго, и вот тогда-то, наверное, начал заболевать,

потому как от всего, что было потом... черт, голова болит. Трудно думать.

— А что ты помнишь, Майк?

— Что помню? — Майк уперся глазами в золотистую глубину пивной кружки, наблюдая, как пузырьки, отделяясь от стенок, всплывают к поверхности, чтобы выпустить заключенный внутри них газ.— Помню пение,— сказал он.— Приятней пения я не слыхал. И такое чувство, будто... будто тонешь. Но приятное. Вот только глаза. *Глаза.*

Он обхватил себя за плечи и передернулся.

— Чьи глаза? — спросил Мэтт, подаваясь вперед.

— Красные. Страшные глаза.

— *Чьи?*

— Не помню. Не было никаких глаз. Мне все это приснилось.— Мэтт буквально видел, как Майк отпихивает от себя свои воспоминания.— Про вечер воскресенья я больше ничего не помню. В понедельник утром я проснулся на земле и сперва даже подняться не мог, так устал. Но в конце концов поднялся. Вставало солнце, я испугался, что обгорю, и ушел в лес, к ручью. И вымотался вконец. Жутко вымотался. Поэтому опять прикорнул. И проспал... ну, часов до четырех или до пяти.— Он издал тихий шелестящий смешок.— А когда проснулся, то оказалось, что меня всего засыпало листьями. Правда, я чувствовал себя чуть получше. Я поднялся и вернулся к грузовику.— Майк медленно провел по лицу ладонью.— Должно быть, с малышом Гликов я в воскресенье вечером закончил. Занятно, но я этого даже не помню.

— Закончил?

— Ну, приходил Ройял или нет, но могила оказалась засыпанной. Дерн уложен и так далее. Хорошо сработано. Но как я это сделал, не помню. Наверное, мне действительно было худо.

— А где ты был в понедельник вечером?

— У себя дома, где же еще.

— А во вторник утром как ты себя чувствовал?

— Во вторник утром я вообще не просыпался. Проспал весь день. И очухался только к вечеру.

— И как ты себя чувствовал?

— Ужасно. Ноги были как резиновые. Попытался сходить за глотком воды, и чуть не упал. Пришлось топать на кухню, придерживаясь за мебель. Я был слабым, как котенок.— Майк нахмурился.— На

ужин я открыл банку тушенки — знаете, эту дрянь «Динти Мур» — но съесть не смог. Вроде как посмотрю на нее — и обратно тянет. Как если с жуткого похмелья увидеть жратву.

— И ты ничего не ел?

— Пытался, только все вылетело обратно. Но почувствовал себя немножко лучше. Вышел из дому, немного погулял. А потом пошел спать.— Пальцы Майка обводили круглые следы пивных кружек на столе.— Только сначала мне стало страшно. Ну, вот как пацан какой-нибудь боится Элламагусалума. Я обошел дом, убедился, что все окна заперты. И когда пошел спать, оставил везде свет.

— А вчера утром?

— Хм-м? Нет... я вчера встал только в девять вечера.— Опять этот тихий короткий смешок.— Помню, я еще подумал: ежели так дальше пойдет, просплю все на свете. И что так бывает, когда помрешь.

Мэтт мрачно приглядывался к нему. Флойд Тиббитс встал, сунул в автомат четвертак и принялся подстукивать музыке.

— Занятно,— сказал Майк.— Когда я вставал, окно в спальне было открыто. Должно быть, я сам открыл. Мне снилось... за окном кто-то был и я поднялся... поднялся, чтобы впустить его. Ну, как идешь впустить старого друга, который замерз... или хочет есть.

— Кто же это был?

— Это был всего лишь сон, мистер Бэрк.

— Но кто тебе снился?

— Не знаю. Я собирался попробовать поесть, но только подумал — и блевать захотелось.

— Что ты сделал?

— Смотрел телик, пока не кончился Джонни Карсон. Мне было гораздо лучше. А потом пошел спать.

— Окна ты запер?

— Нет.

— И проспал весь день?

— Я проснулся на закате.

— Слабость чувствовал?

— Хотел бы я объяснить.— Майк провел по лицу рукой.— Мне так плохо! — выкрикнул он ломающимся голосом.— Это просто что-то вроде гриппа, правда, мистер Бэрк? По правде я здоров, да?

— Не знаю,— ответил Мэтт.

— Я думал взбодриться несколькими кружками

пива, но не могу пить. Отхлебнул глоток, а он мне поперек горла стал, честное слово... как пробка. Прошлая неделя... она кажется плохим сном. И мне страшно. Очень страшно.— Он прижал исхудалые руки к лицу, и Мэтт понял, что Майк плачет.

— Майк?

Ответа он не получил.

— Майк,— Мэтт осторожно отнял ладони Майка от лица.— Я хочу, чтобы сегодня вечером ты поехал ко мне домой. Хочу, чтобы ты переночевал в комнате для гостей. Поедешь?

— Ладно. Мне все равно.— Майк с летаргической медлительностью утер глаза рукавом.

— А еще я хочу, чтобы завтра ты поехал со мной показаться доктору Коди.

— Ладно.

— Ну, пошли.

Мэтт подумал, не позвонить ли Бену Мирсу, и не стал.

4.

Когда Мэтт постучался, Майк Райерсон сказал: «Войдите.»

Мэтт вошел с пижамой.

— Она будет великовата...

— Да ничего, мистер Бэрк. Я сплю в трусах.

Сейчас Майк стоял в одном белье, и Мэтт увидел, какое страшно бледное у него тело. Ребра выступали полукруглыми гребнями.

— Поверни-ка голову, Майк. Вот сюда.

Майк послушно повернул голову.

— Майк, откуда у тебя эти отметины?

Майк потрогал шею пониже угла челюсти.

— Не знаю.

Мэтт беспокойно помялся. Потом подошел к окну. Шпингалет был надежно защелкнут, и все же, в тревоге не повинуясь рассудку, руки с грохотом открыли его и вновь закрыли. На стекло тяжело давила заоконная тьма.

— Если ночью что-нибудь понадобится, зови меня. *Все равно, что.* Даже если приснится плохой сон. Позовешь, Майк?

— Да.

— Я не шучу. *Все равно, что.* Моя дверь — прямо в конце коридора.

— Ладно.

Мэтт замешкался, чувствуя, что мог бы сделать и еще что-то, потом вышел.

5.

Сна не было ни в одном глазу, а от звонка Бену Мирсу Мэтта теперь удерживало лишь то, что он понимал: у Евы в пансионе все спят. В пансионе было полно стариков, а телефонный звонок поздно ночью означает только одно: кто-то умер.

Ворочаясь в постели, Мэтт следил, как светящаяся стрелка будильника движется от одиннадцати тридцати к полуночи. В доме царила противоестественная тишина — быть может, из-за того, что Мэтт сознательно настроился расслышать малейший шум. Дом был старым, солидной постройки, поэтому давно прекратил оседать и не скрипел. Тишину нарушало только тиканье часов да слабый ветер за окном. В будние дни машины по Тэггарт-стрим-роуд ночью не ездили.

То, о чем ты думаешь, безумие.

Но шаг за шагом Мэтта теснили назад, заставляли поверить. Конечно, бегло просматривая случай Дэнни Глика, Джимми Коди, как человек образованный, первым делом подумал именно об этом. Они вместе посмеялись над таким предположением. Может быть, теперь Мэтту воздавалось за тот смех.

Царапины? Эти отметины — не царапины. Это проколы.

Люди приучены, что так не бывает, что события в духе «Кристабель» Колриджа или злых сказок Брэма Стокера — не более, чем извращения фантазии. Разумеется, чудовища существуют: это те, чей палец лежит на пусковых кнопках ядерных ракет в шести странах, угонщики самолетов, те, кто занимается массовым уничтожением людей и те, кто насилует и убивает детей. Но такое... нет. Нам лучше знать. Метка дьявола на груди женщины — всего лишь родимое пятно, воскресший мертвец, ставший в саване под дверями жены, просто страдал локомоторной атаксией, а бормочущий и кривляющийся в уголке детской спальни бука — не более чем холмик простыней. Не-

кое духовное лицо объявило, что даже Господь, этот преподобный белый колдун, мертв.

В Майке не осталось почти ни кровинки.

Из коридора не доносилось ни звука. Мэтт подумал: спит, как убитый. А почему бы нет? Он же приглашал Майка к себе именно для того, чтобы тот как следует выспался и ему не мешали... плохие сны? Мэтт вылез из кровати, зажег лампу и подошел к окну.

Отсюда как раз был виден конек крыши дома Марстена, покрытый изморозью лунного света.

Я боюсь.

Однако дело обстояло еще хуже: Мэтт был перепуган до смерти. Он мысленно перебрал средства от недуга, который невозможно упомянуть вслух: чеснок, святая вода и облатки, распятие, розы, текучая вода. Ничего освященного в доме не было. Мэтт, хоть и был методистом, в церковь не ходил и в глубине души считал, что Джон Гроггинс — величайший осел Запада.

Единственным предметом культа в доме была...

В молчащем доме тихо, но явственно прозвучали слова, которые выговаривал голос Майка Райерсона — мертвенный сонный голос:

— *Да. Входи.*

У Мэтта захватило дух. Потом в беззвучном крике воздух со свистом вырвался обратно. Он почувствовал дурноту страха. Живот словно бы стал свинцовым. Гениталии поджались. Что, скажите на милость, получило приглашение войти к нему в дом?

Стало слышно, как в комнате для гостей осторожно отодвигают шпингалет окна. Потом окно толкнули кверху, дерево со скрипом прошлось по дереву.

Можно было пойти вниз. Сбегать в столовую, взять со столика Библию. Бегом вернуться наверх, рывком распахнуть дверь в комнату для гостей, высоко поднять Библию: *Во имя Отца, Сына и Святого Духа, приказываю — изыди...*

Но кто был в комнате?

Если ночью что-то будет нужно, зови меня.

Но я не могу, Майк. Я старый человек. Мне страшно.

В мозг Мэтта вторглась ночь, превратив его в клоунаду вселяющих ужас образов, которые плясали, то появляясь из тени, то исчезая в ней. Белые клоунские лица, огромные глаза, острые зубы. Из теней вы-

скальзывали силуэты с длинными руками, они тянулись к... к... Мэтт со стоном закрыл лицо руками.

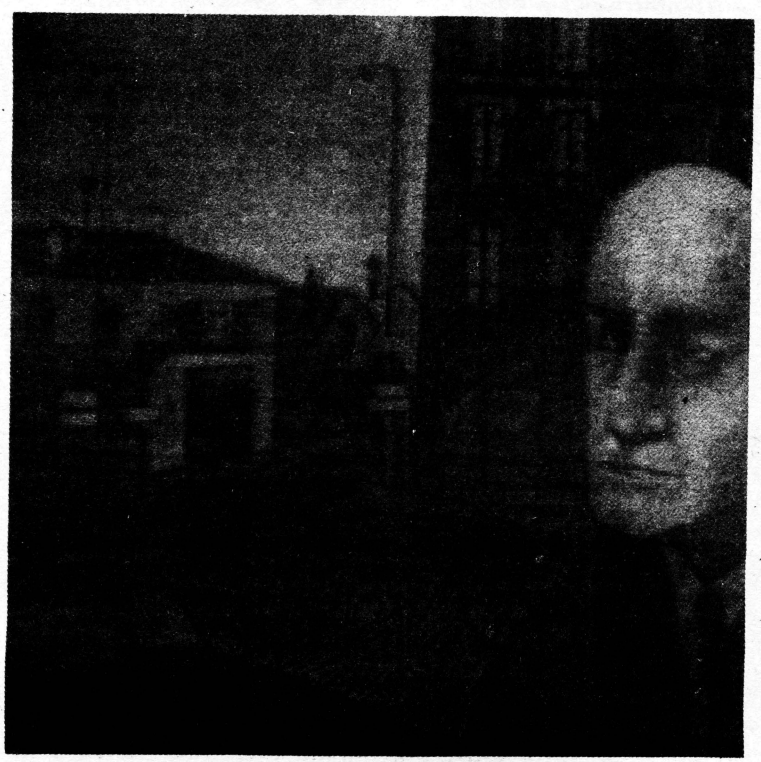
Не могу. Боюсь.

Учитель не сумел бы подняться даже, если бы начала поворачиваться латунная ручка двери в его собственную спальню. Страх парализовал его. Он бешено жалел, что вечером поехал к Деллу.

Мне страшно.

И, бессильно сидя на постели, спрятав в ладонях лицо, в страшной, гнетущей тишине дома Мэтт услышал высокий, радостный, злобный детский смех...

...а потом чмоканье.

Часть 2. Пломбирный император

Зови сюда катальщика сигар.
Он мускулист — так пусть твоею волей
сгоняет в миски похоть творога.
А девкам — выходной, пусть их гуляют
в том платье, что носить не привыкать.
Мальчишки, натащите нам цветов,
в газеты завернув за прошлый месяц.
Пусть «кажется» придет конец. Довольно!
На трон взошел пломбирный император,
отныне правит всем лишь он один.
Возьми из шкафчика без трех стеклянных ручек
ту простыню, что некогда она
сама тремя расшила голубями,
и расстели, укрыв ее лицо.
Покажутся натруженные ноги —
так только для того, чтоб понял ты,
как холодна она и бессловесна.
Задушен, луч светильника пропал —
пломбирный император правит бал.

Уоллес Стивенс

...В колонне сей дыра.
Ты видишь Королеву Мертвых?

Джордж Сеферис

Глава восьмая

БЕН (III)

1.

Должно быть, стучали уже давно — стук словно бы эхом разносился вдаль улиц его сна, а он тем временем боролся, освобождаясь от дремоты. Кругом царила тьма, но, обернувшись, чтобы схватить часы и поднести к лицу, он сшиб их на пол. Он чувствовал, что сбит с толку и напуган.

— Кто там? — крикнул он.

— Это Ева, мистер Мирс. Вас к телефону.

Он встал, натянул штаны и, голый до пояса, открыл. Там стояла Ева Миллер в белом махровом халате, с лицом, полным тупой уязвимости человека, на две пятых еще спящего. Они, не таясь, переглянулись, и Бен подумал: *кто-то заболел? умер?*

— Межгород?

— Нет, это Мэтью Бэрк.

Знание не принесло должного облегчения.

— Который час?

— Начало пятого. Судя по тону, мистер Бэрк очень расстроен.

Бен спустился вниз и взял трубку.

— Слушаю, Мэтт.

Мэтт быстро дышал в трубку. Воздух вырывался резкими короткими всхлипами.

— Бен, можете приехать? Прямо сейчас?

— Да, конечно. А в чем дело? Вы заболели?

— Не по телефону. Просто приезжайте.— Буду через десять минут.

— Бен...

— Да?

— У вас нет распятия? Или образка Святого Христофора? Чего-нибудь такого?

— Черт, нету. Я баптист... бывший.

— Ладно. Приезжайте побыстрее.

Бен повесил трубку и поспешно вернулся наверх. Ева стояла, положив ладонь на столбик перил, лицо переполняли тревога и нерешительность: с одной стороны, хотелось знать, с другой, не было желания вмешиваться в дела жильца.

— Мистер Мирс, мистер Бэрк заболел?

— Говорит, что нет. Он просто попросил меня... скажите, вы католичка?

— Мой муж был католиком.

— У вас есть распятие, или розарий, или образок Святого Христофора?

— Ну... в спальне — крест моего мужа... я могла бы...

— Да, пожалуйста.

Она пошла по коридору, шаркая меховыми тапочками по выцветшим полоскам ковра. Бен вошел к себе в комнату, натянул вчерашнюю рубашку и скользнул босыми ногами в кроссовки. Когда он снова вышел в коридор, у дверей стояла Ева, держа крест, блеснувший на свету тусклым серебром.

— Спасибо,— сказал Бен, взявшись за крест.

— Мистер Бэрк просил вас об этом?

— Вот именно.

Еще больше очнувшись от сна, она нахмурилась.

— Он не католик. По-моему, он не ходит в церковь.

— Он ничего не объяснил мне.

— А,— она понимающе кивнула и отдала ему распятие.— Пожалуйста, осторожнее с ним. Для меня оно очень много значит.

— Я понимаю. Не беспокойтесь.

— Надеюсь, с мистером Бэрком все в порядке. Он хороший человек.

Бен спустился вниз и вышел на крыльцо. Он не мог держать распятие и одновременно доставать ключи от машины, но вместо того, чтобы просто переложить крест из правой руки в левую, повесил его на шею. Серебро уютно скользнуло по рубашке, но, садясь в машину, Бен вряд ли сознавал, что чувствует себя утешенным.

2.

На первом этаже дома Мэтта светились все окна. Когда фары ситроена обдали фасад светом, Мэтт отворил дверь и подождал, пока Бен подъедет.

Бен шел по дорожке к дому, готовый практически ко всему, и все равно лицо Мэтта потрясло его. Оно было смертельно бледным, губы дрожали. Широко раскрытые глаза как будто бы не моргали.

— Пошли на кухню,— сказал он.

Бен переступил порог и, как только оказался внутри, в падающем из коридора свете заблестел крест.

— А, принесли.

— Это Евы Миллер. А в чем дело?

Мэтт повторил:

— На кухню.

Когда они проходили мимо ведущей на второй этаж лестницы, Мэтт взглянул наверх и при этом словно бы отпрянул. Теперь кухонный стол, за которым они ели спагетти, был пуст, если не считать трех предметов, два из которых производили странное впечатление: рядом с чашкой кофе лежала старомодная Библия на застежках и револьвер тридцать восьмого калибра.

— Да в чем дело, Мэтт? Вы выглядите ужасно!

— Может быть, мне все приснилось, но, слава Богу, вы здесь.— Взяв револьвер, учитель беспокойно вертел его в руках.

— Рассказывайте. И перестаньте играть этой штукой. Он заряжен?

Мэтт положил пистолет и пятерней взъерошил волосы.

— Да, заряжен. Хотя, по-моему, толку от этого никакого... вот разве что застрелиться.— Он рассмеялся — болезненно, отрывисто, будто заскрипело стекло.

— Перестаньте.

Резкость тона сломала странно неподвижное выражение в глазах Мэтта. Он потряс головой — не так, как человек, отрицающий что-то, а так, как встряхиваются, вылезая из холодной воды, некоторые звери.

— Наверху покойник,-- сказал Мэтт.

— Кто?

— Майк Райерсон. Работник городского хозяйства. Землеустроитель.

— Вы уверены, что он мертв?

— Нутром чую, хоть к нему и не заглядывал. Не посмел. Поскольку не исключено, что в определенном отношении он вовсе не мертв.

— Мэтт, в ваших словах нет здравого смысла.

— А вы думаете, я этого не понимаю? То, что я говорю — ерунда, а то, что думаю — сумасшествие. Но звонить, кроме вас, было некому. Вы — единственный на весь Салимов Удел человек, кто мог бы... мог...— Мэтт потряс головой и начал снова.— Мы говорили про Дэнни Глика.

— Да.

— И про то, что умер он, возможно, от злокачественной анемии... как сказали бы наши деды, «просто зачах».

— Да.

— Его хоронил Майк. И пса Вина Пэринтона нашел насаженным на ворота Хармони-Хилл тоже Майк. Майка Райерсона я встретил вчера вечером у Делла, и...

3.

— ...и не смог войти туда,— закончил Мэтт.— Не смог. Почти четыре часа просидел на кровати. Потом,

как вор, прокрался вниз и позвонил вам. Что скажете?

Снявший было с шеи распятие Бен теперь задумчиво потрогал пальцем поблескивающий холмик тонкой цепочки. Было почти пять часов, небо на востоке порозовело от зари. Светящийся брусок над головой побледнел.

— Думаю, будет лучше, если мы поднимемся в комнату для гостей и посмотрим. По-моему, сейчас мы больше ничего не можем сделать.

— Теперь, когда в окно льется свет, все это кажется кошмаром умалишенного.— Мэтт неуверенно рассмеялся.— Надеюсь, так оно и есть. Надеюсь, Майк спит, как младенец.

— Ну, идемте, посмотрим.

Мэтт с усилием унял дрожащие губы.

— Ладно.— Он опустил глаза к столу, затем вопросительно взглянул на Бена.

— Само собой,— ответил Бен и надел крест Мэтту.

Мэтт застенчиво рассмеялся:

— С ним я и впрямь чувствую себя лучше. Думаете, когда меня повезут в Августу, то позволят не снимать его?

Бен спросил:

— Пистолет нужен?

— Наверное, нет. А то я суну его за пояс штанов и отстрелю себе яйца.

Они двинулись наверх, Бен шел первым. Лестница заканчивалась идущим в обе стороны коротким коридором. В одном его конце из открытой двери спальни Мэтта на оранжевую дорожку выплескивался сноп бледного света.

— Не туда,— сказал Мэтт.

Бен дошел до конца коридора и остановился перед дверью комнаты для гостей. Он не верил в то чудовищное, что подразумевал Мэтт, и все равно обнаружил, что его захлестнула волна такого черного страха, какого он еще не знал.

Ты открываешь дверь -- и он свисает с балки. Распухшее, черное, вздутое лицо. А потом открываются глаза, они выскакивают из орбит, но ВИДЯТ *тебя и радуются, что ты пришел...*

Все чувства до единого отреагировали на поднявшееся в молодом человеке воспоминание с такой полнотой, что на миг Бена парализовало. Он даже почув-

ствовал запах штукатурки и дикую вонь устроивших себе гнезда зверьков. Ему показалось, что за простой лакированной дверью этой комнаты для гостей — все тайны ада.

Потом Бен повернул ручку и толкнул дверь от себя. За спиной Мэтт крепко сжимал распятие Евы.

Окно комнаты для гостей выходило прямо на восток, где верхний краешек солнца только что высветлил горизонт. Первые прозрачные сияющие лучи светили прямо в окно, снопом падая на белую льняную простыню, которую Майк натянул до груди, и рассыпая по ней редкие золотистые пятнышки. Взглянув на Мэтта, Бен кивнул.

— Все нормально,— прошептал он.— Спит.

Мэтт безучастно сказал:

— Окно открыто. А было закрыто и заперто. Я сам проверял.

Взгляд Бена сосредоточился на верхней кромке безупречно выглаженной простыни. Там была однаединственная капля крови, засохшая до темного бордо.

— По-моему, он не дышит,— сказал Мэтт.

Бен сделал пару шагов вперед, потом остановился.

— Майк? Майк Райерсон. Просыпайтесь, Майк.

Никакого ответа. Ресницы Майка аккуратно лежали на щеках. Взлохмаченные волосы свободно рассыпались по лбу. Бен подумал, что в первом нежном свете утра Майк был не просто красив — он был прекрасен, как профиль греческой статуи. На щеках цвел легкий румянец, а тело было начисто лишено той мертвенной бледности, о которой говорил Мэтт — только здоровые тона кожи.

— Конечно, он дышит,— сказал Бен с легким нетерпением.— Просто заспался. Майк...— Он протянул руку и несильно потряс Райерсона. Свободно переброшенная через грудь левая рука Майка вяло свалилась с кровати, стукнув костяшками пальцев об пол, словно Райерсон спрашивал позволения войти.

Мэтт шагнул вперед, взял эту вялую руку и прижал указательный палец к запястью:

— Пульса нет.

Он хотел было отпустить ее, вспомнил жуткий быстрый стук костяшек по полу и положил руку Райерсону поперек груди. Та снова заскользила вниз. Он, скривившись, вернул ее на место и устроил попрочнее.

У Бена не укладывалось в голове. Райерсон спал, должен был спать. Хороший цвет лица, явная гибкость мышц, губы, приоткрытые словно для вдоха... его захлестнула нереальность. Он дотронулся запястьем до плеча Райерсона и почувствовал, что кожа холодная. Послюнив палец, он подержал его перед полуоткрытыми губами. Ничего. Ни малейшего дуновения.

Они с Мэттом переглянулись.

— А отметины на шее? — спросил Мэтт.

Бен взял подбородок Райерсона в ладони и стал осторожно поворачивать голову Майка. Та щека, которую было видно, легла на подушку. От этого левая рука сместилась, и костяшки снова стукнули об пол.

На шее Майка Райерсона не было никаких отметин.

4.

Они опять сидели за столом на кухне. Было 5:35 утра. К ним доносилось басистое мычание коров Гриффена, которых гнали на восточное пастбище — вниз по холму, за полосу кустарника и подлеска, скрывающую от глаз Тэггарт-Стрит.

— Если верить фольклору, отметины исчезают,— неожиданно сказал Мэтт.— Когда жертва умирает, отметины исчезают.

— Я знаю,— отозвался Бен. Это он помнил и по «Дракуле» Стокера, и по хаммеровским фильмам, где играл Кристофер Ли.

— Мы должны проткнуть ему сердце осиновым колом.

— Подумайте-ка хорошенько,— сказал Бен, отхлебывая кофе.— Коронерскому суду объяснить это будет чертовски трудно. За осквернение трупа вы отправитесь в лучшем случае в тюрьму. А скорее, в дурдом.

— По-вашему, я сумасшедший? — спокойно спросил Мэтт.

— Нет,— сказал Бен без какого-либо заметного колебания.

— Вы мне верите насчет отметин?

— Не знаю. Наверное, должен. Зачем вам обманывать меня? Не вижу в этом для вас никакого проку. Вот если бы вы убили его, вы бы лгали. По-моему, так.

— Предположим, так оно и было,— сказал Мэтт, наблюдая за Беном.

— Против этого говорят три вещи. Первое: ваши мотивы. Простите меня, Мэтт, но для классических — ревности или денег — вы просто слишком стары. Второе, как вы это сделали? Если отравили, Майк, должно быть, расстался с жизнью очень легко — выглядит он достаточно умиротворенно, вне всяких сомнений. Что сразу же исключает почти все обычные яды.

— И третий ваш резон?

— Ни один убийца, находясь в здравом уме, не выдумает для сокрытия преступления такую историю, как ваша. Это было бы безумием.

— Мы все время возвращаемся к моему психическому здоровью,— заметил Мэтт. Он вздохнул.— Так я и знал.

— Я не считаю вас сумасшедшим,— сказал Бен, делая ударение на первом слове.— Вы кажетесь достаточно рассудительным.

— Но вы ведь не врач, правда? — спросил Мэтт.— А сумасшедшим иногда отлично удается прикидываться нормальными.

Бен согласился.

— К чему же мы таким образом приходим?

— Все к тому же.

— Нет. Ни один из нас не может себе это позволить, потому что наверху — мертвец, и очень скоро придется объяснять, откуда он там взялся. Констеблю захочется узнать, что случилось. Медицинскому эксперту тоже. Шерифу округа тоже. Мэтт, может ли быть, что Майк Райерсон всю неделю болел чем-то вирусным и случайно приказал долго жить у вас дома?

В первый раз с тех пор, как они спустились вниз, Мэтт выказал волнение.

— Бен, я же рассказывал вам, что он сказал! Я видел отметины у него на шее! И слышал, как он приглашал кого-то в мой дом! А потом услышал... Господи, я услышал *смех*! — Взгляд Мэтта опять стал странно бессмысленным.

— Ну, хорошо,— сказал Бен. Он поднялся и пошел к окну, стараясь привести мысли в порядок. Думалось ему не слишком хорошо. Как он и говорил Сьюзан, ситуация, похоже, нашла способ выйти из-под контроля.

Он смотрел в сторону дома Марстена.

— Мэтт, вы понимаете, что будет, если вы проронite хоть словечко о том, что наговорили мне?

Мэтт не отвечал.

— Завидев вас на улице, люди за вашей спиной станут крутить пальцем у виска. Малышня кинется доставать восковые хэллоуиновские клыки, чтобы выскочить на вас из своей живой изгороди с криком «Бу-у!» Кто-нибудь придумает стишок вроде «Раз, два, три, четыре, пять, кровь твою иду сосать!» Старшеклассники подхватят, и он будет звучать вам вслед в школьных коридорах. Коллеги начнут награждать вас странными взглядами. Не исключены анонимные звонки от людей, притворяющихся Дэнни Гликом или Майком Райерсоном. Они превратят вашу жизнь в кошмар. И за полгода выживут вас из города.

— Нет. Они меня знают.

Бен отвернулся от окна.

— Что они знают? Что старый чудак живет бобылем на Тэггарт-Стрим-роуд. Самим факт, что вы неженаты, может заставить город поверить, будто у вас не все дома. А как я смогу вас поддержать? Тело я видел — но и только. Даже если бы я видел что-то еще, они бы просто сказали: он посторонний. Может быть, даже стали бы рассказывать друг дружке, что мы с вами — парочка педерастов, отсюда и все наши заскоки.

Мэтт не сводил с него глаз, в которых медленно разгорался ужас.

— Одно словечко, Мэтт. Этого хватит, чтобы в Салимовом Уделе вы стали конченым человеком.

— Стало быть, ничего не поделаешь.

— Нет. У вас есть определенная теория относительно того, кто — или что — убил Майка Райерсона. Я считаю, что теорию относительно несложно подтвердить или опровергнуть. Я сел черт знает в какую лужу. Не могу поверить, что вы не в своем уме. Поверить, что Дэнни Глик вернулся с того света и неделю пил кровь Майка Райерсона, а потом убил его, я тоже не могу. Но подвергну идею проверке. А вам придется помогать.

— Как?

— Позвоните своему врачу — его фамилия, кажется, Коди? Потом позвоните Паркинсу Джиллеспи. Пусть дела примет машина. Свою историю расскажете так, словно ночью не слышали ровным счетом ничего. Вы поехали к Деллу, подсели к Майку. Он сказал, что с прошлого воскресенья чувствует себя нездоро-

вым. Вы пригласили его к себе. Сегодня утром около половины четвертого вы пошли посмотреть, как он, не смогли разбудить и позвонили мне.

— И все?

— Да. Будете говорить с Коди, даже не упоминайте, что Майк умер.

— Не умер...

— Господи, откуда нам знать, так это или нет? — взорвался Бен.— Вы щупали пульс и не сумели найти, я пытался уловить дыхание — и не смог. Приди мне в голову, что кто-то решит на таком основании зарыть меня в могилу, я бы забегал, как наскипидаренный, черт подери. Особенно, если бы выглядел так, как он.

— Это тревожит вас не меньше моего, а?

— Да, тревожит,— признался Бен.— Он, черт бы его драл, похож на восковую фигуру.

— Ну, хорошо,— сказал Мэтт.— Вы говорите разумно... насколько это возможно при таких обстоятельствах. В конце концов, я, наверное, говорил совершенно безумные вещи.

Бен начал было возражать, но Мэтт отмахнулся.

— Но предположим... только предположим... что мое первое подозрение верно. Положа руку на сердце, хотите вы, чтобы существовала хоть самая отдаленная возможность такого рода? Возможность того, что Майк может... вернуться?

— Я же сказал, эту теорию достаточно легко и подтвердить, и опровергнуть. И тревожит меня совсем другое.

— Что же?

— Минуточку. Начнем сначала. И доказательство, и опровержение должно быть не более, чем упражнением в логике — исключением возможностей. Возможность первая: Майк умер от болезни, вызванной вирусом или чем-то подобным. Как подтвердить это или исключить?

Мэтт пожал плечами.

— Вероятно, медицинским исследованием.

— Совершенно верно. Таким же образом мы подтверждаем или исключаем то, что дело нечисто. Если кто-то отравил Майка, пристрелил или заставил проглотить кусок помадки, нашпигованной проволокой...

— И раньше случалось, что убийство не распознавали.

— Естественно. Но я ставлю на медэксперта.

— А если эксперт даст заключение «от неизвестных причин»?

— Тогда,— неторопливо сказал Бен,— после похорон можно будет сходить на могилу и посмотреть, не оживет ли он. Если оживет — в чем я не могу быть уверен — мы поймем, что к чему. А если нет — столкнемся с тем, что меня беспокоит.

— С фактом моего безумия,— медленно произнес Мэтт.— Бен, клянусь именем матери, отметины на шее были, я слышал, как открывали окно, и...

— Я вам верю,— спокойно сказал Бен.

Мэтт осекся. У него было лицо человека, который собрался с силами перед катастрофой, а она так и не произошла.

— Правда? — неуверенно спросил он.

— Другими словами, я отказываюсь верить, что вы не в своем уме или что у вас была галлюцинация. Я сам однажды пережил... это касалось проклятого дома на холме... такое, что заставляет меня всей душой сочувствовать людям, чьи рассказы в свете рациональных знаний кажутся совершенно безумными. Когда-нибудь я расскажу вам об этом.

— Почему не сейчас?

— Нет времени. Вам надо звонить. Да, еще один вопрос. Обдумайте его как следует. У вас есть враги?

— Никого, кто способен на такое.

— Может быть, бывший ученик? Затаивший обиду?

Мэтт, точно знавший, до какой степени влияет на жизни своих учеников, вежливо рассмеялся.

— Ладно,— сказал Бен.— Поверю вам на слово.— Он потряс головой.— Не нравится мне это. Сначала та собака на воротах кладбища. Потом исчезает Ральфи Глик, умирает его брат, умирает Майк Райерсон. Может быть, все это как-то связано. Но такое... не верится.

— Позвоню-ка я лучше Коди домой,— сказал Мэтт, поднимаясь.— Паркинс тоже будет дома.

— В школу тоже позвоните, скажитесь больным.

— Верно.— Мэтт непринужденно рассмеялся.— Первый пропущенный по болезни день за три года. Вот уж, действительно, повод.

Он отправился в гостиную и принялся звонить, поджидая после каждого набора номера, чтобы звонки разбудили спящих. По-видимому, жена Коди отослала его в приемное отделение Камберлендской боль-

ницы, потому что он набрал другой номер, попросил Коди и после короткого ожидания принялся излагать свою историю. Повесив трубку, он крикнул в кухню:

— Джимми будет через час.

— Хорошо,— отозвался Бен.— Я пошел наверх.

— Ничего не трогайте.

— Не буду.

Добравшись до площадки второго этажа, он услышал, как Мэтт отвечает по телефону на вопросы Паркинса Джиллеспи, двинулся по коридору, и слова слились за спиной в бормотание. Он засмотрелся на дверь в комнату для гостей, и его снова охватил ужас — наполовину выдуманный, наполовину извлеченный из памяти. Мысленным взором Бен видел, как делает шаг вперед, толкает дверь. Она распахивается. Комната кажется больше, чем на самом деле, словно смотрит ребенок. Тело лежит так, как они его оставили — левая рука свисает до полу, щека прижата к наволочке, на которой еще видны складки от лежания в шкафу. Вдруг глаза открываются. Они заполнены тупым животным торжеством. Дверь с треском захлопывается. Левая рука поднимается — пальцы скрючены когтями, губы кривит хитрая лисья улыбка, открывающая ставшие на диво длинными и острыми клыки...

Бен шагнул вперед и вытянутыми пальцами толкнул дверь. Нижние петли слабо скрипнули.

Тело лежало так, как они его оставили: левая рука упала, левая щека прижата к подушке...

— Паркинс едет,— сказал Мэтт в коридоре за спиной, и Бен с трудом сдержал крик.

5.

Бен подумал, как удачно выразился: *пусть дела примет машина*. Все очень напоминало машину, одно из сложных, хитроумных немецких приспособлений, сконструированных из заводных пружин и зубцов, где в сложном танце движутся цифры.

Первым прибыл Паркинс Джиллеспи в зеленом галстуке, оттененном ВЭФ-овской булавкой. Глаза еще были сонными. Он сообщил, что уведомил медэксперта округа.

— Сам-то сукин сын не явится,— сказал Паркинс, втыкая в уголок морщинистых губ «Пэлл-Мэлл».—

Однако пришлет помощника и еще одного малого, сделать снимки. Мертвяка трогали?

— У него рука свалилась с кровати,— ответил Бен.— Я пытался уложить ее обратно, только не получается.

Паркинс смерил его взглядом и ничего не сказал. Бен вспомнил жуткий стук костяшек пальцев по деревянному полу комнаты для гостей, и в животе ворохнулся брезгливый хохоток.

Мэтт отвел их наверх, и Паркинс несколько раз обошел тело.

— Эй, а вы уверены, что он помер? — наконец, спросил он.— Будить пробовали?

Следом, прямо с родов, приехал из камберлендской больницы доктор медицины Джеймс Коди. После обмена традиционными любезностями («Наше вам»,— сказал Паркинс, раскуривая очередную сигарету) все опять пошли за Мэттом наверх. «Вот если бы мы все были музыкантами,— подумал Бен,— то теперь сумели бы по-настоящему проводить парня в последний путь.»

И опять почувствовал, как к горлу пытается подступить смех.

Коди отвернул простыню и некоторое время хмурился, глядя на тело. Мэтт с изумившим Бена спокойствием сказал:

— Джимми, это напомнило мне то, что ты говорил про мальчика Гликов.

— Мистер Бэрк, то был конфиденциальный разговор,— мягко ответил Коди.— Если родичи Дэнни Глика дознаются, *что* вы сказали, они могут подать на меня в суд.

— Но выиграют ли они дело?

— Вероятно, нет,— со вздохом сказал Джимми.

— Чего это насчет мальчишки Гликов? — хмурясь, спросил Паркинс.

— Ничего,— ответил Джимми.— Совершенно из другой оперы.— Он приложил к груди Майка стетоскоп, что-то пробурчал, отвернул веко и посветил в открывшийся остекленелый шарик.

Бен заметил, что зрачок сузился, и вполне явственно сказал: «Господи!»

— Интересный рефлекс, верно? — сказал Джимми. Он отпустил веко, которое с нелепой медлительностью вернулось на место, словно труп им подмиг-

нул.— Дэвид Прайн из «Джона Хопкинса» сообщает, что у некоторых трупов реакция зрачка на свет сохраняется до девяти часов.

— Ученым стал, ишь ты,— сердито сказал Мэтт.— А за сочинения я ему ставил тройки, да и те с натяжкой.

— Просто вам не нравится читать о вскрытиях, старый вы склочник,— откликнулся Джимми и достал небольшой молоточек. «Отлично,— подумал Бен.— Он помнит, как держаться у постели больного даже, когда пациент, по выражению Паркинса Джиллеспи, мертвяк.» В нем снова поднялся мрачный смешок.

— Помер? — спросил Паркинс, стряхивая пепел с сигареты в пустую вазу. Мэтт поморщился.

— Помер, помер,— ответил Джимми. Он встал, отвернул простыню к ногам Райерсона и постукал по правому колену. Никакого эффекта. На подошвах Майка (возле пятки и у носка) Бен заметил желтые кольца мозолей и немедленно вспомнил поэму Уоллеса об умершей женщине: «Пусть «кажется» придет конец,» — неверно процитировал он.— «На трон взошел пломбирный император.»

Мэтт остро взглянул на него и на мгновение словно бы утратил контроль над собой.

— Это что? — спросил Паркинс.

— Стихи,— ответил Мэтт.— Из поэмы о смерти.

— По мне, так больше смахивает на «Человека в хорошем настроении»,— заметил Паркинс и опять стряхнул пепел в вазу.

6.

— Нас представили друг другу? — спросил Джимми, глядя на Бена снизу вверх.

— Да, только очень вскользь,— ответил Мэтт.— Знакомьтесь: Коди, местный знахарь — Бен Мирс, газетной нивы пахарь. И наоборот.

— В таких штуках он дока,— заметил Джимми.— На этом все свои денежки и заработал.

Они с Беном обменялись рукопожатием над телом.

— Мистер Мирс, помогите мне его перевернуть.

Бен с легкой брезгливостью помог Джимми перевернуть тело на живот. Оно еще не утратило гибкости и не окоченело, хотя уже остыло. Джимми пристально осмотрел спину, потом стянул с ягодиц трусы

— А это зачем? — спросил Паркинс.

— Пытаюсь по цианозу кожи установить время смерти,— ответил Джимми.— А Брент Норберт никогда не возражал против небольшой дружеской помощи.

— Норберту собственный зад с фонарем не сыскать,— отозвался Паркинс, выбрасывая окурок в открытое окно.— Мэтт, это окошко у тебя осталось без ставня. Я его видел на газоне, когда заезжал во двор.

— Ах, вот как? — сказал Мэтт, тщательно контролируя свой тон.

— Угу.

Достав из сумки градусник, Коди сунул его Райерсону в задний проход и выложил на простыню часы, заблестевшие в ярком солнечном свете. Они показывали четверть седьмого.

— Я пошел вниз,— сказал Мэтт, слегка задохнувшись.

— Можете идти все,— сказал Джимми.— А я немного задержусь. Кофе не сварите, мистер Бэрк?

— Разумеется.

Все вышли. Бросив в комнату последний взгляд, Бен затворил дверь, которая скрыла от глаз сцену, навсегда врезавшуюся в память подобно гравюре: светлая, залитая солнцем спальня, отвернутая чистая простыня, золотые наручные часы, отбрасывающие на обои яркие зайчики, и сам Коди с пламенеющей копной рыжих волос.

Брентон Норберт, помощник медицинского эксперта, прибыл на старом сером додже как раз, когда Мэтт варил кофе. Его сопровождал еще один мужчина, который нес большой фотоаппарат.

— Куда? — спросил Норберт.

Джиллеспи ткнул большим пальцем в сторону лестницы.

— Там, наверху, Джим Коди.

— Изрядно,— сказал Норберт.— Парень, наверное, уже весь на нервах.

Они с фотографом отправились наверх.

Паркинс Джиллеспи влил себе в кофе столько сливок, что пошло через край на блюдце, сунул в кофе большой палец — проверить, что вышло, вытер палец о штаны и, прикуривая очередную сигарету, сказал:

Тут Бен с Мэттом завели свою песенку. Все, что они наговорили, не было ложью в полном смысле слова, однако недомолвок оказалось довольно, чтобы свя-

зать учителя с писателем тонкой нитью конспирации. Хватило их и для того, чтобы заставить Бена пуститься в беспокойные размышления: то ли он сейчас соучаствует заставить Бена пуститься в беспокойные размышления: то ли он сейчас соучаствует безобидной глупости, то ли чему-то более серьезному и мрачному. В голове звучали слова Мэтта: «Я позвонил вам, поскольку в Салимовом Уделе вы — единственный, кто способен выслушать такую историю.» «В каком бы отношении ни был ущербным рассудок Мэтта,— подумал Бен,— неспособным разбираться в людях старика не назовешь.» От этого молодой человек тоже нервничал.

7.

К половине десятого все было кончено.

Приехал катафалк Карла Формена, забрал тело Майка Райерсона, и, покинув вместе с ними дом, факт смерти стал достоянием города. Джимми Коди вернулся к себе, Норберт с фотографом отправились в Портленд для беседы с медицинским экспертом округа. Паркинс Джиллеспи немного постоял на крыльце, следя за медленно катившим вверх по дороге катафалком. С губы свисала сигарета.

— Столько раз Майк садился вместо Формена за баранку, а ведь, небось, ни сном ни духом, что так скоро поедет в кузове...— Он повернулся к Бену.— Еще не уезжаете из Удела, нет? Ежели вы не против, так я бы хотел, чтоб вы дали показания коронерскому суду.

— Да нет, не уезжаю.

Констебль смерил его взглядом блекло-голубых глаз.

— Я вас проверял через федеральщиков и в Августе, в полицейском управлении штата. Вы чистенький.

— Приятно слышать,— сдерживаясь, сказал Бен.

— Я слыхал, вы ухлестываете за дочкой Билла Нортона.

— Виновен,— ответил Бен.

— Она милашка,— без улыбки сказал Паркинс. Катафалк скрылся из вида, даже шум мотора превратился в тихое замирающее жужжание.— Думаю, Флойда Тиббитса она теперь видит редко.

— Парк, у тебя нет никакой бумажной работы? — деликатно поторопил Мэтт.

Паркинс вздохнул и выбросил окурок.

— А как же. Два экземпляра, три экземпляра, нервать-скрепки-не-трогать. Последнюю пару недель неприятностей от этой работенки больше, чем от суки с клещами. Может, эта старая развалина, дом Марстена, проклят.

Бен с Мэттом сохраняли бесстрастные лица.

— Ну, покедова,— констебль подтянул штаны и пошел к машине. Открыв дверцу, он обернулся.— Чего-то вы оба от меня скрываете, а?

— Паркинс,— отозвался Мэтт,— что ж тут скрывать? Он умер.

Еще секунду Паркинс не сводил с них выцветших глазок, которые остро и пронзительно поблескивали из-под крючковатых бровей, а потом вздохнул.

— Надо думать,— согласился он.— Но до чего ж занятно, черт меня побери. Псина. Парнишка Гликов. Потом второй пацан Гликов. Теперь вот Майк. Это ж для такого ссаного городишки, как наш, план за год. Бабуля моя говорила, что Бог любит троицу, а не четверку.

Он сел в машину, завел мотор и задним ходом выбрался с подъездной дороги.

Минутой позже, прогудев на прощанье, машина исчезла за холмом.

Мэтт порывисто вздохнул.

— Все.

— Да,— сказал Бен.— Я выдохся. А вы?

— Тоже, только я чувствую себя... странно. Знаете, в каком смысле ребята пользуются этим словом?

— Да.

— У них есть еще одно выражение: ломает. Я как будто отхожу от хорошей дозы ЛСД или мефетамина, тогда даже нормальным быть — ненормально.— Он с силой провел рукой по лицу.— Боже мой, вы должны думать, что я тронутый. При свете дня все это звучит, как бред душевнобольного, разве не так?

— И да, и нет,— ответил Бен. Он робко положил ладонь Мэтту на плечо.— Понимаете, Джиллеспи прав. Что-то происходит. И я все больше склонен думать, что происходящее как-то связано с домом Марстена. В поселке кроме меня только двое новых жителей — эти, с холма. А я знаю, что ничего не сделал.

Наша поездка на верх еще не отменилась? Визит сельских доброхотов-информаторов?

— Если хотите.

— Хочу. Идите, поспите. А я свяжусь со Сьюзан, и к вечеру мы зайдем.

— Хорошо.— Мэтт помолчал.— Есть еще одно. Оно мучает меня с тех самых пор, как вы упомянули о вскрытиях.

— Что же?

— Смех, который я услышал — или думал, что слышу... Смеялся ребенок. Смех был страшным, бездушным и все-таки детским. В связи с рассказом Майка вы не подумали про Дэнни Глика?

— Да, конечно.

— А вы знаете, в чем заключается процедура бальзамирования?

— Очень смутно. Из трупа выводят кровь, заменяя какой-то жидкостью. Одно время пользовались формальдегидом, но я уверен, что сейчас существуют более изощренные методики. Кроме того, из трупа вынимают внутренности.

— Интересно, с Дэнни тоже проделали все это? — спросил Мэтт, глядя на него.

— Вы знаете Карла Формена достаточно хорошо, чтобы задать ему такой конфиденциальный вопрос?

— Да, думаю, можно сообразить, как это сделать.

— Тогда любым способом узнайте.

— Узнаю.

Они еще минуту смотрели друг на друга, и взгляд, которым они обменялись, был дружелюбным, но неопределенным: со стороны Мэтта — тревожная непокорность здравомыслящего человека, которого вынудили говорить вещи нерациональные, а со стороны Бена — что-то вроде смутного испуга перед силами, которые невозможно понять настолько, чтобы определить.

8.

Когда Бен вошел, Ева гладила и смотрела «Набери номер — получи доллар». Банк уже поднялся до сорока пяти долларов, и ведущий вынимал телефонные номера из большого стеклянного барабана.

— Я слышала,— сказала она, когда Бен полез в холодильник за кока-колой.— Ужасно. Бедный Майк.

— Совсем скверно,— Бен полез в нагрудный карман и выудил оттуда распятие на тонкой цепочке.

— Они знают, что...

— Еще нет,— ответил Бен.— Миссис Миллер, я очень устал. Я, наверное, вздремну.

— Конечно, вам нужно поспать. Хоть год и на исходе, в вашей комнате наверху в середине дня все равно жарища. Если хотите, займите одну из комнат на первом этаже. Простыни свежие.

— Да все нормально. Ту комнату я как свои пять пальцев знаю.

— Ваша правда, человек к своему привыкает,— рассеянно откликнулась Ева.— Зачем, скажите на милость, мистеру Бэрку понадобилось распятие Ральфа?

Бен, на секунду растерявшись, задержался на пути к лестнице.

— Наверное, он решил, что Майк Райерсон — католик.

Ева положила на гладильную доску очередную рубашку.

— Уж кому знать, как не ему. В конце концов, Майк у него учился. Вся их семья сплошь лютеране.

На это ответить было нечего. Бен поднялся наверх, стянул одежду, забрался в постель и очень быстро провалился в тяжелый сон без сновидений.

9.

Проснулся он в четверть пятого. Тело усеяли бисеринки пота, а одеяло съехало на пол. Тем не менее Бен чувствовал, что в голове опять прояснилось. События нынешнего раннего утра казались туманными и далекими, а фантазии Мэтта Бэрка утратили свою насущность. Сегодня вечером Бену предстояло только одно: привести учителя в хорошее расположение духа, чтобы тот забыл о них, если сумеет.

10.

Он решил, что позвонит Сьюзан от Спенсера и там же встретится с ней. Можно будет пойти в парк, и там он расскажет ей все от «а» до «я». По дороге к Мэтту можно будет узнать ее мнение, а у Мэтта дома

она сможет выслушать версию учителя и дополнить свое суждение. Потом — дальше, к дому Марстена. Эта мысль вызвала где-то в середке краткую вспышку страха.

Углубившись в свои мысли, Бен заметил сидящего в своей машине человека только в тот момент, когда дверца открылась и наружу вывалилась высокая фигура. На мгновение Бен оказался слишком ошеломлен, чтобы разум дал команду телу — сознанию было не до того, так потрясло его нечто, принятое поначалу за ожившее огородное пугало. Косые лучи солнца резко и безжалостно выхватили мельчайшие подробности облика этой фигуры: низко натянутую на уши старую шляпу из мягкого фетра, темные очки-консервы, обтрепанное пальто с поднятым воротником, руки в толстых резиновых перчатках.

— Кто...— вот все, что успел выговорить Бен.

Фигура придвинулась ближе. Кулаки сжаты. Резкий запах старья — Бен распознал нафталин. Слышны хлюпающие вдохи и выдохи.

— Ты тот сукин сын, что увел мою девчонку,— скрипучим невыразительным голосом проговорил Флойд Тиббитс.— Сейчас я тебя убью.

И пока Бен еще пытался разобраться в происходящем, пропуская его через свой центральный пульт, Флойд Тиббитс набросился на него.

Глава девятая

СЬЮЗАН (II)

1.

Сьюзан приехала домой из Портленда днем, в самом начале четвертого.

В дом она вошла с тремя похрустывающими бумажными пакетами в руках — по случаю продажи пары картин за восемьдесят с хвостиком долларов Сьюзан позволила себе кутнуть.

— Сьюзи? — позвала мать.— Это ты?

— Я пришла. Я купила...

— Зайди-ка ко мне, Сьюзан. Я хочу с тобой поговорить.

Девушка мгновенно распознала тон, хотя так мать

с ней не разговаривала с тех пор, как Сьюзан училась в старших классах, когда изо дня в день повторялись все более ожесточенные споры по поводу длины юбки и ухажеров. Она положила пакеты и пошла в гостиную. Тема Бена Мирса вызывала у матери все большую холодность, и Сьюзан предположила, что сейчас прозвучит Последнее Слово миссис Нортон. Мать сидела в кресле-качалке под широким большим окном и вязала. Телевизор молчал. Что в сочетании было зловещим предзнаменованием.

— Полагаю, самой последней новости ты не слышала,— сказала миссис Нортон. Спицы быстро позвякивали, сплетая темно-зеленую пряжу, над которой трудилась Энн, в ровные ряды. Шарф кому-то на зиму.— Утром ты уехала слишком рано.

— Самой последней?

— Вчера ночью в доме Мэтта Бэрка умер Майк Райерсон, и кому же было присутствовать у смертного одра, как не твоему дружку-писателю, мистеру Бену Мирсу!

— Майк... Бен... что?

Миссис Нортон сурово улыбнулась.

— Утром, часов в десять, позвонила Мэйбл, она-то мне и сказала. Мистер Бэрк *говорит*, что встретил Майка вчера вечером в забегаловке Делла... ума не приложу, зачем бы учителю таскаться по барам... и забрал его к себе домой, потому что Майк казался больным. Ночью Майк умер. А вот что там делал мистер Мирс, похоже, никто не знает!

— Они с мистером Бэрком знакомы,— рассеянно сказала Сьюзан.— Собственно, Бен говорит, они по-настоящему поладили... мам, а что случилось с Майком?

Но миссис Нортон невозможно было сбить с толку так быстро.

— Тем не менее кое-кто считает, что с тех пор, как в Салимовом Уделе объявился мистер Мирс, мы волнуемся чуть больше, чем нужно. В общей сложности, многовато.

— Какая глупость! — раздраженно сказала Сьюзан.— Ну ладно, что Майк...

— Это еще не решено,— ответила миссис Нортон. Она крутанула клубок, ослабляя нитку.— Кое-кто думает, что он мог заразиться от мальчика Гликов.

— Если так, почему больше никто не заразился? Родители, например?

— Некоторые молодые люди полагают, что знают все на свете,— заметила миссис Нортон в пространство. Спицы летали вверх-вниз, как молнии.

Сьюзан встала.

— Схожу-ка я погляжу...

— Посиди еще минутку,— велела миссис Нортон.— Я не все сказала.

Сьюзан уселась, придав лицу нейтральное выражение.

— Бывает, молодые люди знают не все, что следовало бы,— сказала Энн Нортон. Появившаяся в ее голосе нотка неискреннего сочувствия немедленно вызвала недоверие Сьюзан.

— Например, мама?

— Ну, несколько лет назад мистер Бен Мирс, кажется, попал в аварию. Сразу после того, как опубликовал свою вторую книгу. Он ехал на мотоцикле. Пьяный. Его жена погибла.

Сьюзан встала.

— Не желаю слушать.

— Я рассказываю тебе это ради твоей же пользы,— хладнокровно заметила миссис Нортон.

— А тебе кто рассказал? — спросила Сьюзан. Она не чувствовала ни прежнего жаркого, бессильного гнева, ни непреодолимого желания сбежать от этого холодного всезнающего голоса наверх и выплакаться — только холод и отчужденность, будто плыла в космическом пространстве.— Мэйбл Уэртс, да?

— Неважно. Все это правда.

— Ну конечно, правда. А мы выиграли вьетнамскую войну и каждый день ровно в полдень по центру города в тележке проезжает Иисус Христос.

— Мэйбл он показался знакомым,— сказала Энн Нортон,— поэтому она коробку за коробкой просмотрела свои старые газеты...

— А вот грубить вовсе ни к чему. Там все это написано черным по белому. Та женщина — действительно его жена — ехала на заднем сиденье. Мотоцикл занесло, они врезались прямо в борт мебельного фургона. В статье говорится, что там же, на месте, провели тест на алкоголь. Там же... на... месте.— Каждое слово Энн подчеркнула постукиванием спицы о подлокотник качалки.

— Тогда почему он не сидит?

— Эти, известные, всегда много с кем знакомы,—

со спокойной уверенностью ответила мать.— Если хватает денежек, всегда можно выпутаться из чего угодно. Посмотри только, что сошло с рук тем парням, Кеннеди.

— Его судили?

— Я же сказала, они провели...

— Это я слышала, мама! Оказалось, что он пьян?

— Говорю тебе, он был пьяный! — На щеки миссис Нортон выползли красные пятна.— Кто будет проверять трезвого? Его жена отправилась на тот свет! Совершенно как в Чаппакиддикском деле! Точь-в-точь!

— Я переезжаю в город,— медленно проговорила Сьюзан.— Я как раз собиралась тебе сказать. Мам, мне надо было сделать это давным-давно. Ради нас обеих. Я тут поговорила с Бэбс Гриффен, и она сказала, на Систерз-лейн есть миленькая четырехкомнатная квартирка...

— Ах, она оскорбилась! — заметила миссис Нортон, обращаясь к невидимой аудитории.— Ей подпортили красивенький портрет мистера Бена Шишки Мирса, и она так взбеленилась, что *плеваться* готова! — Несколько лет назад такая тактика была особенно действенной.

— Мам, что с тобой случилось? — спросила Сьюзан, начиная отчаиваться.— Ты никогда не... не опускалась до такого...

Энн Нортон вздернула голову. Она встала, уронив вязание с колен на пол, вцепилась в плечи Сьюзан и быстро встряхнула дочь.

— Ну-ка слушай меня! Я не позволю, чтобы ты, как обыкновенная шлюха, путалась с каким-то маменькиным сынком, который тебе голову морочит. *Слышишь*?

Сьюзан влепила ей пощечину.

Энн Нортон моргнула, а потом в полном изумлении широко раскрыла глаза. На секунду воцарилось потрясенное молчание. Они смотрели друг на друга. В горле у Сьюзан тихонько пискнуло.

— Я иду наверх,— выговорила она.— Перееду, самое позднее, во вторник.

— Флойд приходил,— сказала миссис Нортон. Лицо после пощечины все еще было застывшим. Пальцы дочери проступили на нем красными восклицательными знаками.

— Я порвала с Флойдом,— без выражения сообщила Сьюзан.— Свыкнись с этой мыслью. И все расскажи по телефону своей гарпии Мэйбл. Чего же ты? Может, тогда это покажется тебе реальным.

— Флойд тебя любит, Сьюзан. Он... гибнет. Он сломался и все мне рассказал. Излил мне свою душу.— Глаза миссис Нортон засияли воспоминанием.— Под конец он сломался и плакал, как дитя.

Сьюзан подумала, как это непохоже на Флойда. Не сочиняет ли мать? По глазам Энн она поняла, что не сочиняет.

— И от меня ты хочешь того же, да, мам? Ревукорову? Или ты просто влюбилась в мечту о внуках со светлыми волосиками? Наверное, я доставляю тебе немало беспокойства — тебе не почувствовать, что ты сделала свое дело, пока ты не увидишь меня замужем за хорошим человеком, которого сможешь держать под каблуком. Пока я не остепенюсь при мужике, который спешным порядком обрюхатит меня и превратит в матрону. Вот счастье-то, а? Ну, а как насчет *моих* желаний?

— Сьюзан, ты не знаешь, чего хочешь.

Мать сказала это с такой полной убежденностью, что на мгновение Сьюзан чуть не поверила ей. Она представила себе такую картину: вот они с матерью стоят здесь в тех же самых позах (мать у качалки, Сьюзан — у дверей), только друг с другом их связывает зеленая пряжа, провисшая, ослабевшая от бесконечного дерганья нить. Картинка изменилась: мать оказалась в шляпе с тульей, лихо продернутой множеством разных лент. Мать, одетая в желтое платье с набивным рисунком, отчаянно пыталась выудить большущую форель. Потянуть леску в последний раз и шлепнуть рыбину в плетеную корзинку. Но зачем? Чтобы оседлать? Чтобы съесть?

— Нет, мам. Я точно знаю, чего хочу. Бена Мирса.

Она развернулась и пошла наверх.

Мать подбежала к лестнице следом за ней и визгливо крикнула:

— Ты не сможешь снять комнату! У тебя нет денег!

— У меня сотня на аккредитиве и три — в банке,— хладнокровно отозвалась Сьюзан.— И, думаю, я смогу устроиться на работу в центре, к Спенсеру. Мистер Лэбри уже несколько раз мне предлагал

— Его заботит только одно: как бы заглянуть к те-

бе под юбку,— сказала миссис Нортон, понижая, однако, голос на целую октаву. Почти вся злость улетучилась, уступив место легкому испугу.

— Пусть его,— сказала Сьюзан,— буду ходить в панталонах до колен.

— Детка, не сходи с ума,— Энн поднялась на пару ступенек.— Я только хочу, чтобы тебе было лучше...

— Напрасно, мам. Прости, что я тебя ударила. Я поступила ужасно. Я тебя люблю, правда. Но перееду отсюда. С бо-ольшим опозданием. Ты же должна это понимать.

— Подумай как следует,— теперь в словах миссис Нортон явственно звучали сожаление и испуг.— Я все равно не считаю, что была бестактна. Видала я таких артистов, как твой Бен Мирс. Все, что его интересует, это...

— Все. Хватит.

Сьюзан повернулась к матери спиной.

Та поднялась еще на одну ступеньку и крикнула вдогонку дочери:

— Флойд уходил от нас в жутком состоянии. Он...

Но дверь в комнату Сьюзан закрылась, отсекая ее слова.

Сьюзан прилегла на кровать (которую не так давно украшали мягкие игрушки и пудель с транзисторным приемничком в животе) и лежала, глядя в стену, стараясь не думать. На стене висело несколько афиш Сьерры Клаб, но совсем недавно ее окружали вырезанные из плакатов «Роллинг Стоунз», «Крим» и «Кродэдди» портреты кумиров Сьюзан — Джима Моррисона и Джона Леннона, Дэйва Ван Ронка и Чака Берри. В сознание девушки протиснулся призрак минувших дней, похожий на бледный, плохо сделанный снимок, где негативом были мысли Сьюзан.

Она так и видела газеты, торчащие из кипы дешевой макулатуры:

МНОГО ГДЕ БЫВАЮЩИЙ МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ С МОЛОДОЙ ЖЕНОЙ СТАНОВЯТСЯ УЧАСТНИКАМИ «ВЕРОЯТНО» РОКОВОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ.

Дальше — осторожно сформулированные инсинуации. И, может быть, сделанная на месте происшествия тамошним репортером фотография, слишком кровавая для местной газеты — в самый раз для таких, как Мэйбл. Хуже всего было то, что семя сомнения все-таки заронили. Глупо. Что же, ты думала, что до своего при-

езда сюда он жил под стеклянным колпаком? Что явился упакованным в противомикробный целлофановый пакет, как стакан в мотеле? Глупо. И все же семя было посеяно.

Оттого-то Сьюзан чувствовала к матери нечто большее, чем подростковую досаду и обиду — она чувствовала что-то мрачное, граничащее с ненавистью.

Отгородившись от этих мыслей (не насовсем, просто отогнав подальше) Сьюзан закинула руку на лицо и уплыла в неуютную дрему, взломанную пронзительным звонком телефона внизу и окончательно разбитую голосом матери, которая звала:

— Сьюзан! Тебя!

Она сошла вниз, отметив, что минутная стрелка на часах едва ушла за половину шестого. Солнце светило с запада. Миссис Нортон в кухне принималась за ужин. Отец еще не возвращался.

— Слушаю?

— Сьюзан? — голос был знакомым, но назвать его обладательницу сразу же она не могла.

— Да, кто говорит?

— Ева Миллер. Сьюзан, плохие новости.

— Что-то случилось с Беном? — Похоже, вся слюна изо рта исчезла. Ладонь Сьюзан поднялась к горлу. Миссис Нортон с лопаткой в руке подошла к дверям кухни и оттуда смотрела на дочь.

— Ну, была драка. После обеда у нас объявился Флойд Тиббитс...

— Флойд!

От тона Сьюзан миссис Нортон поморщилась.

— ...и я сказала, что мистер Мирс спит. Он сказал, ладно — так же вежливо, как всегда, но одет был ужасно странно. Я спросила: ты не заболел? Он был в старом пальто, какой-то странной шляпе, а руки держал в карманах. Когда мистер Мирс встал, мне даже в голову не пришло сказать ему про Флойда. Было так много волнений...

— Что случилось? — Сьюзан почти кричала.

— Что ж... Флойд его избил,— несчастным голосом сказала Ева.— Прямо у меня на стоянке. Шелдон Корсон с Эдом Крейгом вышли и оттащили его.

— С Беном все в порядке?

— По-моему, нет.

— Что с ним? — Сьюзан очень крепко сжимала трубку.

— Когда Флойд стукнул мистера Мирса в последний раз, тот отлетел спиной на этот свой заграничный автомобильчик и ударился головой. Карл Формен повез его в приемное отделение Камберлендской больницы, а мистер Мирс был без сознания. Больше я ничего не знаю. Если вы...

Сьюзан повесила трубку, побежала к шкафу и стащила с вешалки плащ.

— Сьюзан, в чем дело?

— Твой милый мальчик Флойд Тиббитс,— проговорила Сьюзан, едва ли сознавая, что по щекам потекли слезы,— уложил Бена в больницу.

И выбежала, не дожидаясь ответа.

2.

Сьюзан добралась до больницы в половине седьмого. Она сидела на неудобном пластиковом стуле, уперевшись отсутствующим взглядом в экземпляр «Хорошей хозяйки». «И кроме меня — никого,— думала она.— Черт, вот ужас-то.» Она совсем уже решилась позвонить Мэтту Бэрку, но подумала, что врач вернется, обнаружит ее отсутствие — и не стала.

Минутная стрелка часов в приемном покое ползла от метки к метке. В без десяти семь из дверей вышел врач с кипой бумаг в руке и сказал:

— Мисс Нортон?

— Да. С Беном все в порядке?

— В данный момент ответить на ваш вопрос невозможно.— Врач заметил страх, появившийся в лице Сьюзан, и добавил: — Кажется так, но он пробудет у нас два-три дня. У него трещина по линии волос, множественные синяки, сотрясение и черт знает какой фонарь под глазом.

— Можно к нему?

— Только не сегодня. Он получил инъекцию снотворного.

— На минуточку? Пожалуйста. На одну минутку?

Доктор вздохнул.

— Если хотите, можете взглянуть на него. Он, скорей всего, спит. Если он сам не заговорит с вами, молчите.

Он проводил Сьюзан на третий этаж, а потом по пропахшему лекарствами коридору к палате в даль-

нем его конце. Вторую койку в ней занимал какой-то мужчина, который читал журнал и взглянул на пришедших лишь мельком.

Бен лежал с закрытыми глазами под натянутой до подбородка простыней, такой бледный и неподвижный, что одно страшное мгновение Сьюзан не сомневалась: пока она внизу разговаривала с врачом, Бен умер, ускользнул из своего бренного тела. Потом девушка заметила, что его грудь медленно, мерно поднимается и опускается, и покачнулась — такое громадное облегчение испытала. Она пристально вгляделась в лицо Бена, вряд ли замечая покрывающие его кровоподтеки. Мать назвала его маменькиным сынком — теперь Сьюзан стало понятно, как той могла придти в голову такая мысль. Сильные черты были одухотворенными (она жалела, что лучшего слова нет, «одухотворенным» обычно называют провинциального библиотекаря, который пишет в свободное время высокопарные сонеты в духе Спенсера, посвящая их нарциссам — но другого подходящего слова не было). Только шевелюра казалась мужской в традиционном смысле этого слова.

Черные густые волосы словно бы плыли вокруг лица.

Слева над виском резким белым пятном выделялся бинт.

«Я люблю этого человека,— подумала она.— Поправляйся, Бен. Поправляйся и заканчивай книгу, так, чтобы, если я нужна тебе, мы смогли бы уехать из Удела вместе. Удел стал нехорош для нас обоих.»

— По-моему, вам пора идти,— сказал врач.— Может быть, завтра...

Бен пошевелился и издал горлом сиплый звук. Веки медленно поднялись, опустились, опять поднялись. Глаза от снотворного потемнели, но в них было сознание ее присутствия. Он накрыл ладонь Сьюзан своей. Из глаз девушки потекли слезы. Она улыбнулась и сжала пальцы Бена.

Бен шевельнул губами, и Сьюзан нагнулась, чтобы расслышать.

— В вашем городе живут настоящие убийцы, да?

— Бен, мне так жаль...

— По-моему, до того как он меня сшиб, пару зубов я ему выбил,— прошептал Бен.— Неплохо для писаки.

— Бен...

— Мне кажется, достаточно, мистер Мирс,— вмешался доктор.— Дайте клею возможность схватиться.

Бен перевел взгляд на врача.

— Всего минутку.

Доктор закатил глаза.

— *Она* тоже так говорила.

Веки Бена снова скользнули вниз, потом с трудом поднялись. Он сказал что-то непонятное.

Сьюзан склонилась поближе.

— Что, милый?

— Еще не стемнело?

— Нет.

— Хочу, чтобы ты поехала к...

— К Мэтту?

Бен кивнул.

— Передай ему... я велел все тебе рассказать. Спроси, знаком ли он... с отцом Каллахэном. Он поймет.

— Ладно,— сказала Сьюзан.— Передам. Теперь спи. Доброй ночи, Бен.

— Идет. Люблю тебя.— Он пробормотал что-то еще — дважды,— а потом закрыл глаза и задышал глубже.

— Что он сказал? — спросил доктор.

Сьюзан хмурилась.

— Вроде бы «заприте окна»,— ответила она.

3.

Когда Сьюзан вернулась за плащом, в приемном покое оказались Ева Миллер с Пронырой Крейгом. На Еве было старое осеннее пальто с подпорченным меховым воротником, явно считающееся выходным, а Проныра утопал в мотоциклетной куртке, которая была ему велика. При виде этой парочки Сьюзан стало теплее.

— Как он? — спросила Ева.

— По-моему, все будет хорошо,— Сьюзан повторила диагноз, и лицо Евы расслабилось.

— Я так рада. Мистер Мирс, кажется, очень милый человек. В моем пансионе ничего такого никогда не бывало. Паркинсу Джиллеспи пришлось запереть Флойда в камере для пьяных. Хотя вел он себя не как пьяный. Просто вроде бы... не знал, что делать и был как в дурмане.

Сьюзан помотала головой.

— Это вообще не похоже на Флойда.

На мгновение воцарилось неловкое молчание.

— Бен замечательный малый,— сказал Проныра и похлопал Сьюзан по руке.— Не успеешь оглянуться, а он уж будет на ногах. Погоди, вот увидишь.

— Да я не сомневаюсь,— сказала Сьюзан, сжав обеими руками его ладонь.— Ева, отец Каллахэн — настоятель церкви Святого Андрея, да?

— Да, а что?

— Так... любопытно. Послушайте, спасибо вам обоим, что пришли. Если бы вы смогли завтра придти еще раз...

— Будет сделано,— сказал Проныра.— Само собой придем, разве не так, Ева? — Он украдкой обнял ее за талию. Тянуться было неблизко, но жест у Проныры вышел как бы случайным.

— Да, мы придем.

Сьюзан вышла вместе с ними на стоянку, а потом поехала обратно в Салимов Удел.

4.

Вопреки своему обыкновению, Мэтт не отозвался на ее стук и не крикнул «Войдите!»

Вместо этого из-за двери раздался очень тихий, очень осторожный голос, который Сьюзан едва узнала:

— Кто там?

— Мистер Бэрк, это Сьюзан Нортон.

Он открыл. Увидев, как он изменился, Сьюзан испытала настоящее потрясение. Мэтт выглядел старым и измученным. Через секунду она заметила у него на груди тяжелый золотой крест. В этой пятидолларовой декоративной штуке, лежащей на клетчатой фланели рубашки, было что-то столь странное и нелепое, что Сьюзан чуть не рассмеялась... но сдержалась.

— Входите. Где Бен?

Она сказала, и лицо Мэтта вытянулось.

— Значит, Флойд Тиббитс решил разыграть обманутого любовника? Подумать только! Да, более неподходящего момента он выбрать не мог. Сегодня во второй половине дня Майка Райерсона привезли обратно из Портленда, чтобы Формен подготовил его к похо-

ронам. И, полагаю, нашу вылазку к дому Марстена тоже придется отложить.

— Какую вылазку? И что с Майком?

— Кофе не хотите? — рассеянно спросил он.

— Нет. Я хочу выяснить, что происходит. Бен сказал, вы знаете.

— Это,— сказал Мэтт,— приказ очень высокопоставленного лица. Бену легко распоряжаться, чтобы я все рассказал. Труднее рассказать. Но я попытаюсь.

— Что...

Мэтт поднял руку.

— Сперва вот что, Сьюзан. Вы с матушкой позавчера заходили в новый магазин.

Сьюзан наморщила лоб.

— Да. А что?

— Сможете передать мне свои впечатления от магазина и особенно — от его владельца?

— От мистера Стрейкера?

— Да.

— Ну, он довольно обаятельный,— сказала Сьюзан.— Может, даже лучше сказать, галантный. Похвалил платье Глинис Мэйберри, и та зарделась, как школьница. А миссис Боддин спросил про повязку на руке... понимаете, она плеснула на себя горячим жиром. Он дал ей рецепт припарки, записал на бумажку. А когда вошла Мэйбл...— Вспомнив об этом, Сьюзан немного посмеялась.

— Да?

— Он принес ей стул,— сообщила Сьюзан.— Собственно, не стул, а *седалище*. Больше похожее на трон. Огромное, резное, красного дерева. Один притащил его откуда-то из запасников, а сам все время улыбался и болтал с остальными дамами. Но штука эта должна была весить по крайней мере фунтов триста. Он бухнул этот стул посреди магазина и проводил Мэйбл к нему. Под руку, представляете? А она *хихикала*. Если вам довелось повидать хихикающую Мэйбл, вы видели все. И подал кофе. Очень крепкий, но очень хороший.

— Он вам понравился? — спросил Мэтт, внимательно следя за ней.

— Это — все к тому же? — спросила она.

— Да, может быть.

— Тогда ладно. Поделюсь с вами чисто женской реакцией. И понравился, и нет. Привлек он меня, на-

верное, в сексуальном отношении, хотя и слабо. Мужчина в годах, горожанин до мозга костей, очень обаятельный, очень галантный. Глядишь на такого, и понимаешь, что он будет делать заказ по французскому меню, зная, какое вино к чему полагается — не просто белое или красное, но какого года и даже виноградника. Совершенно определенно, не здешнего пошиба. Но вовсе не изнеженный. Гибкий, как танцор. И, разумеется, есть нечто привлекательное в человеке, который так беззастенчиво лыс.— Она улыбнулась, как бы защищаясь, зная, что покраснела и гадая, не сказала ли больше, чем собиралась.

— И тем не менее, он вам не понравился,— сказал Мэтт.

Сьюзан пожала плечами.

— Тут труднее определить, в чем дело. Я думаю... я думаю, я почувствовала за всем этим определенное неуважение. Цинизм. Как если бы он играл определенную роль, и играл хорошо, но при этом знал — чтобы нас одурачить, можно не выкладываться до конца. Эдакий оттеночек снисходительности.— Она неуверенно взглянула на Мэтта.— И еще в нем чувствовалась какая-то жестокость. Честное слово, не знаю, почему.

— Кто-нибудь что-нибудь купил?

— Немного, но ему, похоже, все равно. Мама купила небольшую югославскую полочку под безделушки, а эта миссис Питри — чудесный складной столик, но это все, что я видела. Кажется, он отнесся к этому вполне спокойно. Просто настаивал, чтобы все рассказали друзьям про открывшийся магазин, заходили еще и не чувствовали себя посторонними. Очарование Старого Света.

— По-вашему, он всех обаял?

— Да, и еще как,— ответила Сьюзан, мысленно сравнивая восторги матери в адрес Р.Т.Стрейкера с тем, как она сразу же невзлюбила Бена.

— А его компаньона вы не видели?

— Мистера Барлоу? Нет, он в Нью-Йорке на закупках.

— В самом деле? — сказал Мэтт, обращаясь сам к себе.— Интересно. Неуловимый мистер Барлоу.

— Мистер Бэрк, вы не думаете, что лучше рассказать мне, в чем дело?

Он тяжело вздохнул.

— Полагаю, мне следует попытаться. То, что вы только что мне рассказали, тревожно. Очень тревожно. Все так здорово сходится...

— Что сходится? С чем?

— Следует начать,— приступил Мэтт к рассказу,— с того, как я встретился в забегаловке у Делла с Майком Райерсоном. Встретились мы вчера вечером... а кажется, прошел уже целый век.

5.

Свой рассказ Мэтт закончил в двадцать минут девятого. Они со Сьюзан успели выпить по две чашки кофе.

— Вот и все, на мой взгляд,— сказал Мэтт.— Ну что, изобразить теперь Наполеона? Или рассказать про астральное общение с Тулуз-Лотреком?

— Не глупите,— сказала она.— Что-то происходит — но не то, что вы думаете. Вы должны это *понимать*.

— Понимал. До прошлой ночи.

— Если никто этого вам не подстроил, как предположил Бен, тогда, может быть, говорил сам Майк Райерсон. В бреду, например.— Это звучало неубедительно, но Сьюзан все равно продолжала.— Или, может быть, вы задремали, сами того не зная, и все это увидели во сне. Со мной такое уже бывало — заснешь, а потом теряешь четверть часа, а то и минут двадцать.

Мэтт устало пожал плечами.

— Как можно отстаивать свидетельство, которое не примет за чистую монету ни один разумный человек? Что я слышал, то слышал. Я не спал. И меня кое-что тревожит... тревожит очень сильно. Если верить старым преданиям, вампир не может просто войти в дом и выпить кровь хозяина. Нет. Его нужно пригласить. Прошлой ночью Майк Райерсон пригласил в дом Дэнни Глика. *А сам я пригласил Майка!*

— Мэтт, Бен говорил вам о своей новой книге?

Учитель вертел в пальцах трубку, но не раскуривал ее.

— Очень мало. Только, что она как-то связана с домом Марстена.

— А говорил он вам, что в детстве пережил в доме Марстена сильную травму?

Мэтт резко поднял голову.

— *В самом доме?* Нет.

— Он влез туда «на слабо». Хотел вступить в один клуб, и ему назначили испытание — сходить в дом Марстена и принести что-нибудь оттуда. Собственно, это он сделал... но прежде, чем уйти, поднялся на второй этаж в спальню, где повесился Хьюби Марстен. Бен открыл дверь и увидел висящего Хьюби. Хьюби открыл глаза. Бен кинулся наутек. Это мучило его двадцать четыре года. Он вернулся в Удел, чтобы попытаться написать книгу и избавиться от этого кошмара.

— Господи,— сказал Мэтт.

— У Бена есть... определенная теория относительно дома Марстена. Частично она произрастает из его личного опыта, частично — из изумительных фактов, которые он раскопал о Хьюберте Марстене...

— Это вы про склонность Хьюби к сатанизму?

Сьюзан вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

Учитель мрачновато улыбнулся.

— Не все сплетни в маленьких городках передаются в открытую. Есть и секреты. Среди гуляющих по Салимову Уделу тайных слухов есть и касающиеся Хьюби Марстена. Теперь-то этот секрет — достояние десятка стариков, в том числе и Мэйбл Уэртс. Дело давнее, Сьюзан. Писаного закона о том, что некоторые историй разглашению не подлежат, нету. И все равно, как ни странно, даже Мэйбл не станет говорить о Хьюберте Марстене ни с кем вне своего круга. Нет, посудачить о его смерти они, разумеется, не откажутся. Об убийстве тоже. Но спросите их про те десять лет, что Хьюби с женой провели там, наверху, занимаясь Бог весть чем, и в игру вступит принцип губернатора — вероятно, самого близкого к табу понятия нашей западной цивилизации. Тут шептались даже, что Хьюберт Марстен крадет маленьких детей и приносит их в жертву своим адским божествам. Удивительно, что Бену так много удалось узнать. Секретность, окружающая этот момент жизни Хьюби, его жену и его дом без малого секрет племени.

— Он вышел на это не в Уделе.

— Тогда понятно. По-моему, эта теория — довольно старое парапсихологическое поветрие: люди, дескать, вырабатывают зло так же, как слизь, экскре-

менты или кожу под ногтями. И это зло не исчезает. В частности, дом Марстена мог стать чем-то вроде споры зла, заряженным злобой аккумулятором.

— Да. Бен выразился этими самыми словами.— Сьюзан недоуменно посмотрела на него.

Мэтт сухо рассмеялся.

— Мы читали одни и те же книги. А вы что думаете, Сьюзан? В вашей философии есть нечто большее, чем небеса и земля?

— Нет,— сказала она со спокойной твердостью.— Дома — просто дома. Зло погибает с сотворением его.

— Вы подразумеваете, что неуравновешенность Бена может дать мне шанс увлечь его на ту тропинку к безумию, которую я уже прошел?

— Нет, конечно. Я не считаю вас сумасшедшим, но, мистер Бэрк, вы должны понять...

— *Тише.*

Он подался вперед и вздернул голову. Сьюзан замолчала и прислушалась. Ничего... только скрипнула доска. Девушка вопросительно взглянула на Мэтта, но тот покачал головой.

— Вы говорили?..

— Я просто хотела сказать, что из-за такого совпадения сейчас Бену вовсе не время изгонять бесов своей юности. С тех пор, как дом Марстена опять заселили и открылся этот магазин, в городе ходит очень много дешевых сплетен... если уж на то пошло, и про Бена тоже болтают. Известны случаи, когда обряд изгнания дьявола выходил из-под контроля и оборачивался против самого изгоняющего. По-моему, Бену нужно выбираться из города. А еще я думаю, что вы могли бы воспользоваться этим и отдохнуть.

Изгнание дьявола заставило Сьюзан вспомнить просьбу Бена сказать Мэтту о католическом священнике. Повинуясь внезапному порыву, она решила промолчать. Теперь стало достаточно ясно, почему он просил об этом, но это только подлило бы масла в огонь, который, по мнению Сьюзан, итак уже опасно разгорелся. Когда Бен спросит ее — если вообще спросит — она скажет, что забыла.

— Я понимаю, насколько безумно это должно звучать,— говорил Мэтт.— Даже с моей точки зрения. А ведь я слышал и как поднималось окно, и тот смех, и видел сегодня утром ставень, лежавший у подъездной дороги. Но, если это хоть как-то успокоит ваши стра-

хи, должен сказать, что Бен реагировал вполне разумно. Предложил для доказательства или опровержения подвести теоретическую базу и начать с...— Мэтт снова осекся и прислушался.

На этот раз молчание затянулось, и, когда учитель опять заговорил, тихая уверенность в его голосе испугала Сьюзан.

— Наверху кто-то есть.

Она послушала. Ничего.

— Вам кажется.

— Свой дом я знаю,— тихо сказал он.— Кто-то в спальне для гостей... вот, слышите?

И тут она действительно услышала. Отчетливо скрипнула половица — так скрипят полы в старых домах, но Сьюзан словно бы различила в этом звуке нечто большее, невыразимо тайное.

— Я пошел наверх,— сказал Мэтт.

— Нет!

Она выпалила это, не задумываясь. И сказала себе: *ну-ка, кто там сидит у печки и думает, что ветер в трубе — это баньши?*

— Прошлой ночью я боялся и ничего не сделал, и стало хуже. Теперь я иду наверх.

— Мистер Бэрк...

Они оба заговорили вполголоса. Во все жилы Сьюзан червем вползло напряжение, от которого деревенели мышцы. Может быть, наверху *действительно* кто-то был. Взломщик.

— Говорите,— сказал Мэтт.— После того, как я уйду, продолжайте говорить. На любую тему.

И не успела Сьюзан возразить, как Мэтт встал с места и направился в сторону коридора, двигаясь так грациозно, что Сьюзан поразилась. Один раз учитель оглянулся, но она ничего не сумела прочесть в его глазах. Мэтт начал подниматься по лестнице.

Такой быстрый поворот событий вверг рассудок Сьюзан в мир нереального. Меньше двух минут назад они спокойно обсуждали положение дел в свете электрических лампочек, не оставляющем места ирреальному. Теперь же Сьюзан было страшно.

Вопрос: если поместить психолога в одну комнату с человеком, считающим себя Наполеоном, и оставить их там на год (или на десять лет, или на двадцать), кто выйдет в итоге — два последователя Скиннера или два парня, закладывающих руку за борт пиджа-

ка? Ответ: данных недостаточно. Она открыла рот и сказала:

— В воскресенье мы с Беном собирались поехать по дороге № 1 в Кэмден — знаете, тот городок, где снимали «Дом Пейтона» — но теперь, наверное, придется повременить. Там у них прелестнейшая церквушка...

Сьюзан обнаружила, что бубнит очень плавно, не останавливаясь, хотя руки на коленях стиснула так, что пальцы побелели. Голова была ясной — все эти разговоры о кровососах и зомби еще не подействовали. Волны черного ужаса испускал спинной мозг, куда более древнее сплетение нервных узлов и волокон.

6.

Труднее этого подъема по лестнице Мэтту ничего в жизни не выпадало. Все — что тут еще скажешь? Остальное просто не шло ни в какое сравнение. Кроме, может быть, одного.

Мальчиком восьми лет Мэтт состоял в отряде скаутов «Детеныши». До дома (материнского логова) нужно было пройти милю. В свете позднего пополудня по дороге шагалось замечательно — просто великолепно. Но, пока они шли к дому, спускались сумерки и освобождали разверзавшиеся под ногами длинные, извилистые тени, а если компания горела особенным энтузиазмом и загуливалась допоздна, домой приходилось отправляться затемно. Одному.

Одному. Да, вот ключевое слово, самое ужасное в английском языке. Свечку убийцам не держат, а ад — всего лишь бледный синоним...

У дороги стояла разрушенная церковь — старый молитвенный дом методистов. Тылом руины выходили на дальний конец прихваченного морозцем и покрытого ледяными кочками газона. В поле зрения поблескивающих пустых окон собственные шаги вдруг начинали казаться очень громкими, мелодия (что бы ты ни насвистывал) замирала на губах, а в голову лезли мысли о том, каково должно быть внутри: перевернутые скамьи, сгнившие сборники церковных гимнов, разваливающийся алтарь, где теперь справляют шабаши лишь мыши... и ты гадал: а что же может там обитать кроме мышей — какие безумцы, какие чудовища? Может быть, они подсматрива-

ют за тобой из окон желтыми глазами рептилий. И, может быть, наступит вечер, когда они не удовольствуются подглядыванием. Может быть, однажды растрескавшаяся, висящая под сумасшедшим углом дверь распахнется, и то, что обнаружится за ней, с первого взгляда сведет тебя с ума.

Это было не объяснить отцу и матери, созданиям света — так же в три года ты не умел объяснить им, как запасное одеяло в ногах кроватки превращается в клубок змей, которые лежат, уперевшись в тебя равнодушными, лишенными век глазами.»Ни один ребенок еще не побеждал эти страхи,— подумал Мэтт.— Если страх нельзя облечь в слова, его нельзя победить. А запертые в маленькой головенке страхи слишком велики, чтобы пройти устье рта. Рано или поздно находится тот, с кем можно пройти мимо всех заброшенных молитвенных домов, стоящих на пути от усмехающегося детства к ворчливой зрелости. Но вот приходит такой вечер, как этот. Вечер, когда выясняется, что ты вовсе не проткнул давние страхи осиновым колом, а всего лишь засунул подальше, уложив в крохотные детские гробики с дикой розой на крышке.»

Мэтт не зажигал света. Он поднялся по ступенькам, пропустив шестую, скрипучую, а ладонь, сжимавшая распятие, была скользкой от пота.

Добравшись до верха лестницы, он бесшумно повернулся, чтобы оглядеть коридор. Дверь в комнату для гостей, которую он захлопнул, теперь была приоткрыта. Внизу безостановочно журчал голос Сьюзан.

Осторожно ступая, чтобы не скрипеть, Мэтт подошел к двери и остановился перед ней. «Основа всех людских страхов,— подумал он.— Приоткрытая дверь.»

Мэтт протянул руку и толкнул. Дверь распахнулась.

На кровати лежал Майк Райерсон.

Лунный свет лился в окно, серебря комнату, превращая ее в лагуну грез. Мэтт тряхнул головой, будто пытался прояснить мысли. Казалось, он перенесся во времени назад, в прошлую ночь. Он сойдет вниз и позвонит Бену, ведь Бен еще не попал в больницу...

Майк открыл глаза.

Они коротко блеснули в лунном свете — серебряные с красной каймой, пустые, как вымытые клас-

сные доски. В них не было ни человеческих мыслей, ни человеческих чувств. «Глаза — окна души»,— сказал Вордсворт. Если так, *эти* окна смотрели в пустую комнату.

Майк сел. Простыня свалилась с груди, и Мэтт увидел грубый шов — это медицинский эксперт или паталогоанатом зашил Майка после вскрытия, и, может быть, насвистывал, зашивая.

Майк улыбнулся, обнаружив белые, острые резцы. Улыбка, простое сокращение мышц вокруг рта, не затронула глаз. Они сохраняли свою исходную мертвую пустоту. Майк очень отчетливо произнес:

— *Посмотри на меня.*

Мэтт посмотрел. Да, глаза были абсолютно пустыми. Но очень глубокими. В них можно было разглядеть серебряные камеи собственного изображения, сладостно погружающиеся в глубину, тонущие, отчего теряла значение жизнь, теряли значение страхи...

Мэтт отступил и выкрикнул:

— Нет! Нет!

И вытянул вперед руку с распятием.

То, что когда-то было Майком Райерсоном, зашипело, словно ему плеснули в лицо кипятком, и вскинуло руки, будто защищаясь от удара. Мэтт шагнул вперед.

Райерсон попятился.

— Убирайся отсюда! — каркнул Мэтт.— Я отменяю приглашение!

Райерсон пронзительно крикнул — высокий улюлюкающий звук был полон боли и ненависти. Четыре неверных шага назад — и он уперся в подоконник. Окно было открыто. Райерсон качнулся, теряя равновесие.

— *Я позабочусь, чтобы ты уснул как убитый, учитель.*

Существо закинуло руки за голову и вывалилось в ночь спиной вперед, как спортсмен, ныряющий с трамплина. Бледное тело мраморно поблескивало, резко контрастируя с черными стежками, буквой «У» пересекавшими торс.

Издав безумный, полный ужаса вой, Мэтт ринулся к окну и выглянул. Там он увидел только позолоченную луной тьму и рой танцующих пылинок, висевший под окном, повыше лужи света, обозначившей гостиную. Пылинки крутились, слипаясь в фигу-

ру, ужасающе похожую на человеческую, а потом разъединились в ничто.

Мэтт повернулся, чтобы бежать, и тут пошатнулся от заполнившей грудь боли. Он схватился за сердце и сложился пополам. Ему казалось, что боль безостановочно поднимается по руке пульсирующими волнами. Перед глазами покачивался крест.

Он вышел за дверь, прижимая к груди скрещенные руки. Правая еще сжимала цепочку распятия. Перед глазами стоял образ Майка Райерсона, висящего в ночном воздухе подобно некому бледному ныряльщику.

— Мистер Бэрк!

— Меня лечит Джеймс Коди,— выговорил Мэтт ледяными губами.— Телефон — на карточке у аппарата. По-моему, у меня сердечный приступ.

И упал прямо в коридоре, лицом вниз.

7.

Сьюзан набрала номер, возле которого стояла пометка: «Джимми Коди, толкач пилюлек». Надпись была сделана слитно, аккуратными заглавными буквами, которые она так хорошо помнила со школы. Ответил женский голос. Сьюзан сказала:

— Доктор дома? Это очень срочно.

— Да,— спокойно сказала женщина.— Пожалуйста.

— Доктор Коди слушает.

— Говорит Сьюзан Нортон. Я — дома у мистера Бэрка. Ему плохо с сердцем.

— Что? *Мэтту* Бэрку?

— Да. Он без сознания. Что мне...

— Вызовите скорую,— распорядился Джимми.— Звоните в Камберлендскую больницу, 841-4000. Оставайтесь возле него. Закройте одеялом, но не трогайте. Вы поняли?

— Да.

— Я буду через двадцать минут.

— А вы...

Но в трубке щелкнуло и Сьюзан осталась одна.

Она позвонила в скорую, а потом опять оказалась в одиночестве. Ей предстояло вернуться к Мэтту, наверх.

8.

Сьюзан уставилась на лестничную клетку с трепетом, который изумил ее. И обнаружила — ей очень хочется, чтобы ничего не случилось. Не потому, что Мэтт пострадал, нет — чтобы не чувствовать болезненный страх и потрясение. Она абсолютно ничему не поверила. Восприятие Мэттом прошлой ночи виделось ей как нечто, определяемое в понятиях усвоенных ею реалий, ни больше, ни меньше. Теперь же это непоколебимое неверие ушло у Сьюзан из-под ног и она чувствовала, что падает.

Она слышала голос Мэтта, слышала жуткое невыразительное заклинание: *я позабочусь, чтобы ты, учитель, уснул как убитый.* В голосе, выговорившем это, человеческого было не больше, чем в собачьем лае.

Шаг за шагом Сьюзан принудила себя вернуться наверх. Даже горевший в коридоре свет не слишком-то помогал. Мэтт лежал там, где она его оставила, повернув голову набок, так, что правая щека прилегла к вытертому ворсу дорожки, и резко, надрывно дышал. Она нагнулась и расстегнула ему две верхних пуговки сорочки. Кажется, Мэтт задышал чуть свободнее. Потом она пошла в спальню для гостей за одеялом.

В комнате было прохладно, окно раскрыто настежь. На голой постели — только матрас, но на верхней полке шкафа лежала стопка одеял. Когда Сьюзан возвращалась в холл, на полу под окном что-то блеснуло в лунном свете. Она нагнулась поднять это и немедленно узнала. Колечко, какие носили в объединенном классе Камберлендской средней школы. Изнутри были выгравированы инициалы «М.К.Р.»

Майкл Кори Райерсон.

И на миг, в темноте, Сьюзан поверила. Поверила всему. К горлу подступил крик, который она задушила, не позволив облечься звуком, но кольцо выпало из пальцев девушки и легло на пол у окна, поблескивая в свете луны, оседлавшей осеннюю тьму.

Глава десятая

УДЕЛ (III)

1.

Город знал, что такое тьма.

Он знал, что такое тьма, спускающаяся на землю, когда вращение скрывает ее от солнца, и что такое тьма души человеческой. Город — это объединение трех составляющих, значащее больше, чем просто сумма частей. Город — это живущие в нем люди, здания, возведенные ими под жилье или для ведения дел, а еще — земля. Люди — англо-шотландцы и французы. Есть, конечно, и горстка других, напоминающая щепотку перца, брошенную в горшок с солью, где она никогда особенно не разваривалась. Почти все дома сделаны из простого дерева. Много двухэтажных старых домов с двускатными крышами, а едва ли не все магазины декорированы фальшивыми фасадами, хотя зачем, никто не скажет. Горожане знают, что за этими фальшивыми фасадами ничего нет, так же, как ни от кого не секрет, что Лоретта Старчер носит накладной бюст. Здешняя земля — гранитный массив, прикрытый тонким, легко разрушающимся слоем почвы. Возделывать ее — сущее безумие, дело неблагодарное, которое стоит фермеру многих мучений и пота. Борона выворачивает из-под дерна здоровенные куски гранита и ломается о них. В мае, как только земля просохнет настолько, что колеса перестают в ней вязнуть, вы приезжаете на своем грузовике и вместе с сыновьями раз, наверное, двенадцать загружаете кузов камнями — только тогда можно боронить. Камни отправляются в большую, опутанную травой кучу, как повелось аж с 1955 года, когда вы в первый раз взяли быка за рога. А натаскавшись так, что грязь навсегда забьется под ногти, пальцы же онемеют и начнут казаться огромными и до странности крупнопористыми, вы прицепите к трактору борону.

Не успеете вы взрыхлить и пару полосок, как одно из лезвий сломается о пропущенный камень. Чтобы поставить новое, вы заставляете старшего сына приподнять сцепление, чтоб до него можно было добраться, а первый комар нового сезона кровожадно звенит

над ухом, от тонкого зудения слезятся глаза, и в голову всегда приходит, что именно такой звук, должно быть, слышит псих непосредственно перед тем, как убить своих детей, сунуть голову в духовку и открыть газ или нажать большим пальцем ноги на курок двустволки тридцатого калибра, стволы которой только что впихнул себе в хавальник. Потом скользкие от пота пальцы вашего парнишки соскальзывают, и одно из неповрежденных круглых лезвий обдирает вам руку. Наступает тот момент бездушного отчаяния, когда оглядываешься по сторонам, не сомневаясь, что вот сейчас бросишь это занятие и запьешь, или же поедешь в банк, где лежат твои закладные, и объявишь себя банкротом. В такой вот миг ненависти к земле, к мягкому подсасыванию силы тяжести, которое удерживает на ней, ты и любишь ее тоже, ты понимаешь, что она знает и всегда знала тьму. Земля завладела тобой целиком и полностью, земля и женщина, в которую ты влюбился старшеклассником (только тогда она была девчонкой, а ты ни хрена не знал про них, знал только: каждый заводит себе девчонку и держится ее, а она исписала твоим именем обложки всех учебников, и сперва ты ее отшил, а потом она тебя, а потом вам обоим уже не приходилось беспокоиться о *такой* ерунде), и дети, зачатые на скрипучей двуспальной кровати с треснувшим деревянным изголовьем. После того, как спускалась тьма, вы с женой делали детей — шестерых, семерых, а то и десяток. Тебя держит в руках банк, держит в руках фирма, торгующая автомобилями, а еще — универмаг Сирса в Льюистоне и Джон Дири из Брюсуика. Но главным образом город держит тебя потому, что ты знаешь его так, как знаешь форму жениной груди. Тебе известно, кто будет околачиваться днем у магазина Кроссена, вылетев с работы из «Нэпп Шу», и узнаёшь, у кого с бабой непорядок даже раньше, чем *он сам* это поймет (как Реджи Сойер, у чьей жены, Бонни, ствол прочищает шомполом паренек из телефонной компании), ты знаешь, куда ведут дороги и где можно в пятницу после обеда стать на прикол с Хэнком и Нолли Гарднером, чтобы выпить пару упаковок, а то и пару ящиков пива. Ты знаешь, как лежит грунт и как в апреле пройти по Болотам, не замочив голенищ сапог. Ты знаешь город. А город знает тебя: и как болит промежность от сиденья в тракторе, когда вечером за-

кончишь боронить, и что шишка на твоей спине — всего-навсего киста и причин для беспокойства, как сперва намекал доктор, нету. Город знает, как у тебя не идут из головы пришедшие в последнюю неделю месяца счета. Он насквозь видит твое вранье, даже если врешь ты самому себе: например, будто собираешься не на этот год, так на следующий свозить жену с детьми в Диснейленд, или будто тебе по карману новый цветной телевизор, если осенью пустить часть леса на дрова... или что все будет нормально. Быть горожанином — ежедневный акт такого полного общения, что по сравнению с ним то, что ты проделываешь с женой в скрипучей кровати — просто рукопожатие. Быть горожанином — штука прозаическая, чувственная и затягивающая, как алкоголизм. В темноте город принадлежит тебе, а ты — городу, и вместе вы спите как убитые, ни дать ни взять камни с твоего северного поля. Здесь нет никакой жизни, кроме медленного умирания дней, а значит, когда на город обрушивается зло, его явление представляется без малого предопределенным и сладостным, как морфий. Все равно, как если бы город знал о грядущем зле и о том, какую форму оно примет.

У города есть свои секреты, и он умеет их хранить. Горожане всего этого не знают. Им известно, что жена старого Олби Крейна сбежала с заезжим торговцем из Нью-Йорк-сити... или они думают, что им это известно. Но, когда коммивояжер ни с того, ни с сего бросил ее, Олби раскроил ей череп, привязал к ногам груз и сбросил в старый колодец. Двадцать лет спустя Олби мирно умер в своей постели от сердечного приступа, так же, как умрет ближе к концу нашей истории его сын Джо. Может быть, однажды какой-нибудь пацан наткнется на старый колодец, спрятанный в заглушенных сорняками ползучих побегах ежевики, оторвет выбеленные и выглаженные непогодой доски и увидит на дне выложенной камнями ямы уставленные вверх пустые глазницы рассыпающегося остова, на чьи ребра будет свисать позеленевшее обомшелое ожерелье — подарок душки-коммивояжера.

Они знают, что Хьюби Марстен убил жену, однако остаются в неведении относительно того, *что* он сперва заставил ее сделать, *как* все происходило с четой Марстенов за несколько секунд до того, как Хьюби снес Берди голову в разогретой солнцем кухне, где в

горячем воздухе висел запах жимолости, подобный удушливой сладковатой вони незакрытой выгребной ямы. Они понятия не имеют, что она умоляла мужа убить ее.

Среди городских старух есть и такие (Мэйбл Уэртс, Глинис Мэйберри, Одри Херси), кто помнит, что Ларри Мак-Леод нашел в камине наверху какие-то сожженные бумаги, но никому из них невдомек ни что бумаги эти были накопившейся за двенадцать лет перепиской между Хьюбертом Марстеном и удивительно древним австрийским дворянином по фамилии Брайхен, ни что переписка этих двоих возникла благодаря услугам одного довольно странного торговца книгами из Бостона, который в тридцать третьем году погиб на редкость омерзительной смертью, ни что Хьюби прежде, чем повеситься, сжег все письма до единого, скармливая их пламени по одному и наблюдая, как огненные языки заставляют чернеть и обугливаться толстую кремовую бумагу, стирая изящный, паутинно-тонкий каллиграфический почерк. Они не знают, что Хьюби при этом улыбался — так, как теперь Ларри Крокетт улыбается над сказочными документами на владение землей, которые покоятся в его сейфе в портлендском банке.

Известно, что Коретта Саймонс, вдова старого Саймонса-Попрыгунчика, медленно и мучительно умирает от рака кишечника, но никто не знает, что за неряшливые обои гостиной старуха засунула больше тридцати тысяч наличными (страховка, которую она получила, да так ни во что и не стала вкладывать), а теперь, в своем последнем отчаянии, полностью позабыла про них.

Все знают, что в задымленном сентябре пятьдесят первого года пожар сожрал половину города, но откуда же узнаешь, что это был поджог и что устроивший его парнишка в пятьдесят третьем произнес на выпускном вечере прощальную речь от имени класса и отправился зарабатывать на Уолл-стрит сто тысяч. Но даже если бы об этом знали, никто не сумел бы выяснить, *что* толкнуло его на это или как все следующие двадцать лет жизни глодало его, пока закупорка мозгового сосуда не свела виновника пожара в могилу на сорок седьмом году жизни.

В городе понятия не имеют, что преподобный Джон Гроггинс иногда просыпается среди ночи от

ужасных сновидений, не теряющих своей живости под лысым черепом и после пробуждения. От сновидений, в которых он, голый и потный, читает проповедь собирающемуся по четвергам вечером «Кружку маленьких мисс, изучающих Библию», а они все готовы принять его,

или, что всю ту пятницу Флойд Тиббитс шатался по городу в болезненном угаре, чувствуя, как ненавистное солнце ложится на его странно бледную кожу, лишь смутно припоминая, что ходил к Энн Нортон, полностью позабыв свое нападение на Бена Мирса, но храня в памяти спокойную благодарность, с какой приветствовал закат — благодарность и ожидание чего-то великого и благотворного,

или, что у Хэла Гриффена в глубине шкафа спрятаны шесть «горяченьких» книжек, над которыми он дрочит при всяком удобном случае,

или, что Джордж Миддлер держит целый чемодан шелковых комбинаций, лифчиков, трусиков и чулок и что иногда он зашторивает все окна в своей квартире над скобяной лавкой, запирает дверь и на засов, и на цепочку, а потом стоит перед большим, в полный рост, зеркалом в спальне до тех пор, пока не начнет быстро коротко дышать — а тогда падает на колени и онанирует,

или, что когда Майк Райерсон внезапно затрясся на металлическом рабочем столе в подвале под мертвецкой, Карл Формен попытался закричать и не смог, а когда Майк открыл глаза и сел, застрявший у Карла в горле крик оказался невидимым и неслышным, как стекло,

или, что десятимесячный Рэнди Макдугалл даже не сопротивлялся, когда проскользнувший в окошко его спальни Дэнни Глик вынул малыша из кроватки и запустил зубы в шейку, с которой еще не сошли синяки от побоев матери.

Вот каковы городские секреты. Некоторые с течением времени станут достоянием гласности, некоторые — никогда. Все их городок хранит с лицом, в высшей степени непроницаемым.

Труды дьявола заботят город не больше, чем труды Господа или труды человеческие. Он познал тьму. И было ее довольно.

2.

Проснувшись, Сэнди Макдугалл поняла: что-то не так, но в чем дело, сказать не могла. Вторая половина постели пустовала — сегодня у Роя был выходной, и он отправился рыбачить с какими-то приятелями. Должно быть, вернется к полудню. Горелым ниоткуда не пахло. У нее ничего не болело. Ну, так что же?

Солнце. Солнце было не то.

Тень, которую отбрасывал росший под окном клен, танцевала высоко на обоях. Но Рэнди всегда будил ее раньше, чем солнце поднималось настолько, чтобы тень клена легла на стену...

Испуганный взгляд Сэнди перескочил на стоявшие на шкафу часы. Десять минут десятого.

В горле у Сэнди что-то затрепетало.

— Рэнди? — позвала она и стрелой кинулась по узкому коридорчику трейлера, а полы халата бились за спиной.— Рэнди, *миленький*?

Спальня купалась в свете, какой бывает, если солнце пробьет толщу воды — он шел из маленького окошка над кроваткой... открытого окошка. Но, ложась вечером спать, Сэнди его закрыла. Она всегда закрывала это окно.

Кроватка была пуста.

— Рэнди? — прошептала молодая женщина.

И увидела сына.

Маленькое тельце в застиранной пижамке было брошено в угол комнаты, как тряпка. Одна нога нелепо торчала кверху перевернутым восклицательным знаком.

— *Рэнди!*

Она упала возле тельца на колени. Потрясение избороздило лицо резкими линиями. Сэнди взяла ребенка на руки. На ощупь тельце было холодным.

— Рэнди, сладкий мой, просыпайся. Рэнди, Рэнди, проснись...

Синяки исчезли. Все до единого. За ночь они истаяли, оставив личико и тельце безупречными, хорошего цвета. Единственный раз после родов Сэнди сочла сынишку прекрасным, и при виде этой красоты пронзительно, страшно, безнадежно закричала.

— Рэнди! *Проснись!* Рэнди? Рэнди? Рэнди?

Не спуская малыша с рук, она поднялась и побежала назад по коридору. Халат сваливался с одного

плеча. На кухне в пятне утреннего солнца стоял неубранный высокий стульчик с полочкой, усыпанной крошками от вчерашнего ужина Рэнди. Она втиснула мальчика туда. Голова Рэнди упала на грудь, малыш заскользил на бок со страшной, не оставляющей надежды медлительностью и, скособочившись, привалился к высокому подлокотнику.

— Рэнди? — сказала Сэнди, улыбаясь, выкатив глаза, похожие на голубые мраморные шарики с изъяном, и похлопала малыша по щекам.— Просыпайся, Рэнди, ну-ка. Кушать, Рэнди. Хочешь ням-ням? Пожалуйста... о Господи, пожалуйста...

Она круто обернулась, рывком распахнула один из шкафчиков над плитой, запустила в него руку, порылась, и наружу посыпались: рис «Чекс», банка равиоли, бутылка масла «Вессон». Бутылка разлетелась вдребезги, залив густой жидкостью плиту и пол. Сэнди нашла маленькую банку шоколадно-молочного крема, а из сушилки выхватила пластиковую ложечку.

— Смотри, Рэнди. Твой любимый. Проснись, посмотри, какой вкусный крем. Шока, Рэнди. Шока, шока.— В глазах у Сэнди потемнело от нахлынувшей ярости и ужаса.— *Проснись!* — заорала она, и прозрачную кожу лба и щечек Рэнди усеяли бисеринки ее слюны.— *Проснись проснись ради Бога гаденыш маленький* ПРОСНИСЬ!

Она стащила с баночки крышку и набрала в ложку немного шоколадно-молочного крема. Рука, уже знающая правду, тряслась так, что почти все расплескала. Остатки Сэнди впихнула в маленький вялый ротик, и на полочку со страшным хлюпаньем упало еще несколько капель. Ложечка звякнула о зубы малыша.

— Рэнди,— взмолилась она.— Перестань дурачить мамку.

Протянув свободную руку, она согнутым пальцем открыла сынишке рот и втолкнула туда остатки крема.

— Во-от,— проговорила Сэнди Макдугалл. Ее губы тронула улыбка, неописуемая в своей безумной надежде. Сэнди устроилась на кухонной табуретке, медленно, мышца за мышцей, расслабляясь. Теперь все будет хорошо. Теперь Рэнди поймет, что мама любит его по-прежнему, и прекратит свои жестокие проделки.— Вкусно? — пробормотала она.— Вкусно, Рэнди? Ну, улыбнись мамочке. Кто у мамки холосый мальчик, кто ей улыбнется?

Протянув дрожащие пальцы, она подтолкнула уголки рта Рэнди кверху.

Шлеп. Шоколад вылился на полочку.

Сэнди зашлась криком.

3.

Субботним утром Тони Глик проснулся оттого, что его жена, Марджори, упала в гостиной.

— Марджи? — позвал он, спуская ноги на пол.— Мардж?

После долгой-долгой паузы она ответила:

— Со мной все в порядке, Тони.

Тони сидел на краю кровати, бессмысленно глядя себе под ноги. На нем были только полосатые пижамные штаны на шнурке, концы которого свисали между ног. Густые черные волосы, которые унаследовали оба сына Тони, были всклокочены. Все думали, что в Тони есть еврейская кровь, и ему часто приходило в голову, что людей сбивают с толку именно эти волосы, волосы даго. Фамилия его дедушки была Гликуччи. Когда кто-то сказал дедуле, что в Америке жить проще, если фамилия у тебя американская, что-нибудь звонкое и короткое, тот официально сменил ее на Глик, не отдавая себе отчета, что на самом деле меняет принадлежность к одному меньшинству на появление другого. Тело у Тони Глика было широкое, смуглое, с мощными буграми мышц. Лицо сохраняло изумленное выражение человека, которого пинком выбросили из бара, когда он собирался уйти сам.

Он взял на работе освобождение, и прошлую рабочую неделю много спал. Во сне то, что мучило Тони, исчезало. Снов он не видел. Ложился в семь тридцать, вставал в десять утра и в два часа дня укладывался вздремнуть до трех часов. Время, прожитое Тони с той сцены, какую он устроил на похоронах Дэнни, до сегодняшнего солнечного субботнего утра (без малого неделя) казалось окутанным дымкой и совершенно нереальным. Соседи все несли и несли еду. Овощное рагу, консервы, печенье и пирожки. Марджи сказала, что понятия не имеет, куда все это девать. Обоим не хотелось есть. В среду вечером Тони попытался заняться с женой любовью, и оба расплакались.

Марджи выглядела очень плохо. Сама она управ-

лялась с ситуацией, отдраивая дом от чердака до подвала, и делала это с маниакальным рвением, не оставляющим места никаким другим мыслям. Деньденьской гремели ведра и завывал пылесос, а в воздухе постоянно висел резкий запах нашатыря с лизолом. Все игрушки и всю одежду Марджори аккуратно упаковала в картонные коробки и отнесла в Армию спасения и универмаг «Гудвилл». Когда в четверг утром Тони вышел из спальни, все эти картонки выстроились в ряд под входной дверью, каждая с аккуратной наклейкой. Ничего страшнее этих немых картонок ему видеть не приходилось. Все ковры Марджори вытащила на задний двор, развесила на бельевых веревках и немилосердно выколотила пыль. Несмотря на то, что Тони плохо воспринимал окружающее, он заметил, как побледнела жена с прошлого вторника или среды — даже губы, кажется, утратили свой естественный цвет. Под глазами легли коричневые тени.

Все это пронеслось у Глика в голове куда быстрее, чем длился наш пересказ, и он уже был на грани того, чтобы снова завалиться в постель, но тут Марджори опять упала и не ответила на оклик Тони.

Он поднялся и прошлепал в гостиную. Там он увидел лежащую на полу жену, которая неглубоко дышала, не отрывая затуманенных глаз от потолка. Она занималась перестановкой мебели в гостиной, так что все было сдвинуто с мест и комната приобрела странный разъединенный вид.

Что бы ни было не в порядке с Марджори, за ночь ей стало хуже. Она выглядела так скверно, что сонную пелену Тони словно прорезали острым ножом. Марджори еще не переодевалась, и разошедшийся до середины бедер халат открыл мраморно-белые ноги. Весь загар, которым она покрылась за летнюю поездку на отдых, сошел. Рот судорожно хватал воздух, словно легкие Марджори не могли получить его вдоволь. Тони заметил, как странно выдаются у нее зубы, но ничего об этом не подумал — могло быть виновато освещение.

— Марджи? Милая?

Она попыталась ответить, но не сумела, и Тони пронизал неподдельный страх. Он встал, чтобы позвонить врачу, повернулся к телефону, и тут жена сказала:

— Нет... нет.— Резко хватая воздух, Марджори

повторила слово дважды, с трудом села, и ее хриплое дыхание заполнило весь молчащий, залитый солнцем дом.— Оттащи меня... помоги... солнце такое горячее...

Тони подошел к ней и поднял, потрясенный легкостью своей ноши. Казалось, женщина весит не больше вязанки хвороста.

— ... на диван...

Он уложил ее на диван, оперев спиной на подлокотник. Марджори оказалась за пределами солнечного квадрата, падавшего из окна на ковер, и ей как будто бы стало немного легче дышать. Она на секунду прикрыла глаза. Тони опять поразился белизне и гладкости зубов, создававшим контраст с губами, и испытал неодолимое желание поцеловать жену.

— Позволь, я вызову доктора,— сказал он.

— Нет. Мне лучше. Это солнце... такое жгучее. Вот мне и стало дурно. Сейчас лучше.— На щеки Марджори вернулась слабая краска.

— Точно?

— Да. Со мной все в порядке.

— Ты слишком много работаешь, милая.

— Да,— вяло согласилась она. Глаза смотрели безразлично.

Запустив пятерню в шевелюру, Тони подергал себя за волосы.

— Нам надо избавиться от этого, Марджи. Надо. Видишь ли...

Он замолчал, не желая обижать ее.

— Я выгляжу ужасно,— сказала она.— Я знаю. Вчера я собиралась спать и в ванной посмотрелась в зеркало. Меня там словно бы и не было. На минуту я...— Губы Марджори тронула улыбка.— Я подумала, что вижу сквозь себя ванну. Как будто от меня осталось всего ничего, и оно было таким... таким *бледным*...

— Я хочу, чтобы тебя посмотрел доктор Ридон.

Но она, казалось, не слышит.

— В последние три или четыре ночи мне снится такой чудесный сон, Тони. Такой всамделишный. Во сне ко мне приходит Дэнни. И говорит: «Мам, мамочка, я так рад, что вернулся домой!» И еще говорит... говорит...

— Что он говорит? — осторожно спросил Тони.

— Он говорит... что опять стал моим малышом. Моим сынулей, снова грудным. Я даю ему грудь и... а

потом приходит такое приятное чувство, в нем сквозит горечь... так же было перед тем, когда я отнимала Дэнни от груди, у него начинали резаться зубки и он бы кусался...ах, это, должно быть, звучит *ужасно.* Как одна из психиатрических штучек, знаешь?

— Нет,— сказал он.— Нет.

Тони опустился перед женой на колени, и она обвила руками его шею, слабо всхлипывая. Руки у Марджори были холодными.

— Прошу тебя, Тони, никаких докторов. Я сегодня буду отдыхать.

— Ну, хорошо,— ответил он. И ему стало не по себе от того, что он сдался.

— Это такой чудесный сон, Тони,— проговорила Марджори ему в шею. Движение ее губ, смягченная твердость зубов под ними оказались на удивление чувственными. У Тони началась эрекция.— Хоть бы сегодня опять его увидеть.

— Может, так оно и будет,— сказал он, гладя ее по голове.— Раз так, может, и увидишь.

4.

— Господи, да ты просто картинка,— сказал Бен.

На фоне больничного мира, состоящего из солидного белого и анемично-зеленого, Сьюзан Нортон действительно выглядела великолепно. На ней была ярко-желтая блузка в черную вертикальную полоску и синяя джинсовая мини-юбка.

— Ты тоже,— сказала она и перешла к нему через комнату.

Бен крепко поцеловал ее, рукой скользнув к теплому изгибу бедра и потирая его.

— Эй,— сказала Сьюзан, прерывая поцелуй.— Тебя за это отсюда выкинут.

— Только не меня.

— Нет, меня.

Они посмотрели друг на друга.

— Я люблю тебя, Бен.

— И я тебя люблю.

— Если б я сейчас могла забраться к тебе...

— Секундочку, дай, задерну занавеску.

— А как я буду объясняться с тутошними проверяльщиками, если придут искать марафет?

— Скажешь, что давала мне судно.

Сьюзан с улыбкой покачала головой и пододвинула стул.

— В городе многое произошло, Бен.

Слова девушки сразу же подействовали на Бена отрезвляюще.

— Например?

Она замялась.

— Просто не знаю, как тебе сказать... и что думать об этом. Мягко говоря, я в этом замешана.

— Ну, выкладывай, а я разберусь.

— А как ты, Бен?

— Лучше. Пустяки. Доктор Мэтта, малый по фамилии Коди...

— Нет. Я про голову. Насколько ты веришь в эту чушь в духе графа Дракулы?

— А, вон что. Мэтт тебе все рассказал?

— Мэтт здесь, в больнице. Этажом выше, в интенсивной терапии.

— *Что?* — Бен приподнялся на локтях.— Что с ним такое?

— Сердечный приступ.

— *Сердечный* приступ!

— Доктор Коди говорит, состояние стабильное. Числится Мэтт среди тяжелых, но это обязательно на первые сорок восемь часов. Когда это случилось, я была там.

— Расскажи все, что помнишь, Сьюзан.

Радость с лица Бена исчезла. Оно стало внимательным, напряженным, тонко прорисованным. Затерянный в белой палате среди белизны простыней и больничной рубашки, Бен опять поразил Сьюзан своим видом — видом человека, подведенного к некой грани взвинченности, готового, может быть, полезть на рожон.

— Ты не ответил на мой вопрос, Бен.

— Как я воспринял рассказ Мэтта?

— Да.

— Давай, я скажу тебе, что ты думаешь. Это и будет моим ответом. Ты думаешь, будто дом Марстена изъел мой рассудок настолько, что, изящно выражаясь, поехала моя собственная крыша. Это честная оценка?

— Наверное, да. Но я никогда не думала в таких... таких резких выражениях.

— Я знаю, Сьюзан. Позволь, я прослежу ход своих размышлений, если сумею. Вдруг это поможет разложить все по полочкам? По твоему лицу я могу сказать, что и тебя что-то отбросило на пару шагов. Правильно?

— Да... но я не верю, *я не могу*...

— Погоди минутку. Вот это слово — *не могу* — и мешает всему. На нем я и застрял. Это совершенное, проклятое, безапелляционное слово. *Не могу*. Сьюзан, я не поверил Мэтту, потому что на самом деле такого не бывает. Но как я ни рассматривал эту историю, нестыковки в ней найти не смог. Напрашивался самый очевидный вывод: Мэтт где-то съехал с рельсов. Верно?

— Да.

— Он показался тебе ненормальным?

— Нет. Нет, но...

— Стоп.— Бен поднял руку.— Ты думаешь категориями «не могу», да?

— Наверное,— сказала она.

— Вот и мне Мэтт не показался ни сумасшедшим, ни безрассудным. Кроме того, мы оба знаем, что ни мания преследования, ни паранойя не появляются за одну ночь Чтобы разрастись, им нужно некоторое время, нужен уход, тщательный полив и подкормка. Ты хоть раз слышала, чтобы в городе говорили, будто Мэтт не в своем уме? Мэтт хоть раз говорил, что у кого-то на него зуб? Он имел отношение хоть к одному сомнительному делу — например, к работе со фтором, который вызывает рак мозга, или к членству в Сыновьях Американских Патриотов, в НЛФ? Он хоть раз проявил преувеличенный интерес к спиритическим сеансам, астральным проекциям, переселению душ или чему-то подобному? Тебе известно, что его хотя бы один раз забирали?

— Нет,— ответила Сьюзан.— На все твои вопросы я отвечу «нет». Но, Бен... очень больно говорить, даже предполагать такое, про Мэтта, но бывает, люди сходят с ума очень незаметно. Сходят с ума внутри себя.

— Не думаю,— спокойно сказал Бен.— Существуют симптомы. Иногда их не прочесть до, но после — можно. Будь ты судьей, поверила бы ты свидетельским показаниям Мэтта относительно автомобильной аварии?

— Да...

— А если бы он сказал, что видел, как Майка Райерсона убил взломщик?

— Да, наверное, поверила бы.

— Но такому — нет.

— Бен, я просто не могу...

— Вот опять ты говоришь «не могу».— Он увидел, что Сьюзан готова возразить, и предостерегающе поднял руку.— Сьюзан, я не спорю. Я только излагаю ход своих рассуждений. Договорились?

— Договорились. Продолжай.

— Второе, о чем я подумал: все это Мэтту кто-то подстроил. Кто-то обиженный или питающий к нему злобу.

— Да, это мне тоже приходило в голову.

— Мэтт говорит, что у него нет врагов. Я ему верю.

— Враги есть у каждого.

— Существуют разные степени вражды. Не забывай самого главного: в середине этой заварушки торчит покойник. Если кто-то вознамерился досадить Мэтту, ему ради этого пришлось бы убить Майка Райерсона.

— Зачем?

— Поскольку без трупа во всей этой свистопляске мало смысла. И все-таки, если верить Мэтту, Майка он встретил чисто случайно. В прошлый вторник вечером никто не приводил его к Деллу — не было ни анонимных звонков, ни писем. Ничегошеньки. Одного того, что встреча произошла случайно, достаточно, чтобы исключить подстроенную ситуацию.

— Какие же разумные объяснения остаются?

— Что шум открываемого окошка, смех и сосущие звуки Мэтту приснились. А смерть Майка имеет неизвестную нам, но естественную причину.

— Во что ты тоже не веришь.

— Я не верю, что Мэтту приснилось, будто он слышит, как открывается окно. Окно открыли. А наружный ставень лежал на газоне — его заметил и я, и Паркинс Джиллеспи. Я заметил и кое-что еще. Мэтт повесил у себя ставни с задвижками — они запираются снаружи, не изнутри. Изнутри их не откроешь, вот разве просунешь в щель штопор или нож. Да и то придется постараться. Останутся следы. Я никаких следов не видел. И вот еще что: под этим окном земля была относительно рыхлой. Если захочешь снять ста-

вень на втором этаже, без стремянки не обойтись, а она тоже оставляет следы. Которых там не было. Вот что тревожит меня больше всего. Наружный ставень со второго этажа убрали, а никаких следов от лестницы под окном не осталось.

Они хмуро переглянулись.

Бен подвел итоги:

— Я все утро думал об этом. И чем больше думал, тем лучше выглядел рассказ Мэтта. Поэтому я рискнул, временно убрал подальше «*не могу*». А теперь расскажи мне, что вчера вечером произошло у Мэтта дома. Если окажется, что все это не стоит и выеденного яйца, я буду самым счастливым в мире человеком.

— Нет,— огорченно сказала Сьюзан.— Получится еще хуже. Он как раз закончил рассказывать мне про Майка Райерсона и сказал, что слышит: наверху кто-то есть. Он боялся, но пошел.— Теперь Сьюзан стиснула сложенные на коленях руки так, словно те могли улететь от нее.— Потом совсем недолго было тихо... а потом Мэтт что-то крикнул, он-де отменяет свое приглашение... что-то в этом роде. Потом... ну, правда, я не знаю, как...

— Не мучайся. Продолжай.

— Я думаю, кто-то — кто-то *другой* — словно бы зашипел. Раздался удар, как будто что-то упало.— Она мрачно взглянула на Бена.— А потом я услышала, как кто-то сказал: «*Я позабочусь, чтобы ты уснул мертвецким сном, учитель.*» Прямо слово в слово. А когда я попозже зашла туда взять одеяло для Мэтта, то нашла вот что.

Она вынула из кармана блузки кольцо и опустила Бену в ладонь.

Бен повертел его, потом поднес к окну, чтобы свет обозначил инициалы.

— М.К.Р. Майк Райерсон?

— Майк Кори Райерсон. Я его выронила, а потом заставила себя снова поднять. Я подумала, что ты, может быть, захочешь на него посмотреть. Или Мэтт. Пусть будет у тебя. Мне не нужно.

— И тебе от этого...?

— Плохо. Очень плохо.— Она дерзко вскинула голову.— Но, Бен, любой здравый рассудок противится такому. Я скорее поверю, что Мэтт умудрился убить Майка Райерсона и по личным причинам выдумал эту безумную историю с вампирами. Исхитрился сбро-

сить ставень. Пока я была внизу, устроил в комнате для гостей сеанс чревовещания, подложил колечко Майка...

— И организовал себе сердечный приступ, чтобы все это казалось более реальным,— сухо продолжил Бен.— Я еще не оставил надежды найти разумное объяснение, Сьюзан. Я очень надеюсь. Я молю Бога, честное слово. В кино чудовища до некоторой степени забавны, но думать, что они на самом деле бродят в ночи, вовсе не смешно. Бог с тобой, согласен, можно исхитриться сбросить ставень — просто цепляешь к крыше веревку, и дело в шляпе. Но пойдем дальше. Мэтт, можно сказать, ученый. Полагаю, существуют яды, вызывающие такие симптомы, как у Майка... может статься, неопределяющиеся яды. Конечно, в отравление поверить трудновато, поскольку Майк ел так мало...

— Это ты знаешь только со слов Мэтта,— заметила Сьюзан.

— Он не стал бы лгать. Он же знает: исследование содержимого желудка жертвы — важная часть любого вскрытия. А укол оставил бы след. Но, чтобы не тратить время на споры, давай считать это возможным. Кроме того, такой человек, как Мэтт, несомненно мог принять что-то для симуляции сердечного приступа. Но где же мотив?

Сьюзан беспомощно покачала головой.

— Даже если принять, что существует мотив, о котором мы и не подозреваем, зачем ему такие сложности и такая дикая история для прикрытия? Полагаю, Эллери Квин сумел бы как-нибудь это объяснить, но жизнь — не роман об Эллери Квине.

— Но это... то, другое... это же сумасшествие, Бен!

— Да, как и Хиросима.

— Перестанешь ты или нет! — неожиданно взвилась Сьюзан.— Перестань корчить из себя липового интеллектуала! Тебе это не идет! Мы говорим о сказках, плохих снах, психозах — называй как хочешь — ...

— Чушь,— сказал он.— Свяжи одно с другим. У нас под носом мир разваливается, а ты прицепилась к нескольким вампирам!

— Салимов Удел — мой город,— упрямо сказала она.— Если в нем что-то происходит, оно настоящее. А не какое-нибудь философское.

— Совершенно с тобой согласен,— сказал Бен, печально трогая пальцем повязку на голове.— А твой экс морду бьет грамотно, черт.

— Извини. С этой стороны я Флойда Тиббитса никогда не знала. Совершенно непонятно.

— Где он сейчас?

— В городской кутузке для пьяных. Паркинс Джиллеспи сказал маме, что должен бы отвезти его в округ, к шерифу Маккаслину, но думает погодить, посмотреть — вдруг ты предпочтешь штраф.

— Тебя это как-то задело?

— Совершенно никак,— твердо сказала Сьюзан.— Флойд к моей жизни отношения не имеет.

— Не нужен мне штраф.

Она подняла брови.

— Но я хочу с ним поговорить.

— Про нас?

— Про то, с чего это он явился ко мне в пальто, шляпе, темных очках и... резиновых перчатках.

— *Что?*

— Видишь ли,— сказал Бен,— светило солнце. Светило на него. И, по-моему, ему это не нравилось.

Они молча переглянулись. Похоже, тема была исчерпана.

5.

Когда Нолли принес Флойду из кафе «Экселлент» завтрак, Флойд спал глубоким сном. Нолли показалось, что разбудить его ради пары пережаренных Полиной Диккенс яиц и пяти, не то шести кусочков жирного бекона было бы нехорошо, поэтому Нолли сам распорядился в кабинете этим добром и кофе тоже выпил. Но, когда он принес Флойду обед, Флойд по-прежнему спал все в той же позе, и Нолли струхнул. Он поставил поднос на пол, подошел к камере и стукнул ложкой по прутьям решетки.

— Эй! Флойд! Хорош спать, я тебе принес обед.

Флойд не проснулся. Нолли вынул из кармана связку ключей, чтобы отпереть дверь камеры. Собравшись вставить ключ, он замялся. На прошлой неделе в «Пороховом дымке» писали про крутого парня, который притворялся больным, а потом кинулся на вертухая. Особо крутым Флойд Тиббитс Нолли никогда

не казался, но нельзя сказать, чтобы этого Мирса он убаюкал колыбельной песенкой.

Он медлил в нерешительности, с ложкой в одной руке и ключами — в другой: крупный мужчина, чьи белые рубахи с расстегнутым воротом к полудню жаркого дня неизменно оказывались украшенными кругами пота под мышками. Он играл подающим в бейсбольной команде, а по выходным отправлялся по барам, сунув в бумажник, прямо под карманный «Духовный календарь лютеранина», список всех борделей Портленда. Нолли был человеком дружелюбным, простаком по своей природе, он медленно реагировал и медленно выходил из себя. Обладая набором таких вовсе не пустячных достоинств, Нолли был не особенно скор на размышления, поэтому несколько минут простоял, раздумывая, как поступить, колотил по решетке ложкой, окликая Флойда, и ему страшно хотелось, чтобы тот пошевелился или всхрапнул. Только Нолли подумал, что лучше вызвать по рации начальство и получить указания, как из дверей участка раздался голос самого Паркинса:

— Какого черта ты тут делаешь, Нолли? Свиней скликаешь?

Нолли покраснел.

— Флойд не шевелится, Парк. Боюсь, как бы он не... ну, не приболел, понимаешь.

— Дак ты думаешь, коли колошматить по решетке этой чертовой ложкой, ему получшеет? — Паркинс прошел мимо него и отпер камеру.— Флойд? — он потряс Флойда за плечо.— С тобой все в п...

Флойд свалился с нар на пол.

— Ч-черт,— сказал Нолли.— Никак помер, а?

Но Паркинс, вероятно, не услышал. Он уставился себе под ноги, на бесхитростно-спокойное лицо Флойда. В голове у Нолли медленно забрезжило осознание того факта, что вид у Паркинса такой, будто он напуган до полусмерти.

— Чего стряслось, Парк?

— Ничего,— ответил Паркинс.— Только... пошлика отсюдова.

А потом, словно самому себе, добавил:

— Господи, лучше бы я его не трогал.

С разгорающимся ужасом Нолли поглядел на тело Флойда.

— Не спи,— сказал Паркинс.— Нам еще надо сходить за доктором.

6.

Около половины третьего Фрэнклин Боддин с Вирджилом Ратбаном подъехали к сколоченным из штакетника воротам, которыми в двух милях за кладбищем Хармони Хилл заканчивалась развилка Бернс-роуд. Они приехали в грузовике Фрэнклина, шевроле пятьдесят седьмого года выпуска. Тогда, в первый год второго срока Айка, это средство передвижения было цвета слоновой кости, но теперь эта благородная окраска превратилась в мешанину говенно-коричневого и красного, в который грузовик перекрашивали еще раньше. Кузов грузовика заполняло то, что Фрэнклин называл «говнюшки». Примерно раз в месяц они с Вирджилом вывозили груз «говнюшек» на свалку. Упомянутые «говнюшки» по большей части были пустыми бутылками из-под пива, пустыми банками из-под пива, пустыми полубочонками, пустыми винными бутылками и пустыми бутылками из-под водки «Попов».

— Закрыто,— сказал Фрэнклин Боддин, щурясь, чтобы прочесть прибитую к воротам табличку.— Ну, искупай меня в дерьме! — Он сделал большой глоток из бутылки с «Доусонз», уютно пристроенной между ног, и утер губы рукавом.— Сегодня суббота, так?

— Ясное дело,— отозвался Вирджил Ратбан, понятия не имевший, суббота нынче или вторник. Он так упился, что даже не был уверен, какой на дворе месяц.

— А по субботам свалку не закрывают, так? — спросил Фрэнклин. Табличка была только одна, но он видел три. Фрэнклин опять прищурился. На всех трех было написано «Закрыто». Краска была трамвайно-красной и, несомненно, происходила из жестянки, стоящей за дверью хибарки сторожа, Дада Роджерса.

— Сроду не закрывали по субботам,— сказал Вирджил. Он размашисто поднес к губам свою бутылку с пивом, и оно выплеснулось ему на плечо.— Господи, а ведь верно!

— Закрыто,— с нарастающим раздражением повторил Фрэнклин.— А сукин сын уперся куда-то зенки наливать. Я ему закрою.— Он рывком переключил передачу на первую и пнул сцепление. Пиво в зажатой между ног бутылке вспенилось и убежало Фрэнку на штаны.

— Разворачивай, Фрэнклин! — крикнул Вирджил и, когда грузовик с треском врезался в ворота, вышибив их на замусоренную консервными банками обочину дороги, протяжно рыгнул. Грузовик бешено подскакивал на изношенных рессорах. Из кузова летели и бились вдребезги бутылки. В воздух поднялась кружащая волна орущих чаек.

В четверти мили от ворот развилка Бернс-роуд (ныне известная как Помойная дорога) заканчивалась расширяющейся пустошью — это и была свалка. Густой ольшаник и заросли тесно жмущихся друг к дружке кленов расступались, открывая взору огромную ровную земляную площадку, изборожденную и изрезанную колеями от постоянного использования бульдозера, который сейчас стоял у хибарки Дада. Ровная площадка граничила с гравийным карьером, куда в настоящее время и скидывали мусор. Хлам и тряпье уходили к горизонту гигантскими дюнами в блеске бутылочного стекла и алюминия консервных банок.

— Похоже, горбатый засранец, будь он проклят, тут не разгребал и не жег целую неделю,— сказал Фрэнклин. Он обеими ногами надавил на педаль тормоза, которая с механическим визгом утонула до полу кабины. Вскоре грузовик остановился.— Небось, лежит в лежку.

— Вот уж не знал, что Дад много пьет,— заметил Вирджил, выкидывая в окно пустую бутылку и вытаскивая из коричневого пакета на полу новую. Он открыл ее о замок на дверце, и взбаламученное тряской пиво, булькая, вылилось ему на руку.

— Все горбуны такие,— мудро сообщил Фрэнклин. Он сплюнул в окошко, обнаружил, что оно закрыто, и обтер тусклое исцарапанное стекло рукавом рубахи.— Пошли, глянем на него. Может, это неспроста.

Он сделал задним ходом извилистый круг, остановился так, чтобы откидной бортик навис над последним скоплением собранных в Уделе отбросов, и выключил зажигание. И вдруг на них навалилась тишина. Полная тишина. Только чайки кричали, не умолкая.

— Глянь, как *тихо*,— пробурчал Вирджил.

Они вылезли из грузовика и обошли его. Фрэнклин отцепил S-образные застежки, удерживавшие откидной борт, и тот с треском упал. Кормившиеся на дальнем конце свалки чайки, бранясь и жалуясь, тучей поднялись в воздух.

Фрэнклин с Вирджилом без единого слова забрались в кузов и принялись сгружать «говнюшки». Зеленые пластиковые пакеты, крутясь, пролетали в воздухе и лопались, ударяясь о землю. Работа была привычной. Ту часть городской жизни, которую представляли эти двое, видели (или дали себе труд заметить) от силы несколько туристов: во-первых, по негласному уговору город игнорировал эту пару, а во-вторых, она выработала собственную защитную окраску. Встретив на дороге грузовик Фрэнклина, вы забывали о нем в ту же секунду, как он исчезал из зеркальца заднего вида. Если вам случайно попадалась на глаза их хибарка, из жестяной трубы которой в белое ноябрьское небо поднималась карандашная линия дыма, вы смотрели на нее — и не видели. Встретив выходящего из камберлендского «зеленого фронта» Вирджила с бутылкой благотворительной водки в коричневом пакете, вы бросали «Привет!», а потом не могли припомнить, с кем это заговорили. Лицо казалось знакомым, но имя ускользало из памяти, и все. Фрэнклин был братом Дерека Боддина, отца Ричи (впоследствии — низложенного короля начальной школы на Стэнли-стрит), но Дерек почти забыл, что Фрэнклин еще жив и в городе.

Он превзошел «паршивую овцу» — он стал абсолютно никаким.

Сейчас, опустошив кузов грузовика, Фрэнклин пинком вышвырнул последнюю жестянку — *клинк! клинк!* — и подтянул зеленые рабочие штаны.

— Пошли, глянем на Дада,— сказал он.

Они слезли вниз, и Вирджил, наступив на собственный шнурок, с размаху уселся на землю.

— Гос-споди, и вполовину не могут сделать, как надо,— невразумительно пробурчал он.

Они прошли на другую сторону свалки, к толевой лачуге Дада. Дверь была закрыта.

— Дад! — гаркнул Фрэнклин.— Эй, Дад Роджерс! — Он грохнул кулаком в дверь, и вся лачуга содрогнулась. Крючок, удерживавший дверь изнутри, сломался, и она распахнулась. Хибарка была пуста, но вся пропиталась тошнотворно-сладким запахом, который заставил их переглянуться и скривиться — а ведь это были ветераны пивнушек, где мерзких запахов хоть пруд пруди. Вонь мимолетно напомнила Фрэнклину маринованные огурцы, пролежавшие в

темном глиняном кувшине много лет, так что сочащаяся из них жидкость стала белой.

— Сукин сын,— сказал Вирджил.— Хлеще гангрены.

И тем не менее в хибарке было прибрано. Сменная рубашка Дада висела на крючке над кроватью, занозистый кухонный стул был придвинут к столу, а койка — заправлена по-армейски. На сложенной газете за дверью стояла банка красной краски со свежими потеками на боках.

— Пошли отсюда, а то блевану,— сказал Вирджил. Его лицо стало зеленоватым.

Фрэнклин, которому было не лучше, попятился и закрыл дверь.

Они осмотрели свалку, пустынную и бесплодную, как лунные горы.

— Его тут нету,— заметил Фрэнклин.— В лесу где-то валяется.

— Фрэнк?

— Чего,— коротко откликнулся Фрэнклин, который был вне себя.

— Дверь-то была закрыта изнутри. Ежели его там нету, как он вышел?

Озадаченный Фрэнклин обернулся и осмотрел хибарку. *Через окно*, начал было он, и осекся. Окно оказалось всего-навсего прорезанным в толе квадратиком, который прикрывал кусок пластика. В такое маленькое окошко Даду было не протиснуться — с горбом-то на спине!

— Твое какое дело,— грубо ответил Фрэнклин.— Не хочет делиться — пошел на хер. Давай отсюдова.

Они вернулись к грузовику, и Фрэнклин ощутил, как сквозь защитную оболочку хмеля медленно просачивается, наползает ощущение, которое позже он не вспомнит и не захочет вспоминать: здесь что-то пошло жутко наперекосяк. Как будто у свалки появилось сердце, бьющееся медленно, но с ужасающей жизненной силой. Фрэнклину внезапно захотелось очень быстро убраться отсюда.

— Чтой-то я не вижу крыс,— вдруг сказал Вирджил.

И немудрено: на свалке были только чайки. Фрэнклин попытался вспомнить, когда это он привозил «говнюшки» на свалку и не видел крыс.

И не сумел.

Что ему тоже не понравилось.

— Не иначе, он отраву раскидал, а, Фрэнк?

— Давай, двигай,— сказал Фрэнклин.— Свалива-ем отсюдова к чертовой матери.

7.

После ужина Бену позволили сходить наверх, навестить Мэтта Бэрка. Визит оказался коротким: Мэтт спал. Кислородную подушку уже убрали, и старшая сестра сказала Бену, что завтра утром Мэтт почти наверняка проснется и будет в состоянии недолго принимать посетителей.

Бен подумал, что лицо учителя выглядит изможденным и чудовищно состарившимся. Мэтт впервые показался ему стариком. Из больничной распашонки выглядывала дряблая шея, учитель лежал неподвижно и казался ранимым, беззащитным. «Если все это правда,— подумал Бен,— не ждите от этих людей никаких одолжений, Мэтт. Если все это правда, тогда, значит, мы в цитадели неверия, где с кошмарами расправляются лизолом и скальпелем, а не кольями, Библией и диким горным тимьяном. Здесь счастливы своими бригадами реаниматоров, своими шприцами и кружками Эсмарха, заполненными сульфатом бария. Если в колонне истины есть дыра, тут этого не знают и не хотят знать.»

Бен прошел к изголовью кровати и осторожно повернул голову Мэтта. На шее никаких отметин не было: безупречная кожа. Он помедлил еще минуту, потом подошел к шкафу и открыл его. Там висела одежда Мэтта, а изнутри на ручке — распятие, которое было на учителе, когда к нему пришла Сьюзан. Оно свисало с филигранной цепочки, мягко блестевшей в приглушенном освещении палаты. Бен отнес распятие к кровати и надел Мэтту на шею.

— Эй, эй, что это вы делаете?

В палату с кувшином воды и судном, отверстие которого было благопристойно прикрыто полотенцем, вошла сиделка.

— Надеваю ему на шею крест,— сказал Бен.

— Он католик?

— Теперь — да,— мрачно ответил Бен.

8.

Спустился вечер. У дверей черного хода дома Сойеров на Дип-Кат-роуд тихонько и быстро постучали. Бонни Сойер, едва заметно улыбаясь, отправилась открывать. На ней был только короткий гофрированный передник, подвязанный к талии. Когда она отворила, Кори Брайант вытаращил глаза, а челюсть у него отвалилась.

— Бо...— сказал он.— Б... Бо... Бонни?

— Что такое, Кори? — Бонни не без задней мысли оперлась рукой о косяк, так, чтобы выставить обнаженную грудь самым аппетитным образом. Одновременно она скромно скрестила ноги, красуясь ими перед Кори.

— Бог ты мой, Бонни, а что, если бы это был...

— Телефонный мастер? — спросила она и хихикнула. Она взяла ладонь Кори и приложила к твердой плоти своей правой груди.— Хотите снять показания моего счетчика?

Со стоном, в котором звучала нота отчаяния (в третий раз уходящий под воду утопающий ухватился вместо соломинки за молочную железу), Кори притянул ее к себе. Ягодицы Бонни легли ему в ладони, а стиснутый их телами накрахмаленный фартучек коротко хрустнул.

— Ах, батюшки,— сказала Бонни, извиваясь подле него.— Вы проверите мою телефонную трубку, Мистер Телефонщик? Я весь день жду важного звонка...

Кори подхватил ее на руки и пинком захлопнул за собой дверь. Указывать ему дорогу в спальню не требовалось — он знал, куда идти.

— Ты уверена, что он не вернется домой? — спросил Кори.

Глаза Бонни светились в темноте.

— Что? О ком это вы, Мистер Телефонщик? Не о моем ли красавчике-муженьке?.. Он в Бэрлингтоне... в Вермонте.

Он положил ее поперек кровати. Ноги Бонни свисали с края.

— Включи свет,— сказала она неожиданно медленным и тяжелым голосом.— Я хочу видеть, что ты делаешь.

Он включил лампу на ночном столике и посмотрел вниз, на Бонни.

Фартук сбился на сторону. Глаза под тяжелыми

веками были теплыми, зрачки — большими и блестящими.

— Сними-ка это,— он показал на фартук.

— Сам сними,— ответила она.— Можете просчитать узлы, Мистер Телефонщик.

Кори послушно нагнулся. При Бонни он всегда чувствовал себя пацаном, у которого пересохло во рту, и каждый раз, как руки Кори оказывались вблизи ее тела, они начинали трястись, словно Бонни выделяла в окружающий воздух мощные токи. Теперь Кори постоянно думал о ней. Она застряла в мыслях паренька, как болячка на внутренней стороне щеки, которую постоянно ощупываешь и проверяешь языком. Бонни даже проносилась через его сны — золотистая кожа, возбуждавшая, как большая доза анаши. Изобретательность Бонни не знала границ.

— Нет, на колени,— сказала она.— Стань для меня на колени.

Кори неуклюже упал на колени и подполз к ней, пытаясь дотянуться до завязок передника. Бонни поставила ему на плечи ноги, обутые в туфли на высоком каблуке. Он нагнулся, чтобы поцеловать внутреннюю поверхность ее бедра — тело под его губами оказалось твердым и чуть теплым.

— Вот так, Кори, вот так, давай, да...

— Да-а, здорово придумано, верно?

Бонни Сойер взвизгнула.

Кори Брайант поднял глаза, смущенно моргая.

В проеме дверей спальни к косяку привалился Реджи Сойер.

Через руку свисала переломленная двустволка, стволы смотрели в пол.

Кори почувствовал, как по ногам потекло что-то теплое.

— Стало быть, это правда,— изумленно сказал Реджи. Он перешагнул порог. На губах играла улыбка.— Как вам нравится? Я проиграл этому пьянчуге Мики Сильвестру ящик «Будвейзера». Черт.

Бонни первая обрела дар речи.

— Реджи, послушай. Это вовсе не то, что ты думаешь. Он вломился в дом, он был как ненормальный, он, он...

— Заткнись... — Реджи по-прежнему улыбался. Улыбка была нежной, а Реджи — очень крупным. В том самом костюме стального цвета, который был на нем

пару часов назад, когда Бонни поцеловала его на прощанье.

— Послушайте,— слабо выговорил Кори. Рот у него был полон слюны.— Прошу вас. Пожалуйста, не убивайте меня. Даже если я того заслуживаю. Вы же не хотите пойти за решетку. Ну, не за это же. Излупите меня, я сам напросился, но пожалуйста...

— Подымайся-ка с коленок, Перри Мейсон,— сказал Реджи Сойер, по-прежнему ласково улыбаясь.— У тебя штаны расстегнуты.

— Послушайте, мистер Сойер...

— Да зови ты меня Реджи,— ласково улыбался Реджи.— Мы ж почти что лучшие друзья. Я ж тебя даже в самой грязной ситуевине видал, разве не так?

— *Реджи, это не то, что ты думаешь, он меня изнасиловал...*

Реджи взглянул на жену с ласковой, доброй улыбкой.

— Еще слово скажешь, я впихну тебе внутрь *вот это* и устрою специальную авиапочту.

Бонни принялась стонать. Лицо стало мучнисто-белым.

— Мистер Сойер... Реджи...

— Тебя Брайант звать, верно? Твой папаша — Пит Брайант, так, что ли?

Голова Кори бешено запрыгала в знак согласия.

— Да, правильно. Совершенно верно. Послушайте...

— Когда я шоферил у Джима Веббера, то не раз продавал ему второй бензин,— сказал Реджи, с улыбкой пускаясь в сложные воспоминания.— Было это лет за пять до того, как я тут встретил эту суку. Твой папаша знает, что ты здесь?

— Нет, сэр, это разобьет ему сердце. Можете сделать из меня отбивную, я сам напросился, но если вы меня убьете, папа узнает, и, честное слово, это сведет его в могилу, а тогда на вашей совести будет две...

— Нет, держу пари, старик не знает. Ну-ка, вали в гостиную сию же минуту. Надо поговорить. Давай.— Он ласково улыбнулся Кори, показывая, что не собирается обижать его, после чего быстро перевел взгляд на Бонни, не сводившую с него вытаращенных глаз.— А ты, кошечка, оставайся тут, или тебе никогда не узнать, как прошел дебют «Тайной Бури». Пошли, Брайант,— он шевельнул ружьем.

Конвоируемый Реджи Кори, которого немного ша-

тало, проследовал в гостиную. Ноги стали резиновыми. Дико зачесалась точка между лопатками. «Вот туда он пулю и вгонит,— думал Кори,— точнехонько промеж лопаток. Интересно, увижу я, как мои кишки шмякнутся об стенку или сдохну раньше...»

— Кру-гом! — скомандовал Реджи.

Кори развернулся. Он уже распустил нюни. Плакать он не хотел, но, похоже, поделать с собой ничего не мог. Он считал, что неважно, плачет он или нет, ведь он уже обмочился.

Ружье, до сих пор небрежно болтавшееся на руке Реджи, смотрело сдвоенными стволами прямо в лицо Кори.

Зияющие дыры-близнецы разверзлись и превратились в бездонные колодцы.

— Знаешь, чем ты занимался? — спросил Реджи. Улыбка пропала. Лицо стало очень серьезным.

Кори не ответил (вопрос был глупым), однако плакать не перестал.

— Ты спал с чужой женой, Кори. Ты ведь Кори?

Кори кивнул. По щекам катились слезы.

— А знаешь, что бывает с такими хмырями, когда их поймают?

Кори кивнул.

— Берись-ка за ствол ружья, Кори. Только полегче. Чтоб соскочить, курку надо пять фунтов, а три на нем уже есть. Так что прикинься, будто это... о! прикинься, будто хватаешь титьку моей жены.

Протянув трясущуюся руку, Кори положил ее на ствол ружья. Металл холодил разгоряченную ладонь. Из горла Кори вырвался долгий мучительный стон. Больше ничего не оставалось. С мольбами было покончено.

— Суй в рот, Кори. Оба ствола. Вот так, правильно. Легче!.. нормалек. Да, пасть у тебя подходящая. Засунь-ка поглубже. Ты ж у нас все знаешь про то, как засовывать, разве не так?

Кори разинул рот так, что шире некуда. Реджи втолкнул ему ружейные стволы до самого нёба, и пришедший в ужас желудок попытался освободиться от своего содержимого.

Сталь оставляла на зубах маслянистый привкус.

— Закрой глазки, Кори.

Кори только таращил на своего мучителя большие, как блюдца, плывущие глаза.

— Ну, Кори, детка, закрой свои голубенькие глазки.

Кори зажмурился. Его сфинктер расслабился. Он сознавал это лишь смутно. Реджи взвел оба курка. Двойное *клик-клак* — бойки упали на пустые патронники. Кори повалился на пол в глубоком обмороке. Реджи с ласковой улыбкой взглянул на него сверху вниз, потом перевернул ружье прикладом вверх. И развернулся в сторону спальни.

— Бонни, я иду, готова ты или нет.

Бонни Сойер принялась визжать.

9.

Кори Брайант, спотыкаясь, брел по Дип-Кат-роуд туда, где оставил фургон телефонной компании. От Кори воняло. Налитые кровью глаза остекленели. На затылке, там, где он ударился об пол, потеряв сознание, была здоровенная шишка. Башмаки шаркали по мягкой обочине дороги. Кори старался думать только об этом шарканье, больше ни о чем, и особенно гнал от себя мысли о внезапном и полном крушении своей жизни. Была четверть девятого.

Выкидывая Кори через черный ход, Реджи Сойер продолжал ласково улыбаться. Контрапунктом к его словам из спальни доносились беспрерывные мучительные всхлипы Бонни.

— Теперь будь умницей: вали на дорогу. Садись в свой грузовик и возвращайся в город. Без четверти десять там бывает автобус, который идет из Льюистона в Бостон, а из Бостона можно добраться автобусом куда хошь. Автобус этот останавливается у Спенсера. Сядешь на него. Потому как если я еще хоть раз тебя увижу — порешу. А с ней все будет в порядке. Она получила хорошую трепку. Пару недель придется поносить портки и кофты с длинным рукавом, но рожу я не тронул. А ты давай катись из Салимова Удела, пока не отчистился и не начал думать, что опять мужик.

И вот теперь Кори шагал по дороге, готовый выполнить приказ Реджи. Из Бостона можно будет поехать на юг... В банке у Кори лежало чуть больше тысячи долларов. Мать всегда говорила про него: Кори — бережливая душа. Он сможет перевести себе

деньги, жить на них, пока не найдет работу и примется за многолетний труд позабыть сегодняшний вечер — вкус ружейного ствола, запах собственного дерьма, болтающегося в брюках.

— Здравствуйте, мистер Брайант.

Кори сдавленно вскрикнул и безумными глазами уставился в темноту, в первый миг ничего не увидев. В деревьях гулял ветер, заставляя тени на дороге плясать и прыгать. Вдруг взгляд Кори выделил среди них более густую тень, стоявшую возле каменной ограды, отделявшей дорогу от дальнего пастбища Карла Смита. Тень напоминала очертаниями человека, но было что-то... что-то...

— Кто вы?

— Друг, который многое видит, мистер Брайант.

Силуэт шевельнулся и вышел из тени. В слабом свете Кори увидел мужчину средних лет, черноусого, с глубокими яркими глазами.

— С вами дурно обошлись, мистер Брайант.

— Откуда вам знать про мои дела?

— Я знаю очень многое. Знать — моя работа. Курите?

— Спасибо.— Кори с благодарностью принял предложенную сигарету и сунул в рот. Незнакомец чиркнул спичкой, и в ее слабом свете стали видны высокие славянские скулы, бледный костистый лоб и зачесанные назад темные волосы. Потом огонек погас, и Кори затянулся едким дымом. Сигарета оказалась из тех, что делают даго, но лучше такая, чем никакой. Он начал понемножку успокаиваться.

— Кто вы? — переспросил он.

На удивление глубокий и объемный смех незнакомца легкий ветерок унес так, словно это был дым от сигареты Кори.

— Имена! — сказал незнакомец.— Ах, как американцы настойчивы относительно имен! «Давайте, я продам вам авто, ведь я — Билл Смит!» «Ешьте у такого-то!» «Смотрите по телевизору сякого-то!» Меня зовут Барлоу, если вам от этого легче.— И он опять расхохотался, а глаза сияли и мерцали. Кори почувствовал, как и на его собственные губы выползает улыбка, и едва сумел в это поверить. Неприятности показались такими далекими, неважными по сравнению с иронией и добродушием этих темных глаз.

— Вы иностранец, да? — спросил Кори.

— Я жил во многих странах, но эта страна для меня... этот город... они кажутся полными чужеземцев. Понимаете,— Он опять разразился звучным ликующим смехом, а Кори обнаружил, что на этот раз и сам присоединился к нему — из горла неудержимо рвался визгливый от запоздалой истерии смешок.— Чужеземцев,— резюмировал Барлоу.— Но прекрасных, привлекательных, полнокровных, полных жизни и бьющей через край живости. Знаете ли вы, как хороши жители вашего города и вашей страны, мистер Брайант?

Слегка смущенный Кори только хихикнул, однако глаз от лица иностранца не отвел. Оно приковало его взгляд.

— Люди этой страны никогда не знали ни голода, ни нужды — лишь их весьма отдаленное подобие, да и то с тех пор сменилось уже два поколения. Они думают, будто познали печаль, но это — печаль дитяти, уронившего в день рождения мороженое на траву. В них нету... как это по-английски?.. истощенности. Они с огромной энергией проливают кровь друг дружки. Вы верите? Вы понимаете?

— Да,— отозвался Кори. В глазах незнакомца он видел множество разнообразных вещей, и все они были чудесны.

— Ваша страна — изумительный парадокс. Когда в других странах человек день за днем ест до отвала, он становится жирным... сонным... похожим на свинью. Но в этой стране... кажется, чем больше вы получаете, тем агрессивнее становитесь. Понимаете? Как мистер Сойер. У него так много всего — и все же он пожалел вам несколько крошек со своего стола. Опять-таки, как ребенок на дне рождения, который будет отпихивать другого малыша даже, если самому больше не съесть. Разве не так?

— Да,— сказал Кори. Глаза Барлоу были такими большими, такими понимающими. Все это дело...

— Все это дело перспективы, правда?

— Да! — воскликнул Кори. Этот человек отыскал верное, точное, идеальное слово. Незаметно выпавшая из пальцев сигарета тлела на дороге.

— Я мог бы обойти такую сельскую общину, как ваша,— задумчиво проговорил незнакомец.— Мог бы отправиться в один из ваших больших, перенаселенных городов. Ба! — Он неожиданно выпрямился, блеснув глазами.— Что я знаю о больших городах?

Меня переедет конка, когда я буду переходить улицу! Я задохнусь в отвратительном воздухе! Мне придется общаться с хитрыми тупыми дилетантами, намерения которых по отношению ко мне... как бы выразиться? враждебны?.. да, враждебны. Как может бедный сельский житель вроде меня иметь дело с ложными искусами большого города... даже если этот город — американский? Нет! Нет и нет! Я *плюю* на ваши крупные города!

— О, да! — прошептал Кори.

— И вот я приехал сюда, в город, о котором впервые услышал от умнейшего человека, бывшего здешнего жителя, теперь, к моему прискорбию, покойного. Народ тут по-прежнему богат и полнокровен, народ полон агрессии и темных страстей, столь необходимых для... в английском этому названия нет. *Поколов... вурдалаков... айяликов*. Вы понимаете?

— Да,— прошептал Кори.

— Горожане не отгородились бетоном и цементом от жизненной силы, которой поит их мать-земля. Их руки погружены прямо в воды жизни. Они вырывают жизнь из земли трепещущую, с корнем! Разве я не прав?

— *Да!*

Незнакомец добродушно хохотнул и положил ладонь Кори на плечо.

— Вы умница. Прекрасный, сильный юноша. Не думаю, что вам хочется покидать такой прекрасный город. А?

— Нет...— прошептал Кори, но внезапно исполнился сомнений. Возвращался страх. Но это, разумеется, не имело значения. Этот человек не позволит коснуться Кори никакому злу.

— А значит, и не покинете. Никогда.

Пока голова Барлоу склонялась к Кори, тот стоял и дрожал, приросши к месту.

— И вы еще отомстите тем, кто насыщается в то время, как прочие жаждут.

Кори Брайант утонул в великой реке забвения, и рекой этой было время, а воды ее были красны.

10.

Когда субботним вечером на столике у кровати Бена зазвонил телефон, было девять часов и по привин-

ченному к стене больничному телевизору шел вечерний фильм. Звонила Сьюзан. Она едва справлялась со своим голосом.

— Бен, умер Флойд Тиббитс. Умер у себя в камере вчера вечером... не знаю, во сколько. Доктор Коди говорит, от острой анемии, но я же *гуляла* с Флойдом! У него было повышенное давление, его и в армию из-за этого не взяли!

— Помедленней,— сказал Бен, садясь.

— Это еще не все. Семья Макдугаллов с Поворота. Там умер маленький ребенок, десятимесячный. Миссис Макдугалл забрали в сумасшедший дом.

— Ты не слышала, от чего умер ребенок?

— Мама сказала, миссис Ивэнс услышала крики Сандры Макдугалл и пошла туда, и старого доктора Плоумена вызвала тоже миссис Ивэнс. Плоумен ничего не сказал, но миссис Ивэнс рассказывала маме, что с виду мальчик был в полном порядке, вот только мертвый.

— А чокнутые — мы с Мэттом — оба случайно оказались вне города и вне событий,— сказал Бен, больше себе, чем Сьюзан.— Можно подумать, по чьему-то умыслу.

— Это еще тоже не все.

— Что?

— Пропал Карл Формен. И тело Майка Райерсона.

Бен услышал собственный голос:

— Думаю, так оно и есть. Должно быть так. Завтра вытряхиваюсь отсюда.

— А тебя отпустят так скоро?

— А кто их будет спрашивать.— Эти слова он выговорил рассеянно, мысли уже были заняты другим.— У тебя есть распятие?

— У меня? — в голосе Сьюзан прозвучали изумление и нотка веселья.— Елки, нет.

— Сьюзан, я не шучу. Я никогда еще не говорил так серьезно. Ты можешь прямо сейчас где-нибудь достать распятие?

— Ну, я могла бы сходить к Мэри Боддин...

— Нет. На улицу не выходи. Сиди дома. Сделай крест сама, хотя бы просто склей две палочки. И положи возле своей кровати.

— Бен, я все еще не верю в это. Маньяк... может быть, кто-то, кто *думает*, что он вампир, но...

— Верь во что хочешь, но крест сделай.

— Но...

— Сделаешь? Хотя бы просто для того, чтобы не раздражать меня?

Неохотное:

— Да, Бен.

— Можешь завтра прийти в больницу часам к девяти?

— Да.

— Хорошо. Сходим наверх, порадуем Мэтта вместе. А потом поговорим с доктором Джеймсом Коди.

Сьюзан сказала:

— Он подумает, что ты не в себе, Бен. Ты что, не понимаешь?

— Понимаю, наверное. Но после заката все это кажется более реальным, правда?

— Да,— тихо сказала Сьюзан.— Господи, да.

Бен безо всяких причин подумал о Миранде и ее гибели: мотоцикл попадает на сырое пятно, его заносит, крик Миранды, собственная скотская паника и растущий борт грузовика, на который их несет боком...

— Сьюзан?

— Да.

— Будь очень осторожна. Пожалуйста.

Когда Сьюзан повесила трубку, Бен опустил свою на рычаги и, уставившись на экран телевизора, вполглаза принялся смотреть комедию с Дорис Дэй и Роком Хадсоном, которую там начали крутить. Он чувствовал себя голым, открытым всему. У него самого не было креста. Взгляд Бена случайно перескочил на окна, за которыми виднелась только тьма. В нем закопошился старинный детский ужас перед темнотой, и Бен стал смотреть на экран, где Дорис Дэй мыла с шампунем лохматую собаку, но ему было страшно.

11.

Центральный окружной морг в Портленде — холодное продезинфицированное помещение, целиком выложенное зеленым кафелем. Стены с полом одинакового умеренно зеленого цвета, а потолок чуть светлее. Вдоль стен идут ряды квадратных дверок, напоминающих большие ячейки камеры хранения на автовокзале. На все это льют равнодушный холодный свет параллельно расположенные флюоресцентные

трубки. Интерьер вряд ли можно назвать вдохновляющим, но никто из клиентов еще не жаловался.

В тот субботний вечер, в без четверти десять, два санитара везли на каталке прикрытое простыней тело молодого гомосексуалиста, которого пристрелили в баре в центре города. Это был первый труп, который они получили за вечер — автомобильные катастрофы со смертельным исходом обычно происходят на автострадах между часом и тремя ночи.

Бадди Баском добрался до середины французского анекдота про вагинальный дезодорант-спрей, как вдруг оборвал фразу и внимательно посмотрел на ряд дверок от «М» до «З». Две дверцы были открыты.

Оставив новоприбывшего, они с Бобом Гринбергом заторопились по проходу. Бадди подошел к ближней дверце и взглянул на бирку. Боб тем временем пошел к следующей.

ТИББИТС, ФЛОЙД МАРТИН
Пол: М
Поступил: 04.10.75
Вскрытие назнач.: 05.10.75
Подп.: Дж.М.Коди, д-р медиц.

Он дернул утопленную в дверце ручку, и плита бесшумно откатилась.

Пусто.

— Эй! — гаркнул Гринберг.— Эта хреновина пустая! Кто додумался так пошутить...

— Я все время был на месте,— сказал Бадди.— Никто мимо не проходил. Клянусь. Должно быть, это случилось в смену Карти. А там что написано?

— Макдугалл, Рэндолл Фрэтас. А что значит сокращение «мл.»?

— Младенец,— невыразительно ответил Бадди.— Господи Исусе, сдается мне, мы влипли.

12.

Его что-то разбудило.

Он неподвижно лежал в тикающем мраке, глядя в потолок.

Шум. Какой-то шум. Но в доме было тихо.

Вот, опять. Царапанье.

Марк Питри повернулся в постели и взглянул на окно. Через стекло на него, не отрываясь, смотрел красными, отливающими металлом глазами Дэнни Глик. По губам и подбородку было размазано что-то темное, а когда Дэнни заметил, что Марк смотрит на него, то улыбнулся, показав ставшие очень длинными и острыми зубы.

— Впусти меня,— прошептал голос, и Марк не знал — раздаются эти слова в темном воздухе или только у него в голове.

Тут Марк осознал, что боится — тело поняло это раньше рассудка. Так страшно ему было впервые — даже когда он возвращался вплавь от буйка на Попхэм-бич, почувствовал усталость и подумал, что вот-вот утонет, он испугался меньше. Разум Марка — в сотне отношений еще разум ребенка — в считанные секунды вынес точное суждение о положении дел. Опасность угрожала не только жизни Марка.

— Впусти меня, Марк. Я хочу поиграть с тобой.

Страшному созданию за окном было не за что держаться — комната Марка находилась на втором этаже, карниза не было — и все-таки оно как-то ухитрялось висеть в воздухе... а может быть, подобно зловещему насекомому, цеплялось за черепицу.

— Марк... я все-таки пришел, Марк... пожалуйста...

Конечно. Их надо приглашать в дом. Это Марк знал по своим журналам, посвященным чудовищам (мать опасалась, как бы такое чтиво не пошло мальчику во вред или не исковеркало его). Он выбрался из кровати и чуть не упал. Только тогда мальчик понял, что испуг — мягко сказано. Даже понятие «ужас» не выражало того, что он чувствовал. Бледное лицо за окном пыталось улыбнуться, но провело во тьме слишком много времени, чтобы хорошо помнить, как это делается. То, что увидел Марк, было подергивающейся гримасой, кровавой маской трагедии.

И все-таки смотреть этому существу в глаза было не так уж плохо. Страх ослабевал, становилось понятно: нужно только открыть окно и сказать: «Давай, Дэнни, заходи» — и уж тогда страх пройдет совсем, ведь ты будешь заодно с Дэнни, заодно с остальными, заодно с *ним*. Ты будешь...

Нет! Вот так они до тебя и добираются!

Марк с трудом отвел глаза, на что у него ушли все силы.

— Марк, впусти меня! Я приказываю! О н приказывает!

Марк опять двинулся к окну. Ничего не поделаешь — отмахнуться от этого голоса не было никакой возможности. Марк оказывался все ближе, и злобное мальчишеское лицо за окном задергалось, кривясь в предвкушении. Черные от земли ногти заскребли по стеклу.

Придумай что-нибудь! Быстро! Быстро!

— Ехал Грека,— хрипло прошептал Марк.— Ехал Грека через реку, видит Грека: в реке рак. Зря махал руками Грека и вопил «Там вурдалак!»

Дэнни Глик зашипел.

— Марк! Открой окно!

— На дворе трава, на траве...

— Окно, Марк! Так о н приказал!

— ...дрова. Раз дрова, два...— Мальчик слабел. Шепчущий голос словно бы проникал сквозь его баррикады, повелительно приказывая. Взгляд Марка упал на стол, захламленный игрушечными монстрами, теперь такими нестрашными и глупыми...

...и внезапно сосредоточился на части этой панорамы, отчего глаза мальчика слегка расширились.

Пластмассовый упырь шагал через пластмассовое кладбище, и одно из надгробий имело форму креста.

Не задумываясь, не прикидывая (взрослый — например, отец Марка,— непременно потерял бы время и на первое, и на второе, что и прикончило бы его), Марк схватил крест, крепко зажал в кулаке и громко сказал:

— Тогда входи.

Лицо за окном залилось хитрым торжеством. Окно скользнуло кверху, Дэнни ступил в комнату и сделал два шага вперед. Изо рта несло неописуемой вонью — запахом выгребных ям. На плечи Марку опустились холодные, белые, как рыбье брюхо, руки. Дэнни пособачьи склонил голову на бок, верхняя губа обнажила сверкающие клыки.

Марк со злостью размахнулся и ткнул в щеку Дэнни Глику пластмассовым крестом.

Раздался крик — страшный, нечеловеческий и... беззвучный. Только эхо в коридорах сознания и покоях души Марка подхватило его. Торжествующая улыбка на губах принявшего обличье Глика существа превратилась в зияющую гримасу агонии. Бледная

плоть задымилась, на какую-то секунду Марк ощутил, что и сама она расступается подобно дыму — а потом тварь извернулась, отпрянула и не то вынырнула, не то вывалилась из окна.

Все кончилось. Словно ничего и не случилось.

Но крест на миг воссиял яростным светом, как будто внутри него шел подключенный в сеть проводок. Потом сияние померкло, только перед глазами Марка остался синий отпечаток. Сквозь скрип половиц мальчик явственно различил щелчок выключателя в спальне родителей и голос отца:

— Что это было, черт возьми?

13.

Через пару минут дверь спальни Марка отворилась, но мальчику хватило времени привести все в надлежащий вид.

— Сынок? — тихо позвал Генри Питри.— Не спишь?

— Наверно,— сонно отозвался Марк.

— Приснился плохой сон?

— Кажется... не помню.

— Ты кричал во сне.

— Извини.

— Чего ж тут извиняться.— Генри помедлил и из более ранних воспоминаний о сыне, маленьком мальчике в голубом стеганом костюмчике (мальчике, причинявшем гораздо больше беспокойства, зато более понятном), извлек слова: — Попить хочешь?

— Нет, пап, спасибо.

Генри Питри окинул взглядом комнату, не в состоянии понять бросающего в дрожь ощущения угрозы, с которым проснулся и которое еще не прошло — ощущения, что на волосок от них прошла беда. Нет, все было нормально. Окно закрыто. Все на местах.

— Марк, что-нибудь не так?

— Нет, пап.

— Ну... тогда спокойной ночи.

Дверь закрылась. Отцовские ноги в тапочках спустились по лестнице. Марк позволил себе обмякнуть от облегчения и запоздалой реакции. У взрослого тут могла бы случиться истерика, у ребенка чуть старше или моложе — тоже. Но Марк чувствовал, как почти

незаметно, постепенно, ужас выскальзывает из него, и вспомнил: так в прохладный день обсыхаешь на ветру после купания. Когда ужас ушел, его место заступила дремота.

Прежде, чем полностью отключиться, Марк обнаружил, что не в первый раз думает о странности взрослых. Чтобы прогнать свои страхи и уснуть, они принимают слабительные, спиртное или снотворные... но у них такие ручные, домашние страхи: работа, деньги, что подумает учительница, если я куплю Дженни одежку получше, любит ли меня еще моя жена, кто мои друзья. Как они бледнеют рядом с теми страхами, какие щека к щеке лежат с каждым ребенком в его темной постели! Сознаться в них, надеясь, что тебя полностью поймут, можно только другим детям. Для ребенка, которому каждую ночь приходится иметь дело с неким существом, живущим под кроватью или в погребе, с существом, выделывающим антраша за самой гранью видимого и плотоядно глядящим на малыша, нет ни групповой терапии, ни социальной или психологической помощи. Ночь за ночью повторяется один и тот же поединок, а единственное лекарство — итоговое окостенение образного мышления, которое называется «стать взрослым».

Вот такие мысли проносились у Марка в голове коротенькими, несложными стенограммами. Мэтт Бэрк накануне ночью столкнулся один на один с таким же созданием тьмы — и его свалил сердечный приступ, вызванный испугом. Этой ночью Марк Питри оказался лицом к лицу еще с одной тварью — и десять минут спустя лежал в объятиях сна, все еще некрепко сжимая в руке пластиковый крест, словно младенец погремушку. Вот чем мальчик отличается от мужчины.

Глава одиннадцатая

БЕН (IV)

1.

Было воскресное утро — яркое, омытое солнцем воскресное утро, десять минут одиннадцатого. Бен уже начинал серьезно тревожиться за Сьюзан, и тут

зазвонил стоявший у кровати телефон. Он схватил трубку.

— Где ты?

— Расслабься. Я наверху, с Мэттом Бэрком. Который требует, чтобы ты, как только будешь в состоянии, порадовал его своим обществом.

— Почему же ты не зашла...

— Я заглянула к тебе чуть раньше. Ты спал, как ягненок.

— Тут на ночь дают всякую дрянь, чтоб отключить больных и спокойненько красть всякие разные органы для таинственных пациентов-биллионеров,— сказал Бен.— Как Мэтт?

— Поднимайся, сам увидишь,— ответила Сьюзан и, не успела она повесить трубку, как он уже влезал в халат.

2.

Мэтт выглядел много лучше — можно сказать, он снова помолодел. Возле койки сидела Сьюзан в ярко-синем платье. Когда Бен вошел, Мэтт поднял руку в знак приветствия.

— Тащи сюда вон ту руину.

Бен пододвинул к кровати один из ужасающе неудобных больничных стульев и уселся.

— Как самочувствие?

— Гораздо лучше. Слабость... но лучше. Вчера вечером у меня брали кровь из вены, а утром дали на завтрак яйцо-пашот. Обхохочешься. Репетиция комедии «ты снова дома, старина».

Бен легонько чмокнул Сьюзан и заметил, что лицо у девушки напряженно-спокойное, словно внутри — связующий каркас из тонкой проволоки.

— После того, как ты вчера вечером мне позвонила, произошло что-то новое?

— Я ничего не слыхала. Но я ушла из дому около семи, а Удел по воскресеньям просыпается немножко позже.

Бен перевел взгляд на Мэтта.

— Вы готовы обговорить положение дел?

— Думаю, да,— сказал Мэтт, немного подвинувшись. Надетый ему на шею Беном золотой крест ярко блеснул.— Кстати, за это спасибо. Здорово успокаива-

ет, хоть я и купил его на еженедельной распродаже у Вулворта, в отделе нераспроданных остатков.

— А ваше состояние?..

— «Стабилизировалось» — таким неискренним термином воспользовался доктор Коди, когда осматривал меня вчера после обеда. Судя по кардиограмме, которую он забрал с собой, это был просто-напросто легкий сердечный приступ... без образования тромба.— Мэтт откашлялся.— Ради самого Коди надеюсь, что так и есть. Поскольку дело было через неделю после того, как он меня обследовал, я мог бы содрать с него через суд семь шкур за нарушенное обещание.— Он замолчал и спокойно взглянул на Бена.— Он сказал, ему попадались такие случаи как результат сильного потрясения. Я помалкивал. Правильно?

— Абсолютно правильно. Но события развивались. Мы со Сьюзан собираемся сегодня повидаться с Коди и все ему рассказать. Если он тут же не подпишет мне бумаги на выписку, отправим его к вам.

— И уши у него завянут,— зловеще пообещал Мэтт.— Сопливый сукин сын не позволяет мне курить трубку.

— Сьюзан рассказала вам, что творилось в Иерусалимовом Уделе с вечера пятницы?

— Нет. Она сказала, что хочет подождать вас.

— Пока она не начала, вы не расскажете мне, что именно случилось у вас дома?

Лицо Мэтта помрачнело. Маска выздоравливающего на секунду поколебалась, и перед Беном на миг появился тот старик, которого он видел спящим накануне.

— Если вы не готовы...

— Да нет, конечно, готов. Если хотя бы половина моих подозрений соответствует истине, это мой долг.— Мэтт горько улыбнулся.— Я всегда считал себя в некотором роде свободным мыслителем, испугать которого нелегко. Но просто диву даешься, как свирепо сознание может стараться вычеркнуть то, что ему не нравится или кажется угрожающим. Как волшебные грифельные доски, которые мы таскали с собой в детстве. Если тебе не нравился рисунок, надо было просто потянуть верхний листок кверху, и картинка исчезала.

— Но линии на черном веществе под листком оставались навсегда,— сказала Сьюзан.

— Да,— он улыбнулся ей.— Чудесная метафора взаимодействия сознания с подсознанием. Жаль,

Фрейд застрял на луковицах. Но мы отклоняемся от темы,— учитель посмотрел на Бена.— Вы уже слышали эту историю от Сьюзан?

— Да, но...

— Конечно. Я только хотел убедиться, что можно обойтись без предыстории.

Мэтт повел рассказ голосом почти равнодушным, невыразительно, прервавшись только, когда, шелестя мягкими, подклееными крепом подметками вошла сиделка — узнать, не хочет ли Мэтт стаканчик имбирного эля. Мэтт сказал, что стаканчик имбирного эля пришелся бы очень кстати, так что заканчивал он свою историю, периодически потягивая питье через гибкую соломинку. Бен отметил, что, когда учитель добрался до Майка, задом наперед вывалившегося из окна, кубики льда в стакане, который держал Мэтт, легонько звякнули. И все-таки его голос не дрожал, сохраняя те самые ровные ноты, какими Мэтт, несомненно, пользовался на уроках. Бен (не в первый раз) подумал, что Мэтт — человек, достойный восхищения.

Когда Мэтт закончил, наступило краткое молчание, которое нарушил он сам.

— Вот так вот,— сказал он.— Вы ничего своими глазами не видели. Что вы думаете?

— Вчера мы довольно долго говорили об этом,— сказала Сьюзан.— Бен расскажет.

Бен довольно застенчиво выдвинул все разумные объяснения, после чего опроверг их. Когда он упомянул запертый снаружи ставень, мягкую землю, отсутствие отпечатков ножек стремянки, Мэтт зааплодировал.

— Браво! Настоящий сыщик!

Мэтт посмотрел на Сьюзан.

— А вы, мисс Нортон? Вы всегда писали такие хорошие сочинения, параграфы в них напоминали строительные блоки, а раствором служили высказывания по теме. Что думаете вы?

Сьюзан опустила взгляд к разглаживающим плиссировку платья рукам, потом снова подняла глаза на Мэтта.

— Вчера Бен прочел мне лекцию о лингвистической значимости выражения «*не могу*», так что этими словами я не воспользуюсь. Но мне очень трудно поверить, что к Салимову Уделу подкрадываются вампиры, мистер Бэрк.

— Если бы мы сумели устроить проверку на детекторе лжи и сохранить ее в тайне, я бы пошел на это,— тихо сказал учитель.

Сьюзан залилась слабым румянцем.

— Нет, нет... прошу вас, поймите меня правильно. Я убеждена, в городе что-то происходит. Что-то... страшное. Но... такое...

Мэтт протянул руку и накрыл ее пальцы своими.

— Я понимаю, Сьюзан. Но вы сделаете для меня одну вещь?

— Если смогу.

— Давайте... все трое... будем отталкиваться от предпосылки, что все это — правда. Давайте сохранять для себя эту предпосылку как факт до тех пор — и *только* до тех пор — пока она не будет опровергнута. Подойдем научно, понимаете? Мы с Беном уже обсуждали пути и средства, с помощью которых можно подвергнуть эту посылку проверке. И вряд ли кто-нибудь сильнее меня надеется, что она проверку не пройдет.

— Но вы так не думаете, правда?

— Нет,— тихо отозвался Мэтт.— После длинного диалога с самим собой я достиг решения. Я верю в то, что видел.

— Давайте на минутку отвлечемся от вопроса «верю-не верю»,— сказал Бен.— В настоящий момент он является спорным.

— Принято,— сказал Мэтт.— Что думаете насчет самой процедуры?

— Ладно,— сказал Бен,— я бы хотел назначить вас Генеральным Исследователем. Вы с вашими данными уникально подходите для такой работы. Кроме того, вы — лежачий больной.

Глаза Мэтта блеснули — так же, как когда Коди вероломно объявил его трубку вне закона.

— Откроется библиотека — позвоню Лоретте Старчер. Придется ей привезти книжки в тачке.

— Сегодня воскресенье,— напомнила Сьюзан.— Библиотека закрыта.

— Для меня она откроет,— сказал Мэтт,— а нет, так я пойму, отчего.

— Берите все и вся, что имеет отношение к предмету,— сказал Бен.— И психологию, и патологию, и мистику. Понимаете? Все работы.

— Начну вести записи,— проскрежетал Мэтт.—

Начну, вот те крест! — Он посмотрел на молодых людей.— Я чувствую себя мужчиной в первый раз с тех пор, как проснулся тут. А вы что будете делать?

— Во-первых, доктор Коди. Он осматривал и Райерсона, и Флойда Тиббитса. Может быть, мы сумеем убедить его эксгумировать Дэнни Глика.

— А он согласится? — спросила Сьюзан у Мэтта.

Прежде, чем ответить, Мэтт приложился к своему имбирному элю.

— Тот Джимми Коди, что учился у меня, согласился бы в два счета. Он был мальчиком с развитым воображением и открытым умом, исключительно устойчивым к «не может быть». До какой степени колледжу и медицинской школе удалось сделать из него эмпирика, я не знаю.

— Все это мне кажется хождением вокруг да около,— сказала Сьюзан.— Особенно визит к доктору Коди с риском получить полный отпор. Почему бы нам с Беном не отправиться в дом Марстена и не покончить со всем этим? Вопрос назначался к слушанию еще на прошлой неделе.

— Я скажу тебе, почему,— сказал Бен.— Потому, что мы исходим из посылки, что все это — на самом деле. Тебе так загорелось сунуть голову в пасть льву?

— Я думала, днем вампиры спят.

— Кем бы ни был Стрейкер, он не вампир,— сказал Бен,— разве что старинные предания полностью ошибаются. Днем его видела масса народу. В лучшем случае мы получим от ворот поворот, как посторонние, вход которым воспрещен, и ничего не узнаем. В худшем — он нас одолеет и продержит дотемна. Легкий завтрак для Графа Комикса.

— Барлоу? — спросила Сьюзан.

Бен пожал плечами

— А почему нет? История про закупки в Нью-Йорке немножко слишком складная, чтобы быть правдивой.

Глаза Сьюзан сохраняли упрямое выражение, но больше она ничего не сказала.

— А что вы станете делать, если Коди осмеет вас и прогонит? — спросил Мэтт.— Считается, что он не бросится сразу же звонить в сумасшедший дом.

— Отправимся на закате на кладбище,— ответил Бен.— Наблюдать за могилой Дэнни Глика. Назовем это контрольным вариантом.

Мэтт приподнялся с подушек, на которые опирался.

— Обещайте мне, что будете осторожны. Бен, обещайте!

— Будем-будем,— успокоила его Сьюзан.— Мы оба будем просто звенеть от крестов.

— Не шутите,— пробормотал Мэтт.— Если бы вы видели то, что видел я...— Он повернул голову и посмотрел в окно, за которым виднелись исполосованные солнцем листья ольхи, а за ними — по-осеннему яркое небо.

— Если она шутит, то я — нет,— сказал Бен.— Мы примем все предосторожности.

— Сходите к отцу Каллахэну,— сказал Мэтт.— Пусть даст вам немного святой воды... и облаток, если это возможно.

— Что он за человек? — спросил Бен.

Мэтт пожал плечами.

— Странноватый. Может быть, пьет. Если так, это образованный и вежливый пьяница. Не исключено, что ярмо просвещенного папизма ему немного натирает.

— Вы уверены, что отец Каллахэн... что он пьет? — спросила Сьюзан, чуть шире раскрывая глаза.

— Не вполне,— ответил Мэтт.— Но мой бывший ученик, Брэд Чэмпион, работает в ярмутском винном магазине. Он говорит, что Каллахэн — их завсегдатай. Приверженец «Джима Бима».

— С ним можно говорить? — спросил Бен.

— Не знаю. Думаю, следует попытаться.

— Так вы его совсем не знаете?

— В общем, нет. Он пишет историю новоанглийской католической церкви и очень много знает о поэтах нашего так называемого «золотого века» — Уиттере, Лонгфелло, Расселле Холмсе и иже с ними. В конце прошлого года я заманил его выступить перед моим кружком американской литературы. У отца Каллахэна быстрый жесткий ум.. Ученикам он понравился.

— Я с ним встречусь,— сказал Бен,— а там, как чутье подскажет.

В палату заглянула сестра, кивнула, и секундой позже вошел Джимми Коди со стетоскопом на шее.

— Беспокоите моего пациента? — дружелюбно спросил он.

— Ты в два раза хуже,— отозвался Мэтт.— Желаю трубку.

— Нельзя,— рассеянно сказал Коди, читая его карточку.

— Проклятый шарлатан,— пробурчал учитель.

Коди положил карточку на место и потянул зеленую занавеску, подвешенную над кроватью к полукруглому стальному карнизу.

— Боюсь, придется мне попросить вас на минутку выйти. Как ваша голова, мистер Мирс?

— Да вроде ничего не вытекло.

— Вы слышали про Флойда Тиббитса?

— Сьюзан мне рассказала. Если у вас после обхода найдется минутка, я бы хотел с вами поговорить.

— Если хотите, могу сделать вас последним пациентом на обходе. Часов в одиннадцать.

— Отлично.

Коди снова дернул занавеску.

— А теперь, если вы со Сьюзан нас извините...

— Вот так, друзья, мы уединяемся,— сказал Мэтт.— Скажете секретное слово — выиграете сто долларов.

Занавеска отделила Сьюзан с Беном от кровати. Оттуда к ним донеслись слова Коди: «Когда я буду в следующий раз давать вам наркоз, то, наверное, удалю вам язык и примерно половину лобной доли.»

Они улыбнулись друг другу, как улыбаются молодые парочки, когда светит солнышко и с работой все в порядке, но улыбки одновременно исчезли. Оба на мгновение задумались: в своем ли они уме?

3.

Когда Джимми Коди вошел, наконец, в палату к Бену, было двадцать минут двенадцатого. Бен начал:

— Я хотел поговорить с вами вот о чем...

— Сперва голова, потом разговоры,— Джимми осторожно раздвинул волосы Бена, на что-то посмотрел и сказал: — Будет больно.— Он снял бинт и пластырь, и Бен подскочил.— Черт знает что за шишка,— разговорчиво сообщил Коди и закрыл рану повязкой поменьше.

Он посветил Бену в глаза, потом постучал по левому колену резиновым молоточком. Бен, неожиданно исполнившись отвращения, подумал: уж не этим ли молоточком Джимми обстукивал Майка Райерсона.

— Вроде бы все удовлетворительно,— сказал Джимми, убирая свое имущество.Девичья фамилия вашей матери?

— Эшфорд,— ответил Бен. Когда он в первый раз пришел в себя, ему задавали те же вопросы.

— Учительницы из первого класса?

— Миссис Перкинс. Она красила волосы.

— Второе имя отца?

— Мёртон.

— Головокружение, тошнота?

— Нет.

— Не ощущаете странных запахов, не слышите странных звуков, не...

— Нет, нет и нет. Я чувствую себя прекрасно.

— Это буду решать я,-- строго объявил Коди.— В глазах нисколько не двоится?

— С тех пор, как я в последний раз покупал галлон «Буревестника» — нет.

— Ладно,— сказал Коди.— Объявляю вас излечившимся благодаря чудесам современной науки и такой добродетели, как крепкая голова. Ну, что там у вас на уме? Наверное, Тиббитс и малыш Макдугаллов? Могу сообщить вам голько то, что сказал Паркинсу Джиллеспи. Я рад, что это не попало в газеты — раз. Одного скандала в сто лет для небольшого городка достаточно. Будь я проклят, если понимаю, кто мог захотеть проделать такую извращенную штуку — два. Местным он быть не может. Своя доля «странных» у нас есть, но...

Увидев их озадаченные лица, он осекся.

— Вы что, не знаете? Не слышали?

— Чего не слышали? -- спросил Бен.

— Прямо по Мэри Шелли или Борису Карлофф. Прошлой ночью кто-то выкрал трупы из окружного морга в Портленде.

— Господи Иисусе,— непослушными губами выговорила Сьюзан.

— А что? — неожиданно встревожившись, спросил Коди.— Вы что-то знаете?

— Я начинаю думать, что мы и впрямь кое-что знаем,— сказал Бен.

4.

Они завершили свой рассказ в десять минут первого. Принесенный Бену сиделкой на подносе ленч так и стоял у постели нетронутым.

Последний слог замер, и остался только перезвон стаканов и столовых приборов, доносившийся через полуоткрытую дверь — это ели самые голодные пациенты.

— Вампиры,— сказал Джимми Коди. Потом: — Уж кто-кто, но Мэтт Бэрк! Отчего посмеяться над всем этим ужасно трудно.

Бен и Сьюзан хранили молчание.

— И вы хотите, чтобы я эксгумировал парнишку Гликов,— задумался Джимми вслух.— Едрит твою налево.

Он вытащил из сумки пузырек и перебросил Бену. Тот поймал.

— Аспирин,— сказал Коди.— Принимали когда-нибудь?

— Сколько угодно.

— Мой отец называл его «лучшей сестрой приличного врача». А знаете, как он действует?

— Нет,— сказал Бен. Он лениво вертел в руках флакон с аспирином, разглядывая его. Он был недостаточно хорошо знаком с Коди, чтобы знать, сколько тот обычно показывает, а сколько держит про себя, но не сомневался, что мало кто из пациентов Джимми видел его таким, как сейчас: на мальчишеское, напоминающее Нормана Рокуэлла лицо набежала тень размышлений и самоанализа. Ему не хотелось нарушать настрой Коди.

— Вот и я тоже. И никто не знает. Но аспирин помогает и от головной боли, и от артрита с ревматизмом. Хотя и их природа нам неизвестна. Почему болит голова? Никаких нервных волокон в мозгу нет. Мы знаем, что по химическому строению аспирин очень близок к ЛСД, но почему одно вылечивает головную боль, а от второго эта голова заполняется цветами? Частично причина нашего непонимания состоит в том, что, строго говоря, мы не знаем, что есть мозг. Самые образованные в мире врачи стоят на невысоком островке посреди моря невежества. Мы брякаем своими лекарскими палочками, режем цыплят и вычитываем в крови послания. Все это срабатывает

на удивление долго. Белая магия. Bene gris gris. Услышь меня мои профессора из медшколы, они повырвали бы себе волосы. Некоторые уже попортили свои шевелюры, когда я сообщил им, что собираюсь практиковать терапевтом общего профиля в сельской местности Мэна. Один из них сказал мне, что Маркус Уэлби, определяя состояние пациента, всегда вскрывал при этом фурункулы на его заднице. Ланцетом. Но мне никогда не хотелось быть Маркусом Уэлби.— Коди улыбнулся.— Если б они узнали, что я собираюсь затребовать ордер на эксгумацию мальчика Гликов, то в судорогах катались бы по земле.

— А вы затребуете? — спросила искренне удивленная Сьюзан.

— Какой от этого может быть вред? Если парнишка мертвый — он мертвый. Если нет, мне будет с чем наступить на мозоль Ассоциации американских медиков на следующем съезде. Скажу медицинскому эксперту округа, что хочу поискать признаки инфекционного энцефалита. Другого разумного объяснения я придумать не могу.

— А может, дело действительно в нем? — с надеждой спросила девушка.

— Черта с два.

— Как скоро вы можете это сделать? — спросил Бен.

— Завтра, дружище. Если придется препираться, то во вторник или в среду.

— И как же он будет выглядеть? — спросил Бен.— В смысле...

— Да, я понял. Глики мальчика не бальзамировали, нет?

— Нет.

— Прошла неделя?

— Да.

— При вскрытии гроба должен произойти выброс газа с довольно противным запахом. Тело может оказаться в пятнах. Волосы, доходящие до воротника — они продолжают отрастать еще на удивление долго,— и ногти тоже довольно длинные. Почти наверняка провалившиеся внутрь глаза.

Сьюзан пыталась сохранять выражение ученого беспристрастия, но не слишком успешно. Бен порадовался, что не съел ленч.

— Коренное разложение начаться еще не должно,— продолжал Коди самым поучительным тоном,

на какой был способен,— однако влаги может оказаться достаточно, чтобы простимулировать на открытых поверхностях щек и кистей рук рост мохообразного вещества под названием...— Он оборвал фразу.— Простите. Я говорю неприятные вещи.

— Бывают вещи похуже гниения,— заметил Бен, старательно сохраняя нейтральный тон.— Предположим, ни одного из этих признаков вы не найдете. Предположим, тело выглядит так же естественно, как в день похорон. Что тогда? Загонять ему в сердце осиновый кол?

— Вряд ли,— сказал Коди.— Во-первых, там обязательно будет присутствовать либо медэксперт, либо его помощник. Думаю, если я вытащу из сумки кол и молотком загоню его в труп ребенка, даже Брент Норберт не сочтет мои действия профессиональными.

— Что же вы будете делать? — с любопытством спросил Бен.

— Ну — да простит меня Мэтт Бэрк — я не думаю, что дойдет до чего-то подобного. если тело окажется в таком состоянии, его, несомненно, перевезут в мэнский медицинский центр для расширенного посмертного исследования. А уж если оно попадет туда, я провожусь со своими исследованиями дотемна... а потом пронаблюдаю все феномены, какие могут иметь место.

— И если он поднимется?..

— Я, как и вы, не могу себе этого представить.

— Чем дальше, тем легче мне это удается,— мрачно сказал Бен.— Можно мне будет присутствовать, когда это произойдет... если произойдет?

— Можно устроить.

— Хорошо,— сказал Бен. Он встал с постели и пошел к шкафу, в котором висела его одежда.— Я собираюсь...

Сьюзан хихикнула, и Бен обернулся.

— Что?

Коди усмехался.

— Больничные рубашки имеют обыкновение расходиться на спине, мистер Мирс.

— О черт,— сказал Бен и инстинктивно сунул руку за спину, стянуть полы рубашки.— Лучше зовите меня Беном.

— Вот на этой ноте,— сказал Коди, вставая,— мы со Сьюзан и удалимся. Когда приведете себя в поря-

док, встретимся внизу, в кафетерии. У нас с вами после обеда будут кое-какие дела.

— Да?

— Да. Надо рассказать Гликам сказочку про энцефалит. Если хотите, можете быть моим коллегой. Ничего не говорите, только с умным видом потирайте подбородок.

— Им это не понравится, ведь так?

— А вам бы понравилось?

— Нет,— ответил Бен.— Не понравилось бы.

— Чтобы получить ордер на эксгумацию, нужно их разрешение? — спросила Сьюзан.

— Технически нет. По-настоящему — наверное. Эксгумация трупов мне знакома только по второй части курса медицинского законодательства. Но, думаю, если Глики достаточно решительно настроятся против, они смогут вынудить нас к судебному разбирательству. На что мы потеряем от двух недель до месяца, и вряд ли моя история про энцефалит там пройдет.— Коди сделал паузу и посмотрел на Бена и Сьюзан.— Это подводит нас к тому, что тревожит меня сильнее всего, если оставить в стороне историю Мэтта Бэрка. Дэнни Глик — единственный имеющийся у нас труп. Все остальные как корова языком слизала.

5.

Бен с Джимми Коди добрались до дома Гликов около половины второго. Машина Тони Глика стояла на подъездной дороге, но дом молчал. Постучавшись в третий раз и в третий раз не получив ответа, молодые люди перешли через дорогу к небольшому сборному домику типа ранчо — печальному беженцу из пятидесятых, опиравшемуся с одной стороны на пару ржавых подпорок. На почтовом ящике была фамилия Диккенс. У дорожки стоял розовый садовый фламинго, а маленький кокер при их появлении замахал хвостом.

Полина Диккенс — официантка и частичная владелица кафе «Экселлент» — открыла дверь через пару секунд после того, как Коди позвонил. Она была в рабочей форме.

— Привет, Полина,— сказал Джимми.— Не знаешь, где Глик?

— Ты хочешь сказать, ты *не знаешь?*

— Чего не знаю?

— Сегодня рано утром миссис Глик умерла. Тони Глика забрали в Центральную Мэнскую больницу. Он был в шоке.

Бен посмотрел на Коди. У Джимми был вид человека, которого пнули в живот. Бен быстро подхватил инициативу.

— Куда отвезли ее тело?

Полина огладила бедра, убеждаясь, что с костюмом все в порядке.

— Ну, я час назад говорила по телефону с Мэйбл Уэртс, и она сказала, что Паркинс Джиллеспи собирался отвезти тело прямиком в Камберленд, в похоронную контору к тому еврею. По причине того, что никто не знает, где Карл Формен.

— Спасибо,— медленно сказал Коди.

— Ужасно,— сказала Полина, и ее взгляд перескочил на пустующий дом по другую сторону улицы. На подъездной аллее стояла машина Тони Глика, похожая на большую пыльную собаку, которую посадили на цепь и позабыли.— Будь я суеверной, я бы боялась.

— Боялась? Чего, Полина? — спросил Коди.

— Так... всякого разного,— она туманно улыбнулась. Пальцы тронули свисавшую с шеи небольшую цепочку.

Образок со Святым Христофором.

6.

Они опять сидели в машине, молча наблюдая, как Полина уходит на работу.

— Что теперь? — наконец спросил Бен.

— Вот еще заморочка,— сказал Джимми.— «Тот еврей» — это Мори Грин. По-моему, нам надо ехать в Камберленд. Девять лет назад сынишка Мори чуть не утонул на озере Себаго. Я случайно оказался там с приятельницей и сделал парнишке искусственное дыхание. Запустил ему моторчик по новой. Может, сейчас — тот самый единственный раз, когда я должен воспользоваться хорошим отношением к себе.

— И что толку? Ее тело заберет медэксперт — на вскрытие, или освидетельствование, или как это называется.

— Сомневаюсь. Вы помните, что сегодня воскресе-

нье? Медэксперт бродит где-то по лесам с киркой — он геолог-любитель. Норберт... вы помните Норберта?

Бен кивнул.

— Предполагается, что Норберт на телефоне, но он человек рассеянный. Вероятно, снял трубку, чтобы можно было посмотреть матч «Пэкер» — «Пэтриот». Если мы сейчас поедем в похоронное бюро Мори Грина, есть неплохой шанс, что тело останется там до темноты невостребованным.

— Ладно,— согласился Бен.— Поехали.

Он вспомнил, что должен позвонить отцу Каллахэну... но с этим придется повременить. События начали развиваться очень быстро. Так быстро, что его это не устраивало. Фантазии смешались с реальностью.

До автострады они доехали молча, каждый был погружен в свои мысли. Бен думал о том, что Коди сказал в больнице. Пропал Карл Формен. Пропали трупы Флойда Тиббитса и ребенка Макдугаллов — исчезли из-под носа у двух служащих морга. Испарился и Майк Райерсон, и Бог весть кто еще. Сколько народу в Салимовом Уделе может выпасть из поля зрения так, чтобы их не хватились неделю... две... месяц? может выпасть из поля зрения так, чтобы их не хватились неделю... две... месяц? Двести человек? Триста? От этих мыслей у Бена взмокли ладони.

— Все это становится похожим на видения параноика,— сказал Джимми,— или на мультфильм Гэхана Уилсона. С академической точки зрения самое страшное тут — относительная легкость, с которой можно основать колонию вампиров, стоит только проморгать первого. Салимов Удел — спальный город для Портленда, Льюистона и Гэйтс-Фоллз. Никаких промышленных предприятий, где заметили бы рост неявок на работу. Школы — объединенные, по одной на три городка, и если список отсутствующих станет немного длиннее, кто обратит на это внимание? Масса народу ездит в церковь в Камберленд, а еще больше народу вообще в нее не ходит. Телевизор очень здорово похерил посиделки стариков, верны себе остались только ошивающиеся у магазина Милта олухи. Такое дело может вовсю происходить незаметно для нас.

— Ага,— сказал Бен.— Дэнни Глик заражает Майка, Майк заражает... ну, не знаю, может быть, Флойда. Чадо Макдугаллов заражает... отца? мать? Кто-нибудь проверял?

— Не мои пациенты. Полагаю, звонить им нынче утром и сообщать о пропаже их сына пришлось доктору Плоумену. Но если он даже звонил Макдугаллам и общался с ними, мне никак этого не выяснить.

— Надо бы проверить,— сказал Бен. Он начинал чувствовать себя как заяц, удирающий от своры гончих.— Вы понимаете, как легко можно погнаться за собственным хвостом? Посторонний человек запросто проедет через весь Удел и не заподозрит, что творится неладное. Просто очередной захолустный городишко, где к девяти вечера пустеют тротуары. Но кто знает, что делается в домах за задернутыми шторами? Может быть, жильцы лежат в постелях... или подпирают стенку шкафа вместе со швабрами... или они внизу, в подполе... и ждут захода солнца. А с каждым восходом народу на улицах все меньше. Меньше с каждым днем.— Он сглотнул и почувствовал, как в горле сухо щелкнуло.

— Не переживайте,— отозвался Джимми.— Еще ничего не доказано.

— Доказательства громоздятся целыми дюнами,— возразил Бен.— Если бы мы действовали в привычных рамках передачи по инстанциям — например, при возможной вспышке тифа или гриппа А-2,— весь город сейчас был бы уже в карантине.

— Сомневаюсь. Не забывайте, только один человек действительно что-то видел.

— Вряд ли это — городской пьяница.

— Если подобная история выйдет на свет божий, его распнут,— сказал Джимми.

— Кто? Уж не Полина Диккенс, это точно. Она готова начать приколачивать к дверям амулеты от дурного глаза.

— В эпоху Уотергейта и топливного кризиса она — исключение,— заметил Коди.

Остаток пути они проехали молча. Похоронное бюро Грина находилось в северной части Камберленда. Позади него, между черным ходом часовни и высокой дощатой оградой стояли два катафалка. Джимми выключил зажигание и посмотрел на Бена.

— Готовы?

— Да вроде.

Они вышли из машины.

8.

Возмущение, весь день нараставшее в Сьюзан, около двух часов разорвало свои оковы. Они взялись за дело по-дурацки, дали здоровенного крюку, чтобы доказать то, что (простите, мистер Бэрк) все равно окажется чушью собачьей. Сьюзан решила немедленно, сейчас же отправиться в дом Марстена.

Она спустилась вниз и взяла книжку. Энн Нортон пекла печенье, а отец сидел в гостиной, следя за матчем «Пэкер» — «Пэтриот».

— Ты куда? — спросила миссис Нортон.

— Проехаться.

— Ужинать будем в шесть. Потрудись вернуться вовремя.

— Не позднее пяти.

Сьюзан вышла из дома и села в свою машину — предмет ее величайшей гордости, но не потому, что это была первая машина, которой она владела безраздельно, а потому, что расплатилась за нее («почти расплатилась,— поправила себя Сьюзан,— остается еще шесть выплат») плодами собственных трудов, собственного таланта. «Веге» Сьюзан скоро должно было сравняться два года. Девушка осторожно, задним ходом вывела машину из гаража и коротко махнула рукой матери, которая смотрела на нее из окна кухни. Негласный разрыв между ними не заживал. Прочие ссоры — неважно, насколько ожесточенные — всегда своевременно заканчивались, жизнь шла своим чередом, хороня больные места под повязкой дней и не тревожа до следующего конфликта, когда все старые претензии и обиды вытаскивались на свет божий и подсчитывались, как в сыгранной с большим счетом партии в криббидж. Но нынешний разрыв казался полным, это была тотальная война. Раны было не забинтовать. Оставалась лишь ампутация. Сьюзан уже почти закончила упаковывать вещи и чувствовала, что поступает правильно. Это следовало сделать давным-давно.

Она проехала по Брок-стрит, оставив дом позади и ощущая радость и решимость, становившиеся тем сильнее, чем дальше Сьюзан уезжала от родного гнезда. В глубине души девушка сознавала нелепость происходящего, но нельзя сказать, чтобы это было неприятно. Сьюзан собиралась предпринять решительные

действия, и эта мысль подкрепляла ее. Она была прямолинейной девочкой, события уикэнда сбивали ее с толку, приводили в полную растерянность. Теперь она покажет им кузькину мать!

На мягкой обочине за городской чертой Сьюзан остановила машину и пешком направилась через западное пастбище Карла Смита туда, где, дожидаясь зимы, круглился рулон выкрашенной в красное противоснежной пленки. Чувство нелепости происходящего усилилось, и, раскачивая один из колышков из стороны в сторону, чтобы лопнула удерживающая его в ряду прочих гибкая проволока, Сьюзан не смогла сдержать усмешку. Колышек был настоящим колом около трех футов длиной, заостренным на конце. Она вернулась с ним к машине и положила на заднее сиденье, умом понимая, для чего предназначается этот колышек (в кинотеатрах под открытым небом она просмотрела на сдвоенных сеансах достаточно фильмов Хаммера, чтобы знать: вампиру положено забивать в сердце кол), но ни на секунду не задумалась, сумеет ли заколотить его в грудь мужчине, если того потребует ситуация.

Сьюзан поехала дальше, за пределы города, в Камберленд. Слева оказалась маленькая сельская лавчонка, которая работала по воскресеньям — там отец Сьюзан покупал воскресную «Таймс». Ей вспомнилась маленькая витринка с бижутерией у прилавка.

Она купила «Таймс», а потом взяла маленький золотой крестик. Ее расходы достигли сорока пяти долларов. Сумму вызвонил на кассовом аппарате толстый продавец, всего на секунду отвлекшийся от телевизора, где показывали озадаченного Джима Планкетта.

Сьюзан свернула к северу, на Каунти-роуд — прямое двухполосное шоссе, недавно покрытое асфальтом. Этим солнечным днем все казалось свежим, бодрящим и живым, а жизнь — такой милой! Мысли Сьюзан перескочили на Бена. Скачок был невелик.

Из-за медленно плывущего кучевого облака вышло солнце, наводнив дорогу пятнами сияющего света и тени, потоками изливаясь сквозь листву нависших над шоссе деревьев. «В такой день, как сегодня,— подумала Сьюзан,— можно поверить, что все на свете заканчивается счастливо.»

Проехав по Каунти еще пять миль, она свернула на Брукс-роуд, которая за границей Салимова Удела

становилась немощеной. К северо-западу от поселка дорога шла то вверх, то вниз через сильно заросшую лесом местность, так что Сьюзан оказалась почти отрезанной от яркого послеполуденного солнца. Тут не было ни домов, ни трейлеров, а большей частью земли владела бумажная компания, известная главным образом своими просьбами к патронам не облагать налогом их туалетную бумагу. На обочине дороги через каждые сто футов виднелись знаки: «Охота запрещена» и «Посторонним вход воспрещен». Сьюзан миновала поворот к свалке, и в ней шевельнулось легкое беспокойство. На этом сумрачном отрезке дороги туманные возможности казались более реальными. Она обнаружила, что уже не в первый раз гадает, зачем нормальному человеку покупать развалюху самоубийцы да еще закрывать окна от солнечного света ставнями.

Дорога резко нырнула, а потом круто пошла вверх по западному склону Марстен Хилл. Сквозь деревья Сьюзан сумела разглядеть конек крыши дома Марстена.

Она поставила машину у подножия откоса, в конце заброшенной лесной дороги, и вышла из нее. Немного помедлив, Сьюзан взяла кол, а на шею повесила крестик. Она по-прежнему чувствовала себя нелепо, но если бы мимо случайно проехал кто-то из знакомых и увидел, как она шагает по дороге с колышком от противоснежного заграждения в руке, было бы в два раза хуже.

«Привет, Сьюзи, куда это ты?»

«Да так, в старый дом Марстена, убить вампира. Но мне надо спешить, в шесть — ужин.»

Сьюзан решила сократить путь и пройти лесом.

Она осторожно перешагнула через развалины каменной ограды на дне кювета и порадовалась, что надела слаксы. Очень высокая мода для бесстрашных истребителей вампиров. Чтобы добраться до настоящего леса, ей пришлось пробраться через мерзкие заросли ежевики и поваленные стволы.

Она с трудом взбиралась наверх, не останавливаясь, ступая так тихо, как только могла. Чем ближе Сьюзан оказывалась к гребню холма, тем сильнее редел заслон ветвей, и то здесь, то там на миг показывался дом Марстена — его обращенная к поселку слепая сторона. И Сьюзан стало страшно. Указать точ-

ную причину своего испуга она бы не сумела — таким же беспричинным был страх, пережитый (но уже почти забытый) ею в доме Мэтта Бэрка. Девушка нимало не сомневалась, что ее никто не услышит, вдобавок стоял белый день, но на плечи давило неослабное бремя страха. Казалось, он нагнетается в сознание Сьюзан тем отделом мозга, что обычно молчит, видно, потому что устарел — так же, как аппендикс. Радость от сегодняшнего дня пропала. Она обнаружила, что в голову лезут те самые киноэпопеи ужасов, где героиня поднимается по узкой лесенке на чердак — посмотреть, что же напугало бедную старушку миссис Кобэм, или спускается в какой-нибудь темный подвал, где полно паутины и стены из нетесаного, покрытого испариной камня (символическая утроба). Сама она, уютно притулившись под рукой кавалера, обычно думала: «*что за идиотка... да я бы никогда туда не полезла!*» И вот, пожалуйста: лезет. Тут Сьюзан начала понимать, насколько далеко зашли различия между головным и спинным мозгом человека, как головной мозг может гнать тебя все дальше и дальше, несмотря на предупреждения, подаваемые ответственной за инстинкты частью нервной системы, так похожей на мозг аллигатора. Рассудок способен толкать человека вперед, пока дверь чердака не распахнется в физиономию некому ухмыляющемуся страшилищу, или пока он не заглянет в какую-нибудь наполовину заложенную кирпичом нишу в погребе и не увидит...

ПРЕКРАТИ!

Отогнав эти мысли, Сьюзан обнаружила, что вспотела. И все это — при виде обычного дома с закрытыми ставнями. «Хватит дурью мучиться,— сказала она себе.— Поднимешься на холм и произведешь в доме разведку. Со двора перед фасадом виден наш дом. Ну так что, скажи на милость, может с тобой случиться в поле зрения родного дома?»

Тем не менее Сьюзан пригнулась и покрепче сжала кол, а когда загораживавшие дом деревья стали слишком редкими, чтобы обеспечить хорошее прикрытие, она опустилась на четвереньки и поползла. Через три или четыре минуты ползти, не обнаруживая себя, стало невозможно. Она очутилась за последним рядом сосен и россыпью можжевеловых кустов, откуда была видна западная стена дома, укрытая

10 Зак. 177

спутанным ковром истощенной осенью жимолости. Выросшая за лето трава пожелтела, но по-прежнему доходила до колен — скосить ее никто не пытался.

В тишине неожиданно взревел мотор. Душа у Сьюзан ушла в пятки. Девушка справилась с собой, вцепившись пальцами в землю и крепко прикусив нижнюю губу. Через секунду в поле ее зрения задним ходом въехала старая черная машина. Машина остановилась в конце подъездной дороги, вывернула на проселок и поехала в сторону города. Прежде, чем она исчезла из виду, Сьюзан вполне ясно разглядела водителя: крупная лысая голова, глаза, посаженные так глубоко, что видны были одни глазницы, воротник темного костюма и лацканы. Стрейкер. Может быть, поехал к Кроссену.

Сьюзан разглядела, что доски почти всех ставней поломаны. Ну, тогда ладно. Она подползет, заглянет в щелку и увидит — что там можно увидеть? Наверное, ничего, кроме дома в первой стадии длинного процесса обновления: начатую побелку, новые обои, инструмент, стремянки и ведра. Так же сверхъестественно и романтично, как телевизионный футбольный матч.

И все-таки: страх.

Это перехлестывающее логические выкладки и блестящие доводы Сьюзан чувство поднялось внезапно, наполнив рот медным привкусом.

И она поняла, что за спиной кто-то есть даже раньше, чем ей на плечо легла чья-то рука.

9.

Почти стемнело.

Бен поднялся со складного деревянного стула, прошел к окну, выходившему на задний двор похоронного бюро, и ничего особенного не увидел. Было без четверти семь. Вечерние тени очень сильно вытянулись. Несмотря на позднюю осень, трава на газоне еще не пожелтела, и Бен подумал, что заботливый гробовщик постарается сохранить ее такой до самого снега. Символ жизни, продолжающейся в разгар умирания года. Он счел подобную мысль слишком подавляющей и отвернулся от окна.

— Жалко, нет сигарет,— сказал он.

— Сигареты — убийцы,— не оборачиваясь, нази-

дательно сообщил Джимми. Он смотрел по небольшому «Сони» Мори Грина субботнюю вечернюю программу, посвященную дикой природе.— Честно говоря, мне тоже жалко. Я завязал десять лет назад, когда Главный хирург сделал на сигаретах свою надпись. Если бы не бросил, заработал бы скверную репутацию. Но, просыпаясь на ночном дежурстве, всегда нашариваю пачку.

— Вы же сказали, что бросили.

— Я держу сигареты по той же причине, что алкоголик держит на кухонной полке бутылку шотландского виски. Сила воли, сынок.

Бен посмотрел на часы: 6:47. В воскресной газете Мори Грина было написано, что официально солнце завершит свой путь в 7:02.

Джимми подал дело весьма аккуратно. Мори Грин оказался низеньким человечком, который вышел открывать в белой сорочке с расстегнутым воротом и черной жилетке нараспашку. Трезвое вопросительное выражение лица сменилось широкой приветственной улыбкой.

— *Шалом*, Джимми! — закричал он.— Как я рад тебя видеть! Где ты скрывался?

— Спасал мир от обычной простуды,— с улыбкой отвечал Джимми, пока Мори тряс его руку.— Хочу познакомить тебя со своим очень хорошим другом. Мори Грин — Бен Мирс.

Ладонь Бена утонула в обеих руках Мори Грина. За очками в черной оправе блеснули глаза.

— *Шалом* и вам тоже. Все друзья Джимми... ну, и так далее. Заходите, оба. Я могу позвонить Рэйчел...

— Пожалуйста, не надо,— сказал Джимми.— Мы пришли попросить об одном одолжении. Довольно большом.

Грин взглянул Джимми в лицо более пристально.

— О довольно большом одолжении,— тихо и язвительно проговорил он.— С чего бы? Что ты сделал для меня такого, что мой сын заканчивает Северо-западный третьим в своей группе? Все, что угодно, Джимми.

Джимми покраснел.

— Любой бы сделал то же самое, Мори.

— Спорить с тобой я не собираюсь,— сказал Грин.— Проси. Что это так встревожило вас с мистером Мирсом? Вы попали в аварию?

— Нет. Ничего подобного.

Мори проводил их в маленькую кухоньку за часовней и, пока они беседовали, сварил кофе в видавшем виды старом кофейнике, который стоял на плите.

— Норберт еще не приезжал за миссис Глик? — спросил Джимми.

— Нет, и не подавал никаких признаков жизни,— ответил Мори выставляя на стол сахар и сливки.— Этот тип явится сюда в одиннадцать ночи и будет удивляться, чего это я его не впускаю.— Он вздохнул.— Бедняжка. Такая трагедия в одной семье. И с виду такая милая, Джимми. Ее привез старый болван Ридон. Она была твоей пациенткой?

— Нет,— сказал Джимми.— Но мы с Беном... нам хотелось бы посидеть с ней сегодня вечером, Мори. Прямо там, внизу.

Грин замер, не дотянувшись до кофейника.

— Посидеть с ней? Обследовать ее, ты хотел сказать?

— Нет,— твердо сказал Джимми.— Просто посидеть с ней.

— Ты шутишь? — Грин внимательно присмотрелся к ним.— Нет. Вижу, что нет. Зачем тебе это?

— Этого я не могу тебе рассказать, Мори.

— О.— Он разлил кофе, сел с ними за стол и отхлебнул.— Не слишком крепкий. Отлично. А что, она что-то подцепила? Что-нибудь заразное?

Джимми с Беном переглянулись.

— Не в общепринятом понимании,— наконец сказал Джимми.

— Ты хочешь, чтобы я помалкивал, э?

— Да.

— А если приедет Норберт?

— С Норбертом я управлюсь,— ответил Джимми.— Скажу ему, что Ридон просил меня проверить ее на инфекционный энцефалит. Он проверять не станет.

Грин кивнул.

— Если у Норберта не спросить, который час, он и не узнает, что надо смотреть на часы.

— Договорились, Мори?

— Конечно, конечно. Я думал, ты сказал — большое одолжение.

— Может, это больше, чем ты думаешь.

— Сейчас я допью кофе, пойду домой и погляжу, что за кошмар приготовила мне Рэйчел на воскресный ужин. Вот ключ. Будешь уходить, Джимми, запри.

Джимми сунул ключ в карман.

— Запру. Еще раз спасибо, Мори.

— Все, что угодно. Только ты тоже сделай мне одно одолжение.

— Разумеется. Какое?

— Если она что-нибудь скажет, запиши для потомства.— Он рассмеялся, заметил одинаковое выражение лиц молодых людей и замолчал.

10.

Было без пяти семь. Бен ощутил, как в тело начало просачиваться напряжение.

— Можешь спокойно перестать есть глазами часы,— сказал Джимми.-- Они от этого быстрее не пойдут.

Бен виновато вздрогнул.

— Я очень сильно сомневаюсь, что вампиры — если они вообще существуют — поднимаются по календарному заходу солнца,— добавил Джимми.— В это время совсем темно не бывает.

Тем не менее он встал и выключил телевизор, оборвав на середине кряканье лесной утки.

На комнату опустилось одеяло тишины. Они сидели в рабочей комнате Грина, а на столе из нержавейки, снабженном трубками и педалями для подъема и спуска, лежало тело Марджори Глик. Это напомнило Бену столы в родильном отделении больницы.

Еще когда они пришли сюда, Джимми отвернул прикрывавшую труп простыню и провел беглое обследование. На миссис Глик был стеганый халат винного цвета, вязаные тапочки, на левой голени — кусочек пластыря, возможно, скрывающий порез от бритья. Бен старался не смотреть, но тело снова и снова притягивало к себе его взгляд.

— Что думаешь? — спросил Бен.

— Не собираюсь ни за что ручаться, поскольку впереди еще три часа, которые все решат в ту или иную сторону. Но ее состояние поразительно сходно с состоянием Майка Райерсона — никаких трупных пятен, никаких следов окоченения или его начала.— Джимми натянул простыню обратно и больше ничего не сказал.

Было 7:02.

Вдруг Джимми сказал:

— Где твой крест?

Бен вздрогнул.

— Крест? Господи, у меня его нет!

— Ты никогда не был бойскаутом,— сказал Джимми и раскрыл сумку.— Я же всегда являюсь во всеоружии.

Он вытащил два шпателя, ободрал защитный целлофан и скрепил их с помощью пластыря под прямым углом.

— Благослови его,— велел он Бену.

— Что? Я не могу... я не знаю, как.

— Тогда придумай,— велел Джимми, и его приятное лицо неожиданно напряглось.— Ты же писатель, тебе следует быть метафизиком. Ради Бога, скорее. Думаю, сейчас что-то произойдет. Разве ты не чувствуешь?

И Бен почувствовал. В медленных лиловых сумерках словно бы собиралось что-то пока невидимое, но тяжкое и электризующее. У него пересохло во рту и, прежде чем заговорить, пришлось облизать губы.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.— Подумав, Бен добавил: — И во имя Непорочной Девы Марии тоже. Благословляю этот крест и... и...

Слова поднимались к губам с неожиданной таинственной уверенностью.

— Господь — Пастырь мой,— говорил Бен, и слова падали в полную теней комнату, как падали бы камни в глубокое озеро.— Не я возжелал — Он покоит меня на зеленых пажитях. Он водит меня к водам тихим. Он воскрешает душу мою.

Голос Джимми подхватил нараспев:

— Он направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь никакого зла...

Дышать свободно стало невозможно. Бен обнаружил, что все тело у него пошло гусиной кожей, а короткие волоски на шее встали дыбом, как перья у драчливого петуха.

— Твой жезл и Твой посох — они успокоивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою, чаша моя преисполнена. Так, благость и милость...

Укрывающая тело Марджори Глик простыня задрожала. Из-под нее выпала рука. Пальцы, выворачиваясь, извиваясь, пьяно зашарили в воздухе.

— Боже мой, неужто я это *вижу*? — прошептал Джимми. Он побледнел так, что веснушки выступили как брызги на оконном стекле.

— ...да сопровождают меня во все дни жизни моей,— закончил Бен.— Джимми, посмотри-ка на крест.

Крест светился, сияние призрачным потоком разливалось по руке.

В тишине сдавленный, скрежещущий как черепки разбитого глиняного горшка голос медленно проговорил: «*Дэнни?*»

Бен почувствовал, что язык прилип к небу. Силуэт под простыней сел. Комната погружалась во мрак, в ней двигались и скользили тени.

— *Дэнни, голубчик, где ты?*

Свалившаяся с лица покойницы простыня скомкалась в коленях.

Лицо Марджори Глик во мраке казалось мертвенно-бледным, круглым, как луна, пятном, пробитым только черными дырами глазниц. Она увидела Джимми с Беном, и ее губы раздвинулись, пропуская страшное рычание обманутого существа. Убывающее сияние дня блеснуло на зубах Марджори.

Она перебросила ноги через край стола. Один тапок свалился и лежал, позабытый.

— Сиди, где сидишь! — велел Джимми.— Не пробуй двигаться!

Ответом было ворчание, похожее на собачье — мрачный серебристый звук. Миссис Глик соскользнула со стола, пошатнулась и направилась к ним. Бен поймал себя на том, что загляделся в эти глаза-дыры, и резко отвел взгляд. Там, внутри, были черные, пронизанные красным, галактики. Можно было увидеть самого себя, тонущего и наслаждающегося этим.

— Не смотри ей в лицо,— предостерег он Джимми.

Они, не раздумывая, отступали перед Марджори, позволяя ей гнать их к ведущему на лестницу узкому коридорчику.

— Крест, Бен! Попробуй!

Бен чуть не забыл, что у него есть крест. Теперь он воздел его, и тот буквально полыхнул сверкающим светом. Пришлось прищуриться. Миссис Глик испуганно зашипела и вскинула руки, загораживая лицо. Черты Марджори словно бы наползали друг на друга, они извивались и крутились, как клубок змей. Она сделала шаг назад.

— Проняло! — завопил Джимми.

Бен надвигался на нее, вытянув крест перед собой. Марджори скрючила пальцы одной руки когтями и взмахнула ею. Бен просунул крест под эту руку и сделал им резкий выпад. Из горла миссис Глик вырвалось пронзительное улюлюканье.

Дальнейшее окрасилось для Бена в мрачные тона кошмара. Несмотря на грядущие еще более ужасные минуты, Бену впоследствии и днем и ночью всегда грезилась миссис Глик спиной к секционному столу, вязаный тапочек и возле него — комок закрывавшей покойницу простыни.

Марджори неохотно отступала. Взгляд метался от ненавистного распятия к местечку на шее Бена справа от подбородка. У нее вырывались нечеловеческие гортанные звуки, бормотание и шипение, а в отступлении было столько нежелания, что она начала казаться гигантским громоздким насекомым. Бен подумал: «Не держи я перед собой крест, она вспорола бы мне ногтями горло и стала бы глотать кровь, брызнувшую струей из яремной вены, словно только что выбравшийся из пустыни, умирающий от жажды человек. Она бы купалась в этой крови.»

Оторвавшийся от него Джимми обходил миссис Глик слева. Она этого не видела, сосредоточив взгляд темных, заполненных ненавистью (страхом) глаз только на Бене.

Джимми обогнул секционный стол и, когда Марджори, пятясь, взялась обходить его, с судорожным воплем вцепился обеими руками ей в шею.

Миссис Глик издала тонкий свистящий крик и вывернулась из захвата. Бен увидел: ногти Джимми сорвали с ее плеча лоскут кожи, но из ранки ничего не выступило — царапина напоминала безгубый рот. А потом случилось невероятное: Марджори швырнула Джимми через комнату. Сбив с подставки портативный телевизор Мори Грина, Джимми врезался в угол.

Она в мгновение ока перебежала через комнату, горбясь, цепляясь руками за пол, как паук, и набросилась на него.

Сквозь путаницу теней Бен мельком увидел, как Марджори рухнула на Джимми, раздирая воротник его рубашки, а затем — ее вытянутый, как у хищного зверя, профиль. Челюсти разверзлись, и она вгрызлась в молодого врача. Джимми Коди пронзительно

закричал высоким отчаянным криком человека, которому нет спасения.

Споткнувшись о разбитый телевизор на полу и чуть не упав, Бен кинулся на нее. К нему доносился частый, соломенный шелест дыхания, а сквозь него — отвратительное чавканье и причмокивание.

Он ухватил ее за воротник халата и дернул кверху, на минуту забыв про крест. Голова Марджори повернулась к нему с пугающей быстротой. Широко раскрытые глаза горели, губы и подбородок блестели от крови, казавшейся черной в почти полной темноте. Его лица коснулось неописуемо зловонное дыхание — дыхание склепа. Бен увидел язык миссис Глик, неестественно медленно облизавший зубы.

Она дернула молодого человека на себя, принимая в объятия, и в ту же минуту Бен воздел крест. Закругленный конец шпателя, из которого была сделана перекладина, угодил ей под подбородок, а потом без какого-либо телесного сопротивления пошел дальше, вверх. От вспышки, полыхнувшей не перед глазами, а словно бы внутри головы, Бен ослеп — но это не был свет. Жарко запахло горелым мясом. На этот раз она закричала в полную силу, крик был полон страдания. Бен скорее почувствовал, чем увидел, как Марджори отпрянула, споткнулась о телевизор, свалилась на пол, выставив белую руку, чтобы прервать падение, и с волчьей проворностью снова очутилась на ногах. Сузившиеся от боли глаза были по-прежнему полны маниакального голода. Плоть нижней челюсти почернела и дымилась. Марджори рычала.

— Давай, сука,— пропыхтел Бен.— Давай, давай.

Он снова выставил перед собой крест и загнал пятившуюся от него миссис Глик в дальний левый угол комнаты. Когда она оказалась там, Бен собрался вжать распятие ей в лоб. Но стоило спине Марджори прижаться к сходящимся стенам, как раздался визгливый пронзительный смешок, заставивший Бена поморщиться. Смешок напоминал царапанье вилкой по фарфоровой тарелке.

— Кое-кто и сейчас смеется! И сейчас вас становится все меньше!

Тут ее тело на глазах у Бена вытянулось и стало прозрачным. Ему на секунду показалось, что она еще тут, смеется над ним, но в следующий момент белый свет уличного фонаря осветил голую стену — и оста-

лось лишь мимолетное ощущение в нервных окончаниях, которые, похоже, докладывали, что противник подобно дыму просочился сквозь поры в стене.

Марджори Глик исчезла.

А Джимми кричал.

11.

Бен включил флюоресцентные лампы под потолком и повернулся, чтобы посмотреть на товарища, но тот уже был на ногах. Он держался за шею, и пальцы были искристо-алыми.

— Она *укусила* меня! — выл Джимми.— Господи Исусе, она меня *укусила*!

Бен подошел к нему и попытался обнять, но Джимми отпихнул его, бешено вращая глазами.

— Не трогай меня. Я нечист.

— Джимми...

— Дай мою сумку. Господи, Бен, я чувствую, что оно там. Оно во мне — и делает свое дело. *Ради Бога, дай мне сумку!*

Бен принес лежавшую в углу сумку. Выхватив ее у Бена из рук, Джимми подошел к секционному столу и поставил сумку на него. Мертвенно-бледное лицо сияло от пота. Из рваной раны на шее беспощадно выплескивалась кровь. Судорожно, со свистом дыша широко раскрытым ртом, Джимми присел на стол, открыл сумку и порылся в ней.

— Она меня *укусила*,— пробормотал он в раскрытую сумку.— Ее рот... о Боже, ее грязная поганая *пасть*...

Джимми вытащил из сумки флакон антисептика, и снятый колпачок, крутясь, пролетел по кафельному полу. Оперевшись на руку, Джимми откинулся назад, перевернул бутылочку над горлом, и на рану, брюки, стол выплеснулась дезинфицирующая жидкость, нитями вымывая кровь. Он закрыл глаза, вскрикнул, потом еще. Державшая флакончик рука не дрогнула.

— Джимми, что я могу...

— Минутку,— пробормотал Джимми.— Погоди. Думаю, уже лучше. Погоди, просто погоди...

Он отшвырнул флакон, который вдребезги разлетелся на полу. Отчетливо была видна отмытая от свернувшейся крови рана. Бен увидел, что ран две —

два прокола рядом с яремной веной, один — со страшно искромсанными краями.

Джимми достал из сумки ампулу и шприц, содрал с иглы защитную оболочку и проткнул ампулу. Руки тряслись так, что ему пришлось сделать два захода. Заполнив шприц, он протянул его Бену.

— Противостолбнячная,— объяснил он.— Коли. Вот сюда.— Он вытянул руку, поворачивая так, чтобы стала видна подмышечная впадина.

— Джимми, ты вырубишься.

— Нет. Не вырублюсь. Давай.

Бен взял шприц и вопросительно заглянул Джимми в глаза. Тот кивнул. Бен воткнул иголку.

Тело Джимми напряглось, как стальная пружина, он на секунду превратился в агонизирующее изваяние. Все жилы от резкого облегчения натянулись, потом, мало-помалу Джимми начал расслабляться. Тело в ответ на введение сыворотки содрогнулось, и Бен заметил, что пот на лице Джимми смешался со слезами.

— Приложи ко мне крест,— сказал Джимми.— Если я все еще не очистился от нее, со мной... со мной что-нибудь произойдет.

— Думаешь?

— Уверен. Когда ты погнался за ней, я посмотрел на тебя и мне захотелось погнаться *за тобой*. Господи помилуй, захотелось! Потом я посмотрел на этот крест и... меня чуть не вывернуло.

Бен приложил крест к шее Коди. Ничего не случилось. Сияние — если крест вообще сиял — бесследно исчезло. Бен убрал крест.

— Ладно,— сказал Джимми.— Думаю, больше мы ничего не можем сделать. — Он порылся в сумке, нашел пакетик с двумя пилюлями и разжевал их.— Наркота,— сказал он.— Великое изобретение. Слава Богу, я сходил в сортир до того... до того, как это случилось. По-моему, я обдулся, но вышло всего капель шесть. Можешь забинтовать мне шею?

— Наверное,— отозвался Бен.

Джимми дал ему марлю, пластырь и хирургические ножницы. Нагнувшись, чтобы наложить повязку, Бен увидел, что кожа по краям ран приобрела скверный густо-красный цвет. Когда Бен осторожно прижал повязку к месту, Джимми вздрогнул от боли. Он сказал:

— Пару минут мне казалось, что я чокнусь. По-настоящему, в клиническом смысле этого слова. Ее губы на моей шее... укус... — Он сглотнул.— Когда она кусала меня, мне это *нравилось*, Бен. Вот что самое гадкое. Честно говоря, у меня встал. Веришь, нет? Если б ты ее не оттащил, я бы... я бы позволил ей...

— Наплюй,— сказал Бен.

— Я должен сделать еще одну вещь, которая мне не нравится.

— Какую?

— Сейчас. Посмотри-ка на меня.

Бен закончил бинтовать и немного отстранился, чтобы взглянуть на Джимми.

— Что...

И вдруг Джимми сильно ударил его. В голове у Бена рассыпались звезды, он сделал три неверных шага назад и тяжело сел на пол. Он потряс головой и увидел, что Джимми осторожно слезает со стола и направляется к нему. Он бешено вцепился в крест, а в голове проносилось: вот это и есть «концовка по-О. Генри», ах ты срань тупая, идиот, кретин...

— Ты в порядке? — спросил Джимми.— Извини, но, когда не знаешь, что предстоит, немного легче.

— Господи Иисусе, что...

Джимми опустился на пол рядом с ним.

— Сейчас я расскажу тебе нашу версию,— сказал он.— Версия убогая до безобразия, но я абсолютно уверен, что Мори Грин ее подтвердит. Что сохранит мне практику и убережет нас обоих от тюрьмы или сумасшедшего дома... кстати, раз уж пошел такой разговор, меня заботит не столько все перечисленное, сколько как сохранить свободу и дать еще один бой этим... этим тварям — называй их как угодно. Понимаешь?

— Суть — да,— отозвался Бен. Он потрогал челюсть и сморщился. Слева на подбородке вскочила шишка.

— Пока я осматривал миссис Глик, кто-то вломился сюда и напал на нас,— сказал Джимми.— Сперва вмочил тебе, потом сделал боксерскую грушу из меня. Во время борьбы этот кто-то укусил меня, чтобы я его выпустил. Вот все, что мы с тобой помним. *Все*. Ясно?

Бен кивнул.

— На этом хмыре была темная куртка — может, синяя, может, черная — и не то серая, не то зеленая вязаная шапка. Больше ты ничего не видел. Лады?

— Ты никогда не думал о том, чтобы бросить лечебное дело ради карьеры писателя?

Джимми улыбнулся.

— Способным к творчеству я становлюсь только в те минуты, когда крайне необходимо соблюсти свои интересы. Сумеешь запомнить нашу историю?

— Само собой. По-моему, она вовсе не такая убогая, как тебе кажется. В конце концов, это не первый труп, который исчезает за последнее время.

— Надеюсь, два и два они сложат? Но шериф округа куда сообразительнее, чем Паркинс Джиллеспи когда-нибудь думал стать. Надо будет поостеречься. Не приукрашивай нашу сказочку.

— Думаешь, власти заметят во всем этом взаимосвязь?

Джимми покачал головой.

— Шансов ноль. Нам придется вожжаться самим. И помни, что с этого момента мы преступники.

Немного позже он пошел и позвонил Мори Грину, а потом — шерифу округа Хомеру Маккаслину.

12.

В Евин пансион Бен снова попал в четверть первого ночи. Сварив себе в пустынной кухне первого этажа чашку кофе, он медленно выпил его, заново прокручивая в голове события вечера и восстанавливая их в памяти с тщанием человека, который только что избежал падения с высокой лестницы.

Шериф округа оказался высоким лысеющим мужчиной, жующим табак. Двигался он не спеша, но умные глаза следили за происходящим. Из кармана штанов Маккаслин вытянул огромный затрепанный блокнот на цепочке, а из глубин зеленой вязаной жилетки извлек старую толстую авторучку. Пока два его помощника обрабатывали помещение порошком в поисках отпечатков пальцев и фотографировали, он задавал Джимми с Беном вопросы. На втором плане тихо стоял Мори Грин, время от времени бросавший на Джимми озадаченные взгляды.

Что привело их в похоронное бюро Грина?

Этот вопрос Джимми взял на себя, отбарабанив историю об энцефалите.

Старый доктор Ридон знает об этом?

Ну... нет. Джимми думал, что лучше сперва потихоньку проверить, а уж потом рассказывать об этом. Про дока Ридона, в свою очередь, давно известно, что он бывает... э-э... болтлив не в меру.

Как насчет энцефа... как его там? Покойница в самом деле заразная?

Нет, почти точно — нет. Джимми закончил обследование до того, как вломился этот хмырь в куртке. Он (Джимми) не хотел бы — да и не может — делать заявления относительно *настоящих* причин смерти этой женщины. Но энцефалит здесь точно ни при чем.

Могут они описать этого типа?

Молодые люди ответили, не выходя за рамки разработанной ими версии. Бен добавил пару коричневых рабочих башмаков — просто, чтобы они с Джимми не слишком напоминали Труляля и Траляля.

Маккаслин задал еще несколько вопросов, и только Бен начал чувствовать, что они выберутся из этого невредимыми, как шериф повернулся к нему и спросил:

— А вы тут что делаете, Мирс? Вы не доктор.

И добродушно моргнул настороженными глазами. Джимми разинул рот, чтобы ответить, но шериф утихомирил его одним-единственным движением руки.

Если Маккаслин решил попробовать внезапно испугать Бена, чтобы тот сделал виноватое лицо или жест, то ему это не удалось. Эмоционально Бен был слишком измотан, чтобы отреагировать заметно. После всего случившегося ему не казалось, что, подловив его на ложном заявлении, шериф нанесет такой уж сокрушительный удар.

— Нет, не врач. Писатель. Пишу романы. В книге, над которой я работаю сейчас, один из важных второстепенных персонажей — сын гробовщика. Мне просто хотелось заглянуть за кулисы. И я напросился приехать сюда вместе с Джимми. Он сказал, что не хотел бы особенной огласки своему делу, так что я не расспрашивал.— Бен потер подбородок, где вскочила небольшая узловатая шишка.— Зато получил больше, чем стремился.

По-видимому, ответ Бена не обрадовал Маккаслина, но и не разочаровал.

— Да уж. Это вы написали «Дочь Конвея», да?

— Да.

— Моя жена читала кусочек в каком-то женском

журнале. По-моему, в «Космополитэн». Смеялась до чертиков. Я проглядел сам, только не нашел ничего смешного в том, что какая-то девчушка села на наркотики.

— Да,— согласился Бен, глядя Маккаслину в глаза.— Я тоже не вижу в этом ничего смешного.

— Говорят, новая книжка — та, над которой вы работаете — про Удел?

— Да.

— Тут вот Мо Грин — может, хотите, чтоб он ее прочел? — заметил Маккаслин.— Просмотрел, правильно ли вы ухватили похоронные моменты?

— Про это я еще не писал,— сказал Бен.— Я сперва изучаю предмет, потом пишу. Так легче.

Маккаслин недоуменно покачал головой.

— Знаете что? То, что вы мне тут рассказали, смахивает на одну из книжек с Фу Манчу. Какой-то малый вламывается сюда, одолевает двух крепких мужиков и смывается с телом несчастной бабы, которая неизвестно с чего померла.

— Послушайте, Хомер...— начал Джимми.

— Я тебе не Хомер,— сказал Маккаслин.— Мне это не нравится. Мне все это не нравится от начала до конца. Энцефалит — штука заразная, верно?

— Да, это инфекционное заболевание,— осторожно ответил Джимми.

— И ты все равно притащил с собой писателя? Зная, что она, может статься, подцепила такую вот заразу?

Джимми сердито пожал плечами.

— Шериф, я не спрашиваю вашего мнения как профессионала. Вам просто придется примириться с моим. Энцефалит — инфекция с довольно длинным инкубационным периодом и распространяется по кровяному руслу человека медленно. Я счел, что никакой опасности тут нет — ни для меня, ни для мистера Мирса. И не лучше ли будет, если вы сейчас оставите нас и попробуете узнать, кто же утащил тело миссис Глик — Фу Манчу или нет. А может быть, у вас такое развлечение — допрашивать?

Откуда-то из внушительного живота Маккаслина вырвался глубокий вздох. Шериф захлопнул блокнот и уложил обратно в глубины кармана.

— Ладно, Джимми, мы дадим сообщение. Сомневаюсь, чтобы от этого было много толку — вот разве

что этот чудила еще раз объявится... ежели он вообще существует, в чем я лично сомневаюсь.

Джимми поднял брови.

— Ты мне врешь,— терпеливо пояснил Маккаслин.— Это и я понимаю, и мои помощники... чем черт не шутит, может, и старина Мо тоже. Сколько ты наврал — много, мало — я не знаю, зато знаю вот что: раз вы оба держитесь одного и того же, *доказать*, что ты врешь, я не могу. Можно бы забрать вас обоих в кутузку, но по закону я должен дать вам обоим по разу позвонить, а даже самый зеленый пацан, только-только из юридической школы, в состоянии вытащить вас из-за решетки, потому как то, что я против вас имею, лучше всего можно описать как «подозрение в неизвестном шахер-махере». Небось твой-то юрист свой диплом не вчера получил, э?

— Нет,— ответил Джимми.— Не вчера.

— Я бы все равно забрал вас, и были бы у вас неприятности, только кажется мне, что врете вы не потому, что проштрафились перед законом.— Маккаслин пнул педаль стоявшего возле секционного стола мусорного бачка, сделанного из нержавейки. Крышка с грохотом отскочила, и Маккаслин выстрелил в бачок коричневой струей табачной слюны. Мори Грин вздрогнул.— Никому неохота пересмотреть свой рассказ? — спросил шериф, и гнусавый провинциальный выговор исчез.— Дело это серьезное. В Уделе четыре смерти, и все четыре тела пропали. Я хочу знать, что творится.

— Все, что мы знаем, мы вам рассказали,— спокойно и твердо сказал Джимми. Он смотрел прямо на Маккаслина.— Если бы знали больше, рассказали бы больше.

Маккаслин вернул ему не менее острый взгляд.

— Ты перепуган до усёру,— заметил он.— И этот писатель тоже. Оба. Такими в Корее бывали парни, которых приносили с передовой.

Полицейские смотрели на них. Бен с Джимми промолчали.

Маккаслин опять вздохнул.

— Давайте, пошли отсюда. Я хочу, чтобы завтра к десяти вы оба явились ко мне в контору и дали показания. Если к десяти вас не будет, пошлю за вами патрульную машину.

— Вам не придется это делать,— сказал Бен.

Маккаслин скорбно взглянул на него и покачал головой.

— Вам надо писать книжки, в которых больше смысла. Как тому парню, что сочиняет истории про Трэвиса Мак-Джи. Чтоб было, во что всадить зубы.

13.

Бен поднялся из-за стола и ополоснул в раковине чашку из-под кофе, задержавшись, чтобы выглянуть за окно в черноту ночи. Что сегодня бродило в ней? Марджори Глик, наконец воссоединившаяся с сыном? Майк Райерсон? Флойд Тиббитс? Карл Формен?

Он развернулся и пошел наверх.

Остаток ночи он проспал при включенной настольной лампе, а сооруженный из шпателей крест, обративший в бегство миссис Глик, оставил на столике по правую руку. Последнее, о чем подумал Бен перед тем, как его объял сон, было: в безопасности ли Сьюзан, все ли с ней в порядке.

Глава двенадцатая

МАРК

1.

Услышав отдаленный хруст прутьев в первый раз, Марк прокрался за ствол большой ели и там остановился, поджидая, кто же объявится. *Они* днем выходить не могли, но это не значило, что и м не найти людей, которым дневной свет нипочем — например, за деньги. Впрочем, были и другие способы. Марк видел в городе этого хмыря Стрейкера — глаза у того были как у жабы, греющейся на солнышке на камне, а вид такой, будто он способен ломать руку младенцу и при этом улыбаться.

Марк ощупал угадывающуюся в кармане пиджака увесистую отцовскую ракетницу. Пули против *них* не годились (кроме, может быть, серебряных), но этого Стрейкера выстрел между глаз научит родину любить, будьте покойны.

Взгляд мальчика на секунду скользнул к заверну-

тому в кусок старого полотенца предмету грубой цилиндрической формы, прислоненному к дереву. За домом Марка была поленница — пол-корда желтых осиновых поленьев, которые они с отцом напилили в июле и августе цепной пилой Маккаллоха. Марк знал: отец — педант, так что длина каждого полена — три фута плюс-минус дюйм. Какая длина требуется, отец знал так же хорошо, как то, что за осенью придет зима и желтая осина будет гореть в камине гостиной долго и ясно.

Сын Генри Питри знал и другое. Он знал, что осина — для таких людей... тварей... как о н. Сегодня утром, пока отец с матерью были на прогулке, мальчик взял полено и обтесал бойскаутским топориком, превратив один его конец в грубое острие. Пусть грубое, сослужить свою службу оно должно было.

Увидев промелькнувшее цветное пятно, Марк отпрянул за дерево, одним глазком выглядывая из-за шершавого сука. Почти тотчас же он впервые мельком, но отчетливо увидел, кто взбирается на холм. Это была девушка. Марк почувствовал облегчение, смешанное с разочарованием: никаких приспешников дьявола, просто дочка миссис Нортон.

Он опять напряг глаза. Она тоже несла кол! Девушка подошла поближе, и Марк ощутил непреодолимое желание язвительно рассмеяться: девчонка тащила кусок противоснежной изгороди, вот что! Пара взмахов обычным молотком — и он разлетится точно пополам.

Девушка должна была пройти мимо его дерева справа. Расстояние между ними сокращалось все сильнее, и Марк заскользил вокруг ствола влево, стараясь не ступать на мелкие прутики, которые могли бы выдать его своим треском. Наконец синхронное перемещение закончилось. Очутившись к Марку спиной, девушка направилась дальше вверх по склону, к прогалине среди деревьев. Марк с одобрением отметил, что идет она очень осторожно. Хороший признак — несмотря на дурацкий колышек из забора, она явно имела какое-то представление о том, во что сунулась. Тем не менее, если она сейчас не остановится, то беды не миновать. Стрейкер дома. Марк торчал тут с половины первого и видел, как Стрейкер вышел на подъездную дорогу, осмотрел проселок и вернулся в дом. Марк пытался сообразить, что же ему делать, и

тут, испортив уравнение, в происходящее вмешалась эта девчонка.

Может, с ней все обойдется. Она остановилась под прикрытием кустов и пригнулась — смотрела на дом, и только. Марк задумался. Девушка явно была в курсе. Откуда — не имело значения. Следовало пойти предупредить ее, что Стрейкер все еще где-то здесь и начеку. Пушки у нее, наверное, нет, даже такой маленькой, как у него.

Марк соображал, как дать ей знать о своем присутствии, чтобы она не развизжалась, и тут взревел мотор машины Стрейкера. Девчонка явственно подскочила, и Марк испугался было, что она сейчас не выдержит и кинется бежать, с треском ломясь через лес и объявляя о своем присутствии на сотню миль. Но она опять присела на корточки, придерживаясь за землю, словно боялась, что та от нее улетит. «Даже если она дура, трусихой ее не назовешь,» — одобрительно подумал Марк.

Стрейкер задним ходом вывел машину с подъездной дороги (с девчонкиного места наверняка было видно гораздо лучше, сам Марк углядел только черную крышу «Паккарда), на секунду остановился и поехал в сторону города.

Мальчик решил, что надо объединиться в одну команду. Все лучше, чем одному идти в этот дом. Он уже нюхнул окутывающей дом гибельной атмосферы. Марк учуял ее за полмили и, чем ближе подходил, тем гуще она становилась.

Он взбежал по склону, легко касаясь ногами ковра хвои, и положил ладонь девушке на плечо. Тело девушки ощутимо напряглось. Марк понял, что сейчас она завизжит, и сказал:

— Не ори. Все нормально. Это я.

Она не завизжала. У нее вырвался полный ужаса выдох. К нему обернулось побелевшее лицо:

— К-кто «я»?

Он сел рядом с ней.

— Меня зовут Марк Питри. Я тебя знаю — ты Сью Нортон. Мой папа знаком с твоим.

— Питри?.. Генри Питри?

— Да, я его сын.

— Что ты тут делаешь? — Она не переставала обшаривать Марка взглядом, словно до нее еще не дошло, что он настоящий.

— То же, что и ты. Только этот кол не годится. Он слишком...— Марк ухватился за слово, появившееся в его лексиконе «с листа», по определению, а не от того, что Марк им пользовался.— ...непрочный.

Сьюзан опустила глаза к своему куску загородки и по-настоящему покраснела.

— А, это... ну, я нашла его в лесу и... и подумала, вдруг кто-нибудь споткнется и упадет, поэтому я просто...

Он нетерпеливо прервал ее взрослую краткую попытку потянуть время:

— Ты пришла убить вампира, так?

— С чего ты взял? Что это тебе в голову лезут вампиры и прочее в том же духе?

Марк серьезно ответил:

— Вчера ночью вампир пытался добраться до меня. И, между прочим, чуть не добрался.

— Ерунда. Такой большой мальчик, а выдумываешь...

— Это был Дэнни Глик.

Сьюзан подалась назад, сузив глаза, словно вместо ответа получила издевательский тычок. Потянувшись, она нашла руку Марка и схватила. Их взгляды скрестились.

— Ты это придумал, Марк?

— Нет,— сказал он и в нескольких простых фразах изложил свою историю.

— И ты пришел сюда один? — спросила Сьюзан, когда он замолчал.— Ты поверил и пришел сюда один?

— Поверил? — Марк наградил ее откровенно озадаченным взглядом.— Конечно, поверил. Я же сам видел, разве не так?

Ответить на это было нечего, и Сьюзан внезапно устыдилась того, как сразу усомнилась (да нет, усомнилась — слишком мягко сказано) в рассказе Мэтта и условном принятии его Беном.

— А ты как тут оказалась?

Она замялась и ответила:

— В городе кое-кто подозревает, что в этом доме живет человек, которого никто еще не видел. Что он может оказаться... э...— У нее все еще не поворачивался язык выговорить это слово, но Марк кивнул: понятно. Даже при таком коротком знакомстве парнишка казался весьма необычным. Опуская все, что

могла бы добавить, Сьюзан просто сказала: — Поэтому я пришла посмотреть и выяснить.

Марк кивнул в сторону колышка.

— А это принесла, чтобы забить в него?

— Не знаю, смогу ли.

— Я смогу,— хладнокровно сказал он.— После того, что видел вчера ночью — смогу. Дэнни висел за моим окном, как здоровенная муха. А зубы у него...— мальчик потряс головой, отгоняя кошмар, как деловой человек отгоняет клиента-банкрота.

— Твои родители знают, что ты здесь? — спросила Сьюзан, понимая, что знать это они не должны.

— Нет,— небрежно сообщил мальчик.— По воскресеньям они выбираются на природу. По утрам идут слушать птиц, а день у них тоже занят. Иногда я хожу с ними, иногда — нет. Сегодня они поехали покататься на побережье.

— Вот это пацан,— сказала Сьюзан.

— Нет,— сказал Марк. Похвала не смутила его.— Но от *него* избавлюсь.

Он посмотрел на дом.

— Ты уверен...

— Само собой. И ты тоже. Ты что, не *чувствуешь*, какая он дрянь? И этот дом тебя не пугает одним только видом?

— Да,— просто призналась девушка, сдаваясь. Логика мальчика была логикой нервных окончаний, и, в отличие от логики Бена Мирса, сопротивляться ей было невозможно.— Как будем действовать? — спросила она, машинально отдавая Марку лидерство в затее.

— Просто поднимемся к дому и влезем,— сказал он.— Найдем его, забьем в сердце кол — *мой* кол — и снова выйдем. Он, вероятно, в подвале. Ты взяла фонарик?

— Нет.

— Черт, и я не взял.— Он бесцельно поворошил листья обутой в кроссовку ногой.— Крест, небось, тоже не принесла?

— А вот и принесла,— сказала Сьюзан. Она вытащила из-за пазухи и показала Марку цепочку. Он кивнул, а потом продемонстрировал свою, под рубахой.

— Надеюсь, я сумею вернуться раньше предков,— угрюмо сказал он.— Я свистнул это у мамы, из короб-

ки с украшениями. Если она это обнаружит, мне небо с овчинку покажется.— Мальчик огляделся. Пока они разговаривали, тени вытягивались. Они со Сьюзан испытали внезапный порыв откладывать, откладывать...

— Когда найдем его, не смотри ему в глаза,— велел Марк.— Он не может вылезти из гроба, пока не стемнеет, но завлечь взглядом все равно может. Знаешь наизусть что-нибудь церковное?

Они двинулись сквозь кусты, отделявшие лес от нестриженного газона дома Марстена.

— Ну, «Отче наш»...

— Отлично. Это я тоже знаю. Будем читать хором, пока я буду вгонять кол.

Он увидел полное отвращения, никнущее лицо девушки, взял ее руку и сжал. Хладнокровие Марка приводило в замешательство.

— Послушай, мы *должны*. Чтоб мне провалиться, за прошлую ночь он прибрал к рукам полгорода. Если еще подождать, весь город пропал. Теперь дело пойдет быстро.

— За прошлую ночь?

— Мне приснилось,— сказал Марк по-прежнему спокойно, но глаза потемнели.— Мне приснилось: они подходили к домам и звонили по телефону, и умоляли, чтобы их впустили. Некоторые понимали — где-то в глубине души — но все равно впускали их. Ведь это легче, чем думать, что такое может твориться на самом деле.

— Это просто сон,— тревожно отозвалась Сьюзан.

— Спорим, сегодня куча народу лежит в постели, задернув занавески и закрыв ставни, и гадает — может, у них грипп или простуда. Во всем теле у них слабость, а в голове все путается. И есть им не хочется, при мысли о еде их тошнит.

— Откуда ты все это знаешь?

— Читаю журналы про монстров,— ответил он,— и, когда удается, хожу в кино. Обычно приходится говорить маме, что иду смотреть диснеевские мультики. Правда, всему верить нельзя. Иногда напридумывают всякой дряни просто, чтоб история вышла покровавей.

Они уже были сбоку от дома. Сьюзан подумала: «Скажите пожалуйста, экая команда уверовавших! Старый учитель, наполовину свихнувшийся от кни-

жек. Писатель, у которого детские кошмары стали навязчивой идеей. Мальчишка, который по фильмам и грошовым страшным книжкам изучил сверх программы курс вампироведения. А я? Я действительно верю в это? Неужели паранойя заразна?»

Она верила.

Как и сказал Марк, рядом с домом охота смеяться пропадала. Все мыслительные процессы и сам разговор затмил более глубинный голос, пронзительно вопивший: «*опасность! опасность!*» — но не словами. Сердце у Сьюзан заколотилось, дыхание стало частым, но кожа похолодела из-за сосудосуживающего действия адреналина, который во время стресса удерживает кровь в глубоких колодцах тела. Почки закрылись наглухо и отяжелели. Глаза словно бы приобрели сверхъестественную зоркость, вбирая каждую щепочку, каждую чешуйку краски на боковой стене дома. Но не внешние стимулы стали причиной запуска всех этих механизмов: тут не было ни вооруженных людей, ни огромных рычащих псов, ни запаха гари. После долгой спячки очнулся страж, спрятанный куда глубже, чем пять чувств Сьюзан. И отмахнуться от него было невозможно.

Она заглянула в щель между ставнями на первом этаже.

— Батюшки, да тут ничего не сделано,— сказала она чуть ли не сердито.— Настоящая помойка.

— Дай посмотрю. Подними-ка меня.

Сьюзан переплела пальцы, чтобы Марк мог заглянуть сквозь сломанные доски в разрушающуюся гостиную дома Марстена. Мальчик увидел заброшенную коробку гостиной с толстой патиной пыли на полу (во многих местах пересеченном следами ног), лохмотьями свисающие обои, два или три старых складных кресла, исцарапанный стол. В углах с потолка свисали фестоны паутины. Не успела Сьюзан возразить, как Марк застучал тупым концом кола по удерживавшим ставень крючку с петлей. Обе ржавых части запора упали на землю, а ставни со скрипом разошлись на пару дюймов.

— Эй! — запротестовала девушка.— Не надо...

— А что ты предлагаешь? Позвонить в дверь?

Он оттянул правый ставень и выбил одно из пыльных волнистых стекол. Оно со звоном выпало внутрь. Сьюзан охватил жаркий сильный страх, во рту появился медный привкус.

— Еще можно сбежать,— сказала она вроде бы себе самой.

Марк сверху взглянул на нее. В его взгляде не было презрения, только честность и такой же сильный страх, какой чувствовала она сама.

— Если тебе надо, иди,— сказал мальчик.

— Да нет, не надо,— она попыталась сглотнуть, чтобы избавиться от комка в горле, но тщетно.— Давай скорей. Ты делаешься тяжелым.

Марк выбил торчащие осколки выдавленного стекла, перебросил кол в другую руку, а освободившуюся просунул в отверстие и отпер окно. Он подтолкнул его кверху, окно слабо застонало — и путь был открыт.

Сьюзан позволила ему слезть, и они молча взглянули на окно. Потом Сьюзан шагнула вперед, оттолкнула правый ставень и, когда он распахнулся, положила руки на занозистый подоконник, готовая подтянуться. Гнездящийся в ней страх был так велик, что вызывал дурноту, подобно некому страшному плоду, который Сьюзан несла в своем чреве. Она поняла наконец, каково было Мэтту Бэрку подниматься по лестнице навстречу тому неведомому, что поджидало в комнате для гостей.

Сознательно или бессознательно, Сьюзан всегда преобразовывала страх в простое уравнение: страхи=неизвестность. И проблема решалась несложным сокращением до простых алгебраических терминов, а именно: неизвестное = скрипучая доска (или еще что-нибудь), скрипучая доска = бояться нечего. Все ужасы современного мира можно было распотрошить простым применением переходной аксиомы равенства. Некоторые страхи, разумеется, были оправданными (не садись за руль в сильный снег и при плохой видимости, не протягивай руку дружбы рычащим собакам, не ходи в парк с незнакомыми мальчиками — как там в старом анекдоте? «Трахнемся или пройдемся?»), но до сего дня Сьюзан не верила, что бывают страхи, недоступные пониманию, апокалиптические и едва ли не парализующие. Данное уравнение решения не имело. Сам процесс движения вперед стал подвигом.

Сьюзан гибко подтянулась, перебросила через подоконник ногу, спрыгнула на пыльный пол гостиной и огляделась. В комнате воняло. Запах сочился из стен почти видимыми миазмами. Она попыталась

внушить себе, что пахнет просто гнилой штукатуркой или скопившимся отсыревшим пометом устроивших гнезда за здешними сломанными обрешетками зверьков — сурков, крыс, может быть, даже енота или двух. Но дело было более серьезным. Вонь животных не бывает такой густой, прочной и въевшейся. Этот смрад заставил Сьюзан подумать о слезах, рвоте, черноте.

— Э-эй,— тихо позвал Марк. Его руки затрепыхались над подоконником.— Помоги немножко.

Она высунулась из окна, подхватила мальчика подмышки и тянула кверху, пока он не уцепился за подоконник. Потом Марк перебросил тело в дом. Ноги в кроссовках глухо стукнули о ковер, после чего в комнате снова воцарилась тишина.

Они обнаружили, что, зачарованные молчанием, прислушиваются к нему. Казалось, нет даже того слабого высокого жужжания, каким звенит полная тишина — звука, с которым лениво успокаиваются нервные окончания. Только огромное мертвое беззвучие да биение крови в висках.

И все равно оба понимали. Конечно. Они не одни.

2.

— Пошли,— сказал Марк.— Осмотримся.— Он очень крепко стиснул кол и бросил на окно короткий тоскливый взгляд.

Сьюзан медленно направилась в коридор, мальчик пошел следом. Прямо за дверями оказался маленький столик, а на нем — книга. Марк взял ее.

— Слушай,— спросил он,— ты знаешь латынь?

— Немножко. Учила в колледже.

— Что это значит? — он показал ей переплет.

Сьюзан прочла вслух, лоб перерезала морщинка. Потом девушка покачала головой: — Не знаю.

Марк наугад раскрыл книгу и вздрогнул. На картинке обнаженный мужчина держал выпотрошенное тело ребенка над чем-то, чего не было видно. Мальчик вернул книгу на место, радуясь, что избавляется от нее (продолговатый переплет казался на ощупь тревожно знакомым), и они вместе отправились по коридору на кухню. Там тени были более заметны. Солнце ушло на другую половину дома.

— Чувствуешь, пахнет? — спросил Марк.

— Да.

— Тут воняет хуже, правда?

— Ага.

Марку вспомнилась мамина темная кладовка в их прежнем доме. Один раз там испортились три бушеля помидоров. Этот запах как две капли воды напоминал запах гниющих, разлагающихся овощей.

Сьюзан прошептала:

— Господи, как мне страшно.

Рука Марка нашла руку Сьюзан и крепко вцепилась в нее.

Линолеум на кухне был старым, зернистым, рваным, а под старой фарфоровой раковиной — вытертым дочерна. Посреди кухни на большом исцарапанном столе стояла желтая тарелка с недоеденным сырым гамбургером. Рядом лежали нож и вилка.

Дверь в погреб была приоткрыта.

— Вот туда нам и надо,— сказал Марк.

— Ой,— слабо отозвалась Сьюзан.

Еле приоткрытая дверь совсем не пропускала в погреб свет. Казалось, голодные языки мрака лижут кухню, поджидая, чтобы пришла ночь и позволила проглотить ее целиком. Эта четверть дюйма тьмы страшила скрытыми в ней невыразимыми возможностями. Сьюзан беспомощно и неподвижно стояла рядом с Марком. Потом мальчик шагнул вперед, потянул открывшуюся дверь и на мгновение остановился, глядя вниз. Девушка увидела, как дергается мышца у него под подбородком.

— По-моему...— начал он, но Сьюзан расслышала что-то за спиной и обернулась, вдруг почувствовав, что они сваляли дурака и уже слишком поздно. Это был Стрейкер. Он усмехался.

Марк обернулся, увидел и попытался пронырнуть у Стрейкера за спиной. Кулак Стрейкера врезался ему в подбородок, и больше мальчик ничего не узнал.

3.

Марк пришел в себя, когда его несли вверх по лестнице, но вела эта лестница не в погреб. Ощущения, что со всех сторон тебя окружает камень, не было, а воняло не так сильно. Марк позволил себе са-

мую малость приподнять веки, голова же по-прежнему вяло болталась на шее. Приближалась лестничная площадка... второй этаж. Марк разглядел это вполне ясно. Солнце еще не село. А значит, оставалась хилая надежда.

Они достигли площадки, и вдруг руки, державшие мальчика, исчезли. Он тяжело грохнулся на пол, ударившись головой.

— Тебе не пришло в голову, что я понимаю, когда меня водят за нос, молодой человек? — спросил Стрейкер. Глядя с полу, легко было дать ему все десять футов роста. Лысая голова поблескивала в сгущающемся полумраке с неброской элегантностью. Марк с растущим ужасом понял, что плечи обвивает веревка.

Он схватился за карман, где раньше лежала ракетница.

Стрейкер расхохотался, запрокинув голову.

— Я взял на себя смелость изъять пистолет, молодой человек. Мальчиков не следует допускать к оружию, в котором они не разбираются... и равным же образом не должно водить барышень в дома, куда вас не приглашали.

— Что вы сделали со Сьюзан Нортон?

Стрейкер улыбнулся.

— Я доставил ее туда, куда она желала отправиться, мальчик мой. В погреб. Позже, когда солнце зайдет, она встретится с тем, ради кого пришла сюда. Ты и сам сведешь с ним знакомство — может быть, сегодня вечером, попозже, или завтра ночью. Конечно, он может отдать тебя девчонке... но мне кажется, он предпочтет заняться тобой сам. У девчонки найдутся свои друзья, среди которых, может статься, есть и такие же, как ты, любители лезть не в свое дело.

Марк выбросил вперед обе ноги, целясь Стрейкеру в промежность, но тот текучим шагом балетного танцовщика отступил в сторону. Одновременно он сам дал Марку пинка, угодив точно по почкам.

Закусив губу, Марк скорчился на полу.

Стрейкер посмеивался. — Давай, молодой человек. Ножками.

— Я... я не могу.

— Тогда ползком,— неумолимо сказал Стрейкер. Второй пинок пришелся по крупной бедренной мышце. Было страшно больно, но Марк стиснул зубы и поднялся на колени, потом — на ноги.

Они прошли по коридору к двери в его дальнем конце. Острая боль в почках унялась до ровной, ноющей.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

— Спеленать, как индейку по весне, молодой человек. Позже, когда мой Хозяин пообщается с тобой, получишь свободу.

— Как остальные?

Стрейкер улыбнулся.

Марк толкнул дверь, шагнул в комнату, где покончил с собой Хьюберт Марстен, и тут с его сознанием случилось что-то странное. Страх не исчез, но словно бы перестал действовать на мысли Марка как тормоз, заклинивая все плодотворные сигналы, однако вместо слов в голове поразительно быстро замигали символы, напоминающие стенографическую запись. Мальчик почувствовал себя лампочкой, внезапно получившей приток энергии из неизвестного источника.

Сама комната оказалась совершенно прозаичной. Под свисающими полосками обоев виднелись белая штукатурка и щитовой камень. Толстый слой пыли на полу (чему виной были время и побелка) пересекала только одна цепочка следов, позволяющая предположить, что кто-то когда-то зашел сюда, осмотрелся и снова вышел. Обстановка складывалась из двух кип журналов, железной кровати без матраца и пружин и маленькой жестяной пластинки с вытершейся надписью «Кэрриэр энд Айвз», некогда служившей печной заслонкой. Окно загораживали ставни, но пыльного света, сочившегося сквозь сломанные доски, хватило, чтобы Марк подумал: наверное, еще час будет светло. Комнату окутывала аура застарелой злобы.

На то, чтобы открыть дверь, увидеть все это и пройти в центр комнаты, где Стрейкер велел Марку остановиться, ушло, наверное, секунд пять. В этот короткий период мысль мальчика, бешено работая в трех направлениях, нашла три возможных выхода из создавшегося положения.

В одном варианте Марк, как герой киновестерна, внезапно мчался через комнату к закрытому ставнями окну, делал попытку проломиться сквозь стекло и ставень сразу и, ведомый слепой надеждой, прыгал вниз навстречу неизвестности. Одним мысленным оком мальчик видел, как с треском вываливается наружу только для того, чтобы рухнуть на груду ржавой бросовой сельхозтехники и последние несколько

секунд жизни провести в корчах, наколовшись на косо срезанные ножи бороны, как жук на булавку. Вторым — как со звоном пробивает стекло и врезается в ставень, который сотрясается, но не ломается. Одежда рвется, тело, изрезанное в дюжине мест, кровоточит, а Стрейкер оттаскивает его от окна.

Вариант номер два: Стрейкер связывает его и уходит. Перед глазами Марка встала картина: он лежит на полу, связанный, дневной свет убывает, он все лихорадочнее (но не менее тщетно) пытается освободиться и, наконец, слышит на лестнице мерные шаги того, кто в миллион раз хуже Стрейкера.

В третьем варианте Марку представлялось, что он прибегнул к трюку, о котором прошлым летом читал в книжке про Гудини. Известный иллюзионист Гудини сбегал из тюремных камер, опутанных цепями ящиков, банковских сейфов, пароходных трюмов и выбирался из наручников. В книжке говорилось, что помимо прочего Гудини проделывал вот что: пока доброволец из публики связывал его, он задерживал дыхание и напрягал сжатые в кулаки руки. Напрягитека мышцы бедер, предплечий и шеи — если они у вас немаленькие, при расслаблении останется небольшой зазор. Весь фокус, таким образом, состоит в том, чтобы полностью расслабиться и заняться медленным, но верным высвобождением, не позволяя панике подгонять себя. Мало-помалу ваше тело покроется вместо смазки потом, и это тоже поможет. Если верить описанию в книжке, это легче легкого.

— Повернись,— сказал Стрейкер.— Сейчас я тебя свяжу. Пока буду связывать, не двигаться. Шевельнешься — выколю тебе правый глаз вот этим,— он сунул Марку под нос большой палец, словно голосовал на шоссе.— Понятно?

Марк кивнул. Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и напружинил все мускулы.

Стрейкер перекинул веревку через балку.

— Ложись.

Марк лег.

Стрейкер крепко стянул веревкой скрещенные за спиной руки мальчика. Потом сделал петлю, накинул Марку на шею и завязал скользящим узлом.

— Ты, молодой человек, привязан к той самой балке, на которой повесился друг и спонсор моего Хозяина в этой стране. Ты польщен?

Марк что-то промычал, и Стрейкер рассмеялся. Он пропустил веревку между ногами мальчика, зверским рывком затянул, и Марк застонал. Стрейкер хохотнул с добродушием монстра.

— Что, больно любимым местам? Ну, это ненадолго. Тебе предстоит жизнь аскета, мальчик мой... долгая-долгая жизнь.

Он обмотал веревкой напружиненные бедра Марка, сделал тугой узел, еще раз обмотал колени, а потом — щиколотки. Теперь Марку позарез требовалось подышать, но он упрямо стоял на своем.

— Дрожишь, молодой человек,— насмешливо сказал Стрейкер.— Ты весь превратился в сплошные твердые узелки. Белое тело... но оно станет еще белее! И все же не стоит так бояться. Хозяин способен на доброту. Что далеко ходить — его очень любят здесь, в твоем родном городе. Просто легкий укольчик, как докторской иголкой — и станет приятно. А позже тебя отпустят, ты пойдешь навестить маму с папой, да? Они уснут, и ты навестишь их.

Он поднялся и добродушно взглянул на Марка.

— А теперь я ненадолго попрощаюсь с тобой, молодой человек. Твою очаровательную спутницу устроят удобно. Когда мы увидимся снова, я понравлюсь тебе больше.

Стрейкер вышел, захлопнув за собой дверь. В замке лязгнул ключ. Шаги Стрейкера спустились по лестнице. Тогда Марк сделал глубокий протяжный выдох и расслабил мышцы.

Державшие его веревки ослабли — самую малость.

Марк лежал неподвижно, сосредотачиваясь. Мысли проносились в голове с прежней неестественной, веселящей скоростью. Из своего положения мальчик видел железную раму кровати на другом краю неровного, вспученного пола, а за ней — стену. Обои в этой ее части отклеились, слезли и лежали под спинкой кровати, как сброшенная змеиная кожа. Марк сосредоточился на небольшом участке стены и тщательно изучил его, выкинув все прочее из головы. В книжке про Гудини говорилось, что все дело в концентрации. Нельзя поддаваться ни страху, ни малейшей панике. Тело должно быть расслаблено полностью, а до того, как хоть пальцем шевельнешь, освобождение должно произойти в уме. Каждый конкретный шаг должен существовать в сознании.

Шли минуты. Мальчик смотрел на стену.

Стена была белой и шишковатой, как старый экран в кинотеатре. В конце концов тело Марка расслабилось до предела, и он увидел себя спроецированным на нее: маленький мальчик в синей футболке и джинсах лежал на боку с заведенными за спину руками, запястья прижимались к пояснице над ягодицами. Шею обвивала петля аркана — при любой серьезной попытке освободиться скользящий узел будет затягиваться, пока не перекроет доступ воздуха настолько, что мозг погрузится в черноту.

Марк смотрел на стену.

Фигурка, которую он там видел, осторожно зашевелилась, хотя сам Марк лежал совершенно неподвижно. Он напряженно следил за всеми движениями своего двойника. Мальчик достиг того уровня концентрации, какой требуется индийским факирам и йогам, способным целыми днями созерцать свои пальцы ног или кончик носа, достиг состояния, в каком некоторые медиумы, отключившись от происходящего, передвигают столы по воздуху или испускают изо рта, носа и кончиков пальцев длинные усики телеплазма. Марк был близок к тому, чтобы воспарить. Он не думал ни про Стрейкера, ни про убывающий дневной свет, он больше не видел ни бугристого пола, ни рамы кровати, ни даже стены. Перед глазами стояла лишь идеально воспроизведенная фигурка мальчика, исполнявшая еле заметный танец тщательно управляемых мускулов.

Марк смотрел на стену.

Наконец, его запястья начали описывать полукружья навстречу друг другу. В дальней точке каждой дуги основания больших пальцев соприкасались. Все остальные мышцы в нижней части предплечий сохраняли неподвижность. Марк не торопился. Он смотрел на стену.

Из пор выступил пот, и запястья задвигались свободнее, описывая вместо полукружий по три четверти круга. Теперь в крайних точках соприкасались тыльные стороны кистей. Стягивающие их петли ослабли еще немного.

Мальчик остановился.

После секундной паузы он взялся выворачивать руки из петли, прижав большие пальцы к ладоням, а остальные собрав щепотью. Лицо было лишено всякого выражения, как у гипсового манекена из универмага.

Прошло пять минут. Теперь руки потели беспрепятственно. Крайняя сосредоточенность до некоторой степени позволила Марку управлять симпатической нервной системой (еще один прием йогов и факиров), и, сам того не зная, мальчик приобрел частичный контроль над непроизвольными функциями тела. Пота из пор вытекало больше, чем могли дать такие осторожные движения. Кисти рук стали скользкими. От падающих со лба капель светлая пыль на полу потемнела.

Марк, включив в работу бицепсы и спинные мышцы, задвигал руками как поршнями: вверх-вниз. Аркан чуть стянулся, зато мальчик почувствовал, что одна из стягивающих запястья петель сползла вниз, на правую ладонь. Теперь она держалась только на кончике большого пальца. Мальчика пронизало возбуждение, и он немедленно замер, поджидая, чтобы оно полностью ушло. Успокоившись, Марк снова взялся за дело. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Каждый раз он выигрывал восьмушку дюйма. И вдруг правая рука очутилась на свободе. Марк был потрясен.

Не меняя положения руки, Марк принялся ее сгибать. Когда он убедился, что размял ее, то подсунул пальцы под петлю, стягивавшую другую руку, и напряг. Левая кисть выскользнула на свободу.

Вытащив руки из-за спины, Марк оперся об пол, на секунду прикрыв глаза. Теперь весь фокус был в том, чтобы не думать о своем успехе и двигаться очень неторопливо.

Опираясь на левую руку, правой Марк ощупал выпуклости и впадинки узла, надежно удерживавшего петлю вокруг шеи. Сразу стало ясно: для того, чтобы освободиться, ему придется без малого удушить себя и вдобавок усилить давление на гениталии, и без того пульсировавшие ровной болью.

Сделав глубокий вдох, Марк принялся трудиться над узлом. Веревка затягивалась все туже, сдавливая шею и промежность, колючие волоски грубой пеньки вонзались в горло крошечными татуировочными иголками. Ему казалось, что узел не поддается бесконечно долго. От бешеного натиска крупных черных цветов, беззвучно взорвавшихся перед глазами, стало хуже видно. Торопиться Марк отказывался. Он мерно раскачивал узел и, наконец, почувствовал в нем новую слабину. На мгновение давление на промежность

невыносимо возросло, а потом он судорожно дернулся, сбросил через голову петлю, и боль уменьшилась.

Марк сел, откинув голову назад, неровно дыша, баюкая пострадавшие гениталии в обеих ладонях. Острая боль сделалась ровной, пропитывающей насквозь, тошнотворной. Стоило ей немного отступить, как Марк посмотрел на закрытое ставнями окно. Пробивающийся сквозь сломанные доски свет полинял до светлой охры — солнце вот-вот должно было сесть. А дверь была на замке.

Перетянув высвобожденную петлю через балку, мальчик принялся за узлы, стягивавшие ноги. Они были такими крепкими, что приводили в бешенство, а сосредоточенность начинала отступать перед нарастающей реакцией.

Освободив бедра, колени и (после борьбы, показавшейся бесконечной) лодыжки, Марк неуверенно встал на ноги среди безобидных колец веревки и покачнулся. Потом начал растирать бедра.

Снизу донеслись шаги.

Раздувая ноздри, Марк в панике посмотрел наверх. Он доковылял до окна и попытался поднять раму. Она оказалась намертво заколочена. В середину деревянного подоконника, как стапеля, под углом входили ржавые гвозди по десять пенни за штуку.

Кто-то поднимался по лестнице.

Вытерев рукой губы, Марк дикими глазами зашарил по комнате. Две связки журналов. Маленькая жестяная дощечка с изображением летнего пикника 1890 года на обороте. Железный остов кровати.

Отчаявшись, мальчик подошел к ней и потянул одну сторону вверх. И тут какие-то далекие боги, заметив, возможно, какую удачу мальчик принес себе сам, сделали и свой скромный благотворительный взнос.

Когда шаги направились по коридору к двери, Марк до конца вывинтил стальную ножку кровати, потянул и отделил ее от рамы.

4.

Марк с занесенной ножкой от кровати стоял за открывающейся дверью, как деревянный индеец с томагавком.

— Молодой человек, я пришел, чтобы...

Стрейкер увидел пустые веревочные кольца и, еще не переступив порог, изумленный до глубины души, прирос к месту на добрую секунду.

Для Марка происходящее замедлилось до скорости повтора футбольного маневра. Ему показалось, что он прицеливался к виднеющейся из-за края двери четвертушке круглого черепа не несколько секунд, а несколько минут.

Ножка, которую мальчик обрушил вниз обеими руками (не так сильно, как мог бы, поскольку пожертвовал часть сил на лучшие цели) пришлась Стрейкеру повыше виска как раз в тот момент, когда он начал оборачиваться, чтобы заглянуть за дверь. Вытаращенные глаза зажмурились от боли. Из раны на голове весело брызнула кровь. Стрейкер откачнулся и спиной вперед ввалился в комнату. Лицо исказила ужасающая гримаса. Он вытянул руки, но Марк ударил еще раз. Теперь трубка угодила чуть выше выпуклого лба, и снова брызнула кровь.

Глаза Стрейкера закатились под лоб, и он бескостно осел на пол.

Марк обогнул тело, глядя на него широко раскрытыми, вылезающими из орбит глазами. Ножка от кровати испачкалась в крови, которая оказалась темнее «текниколоровской» крови из фильмов. Ее вид вызвал у Марка тошноту, но к Стрейкеру мальчик оставался совершенно равнодушным.

«*Я убил его,*» — подумал он. И тут же: «*Хорошо. Хорошо.*»

Рука Стрейкера сомкнулась на его щиколотке.

Марк судорожно ахнул и попытался выдернуть ногу. Рука держала крепко, как стальной капкан, а сам Стрейкер смотрел на него снизу вверх сквозь сочащуюся кровью маску холодными светлыми глазами. Губы беззвучно шевелились. Марк потянул сильнее, но тщетно. С тихим стоном он принялся колотить по цепкой руке Стрейкера своим оружием. Раз, два, три, четыре раза. Пальцы ломались с ужасным звуком, как карандаши. Рука разжалась, и Марк освободился рывком, от которого, спотыкаясь, вылетел за дверь, в коридор.

Стрейкер снова уронил голову на пол, но изуродованная рука с мрачной живостью хватала пальцами воздух — так дергает лапами собака, которой снится, что она гонится за кошкой.

Ножка кровати выпала из пальцев Марка, мужество которого иссякло, и мальчик попятился, дрожа. Потом, охваченный паникой, развернулся и кинулся вниз по лестнице, перепрыгивая онемевшими ногами через две-три ступеньки, не отрывая ладони от занозистых перил.

Ведущий к входным дверям коридор купался в тени, темный и страшный.

Марк зашел в кухню, пугливо озираясь на дверь подвала. В красно-желто-пурпурном пылающем ореоле садилось солнце. За шестнадцать миль от дома Марстена, в приемной похоронного бюро Бен Мирс следил, как стрелки часов колеблются между 7:01 и 7:02. Ничего этого Марк не знал. Он знал, что надвигается час вампира. Задержаться значило опять оказаться с *ними* лицом к лицу после уже пережитого столкновения, вернуться в подвал и попытаться спасти Сьюзан означало официальное присвоение звания живого мертвеца.

Несмотря на это, Марк подошел к двери подвала, действительно спустился на три ступеньки, и только потом его объял страх, спеленавший мальчика едва ли не физическими путами и не позволявший сделать ни шагу дальше. Марк плакал, тело сотрясала сильнейшая дрожь, как в приступе малярии.

— Сьюзан! — пронзительно крикнул он.— Бежим!

— М-Марк? — голос Сьюзан звучал слабо, сонно.— Я ничего не вижу. Так темно...

Неожиданно что-то грохнуло, напомнив гулкий ружейный выстрел, потом раздался басистый бессердечный хохоток.

Сьюзан завизжала... визг перешел в стон, а потом стало тихо.

Ноги Марка рвались унести его прочь, но он все-таки медлил.

А снизу донесся дружелюбный голос, удивительно похожий на голос отца:

— Мальчик мой, спускайся. Я восхищаюсь тобой.

Властность тона была столь велика, что мальчик почувствовал, как страх отхлынул, а ноги словно налились свинцом. Он и в самом деле принялся было нашаривать следующую ступеньку, прежде, чем спохватился и взял себя в руки... на что ушли все остатки разнесенного в пух и прах самообладания.

— Спускайся,— теперь голос прозвучал ближе. За

дружелюбной отеческой интонацией звенела гладкая сталь приказа.

Марк крикнул вниз:

— Я знаю, как тебя зовут! Барлоу!

И опрометью кинулся наутек.

К тому времени, как он добрался до холла первого этажа, страх вернулся со всей полнотой, и, не будь входная дверь отперта, Марк проломил бы ее насквозь, оставив повторяющую очертания тела дыру, как в мультфильме. Он промчался по подъездной дороге (почти так же давным-давно уносил отсюда ноги маленький Бенджамен Мирс), а потом ринулся в сторону города, в сторону сомнительной безопасности прямо по середине Брукс-роуд. И все-таки король вампиров мог погнаться за ним даже сейчас, разве не так?

Круто свернув с дороги, мальчик наудачу углубился в лес, с плеском перешел ручей Тэггарт-стрим, свалился в заросли здоровенных лопухов на другом его берегу и, наконец, вышел на свой задний двор.

Войдя в кухонную дверь, он заглянул через арку в гостиную, где мать, держа на коленях раскрытый телефонный справочник, говорила по телефону. На лице была крупными буквами написана тревога. Мать подняла глаза, увидела Марка и беспокойство смыла волна явственно заметного облегчения.

— ...пришел...

Не дожидаясь ответа, она опустила трубку на рычаги и подошла к сыну. Огорчившись гораздо сильнее, чем Джун могла бы поверить, Марк понял, что мать плакала.

— Ох, Марк... где же ты был?

— Пришел? — крикнул из кабинета отец. Лицо, оторого Марк не видел, мрачнело, предвещая грозу.

— *Где ты был?* — Джун ухватила сына за плечи и встряхнула.

— Гулял,— невыразительно ответил он.— Бежал домой и упал.

Больше сказать было нечего. Существенной и определяющей характеристикой детства является не умение без труда переходить грань, отделяющую грезы от реальности, а отчужденность, и только она. Нет слов, чтобы описать темные повороты и выплески детства. Умный ребенок понимает это и подчиняется неизбежным последствиям. Ребенок, подсчитывающий, во что ему обойдется то-то и то-то, больше уже не ребенок.

Марк добавил:

— Я забыл про время. Это...

И тут на него накинулся отец.

5.

Понедельник. Предрассветные сумерки.

Кто-то царапался в окно.

Марк проснулся мгновенно, без переходного периода дремы или ориентировки. Сон и явь в своем безумии стали уже замечательно схожими. Белое лицо в заоконной тьме принадлежало Сьюзан.

— Марк... впусти меня.

Мальчик вылез из кровати. Пол холодил босые ноги. Марк дрожал.

— Уходи,— невыразительно сказал он. Видно было, что Сьюзан все еще в той же блузке, в тех же слаксах. «Интересно, е е предки волнуются? — подумал он.— В полицию звонили?»

— Это не так уж плохо, Марк,— сказала Сьюзан. Темные глаза ничего не выражали. Она улыбнулась, и в бледных деснах блеснул острый рельеф зубов.— Это так приятно! Впусти меня, я докажу тебе это. Я поцелую тебя, Марк. Я исцелую тебя с ног до головы — так, как никогда не целовала мать.

— Уходи,— повторил он.

— Рано или поздно один из нас доберется до тебя,— сказала Сьюзан.— Теперь нас стало много больше. Пусть это буду я, Марк. Я... я хочу есть.— Она попыталась улыбнуться, но улыбка обернулась отравленной гримасой, заледенившей Марка до костей.

Он поднял свой крест и прижал к оконному стеклу.

Сьюзан зашипела как ошпаренная, выпустила оконную раму и на мгновение зависла в воздухе, тело становилось туманным и неясным. Потом она исчезла. Но Марк успел увидеть (или подумать, что видит) ее отчаянно-несчастное лицо.

Ночь снова погрузилась в молчание и неподвижность.

Теперь нас много больше.

Марк подумал о родителях, которые спали внизу, неумышленно рискуя,— и его затопил страх. Есть такие, кто знает, сказала Сьюзан, когда они только познакомились. Знает — или подозревает.

Кто же?

Разумеется, писатель. Тот, с которым она встречалась. Его зовут Мирс. Он живет в пансионе Евы. Писатели знают многое. Конечно, это он, как же иначе! А значит, Марк должен добраться к Мирсу раньше Сьюзан...

Не дойдя до постели, мальчик остановился.

Если Сьюзан уже там не побывала.

Глава тринадцатая

ОТЕЦ КАЛЛАХЭН

1.

Вечером того же воскресенья в больничную палату к Мэтту Бэрку нерешительно зашел отец Каллахэн. Если верить часам Мэтта, было без четверти семь. Столик у кровати и само одеяло тонули в книгах, среди которых попадались пропылившиеся от времени. Позвонив Лоретте Старчер в ее холостяцкую квартиру, Мэтт добился не только того, чтобы она открыла библиотеку в воскресный день, но и того, что она лично доставила книги. Явившаяся во главе процессии из трех нагруженных санитаров Лоретта Старчер ушла, вроде бы вспылив, поскольку на расспросы по поводу странного подбора книг Мэтт отвечать отказался.

Отец Каллахэн с любопытством рассматривал школьного учителя. Тот выглядел измученным, однако почти все прихожане, кого отцу Каллахэну случалось навещать в подобных обстоятельствах, выглядели куда более измученными и потрясенными. Каллахэн обнаружил: чаще всего человек, узнавший, что у него рак, инсульт, сердечный приступ или отказал какой-то важный орган, испытывает в первый момент чувство, что его предали. Обнаружив, что столь близкий (и, по крайней мере, до сего момента полностью понятный) друг — собственное тело — способно оказаться таким лежебокой и бросить работу, пациент приходит в изумление. Следом сразу же является мысль: друг, который так жестоко тебя подвел, не стоит дружбы. Отсюда заключение — неважно, стоит иметь *такого* друга или нет. Невозможно отказать со-

бственному телу-предателю в общении, невозможно подать на него жалобу или сделать вид, что тебя нету дома, если оно позвонит. Последней в такой цепочке рассуждений на больничной койке бывала чудовищная мысль: возможно, тело человека ему вовсе не друг, но враг, посвятивший себя непримиримому разрушению высшей силы, которая с тех самых пор, как ее поразил недуг рассуждений, пользовалась им, всячески обижая.

Однажды, пребывая в приятном хмельном возбуждении, Каллахэн уселся писать на этот счет монографию для «Католического журнала». Он даже проиллюстрировал ее изуверским рисунком в редакторскую колонку размером: на самом высоком уступе небоскреба балансировал мозг. Здание (надпись: «человеческое тело») пожирали языки пламени (надпись: «рак» — хотя возможных вариантов была целая дюжина). Рисунок был озаглавлен «Слишком высоко — не прыгнешь». На следующий день в приступе усиленной трезвости отец Каллахэн изорвал перспективную монографию в клочки, а рисунок сжег — ни для книги, ни для рисунка места в католических доктринах не было... разве что добавить вертолет, подписанный «Христос», с болтающейся под ним веревочной лестницей. Тем не менее, священник чувствовал, что интуиция его не обманывает, пациента же такая логика «одра больного» обычно доводила до острой депрессии. Признаками были: мутные глаза, медленные ответы, исторгаемые из глубин грудной клетки вздохи, а иногда — слезы при виде священника, этого черного ворона, чья роль для думающего существа, поставленного перед фактом смертности, в высшей степени предсказуема.

Мэтт Бэрк не выказывал ни малейшей подавленности. Он протянул руку, и, пожав ее, отец Каллахэн обнаружил на удивление сильные пальцы.

— Хорошо, что вы пришли, отец Каллахэн.

— Рад был придти. Хорошие учителя, как и мудрые жены, подобны бесценным жемчужинам.

— Даже такие старые грубияны-агностики, как ваш покорный слуга?

— Особенно такие,— ответил Каллахэн, с удовольствием возвращая укол.— Я мог бы застать вас в минуту слабости. Мне говорили, агностики в интенсивной терапии — редкость.

— Увы, скоро меня отсюда переводят.

— Фу-ты ну-ты,— сказал отец Каллахэн.— Но мы еще услышим от вас «Отче наш» и «Пресвятая дева».

— Это,— сообщил Мэтт,— дело не такого далекого будущего, как вы думаете.

Отец Каллахэн сел, и, пододвигая стул, стукнулся ногой о стоявший возле кровати столик. К нему на колени обрушился каскад небрежно сваленных в кучу книг. Перекладывая их обратно, священник вслух читал названия.

— «Дракула». «Гость Дракулы». «В поисках Дракулы». «Золотой сук». «Естественная история вампиров»... естественная? «Венгерские народные сказки». «Чудовища тьмы». «Монстры в реальной жизни». «Петер Кёртин, Дюссельдорфское чудовище». И...— Он смахнул с переплета последней книги толстую патину пыли, обнаружив призрачную фигуру, угрожающе замершую над спящей дамой.— «Вампир Варни, или Празднество крови». Господи... такое чтиво требуется выздоравливающим сердечникам?

Мэтт улыбнулся.

— Бедный старый «Варни». Я читал его давным-давно — для доклада на занятиях в университете... Романтическая литература. Изрядно шокировал профессора, чье представление о фантастике начиналось «Беовульфом» и заканчивалось «Письмами баламута». Я получил за свое сообщение «Д» с плюсом и письменное распоряжение расширить кругозор.

— Но случай Петера Кёртина достаточно интересен,— заметил Каллахэн.— В эдакой отталкивающей манере.

— Вам известна его история?

— Большая ее часть. В бытность свою семинаристом я интересовался подобными вещами. И оправдывался перед весьма скептически настроенными старшими тем, что нельзя успешно служить Господу, только воспаряя к высотам натуры человеческой и не ныряя в ее глубины. Честно говоря, я хитрил. Мне не меньше прочих нравилось трястись от страха. Если не ошибаюсь, Кёртин, еще будучи совсем юным, отправил на тот свет двух товарищей по играм — утопил их. Он просто захватил небольшой плот, стоявший на якоре посреди широкой реки, и отталкивал ребят от него, пока те не выбились из сил и не ушли под воду.

— Да,— подтвердил Мэтт.— Уже подростком он

дважды пытался убить родителей девочки, которая отказывалась гулять с ним. Позже он сжег их дом. Но меня интересует не эта часть его... э-э... карьеры.

— Я догадался — по роду вашего чтения,— Каллахэн отогнул обложку журнала, на которой была изображена невероятно щедро одаренная природой молодая женщина в тесно облегающем костюме, которая пила кровь какого-то молодого человека. Выражение лица этого юноши являло собой тревожное сочетание крайнего ужаса с крайним вожделением. Журнал назывался (очевидно, по имени молодой женщины) «Вампирелла». Заинтригованный, как никогда в жизни, Каллахэн отложил его.

— Кёртин нападал на женщин,— сказал он.— Дюжину с лишним жертв он убил, а еще больше искалечил молотком. Если у них были месячные, Кёртин пил их выделения.

Мэтт Бэрк опять кивнул:

— Еще Кёртин калечил животных, но это не так широко известно,— сказал он.— Когда его навязчивая идея достигла своего пика, он в Дюссельдорфском парке оторвал головы двум лебедям и пил кровь, брызнувшую из шей.

— И все это имеет отношение к причине, по которой вы хотели меня видеть? — спросил Каллахэн.— Миссис Корлесс передала мне, что дело важное.

— Да, так и есть.

— Тогда что же это может быть? Если вы хотели меня заинтриговать, то, несомненно, добились своего.

Мэтт спокойно посмотрел на него.

— Мой хороший друг, Бен Мирс, должен был сегодня связаться с вами. Но не связался, если верить вашей экономке.

— Да. Сегодня я никого не видел с двух часов дня.

— Сам я не сумел к нему дозвониться. Он ушел из больницы вместе с моим врачом, Джеймсом Коди — с ним мне тоже не удалось связаться. Точно так же, как со Сьюзан Нортон, подругой Бена. Она сегодня ушла из дома после обеда, пообещав родителям вернуться к пяти. Они волнуются.

Услышав это, Каллахэн подался вперед. Он был шапочно знаком с Биллом Нортоном, который однажды приходил к нему по поводу проблемы, касавшейся рабочих-католиков.

— Вы что-то подозреваете?

— Позвольте задать вам один вопрос,— сказал Мэтт.— Отнеситесь к нему со всей серьезностью и обдумайте, прежде, чем отвечать. Вы в последнее время не замечали в городе ничего необычного?

Поначалу Каллахэну показалось, что этот человек ведет дело поистине очень осторожно, не желая спугнуть его тем, что у него на уме. Теперь священник был в этом почти уверен. Разбросанные как попало книги предполагали нечто совершенно вопиющее.

— Вампиры в Салимовом Уделе? — спросил он.

Каллахэн всегда думал, что те из страждущих, кто достаточно много вложил в жизнь — художники, музыканты, какой-нибудь плотник, чьи мысли занимает недостроенный дом — иногда могут избежать той глубокой депрессии, какая следует за серьезной болезнью. Интерес в равной степени может относиться и к безобидному (или не очень) психозу, зародившемуся, возможно, до болезни.

Некоторое время назад отцу Каллахэну пришлось беседовать с пожилым человеком по имени Хоррис — того положили в Медицинский центр Мэна с прогрессирующим раком толстого кишечника. Несмотря на боль, которая должна была причинять ему немалые страдания, Хоррис со множеством ясных подробностей побеседовал с Каллахэном о существах с Урана, внедрившихся в каждое проявление американской жизни. «Сегодня парень, который заливает вам в бак бензин у Сонни Амоко — просто Джо Блоу из Фолмута,— сказал священнику этот ясноглазый говорящий скелет.— А завтра это уранец, который просто *выглядит*, как Джо Блоу. Он даже думает и разговаривает, как Джо Блоу, понимаете... потому что уранцы едят альфа-волны: чав, чав, чав!» По мнению Хорриса, он страдал вовсе не раком, а запущенным случаем лазерного отравления. Уранцы, встревоженные тем, что ему известно про их махинации, решили его убрать. Хоррис принял вызов и приготовился погибнуть в борьбе. Каллахэн не пытался разубедить Хорриса, оставив это желающим добра, но туго соображающим родственникам. Каллахэн по собственному опыту знал, что психоз, как и добрый глоток «Катти Сарк», может пойти очень и очень во благо.

Поэтому теперь он просто сложил руки и ждал продолжения.

Мэтт сказал:

— Честно говоря, продолжать трудно. Но, если по-вашему у меня из-за болезни развилось слабоумие, мне будет еще труднее.

Каллахэн, ошарашенный тем, что еще не успел додумать мысль, а Мэтт уже вы разил ее словами, с большим трудом сохранил непроницаемое лицо, хотя если бы сквозь эту невозмутимость и пробилось бы какое-то чувство, то не тревога, а восхищение.

— Напротив, мне кажется, вы мыслите чрезвычайно ясно,— сказал он.

Мэтт вздохнул.

— Ясность мысли не предполагает здравого рассудка... что вам прекрасно известно.— Учитель подвинулся на постели, перераспределяя лежащие вокруг книги.— Если Господь существует, Он, должно быть, заставляет меня платить пеню за жизнь, полную осторожного академизма — за отказ интеллектуально ступать на всякую почву, не снабженную примечаниями в трех экземплярах. Сейчас, во второй раз за день, я принужден делать дичайшее заявление, подкрепить которое совершенно нечем — нет ни намека на доказательства. Все, что я могу сказать в защиту собственного здравого рассудка, это что мои заявления не слишком трудно доказать или опровергнуть, и что вы, надеюсь, сочтете их достаточно серьезными для того, чтобы проверить, пока не стало слишком поздно.— Мэтт издал смешок.— *Пока не стало слишком поздно.* Как звучит, а? Точь-в-точь так писали в тридцатые годы дешевые журналы, верно?

— В жизни мелодрамы хоть отбавляй,— заметил Каллахэн, подумав, что, если оно так, на его долю в последнее время выпадало очень немного.

— Позвольте повторить вопрос: за прошлый уикэнд вы не заметили ничего — *ничего* — странного или необычного?

— Имеющего отношение к вампирам или же...

— Вообще.

Каллахэн подумал.

— Свалка закрыта,— наконец сказал он.— Правда, ворота сломаны, так что я все равно туда проехал.— Он улыбнулся.— Мне, в общем, нравится самому вывозить свой мусор на свалку. Это столь практично и смиренно, что можно на полную катушку предаться самым высокомерным фантазиям о бедном, но счастливом пролетариате. И Дада Роджерса там тоже не оказалось.

— Что-нибудь еще?

— Ну... сегодня утром не пришли к мессе Крокетты, а миссис Крокетт, по-моему, ни разу не пропускала службу.

— Еще?

— Разумеется, бедная миссис Глик...

Мэтт приподнялся на локте.

— Миссис Глик? Что — миссис Глик?

— Умерла.

— От чего?

— Полина Диккенс, похоже, думает, что от сердечного приступа,— с некоторым сомнением ответил Каллахэн.

— Сегодня в Уделе умер еще кто-нибудь? — В обычных обстоятельствах вопрос был бы дурацким. Хотя население таких маленьких городков, как Салимов Удел, в основном состоит из людей пожилых, смерти обычно не следуют одна за другой.

— Нет,— медленно проговорил Каллахэн.— Но смертность в последнее время, конечно же, повысилась, правда? Майк Райерсон... Флойд Тиббитс... малыш Макдугаллов...

Мэтт устало кивнул.

— Странные смерти,— заметил он.— Да. Но еще немного — и эти происшествия смогут послужить друг другу прикрытием. Еще несколько ночей, и, боюсь... боюсь...

— Давайте перестанем ходить вокруг да около,— предложил Каллахэн.

— Ладно. Вам не кажется, что умерших уже слишком много?

Он принялся от начала до конца рассказывать свою историю, вплетая привнесенные Беном, Сьюзан и Джимми дополнения и ничего не скрывая. К тому времени, как Мэтт замолчал, ночной кошмар для Бена с Джимми кончился. А для Сьюзан Нортон только начинался.

2.

Закончив, Мэтт позволил себе минуту помолчать, а потом сказал:

— Вот так. Я сумасшедший?

— Вы определенно решили, что таковым вас соч-

тут в любом случае,— отозвался Каллахэн,— хотя мистера Мирса и своего врача, кажется, убедили. Нет, по-моему, вы не сумасшедший. В конце концов, кому как не мне заниматься сверхъестественным? Если позволите каламбур, оно — мой хлеб насущный.

— Но...

— Давайте, я расскажу вам одну историю. Не поручусь за ее правдивость, но за личное убеждение, что это *правда*, ручаюсь. Дело касается моего доброго друга, отца Рэймона Биссоне, который вот уже несколько лет служит в одном из приходов Корнуолла... на так называемом Тинкоуст. Слышали о таком?

— Да, читал.

— Лет пять назад он написал мне, что его позвали в отдаленный уголок прихода отпеть девушку, которая просто «угасла». Рэя сразу же поразила одна странность: гроб девушки оказался полон диких роз. Еще более нелепым он счел то, что раскрытый рот покойной был подперт палочкой, а потом забит чесноком и диким тмином.

— Но это же...

— Традиционные средства, не дающие Нежити подняться. Да. Народные средства. На вопрос Рэя отец девушки очень небрежно ответил, что дочь убил инкуб. Знаете, что это такое?

— Сексуальный вампир.

— В свое время девушка была помолвлена с молодым человеком по имени Бэннок, у которого сбоку на шее было большое красное родимое пятно. За две недели до свадьбы он возвращался с работы домой, попал под машину и умер. Два года спустя девушка обручилась с другим. За неделю до второго оглашения она весьма неожиданно расторгла эту помолвку. Родителям и друзьям она объяснила, что ночью к ней явился Джон Бэннокс, с которым она обошлась несправедливо. По словам Рэя, ее нового возлюбленного больше огорчила мысль о том, что невеста может стать неуравновешенной, чем возможность визитов демона. Тем не менее девушка стала чахнуть, умерла и была похоронена по старым церковным обрядам.

Однако написать письмо Рэя заставило другое. Причиной было то, что произошло через два месяца после похорон. Гуляя ранним утром, Рэй украдкой заметил на могиле той девушки молодого человека — молодого человека с красным родимым пятном на

шее. Но и на этом история не заканчивается. На Рождество мой друг получил от родителей «поляроид» и забавлялся, снимая сельские виды Корнуолла. Кой-какие я держу дома в альбоме, они весьма недурны. В то утро аппарат висел у Рэя на шее, так что он несколько раз сфотографировал молодого человека. Когда мой друг показал снимки в деревне, реакция оказалась поразительной. Одна женщина упала в обморок, а мать девушки прямо на улице принялась молиться. Но на следующее утро, когда Рэй встал, фигуры молодого человека на фото не было, все, что осталось — несколько видов местного кладбища.

— И вы в это верите? — спросил Мэтт.

— О да. Подозреваю, что мало кто не поверил бы. Рядовой человек и вполовину так не вожделеет сверхъестественного, как любят воображать писатели-фантасты. Почти все занимающиеся подобными темами писатели куда более трезво относятся к духам, демонам и страшилищам, чем простой человек с улицы. Лаверкрафт был атеистом, Эдгар Аллан По — кем-то вроде недоумка-трансцеденталиста. А Готорн оказывался религиозен лишь при удобном случае.

— Вы поразительно сведущи в предмете,— сказал Мэтт.

Священник пожал плечами.

— Как все мальчишки, я интересовался оккультизмом и эксцентричными вещами,— ответил он,— и, когда повзрослел, тяга к служению Господу не погасила этот интерес, а, скорее, усугубила его.— Он глубоко вздохнул.— Но в последнее время я начал задавать себе довольно трудные вопросы о природе мирового зла.— И с кривой улыбкой Каллахэн добавил: — Сколько от него вреда!

— Тогда... вы не выясните для меня кое-что? И не станете возражать против того, чтобы прихватить с собой святую воду и кусочек облатки?

— Сейчас вы ступите на нелегкую теологическую почву,— с неподдельной серьезностью предупредил Каллахэн.

— Почему?

— Я не собираюсь отказывать — по крайней мере, сейчас,— сказал Каллахэн.— И должен заметить, что, попадись вам священник помоложе, он, вероятно, согласился бы почти сразу, не очень-то терзаясь сомнениями.— Он язвительно улыбнулся.— Внешние

атрибуты церкви они рассматривают как вещи скорее символические, нежели имеющие практическое значение, как нечто сродни маске и врачующему жезлу шамана. Такой молодой священнослужитель мог бы счесть вас сумасшедшим, но, если вашему больному рассудку станет легче от разбрызганной кругом святой воды — чудесно-прелестно. Я так не могу. Примись я за это расследование в опрятном твидовом костюме от Харриса, сунув подмышку только экземпляр «Чувственного экзорсиста» Сибил Лик — все оставалось бы между нами. Но если я пойду с телом Христовым... тогда я пойду как представитель Святой Католической Церкви, готовый исполнить самые, со своей точки зрения, духовные ритуалы своего ведомства. В этом случае я иду, как посланник Господа на земле.— Теперь Каллахэн смотрел на Мэтта серьезно и угрюмо.— Может быть, я плохой священнослужитель... такое иногда приходит мне в голову... чуточку пресыщенный, чуточку циничный, а с недавнего времени переживающий мучительный кризис — чего? веры? личности? — но я все еще достаточно верю в наводящие ужас, мистические высшие силы стоящей за моей спиной церкви и не могу с легкостью принять вашу просьбу. Церковь — не просто кучка идеалов, как, похоже, убеждены эти молодые ребята. Это больше, чем духовный отряд бойскаутов. Церковь — Сила... а Силу привести в движение непросто.— Он сурово нахмурился, глядя на Мэтта.— Вы понимаете? Чрезвычайно важно, чтобы вы понимали это.

— Понимаю.

— Видите ли, всеобъемлющая католическая концепция зла в нашем столетии подверглась коренному изменению. И знаете, чем это было вызвано?

— По моим представлениям, Фрейдом.

— Очень хорошо. Католическая церковь стала справляться с новой концепцией, которая победным маршем вошла в двадцатый век: со злом, которое пишут через строчное «з». С дьяволом, оказавшимся не красноргим чудовищем с шипастым хвостом и копытами и не змеем, ползущим по саду — хотя это превосходный психологический образ. Дьявол, согласно Евангелию от Фрейда, есть гигантский сложный ид, наше общее подсознание.

— Разумеется, такая концепция потрясает куда сильнее, чем краснохвостые буки или черти с такими

чувствительными носами, что стоит страдающему запором служителю церкви как следует пернуть — и их как не бывало.

— Конечно, она потрясает гораздо сильнее. Но такая концепция безлична. Безжалостна. Неприкасаема. Изгнать фрейдова дьявола так же невозможно, как торговаться с Шейлоком — нельзя вырвать фунт плоти, не пролив ни капли крови. Католическую церковь вынудили полностью заново истолковать свой подход ко злу: бомбардировщики над Камбоджей, война в Ирландии и на Ближнем Востоке, убийства полицейских и бунты в гетто, миллиарды зол помельче, ежедневно выпускаемых на свободу в мир подобно полчищам москитов. Сейчас она сбрасывает старую кожу — обличье лекаря — чтобы вновь явиться социально активным конгломератом, наделенным социальным сознанием. В городскую дискотеку ходят гораздо активнее, чем к исповеди. Причастие играет вторую скрипку, а первую — движение за права человека и обновление городов. Еще совсем недавно церковь училась твердо держаться на ногах в нынешнем мире.

— Где нет ни ведьм, ни инкубов, ни вампиров,— подхватил Мэтт,— только избиение детей, кровосмешение и насилие над окружающей средой.

— Да.

Мэтт не без умысла сказал:

— И вам это ненавистно, да?

— Да,— спокойно отозвался Каллахэн.— Отвратительно. Таким образом католическая церковь объявляет, что Господь не умер, только немного выжил из ума. На верное, это и есть мой ответ? Что нужно сделать?

Мэтт объяснил.

Каллахэн подумал и сказал:

— Вы понимаете, что это противоречит всему только что изложенному мной?

— Напротив, по-моему, это шанс подвергнуть церковь — *вашу* церковь — испытанию.

Каллахэн глубоко вздохнул.

— Хорошо, я согласен. При одном условии.

— А именно?

— Все, кто собрался в эту маленькую экспедицию, сперва сходят в магазин, которым управляет этот мистер Стрейкер. Наш представитель, мистер Мирс, откровенно поговорит с ним обо всем этом. Чтобы все мы получили шанс понаблюдать реакцию Стрейкера.

И чтобы, в конце концов, тому представилась возможность рассмеяться нам в лицо.

Мэтт хмурился.

— Тогда он насторожится.

Каллахэн покачал головой.

— Полагаю, если мы трое — мистер Мирс, доктор Коди и я — не изменим своему уговору не останавливаться, что бы ни происходило, никакая настороженность не поможет.

— Ладно,— сказал Мэтт.— Если Бен и Джимми Коди дадут «добро», я согласен.

— Отлично.— Каллахэн вздохнул.— Вы обидитесь, если я признаюсь: надеюсь, все это — лишь плод вашего воображения? И этот Стрейкер действительно рассмеется нам в лицо, на что у него будут веские причины?

— Нимало.

— Надеюсь, что так. Вы не до конца понимаете, на что я согласился. Меня это пугает.

— Я тоже боюсь,— тихо сказал Мэтт.

3.

Но, шагая назад к Святому Андрею, Каллахэн вовсе не чувствовал страха. Он был в приподнятом настроении, ощущая себя родившимся заново. Впервые за многие годы Каллахэн был трезв и не жаждал напиться. Войдя к себе, он поднял телефонную трубку и набрал номер пансиона Евы Миллер.

— Алло? Миссис Миллер? Можно попросить мистера Мирса?.. Нету. Да, понимаю. ...Нет, передавать ничего не нужно. Я позвоню завтра. Да, до свидания.

Каллахэн повесил трубку и подошел к окну.

Что, Мирс пьет пиво где-нибудь на проселочной дороге или, может статься, все, рассказанное стариком-учителем, правда?

Если так... если так...

Оставаться в четырех стенах было невозможно. Каллахэн вышел на заднее крыльцо, вдохнул свежий, тугой октябрьский воздух и вгляделся в шевелящуюся тьму. Может быть, дело не в одном только Фрейде. Может быть, многое можно отнести на счет изобретения электричества, которое убивает тени в человеческом сознании куда успешнее, чем кол, пробивший

сердце вампира... и сопряжено это с куда меньшими неприятностями.

Зло не останавливалось, но теперь в жестком бездушном свете фонарей на автостоянках, неоновых трубок, стоваттных лампочек его творили миллиарды. В трезвом свете переменного тока генералы планировали стратегические воздушные бои, и все это вышло из-под контроля — так летит вниз с холма гоночная машина без тормозов, сооруженная ребенком из мыльницы: «*я выполнял данный мне приказ*». Да, вот истинная правда, правдивее некуда. Все мы — солдаты, исполняющие свои письменные предписания, вот и все. Но откуда в конечном итоге исходят приказы? *Отведите меня к вашему руководителю*. Но где его контора? «*Я просто выполнял приказы. Меня избрали.*» Но кто избирал избирателей?

Над головой что-то захлопало, и Каллахэн, выпугнутый из своих запутанных раздумий, посмотрел наверх. Птица? Летучая мышь? Уже улетела. Неважно.

Он прислушался к городской тишине, и услышал только тонкое гудение телефонных проводов.

В НОЧЬ, КОГДА КУДЗУ ПРИХОДИТ К ВАМ НА ПОЛЯ, ВЫ СПИТЕ, КАК УБИТЫЕ.

Кто это написал? Диккей?

Ни звука. Единственный свет — флюоресцентный фонарь перед церковью (где так и не сплясал Фред Эстэйр) да слабое мигание желтого предупредительного огонька на перекрестке Брок-стрит и Джойнтер-авеню. Даже детский плач не нарушал тишину.

В НОЧЬ, КОГДА КУДЗУ ПРИХОДИТ К ВАМ НА ПОЛЯ, ВЫ СПИТЕ КАК...

Ликование — больное эхо гордости — растаяло. В самое сердце кулаком ударил ужас. Каллахэн страшился не за жизнь, не за честь, не того, что экономка может узнать о том, что он пьет. Такой ужас не снился ему даже в мучительные дни отрочества.

Каллахэн до смерти боялся за свою бессмертную душу.

Часть 3. Заброшенный поселок

Я слышал голос: в бесконечном сне
мне скучно, детка — иди ко мне!
Старый рок-н-ролл

Бывает, странник зрит воочью,
Как зажигается багрянец
В окне — и кто-то пляшет ночью
Чуждый музыке дикий танец.
И рой теней, глумливый рой,
Из тусклой двери рвется — зыбкой,
Призрачной рекой,
И слышен смех — смех без улыбки.
Эдгар Аллан По
Призрачный замок (перевод Н.Вольпин, 1976)

Говорю вам: теперь весь город пуст.
Боб Дилан

Глава четырнадцатая

УДЕЛ (IV)

1.

ИЗ «КАЛЕНДАРЯ СТАРОГО ФЕРМЕРА»

Воскресенье, пятое октября 1975 года. Закат — 19:02. Восход в понедельник, 6 октября 1975 года, в 6:49. На данном витке Земли, через тринадцать дней после весеннего равноденствия, темновой период в Иерусалимовом Уделе составляет одиннадцать часов сорок семь минут. Новолуние. Стишок, публикуемый «Старым фермером» каждый день, на этот раз гласил: «Деньки теперь короче стали, мы урожай почти собрали.»

ИЗ СООБЩЕНИЙ ПОРТЛЕНДСКОГО МЕТЕОЦЕНТРА:

Максимальная температура воздуха в темновой период была зарегистрирована в 19:05 и составила 62

градуса. Самая низкая, сорок семь градусов, отмечена в 4:06 утра. Переменная облачность, без осадков. Ветер северо-западный, от пяти до десяти миль в час.

ИЗ РЕГИСТРАЦИОННОЙ КНИГИ ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОКРУГА КАМБЕРЛЕНД:

Ничего.

2.

Утром шестого октября никто не объявил Иерусалимов Удел мертвым — никто не знал об этом. Город, как и появившиеся накануне тела, сохранял всяческое сходство с живым.

Рути Крокетт, которая весь уикэнд провела в постели больная и бледная, в понедельник утром пропала. Исчезновение прошло незарегистрированным. Мать Рути лежала в подвале возле полок с домашними консервами, закутавшись в кусок брезента, а Ларри Крокетт, который проснулся действительно поздно, просто подумал, что дочка ушла в школу. Сам он решил не ходить в контору. Он чувствовал слабость, измотанность и головокружение. Грипп, что ли? Было больно смотреть на свет. Ларри поднялся и задернул шторы, взвыв от боли, когда солнечный свет упал на руку. Позже, когда ему станет лучше, надо будет заменить стекло. Оконное стекло с изъяном,— не шутка. Так, пожалуй, придешь домой в солнечный день и увидишь, что твое жилище ударными темпами пожирает пламя, а раздолбаи из страхового агентства при министерстве внутренних дел назовут это самовозгоранием и не заплатят ни гроша. Но когда Ларри почувствовал себя лучше, было уже довольно поздно. На мысль о чашечке кофе желудок отозвался приступом тошноты. Ларри смутно недоумевал, куда делась жена, но вскоре эта мысль ускользнула от него. Крокетт вернулся в постель, щупая непонятно откуда взявшийся порез под подбородком (наверное, неаккуратно побрился), натянул простыню до ушей и опять уснул.

Дочь Ларри тем временем спала в эмалевом мраке выброшенного холодильника неподалеку от Дада Роджерса — в ночном мире своего нового бытия, среди сваленного кучами хлама, она сочла авансы горбатого мусорщика более чем приемлемыми.

Лоретта Старчер, городской библиотекарь, тоже исчезла, хотя при ее уединенной жизни старой девы заметить это было некому. Теперь она обосновалась на сумрачном и заплесневелом третьем этаже Публичной библиотеки Иерусалимова Удела. Третий этаж всегда держали на замке (единственный ключ, не снимая, носила на цепочке вокруг шеи сама Лоретта), исключение составляли случаи, когда какому-нибудь особенному просителю удавалось убедить мисс Старчер, что он — человек достаточно решительный, интеллигентный и *нравственный*, чтобы удостоиться особой милости.

Теперь там покоилась она сама — первое издание совершенно иного рода, такая же новенькая, как в момент своего появления на свет. Ее переплет, так сказать, еще не растрескался.

Исчезновение Вирджила Ратбана тоже прошло незамеченным. Проснувшись в девять в их лачуге, Фрэнклин Боддин туманно отметил, что койка Вирджила пуста, ничего на этот счет не подумал и начал выбираться из постели, чтобы посмотреть, не осталось ли пивка. И рухнул обратно — голова шла кругом, ноги не держали.

«*Господи*,— подумал он, уплывая обратно в сон.— *Что это вчера с нами было?*»

А под халупой, в холодке, в нападавших за двадцать лет осенних листьях, окруженный галактикой ржавых пивных банок, попавших сюда через щели в полу, лежал, дожидаясь ночи, Вирджил. Возможно, в серой глине его мозга роились видения жидкости более жгучей, чем самое лучшее шотландское и утоляющей жажду сильнее самого лучшего вина.

Ева Миллер хватилась за завтраком Проныры Крейга, но быстро забыла о нем. Она была слишком занята тем, что регулировала приток и отток постояльцев от плиты. Квартиранты глотали завтрак и, спотыкаясь, отправлялись заглянуть в глаза очередной трудовой неделе. Потом Еву поглотили уборка и мытье тарелок за Гровером Верриллом, будь он проклят, и ни на что не годным Мики Сильвестром — оба стойко игнорировали приклеенное над раковиной объявление «Пожалуйста, мойте за собой посуду», которое висело там не первый год.

Однако, когда в день снова закралась тишина, а отчаянная прорва связанных с завтраком трудов слилась

с ровным потоком обычных домашних забот, Ева опять хватилась Проныры. По понедельникам на Рэйлроуд-стрит собирали мусор, и Проныра всегда выносил большие зеленые пакеты с хламом к кромке тротуара — для Ройяла Сноу, который забирал их в свой полуразвалившийся грузовик. Сегодня зеленые пакеты все еще стояли на ступеньках черного крыльца.

Ева подошла к дверям комнаты Проныры и легонько постучала.

— Эд?

Ответа не было. В другой день, решив, что Проныра упился, она просто вынесла бы пакеты сама, сжав губы чуть крепче обычного. Но этим утром в душу Евы закрался червячок беспокойства и, повернув дверную ручку, она просунула в комнату голову.

— Эд? — негромко позвала она.

Комната была пуста. Покорные капризам легкого ветерка занавески то выпархивали в раскрытое окно у изголовья кровати, то возвращались. Ева взялась застилать смятую постель — руки механически делали свое дело. Когда Ева переходила на другую сторону, под правой кроссовкой что-то хрустнуло. Посмотрев под ноги, она увидела на полу вдребезги разбитое зеркальце Проныры в роговой оправе. Ева подняла его и, хмуря брови, повертела в руках. Когда-то это зеркальце принадлежало матери Проныры, и однажды тот отклонил предложение антиквара, который давал за зеркальце десять долларов — а ведь это было уже после того, как Проныра начал пить.

Ева принесла из шкафа в коридоре совок и смела стекло, двигаясь медленно и задумчиво. Она знала, что вчера вечером Проныра пошел спать трезвым и купить пива в десятом часу ему было негде — разве что он подъехал на попутке к «Деллу» или в Камберленд.

Кусочки разбитого зеркала Ева высыпала в Пронырино мусорное ведро, на долю секунды увидев множество своих отражений. Заглянув в ведро, никакой пустой бутылки она не обнаружила. Как бы там ни было, напиваться тайком — не в стиле Эда Крейга.

Ладно. Объявится.

И все же, спускаясь по лестнице, Ева продолжала чувствовать тревогу. Не признаваясь себе самой, она понимала, что ее чувства к Проныре заходят чуть дальше дружеского участия.

— Мэм?

Вздрогнув, Ева отвлеклась от своих мыслей и воззрелась на незнакомца, стоявшего в кухне. Незнакомец оказался маленьким мальчиком, одетым в опрятные вельветовые брюки и синюю футболку. «*Можно подумать, он свалился с велосипеда.*» Где-то Ева его видела, но точно сказать, кто это такой, не могла. Скорей всего, из какой-то новой семьи с Джойнтер-авеню.

— Здесь живет мистер Бен Мирс?

Ева собралась было спросить, почему мальчишка не в школе, но не стала. Лицо у мальчика было очень серьезным, даже мрачным. Под глазами — синие круги.

— Он спит.

— Можно, я подожду?

Из похоронного бюро Мори Грина Хомер Маккаслин направился прямехонько на Брок-стрит, к Нортонам. Добрался он туда к одиннадцати. Миссис Нортон плакала, а Билл Нортон, хоть и казался спокойным, тем не менее беспрерывно курил, и лицо у него было измученным.

Маккаслин согласился разослать описание девушки. Да, как только он хоть что-то услышит, он позвонит. Да, он проверит больницы округа, это входит в установленный порядок вещей (как и морги). В душе Маккаслин считал, что девчонка могла сбежать после размолвки — мать призналась, что они поссорились и что девушка говорила о переезде.

Тем не менее, он объехал несколько дорог поглуше, удобно наставив ухо на потрескивающую электрическими разрядами рацию, подвешенную под приборным щитком. В несколько минут первого, когда Маккаслин ехал по Брукс-роуд в сторону города, фонарик, которым он освещал мягкую обочину дороги, высветил блеснувший металл — припаркованный в лесу автомобиль. Шериф остановился, дал задний ход и вылез из машины. Чуть поодаль на старой заброшенной лесной дороге стояла какая-то машина. «Вега»-шевроле, светло-коричневая, двухлетняя. Маккаслин вытащил из заднего кармана блокнот на толстой цепочке, пролистал до чистой страницы за допросом Бена и Джимми и направил луч фонарика на регистрационный номер, который ему назвала миссис Нортон. Точно, машина девчонки. Ситуация становилась

более серьезной. Шериф положил руку на капот. Холодный. Машина стоит тут уже некоторое время.

— Шериф?

Легкий беззаботный голос, похожий на звенящие колокольчики. Почему же рука Маккаслина скользнула на рукоять пистолета?

Он обернулся и увидел девчонку Нортонов, казавшуюся невероятно прекрасной. Сьюзан шла к нему рука об руку с незнакомым молодым человеком, чьи темные волосы были немодно зачесаны назад. Маккаслин посветил ему в лицо фонариком, и у него создалось престранное впечатление: луч, не освещая лица, проходит насквозь. А ноги этой парочки не оставляли на мягкой рыхлой земле следов. Ощутив страх и предупредительный импульс в нервных окончаниях, шериф крепче сжал пистолет... а потом расслабил пальцы. Он погасил фонарик и ждал, ничего не предпринимая.

— Шериф,— повторила Сьюзан — теперь ее голос прозвучал низко, он ласкал.

— Как хорошо, что вы пришли,— подхватил незнакомец.

Они набросились на Маккаслина.

Теперь патрульная машина шерифа стояла далеко за городом, в изрытом колеями, заросшем куманикой конце Дип-Кат-роуд. Сквозь густую поросль можжевельника и орляка не пробивался ни единый проблеск хрома. Сам Маккаслин скрючился в багажнике. Повторявшиеся через регулярные промежутки времени вызовы по рации оставались без внимания.

Позже, под утро, Сьюзан нанесла короткий визит матери, но большого ущерба не причинила, довольная, как пиявка, которая хорошо покормилась на медлительном пловце. Но ее пригласили в дом, так что теперь она могла входить и выходить, когда вздумается. Ночь принесет новый голод... как каждая ночь.

Утром этого понедельника Чарльз Гриффен разбудил жену в самом начале шестого. Злость отчеканила на вытянувшемся лице сардонические складки. Снаружи басисто мычали недоенные коровы — молоко распирало вымя. Ночное происшествие Гриффен суммировал тремя словами:

— Проклятые мальчишки сбежали.

Но они не сбежали. Дэнни Глик, отыскав Джека Гриффена, напал на него, а тот отправился в комнату

своего брата Хэла и наконец-то навсегда покончил с его тревогами насчет школы, книжек и неуступчивых отцов. Теперь братья бок о бок лежали на верхнем сеновале, в середке огромного стога — в волосы набилась мякина, а в темных сухих тоннелях ноздрей плясали сладкие пылинки пыльцы. Время от времени по лицам мальчиков пробегала случайная мышь.

Вот по земле разлился свет, и все исчадия зла уснули. Осенний день обещал выдаться прекрасным, ясным, бодрящим, полным сияния солнца. Город (не ведая, что мертв) почти в полном составе отправится на работу, не подозревая о работе ночной. Если верить «Старому фермеру», в понедельник закат должен был прийтись ровно на семь вечера.

Дни укорачивались, все ближе подходил День Всех Святых, а за ним — зима.

3.

Когда Бен сошел в без четверти девять вниз, Ева Миллер от раковины сказала:

— Вас ждут на крыльце.

Бен кивнул и, как был, в тапочках, вышел через черный ход, ожидая увидеть либо Сьюзан, либо шерифа Маккаслина. Но посетитель оказался маленьким практичным мальчиком, он сидел на верхней ступеньке крыльца и глядел на город, который медленно оживал, как в любой понедельник утром.

— Алло? — сказал Бен, и мальчик быстро обернулся.

Друг на друга они смотрели недолго, но Бену показалось, что этот миг странным образом растянулся, и молодого человека захлестнуло чувство нереальности происходящего. Внешне мальчик напомнил Бену его самого, но дело было не только в этом. Казалось, Бену на плечи легло какое-то бремя, словно он непонятным образом почувствовал: пересечение их жизней — не простая случайность. Тут Бену вспомнился тот день, когда он встретил в парке Сьюзан, и их первый разговор-знакомство, казавшийся странно трудным и переполненным намеками на будущие события. Наверное, нечто подобное ощущал и мальчик — глаза его чуть расширились, а рука нашла перила крыльца, словно желая обрести поддержку.

— Вы — мистер Мирс,— мальчик не спрашивал.

— Да. Боюсь, у тебя есть передо мной преимущество.

— Меня звать Марк Питри,— сказал мальчик.— У меня для вас плохие новости.

«*Чтоб мне пусто было, так оно и есть,*» — подумал Бен и попытался мысленно взять себя в руки перед тем неизвестным, что его ожидало, но, услышав, был удивлен и потрясен до глубины души.

— Сьюзан Нортон — одна из *этих*,— сообщил мальчик.— Барлоу поймал ее в доме. Но я убил Стрейкера. По крайней мере, я так думаю.

Бен попытался что-то сказать, и не смог. Перехватило горло.

Мальчик кивнул, без усилия принимая инициативу.

— Может быть, можно прокатиться в вашей машине и поговорить? Не хочу, чтобы кто-нибудь меня тут увидел. Во-первых, я прогуливаю, а во-вторых с предками я уже поругался.

Бен что-то ответил — он сам не знал, что. Когда случилась авария, и Миранда погибла, а он поднялся с мостовой потрясенный, но невредимый (если не считать небольшой царапины на тыльной стороне левой кисти, не следует забывать о ней — Пурпурным Сердцем награждали и за меньшее), к нему подошел, отбрасывая в свете уличного фонаря и фар фургона двойную тень, водитель грузовика — крупный лысеющий мужчина. Из нагрудного кармана белой рубашки торчала ручка, на ее резервуаре можно было прочесть отпечатанное золотыми буковками «сагентство Фрэнка», а остальное скрывалось в кармане, но Бен проницательно догадался, что первыми буквами было «Тран» (элементарно, мой милый Уотсон, элементарно). Водитель грузовика что-то сказал Бену (тот запамятовал, что), а потом осторожно взял его за руку, пытаясь увести прочь. Бен увидел, что возле огромных задних колес фургона лежит Мирандина туфелька без каблука, стряхнул руку шофера и направился туда, а шофер сделал ему вслед два шага и сказал: «*На твоем месте я бы этого не делал, паренек.*» Бен поднял на него глаза, он не мог говорить — он-то был невредим, только по левой кисти шла небольшая царапина. Он хотел втолковать шоферу, что пять минут назад ничего не случилось, хотел объяснить, что в ка-

ком-то параллельном мире они с Мирандой, не доехав до этого места один дом, подались на углу влево и уехали в некое совершенно иное будущее. Начала собираться толпа — люди выходили из винного магазина на одном углу и небольшого молочного бара на другом. Тогда-то Бен и почувствовал то самое, что чувствовал сейчас: то сложное и страшное взаимодействие сознания с физиологическими системами, с какого начинается признание и принятие факта, и единственный собрат которого — изнасилование. Желудок как бы проваливается. Губы деревенеют. Нёбо покрывается тонкой пленкой пены. В ушах звенит. Кажется, что кожа гениталий сжалась и пошла мурашками. Переживаешь такой разворот сознания, словно оно отворачивает лицо от невыносимо яркого света. Бен стряхнул руки шофера-доброхота и подошел к туфле. Поднял ее. Повертел. Сунул руку внутрь — стелька еще хранила тепло ступиа Миранды. С туфелькой в руках Бен сделал еще пару шагов вперед и увидел, что из-под передних колес грузовика торчат ноги жены в тесно облегающих желтых джинсах — дома Миранда натягивала их, так беззаботно смеясь...Поверить, что натянувшая такие штаны девушка мертва, было невозможно, но Бен уже принял положение вещей — животом, губами, яйцами. Он громко застонал, и в этот момент какой-то репортер сделал снимок для газетенки Мэйбл: одна нога обута, другая разута, люди глядят на босую ступню Миранды так, словно в жизни не видели ничего подобного. Бен отошел на пару шагов, перегнулся и...

— Сейчас меня стошнит,— сказал он.

— Да ничего страшного.

Бен шагнул за свой ситроен и сложился пополам, держась за ручку дверцы. Он зажмурился, ощущая, как накатывает волна мрака. Во мраке появилось лицо Сьюзан, которая улыбалась Бену, прелестные глубокие глаза... Он снова поднял веки. Ему пришло в голову, что парнишка, может быть, врет, или что-то путает, или совершенно не в себе. И все же эта мысль не обнадежила Бена. Мальчишка не производил такого впечатления. Бен повернулся и заглянул парнишке в лицо, но прочел только беспокойство — ничего больше.

— Давай,— ответил Бен.

Мальчик забрался в машину, и они выехали со стоянки. Ева Миллер, наморщив лоб, смотрела из ку-

хонного окна, как они трогаются с места. Творилось что-то скверное. Это ощущение переполняло ее, как в день гибели мужа переполнял туманный смутный страх. Она поднялась и набрала номер Лоретты Старчер. Телефон звонил, звонил, но никто не подошел, и Ева положила трубку. Где могла быть Лоретта? Не в библиотеке, это точно. По понедельникам библиотека не работала.

Ева сидела, задумчиво и грустно глядя на телефон, и не могла избавиться от чувства, что вот-вот стрясется нечто ужасное — может статься, такое же страшное, как пожар пятьдесят первого года.

Наконец, она снова подняла трубку и позвонила Мэйбл Уэртс, которую распирало от последних городских сплетен и которая всегда была готова узнать что-нибудь еще. Такого уикэнда город не видал уже много лет.

4.

Бен ехал, куда глаза глядят, а Марк тем временем излагал свою историю. Рассказывал он хорошо, начав с той ночи, когда под его окно пришел Дэнни Глик, и закончив визитером, явившимся сегодня под утро.

— Ты уверен, что это была Сьюзан? — спросил Бен.

Марк Питри кивнул.

Бен вписался в резкий U-образный поворот и, прибавив ходу, помчался по Джойнтер-авеню обратно.

— Куда мы едем? В...

— Нет. Нет еще.

5.

— Погоди. Стоп.

Бен притормозил, и они вышли из машины. Только что молодые люди медленно ехали к центру вдоль подножия Марстен-Хилл, по Брукс-роуд — той лесной дороге, где Хомер Маккаслин засек «вегу» Сьюзан. И оба заметили блеснувший на солнце металл. Они молча прошли по заброшенному проселку, где между оставленными колесами глубокими пыльными колеями росла высокая трава. Где-то чирикала птица.

Вскоре они нашли машину.

Бен помедлил, потом остановился. Его опять затошнило. На руках выступил холодный пот.

— Иди посмотри,— сказал он.

Марк прошел к машине и нагнулся к окошку со стороны водителя.

— Ключи здесь,— крикнул он.

Бен зашагал к машине и обо что-то споткнулся. Он посмотрел под ноги, увидел лежащий в пыли револьвер 38 калибра, подобрал его и повертел в руках. Револьвер очень напоминал оружие полицейского образца.

— Чей пистолет? — спросил Марк, который шел к нему, держа в руке ключи Сьюзан.

— Не знаю.— Бен для порядка проверил предохранитель, а потом сунул револьвер в карман.

Марк протянул ему ключи, Бен взял их и пошел к «веге», чувствуя себя так, словно все происходило во сне. Руки у него дрожали, сунуть нужный ключ в замок багажника удалось только со второй попытки. Повернув ключ, Бен поднял крышку, не позволяя себе думать.

Они вместе заглянули внутрь. Запасное колесо, домкрат — и все. Бен шумно выдохнул.

— Теперь? — спросил Марк.

Бен ответил не сразу. Почувствовав, что совладает с голосом, он сказал:

— Сейчас мы поедем к одному моему другу, его зовут Мэтт Бэрк. Он в больнице. Занимается исследованиями вампиров.

Настойчивость из глаз мальчика не исчезала.

— Вы мне верите?

— Да,— ответил Бен. Выговоренное вслух, слово словно бы обрело вес и получило подтверждение. Взять его обратно стало невозможно.

— Мистер Бэрк из средней школы, да? А он знает?

— Да. И его доктор тоже.

— Доктор Коди?

— Да.

Переговариваясь, они не сводили глаз с машины, как будто та была реликвией некой темной затерянной расы, которую они обнаружили в этом солнечном лесу к западу от города. Багажник зиял, как пасть, и когда Бен громко захлопнул его, ровный глухой щелчок замка эхом отозвался в душе молодого человека.

— А после того, как мы поговорим с ним,— про-

должил Бен,— мы поедем в дом Марстена и разберемся с тем сукиным сыном, который сделал это.

Марк смотрел на него, не шевелясь.

— Это может оказаться труднее, чем вы думаете. Она там тоже будет. Теперь она *его*.

— Он пожалеет, что вообще объявился в Салимовом Уделе,— тихо сказал Бен.— Пошли.

6.

В больницу они приехали в девять тридцать. В палате у Мэтта оказался Джимми Коди. Он без улыбки посмотрел на Бена, а потом перевел полный любопытства взгляд на Марка Питри.

— Бен, у меня для тебя скверное известие. Пропала Сью Нортон.

— Она стала вампиром,— невыразительно сообщил Бен, и лежащий в кровати Мэтт издал стон.

— Ты уверен? — резко спросил Джимми.

Ткнув большим пальцем в сторону Марка Питри, Бен представил мальчика.

— В субботу вечером Марку нанес короткий визит Дэнни Глик. Марк может рассказать и остальное.

Марк рассказал — от начала до конца, точно так, как раньше рассказывал Бену. Когда мальчик закончил, первым заговорил Мэтт.

— Бен, нет слов, чтобы сказать, как мне жаль.

— Если надо, могу подбросить,— сказал Джимми.

— Джимми, я знаю, какое мне нужно лекарство. Я хочу выступить против этого Барлоу. Сегодня. Сейчас. Пока не стемнело.

— Ладно,— сказал Джимми.— Я уже отменил все свои вызовы. А еще позвонил шерифу округа. Маккаслин тоже исчез.

— Вот в чем, может быть, дело,— сказал Бен, вынул из кармана пистолет и бросил на стоящий у кровати Мэтта столик. Пистолет в больничной палате казался странным и неуместным.

— Где вы это взяли? — поинтересовался Джимми, забирая его.

— На дороге, возле машины Сьюзан.

— Тогда можно догадаться. Покинув нас, Маккаслин через некоторое время поехал домой к Нортонам. Получил сведения о Сьюзан, включая модель и номер

машины, поехал осмотреть кой-какие проселочные дороги — просто на всякий случай. И...

В палате воцарилась надломленная тишина. Никто не испытывал потребности заполнить ее.

— У Формена все еще закрыто,— сказал Джимми.— А те деды, что ошиваются у Кроссена, в один голос жаловались насчет свалки. Никто не видел Дада Роджерса уже неделю.

Они мрачно переглянулись.

— Вчера вечером я разговаривал с отцом Каллахэном,— сказал Мэтт.— Он согласился сотрудничать при условии, что вы оба — плюс Марк, разумеется,— сперва зайдете в новый магазин, объяснитесь со Стрейкером.

— Не думаю, чтобы он сегодня стал с кем-нибудь разговаривать,— спокойно заметил Марк.

— Что вы выяснили про н и х? — спросил Джимми у Мэтта.— Что-нибудь полезное?

— Ну, кое-какие кусочки я вместе, наверное, сложил. Стрейкер, должно быть, человек, который служит этой твари сторожевым псом и телохранителем... что-то вроде смертного приятеля. Он должен был появиться в городе задолго до Барлоу. Следовало исполнить некоторые обряды, чтобы умилостивить Отца Тьмы. Видите ли, даже у Барлоу есть свой Хозяин.— Мэтт угрюмо взглянул на них.— Я склонен думать, что никто никогда не отыщет следов Ральфи Глика. Думаю, он и стал пропуском Барлоу. Стрейкер поймал Ральфи и принес в жертву.

— Ублюдок,— сухо сказал Джимми.

— А Дэнни Глик? — спросил Бен.

— Сначала Стрейкер пустил ему кровь,— ответил Мэтт.— Дар Хозяина: первая кровь — верному слуге. Потом Барлоу принялся за это сам. Но Стрейкер сослужил своему Хозяину и иную службу, еще до появления Барлоу. Кто-нибудь из вас знает, какую?

На миг все умолкли, а потом Марк совершенно отчетливо сказал:

— Собака, которую тот человек нашел на воротах кладбища.

— Что? — спросил Джимми.— Почему? Зачем ему это?

— Белые глаза,— ответил Марк, а потом вопросительно взглянул на Мэтта, который кивал в некотором удивлении.

— Всю прошлую ночь я клевал носом над этими книжками, не зная, что среди нас есть ученый-специалист.— Мальчик залился слабым румянцем.— Марк совершенно прав. Народные легенды о сверхъестественном стандартно упоминают о том, что один из способов напугать и прогнать вампира — это нарисовать черной собаке вокруг глаз белые «глаза ангела». Док у Вина был весь черный, если не считать двух белых пятен, которые Вин называл его «фарами» — они были у пса прямо над глазами. По ночам Вин выпускал псину пробегаться. Стрейкер, должно быть, заметил Дока, убил, а потом повесил на кладбищенских воротах.

— А как насчет этого Барлоу? — поинтересовался Джимми.— Как он появился в городе?

Мэтт пожал плечами.

— Не могу сказать. Думаю, в соответствии с легендами нам следует принять, что Барлоу стар... очень стар. Может быть, он уже менял имя — дюжину раз, тысячу раз. В то или иное время этот Барлоу, возможно, оказывался уроженцем чуть ли не всех стран мира, хотя я подозреваю, что он родом из Румынии или Венгрии. В сущности, как он появился в городе в любом случае неважно... правда, я не удивился бы, обнаружив, что к этому приложил руку Ларри Крокетт. Важно то, что он здесь. Дальше. Вот что вы должны сделать: возьмите с собой кол. И оружие — на случай, если Стрейкер еще жив. Для этой цели подойдет револьвер шерифа Маккаслина. Кол должен пройти сквозь сердце, не то вампир сможет подняться снова. Ты, Джимми, сможешь проверить, так это или нет. Проткнув его колом, вы должны отрубить Барлоу голову, набить рот чесноком и повернуть ее в гробу лицом вниз. Во всех художественных произведениях о вампирах — и голливудских, и прочих — пронзенный колом вампир почти мгновенно умирает, обращаясь в пыль. В реальной жизни может выйти иначе. Тогда вам надо утяжелить гроб и бросить в текучую воду. Я бы посоветовал Королевскую реку. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Хорошо. У каждого должен быть флакон со святой водой и кусочек Святого причастия. И перед тем, как идти, каждый должен исповедаться отцу Каллахэну.

— Не думаю, что среди нас есть хоть один католик,— заметил Бен.

— Я католик,— откликнулся Джимми.— Непрактикующий.

— Тем не менее вы исповедуетесь и покаетесь. Тогда вы пойдете очищенными, омытыми кровью Христовой... чистой, неиспорченной кровью.

— Хорошо,— согласился Бен.

— Бен, вы спали со Сьюзан? Простите меня, но...

— Да,— сказал он.

— Тогда вам и придется заколачивать кол — сначала в Барлоу, потом в *нее*. В нашей небольшой компании личная обида нанесена только вам. Вы будете действовать, как муж Сьюзан. И не должны дрогнуть — девушка обретет свободу.

— Хорошо,— снова сказал Бен.

— И самое главное...— Мэтт обвел взглядом всех присутствующих.— *Вы не должны смотреть ему в глаза!* Стоит посмотреть, как Барлоу завладеет вами и восстановит против остальных, даже ценой вашей собственной жизни. Вспомните Флойда Тиббитса! Поэтому иметь при себе оружие опасно, даже если оно необходимо. Джимми, ты возьмешь пистолет и будешь держаться чуть позади. Если придется осматривать Барлоу или Сьюзан, все равно, передашь пистолет Марку.

— Понял,— сказал Джимми.

— Не забудьте купить чеснока. И, если удастся, розы. Тот маленький цветочный магазинчик в Камберленде еще открыт, Джимми?

— «Северная красотка»? Думаю, да.

— Купите каждому белую розу, чтобы прикрепить к волосам или привязать к шее. И — я повторюсь! — не смотрите ему в глаза! Я могу держать вас тут, втолковывая сотни других вещей, но лучше идите. Уже десять, а отец Каллахэн может передумать. Всего хорошего. Буду молиться за вас. Для старого безбожника вроде меня молиться — тот еще фокус, но, сдается мне, я уже не такой безбожник, каким был когда-то. Это Карлайль сказал: «если человек в сердце своем низводит с престола Господа, туда восходит Сатана»?

Никто не ответил, и Мэтт вздохнул.

— Джимми, я хочу поближе взглянуть на твою шею.

Джимми подошел к кровати и задрал подбородок. Раны, вне всяких сомнений, представляли собой проколы, но обе затянулись коркой и, похоже, отлично заживали.

— Не болит? Не жжет? — спросил Мэтт.

— Нет.

— Тебе крупно повезло,— сказал учитель, серьезно глядя на Джимми.

— Я начинаю думать, что так мне еще никогда не везло.

Мэтт откинулся на постели. Лицо выглядело измученным, глаза ввалились.

— Если хочешь, я приму таблетку, от которой отказался Бен.

— Я скажу сестре.

— Отправляйтесь, беритесь за дело, а я посплю. Позже возникнет еще один вопрос... ну, довольно.— Мэтт перевел взгляд на Марка.— Мальчик, вчера ты поступил замечательно. Глупо, безрассудно, но замечательно.

— За это заплатила *она*,— спокойно отозвался Марк, сжимая дрожащие руки.

— Да. Может быть, вам снова придется расплачиваться — любому из вас, всем вам. Не нужно его недооценивать! А теперь, если вы не обидитесь, то я очень устал. Читал почти всю ночь. Как только дело будет сделано, позвоните.

Они вышли. В коридоре Бен взглянул на Джимми и сказал:

— Он никого тебе не напомнил?

— Ага,— сказал Джимми.— Ван Хельсинга.

7.

В четверть одиннадцатого Ева Миллер спустилась в погреб за двумя банками кукурузы, чтобы отнести миссис Нортон, которая, по словам Мэйбл Уэртс, слегла. Почти весь сентябрь Ева провела в кухонном пару, усиленно хлопоча над домашними заготовками: она бланшировала овощи, раскладывала в банки и заливала парафином горлышки болловских банок с домашним желе. Сейчас в ее безупречно чистом подвале с земляным полом на полках аккуратно выстроились две с лишним сотни банок — консервирование

было одной из самых больших радостей Евы. Ближе к концу года, когда осень плавно перейдет в зиму и до праздников окажется рукой подать, она добавит к своим запасам начинку из изюма с миндалем.

Ева открыла подвал, и в ту же секунду ее поразил запах.

— Ёлки-моталки,— пробормотала она себе под нос и решительно двинулась вниз, словно переходила вброд грязную лужу. Ее муж сам сделал этот подвал, выложив стены камнем, чтобы было прохладнее, и время от времени в широкие щели забиралась какая-нибудь выхухоль (или сурок, или норка), да там и подыхала. Должно быть, так было и на этот раз, хотя Ева не припоминала, чтобы когда-нибудь воняло так сильно.

Она добралась до низа и двинулась вдоль стены, щурясь в слабом свете двух пятидесятисвечовых лампочек под потолком. «Надо бы заменить на семьдесят пять свечей,» — подумала Ева. Она достала консервы (в каждой банке под крышкой лежал ломтик красного перца, а на этикетках ее собственной рукой было аккуратно выведено синими чернилами «КУКУРУЗА») и продолжила обход, втиснувшись даже в щель за огромной топкой, от которой отходило множество труб. Ничего.

Ева опять вернулась к ведущей в кухню лестнице и пристально огляделась — руки в боки, лоб нахмурен. С тех пор, как два года назад она через Ларри Крокетта наняла двух парней выстроить за домом сарай для инструмента, большой погреб стал гораздо опрятнее. Здесь осталась печь с торчащими во все стороны изогнутыми трубками, похожая на выполненную импрессионистом скульптуру богини Кали, маленькие круглые окошки — их скоро придется закрыть, потому что настал октябрь и тепло превратилось в драгоценность, и закрытый брезентом биллиардный стол, когда-то принадлежавший Ральфу. Несмотря на то, что с тех самых пор, как в 1959 году Ральф погиб, никто не играл, Ева каждый май тщательно пылесосила сукно. Больше здесь, внизу, ничего особенного сейчас не было — коробка с книжками в мягких обложках, которые Ева собирала для Камберлендской больницы, скребок со сломанной ручкой, доска со вбитыми в нее колышками, откуда свисал койкакой старый инструмент Ральфа, сундук, где лежали шторы — теперь, вероятно, совсем заплесневевшие...

И все-таки тут воняло.

Взгляд Евы сосредоточился на маленькой полудверке, которая вела еще ниже, в подпол, но туда она сегодня идти не собиралась. Кроме того, стены подпола были из твердого цемента. Непохоже, чтобы туда сумел забраться какой-нибудь зверек. И все же...

— Эд? — вдруг безо всякой причины тихонько позвала она. Ровный звук собственного голоса напугал Еву.

Слово умерло в тускло освещенном подвале. Ну, и зачем она это сказала? Что, скажите на милость, тут делать Эду Крейгу, даже если здесь *есть*, где спрятаться? Пить? Без подготовки Ева не могла придумать, какое место в городе нагоняло бы на пьющего большую тоску, чем ее подвал. Уж скорее Эд ушел в лес со своим никчемным приятелем, Вирджем Ратбаном, пропивать чьи-нибудь денежки.

Ева все-таки задержалась еще на минутку, обшаривая взглядом подвал. Страшно воняло тухлятиной — просто устрашающе. Она понадеялась, что делать фумигацию не придется. Бросив последний взгляд на дверку подпола, она пошла обратно наверх.

8.

Отец Каллахэн выслушал их (всех троих), и к тому времени, как священника полностью ввели в курс дела, было чуть больше половины двенадцатого. Они сидели в прохладной и просторной гостиной у Каллахэна, а солнце текло в широкие окна фасада такими толстыми снопами, что хоть режь их. Наблюдая за сонно танцующими в солнечных тоннелях пылинками, Каллахэн вспомнил где-то виденный старый мультфильм: уборщица со щеткой изумленно уставилась на пол — она вымела из комнаты кусочек собственной тени. Теперь сам он испытывал отчасти сходные чувства. Второй раз за двадцать четыре часа Каллахэн столкнулся с абсолютно невозможным. Только сейчас это невозможное получило подтверждение из уст писателя, вроде бы неглупого мальчугана и доктора, которого в городе уважали. И все-таки невозможное есть невозможное. Нельзя вымести прочь собственную тень. Вот только, кажется, именно это и произошло.

— Принять ваши слова было бы куда легче, если

бы вы сумели распорядиться насчет грозы и отказа электропитания,— сказал он.

— Все это истинная правда,— ответил Джимми.— Уверяю вас.

Отец Каллахэн поднялся и что-то достал из черной сумки Джимми — две усеченных бейсбольных биты с заостренными концами. Повертев одну в руках, он сказал:

— Всего минуточку, миссис Смит. Будет совсем не больно.

Никто не засмеялся.

Каллахэн вернул колья обратно, подошел к окну и выглянул на Джойнтер-авеню.

— Все вы говорите очень убедительно,— произнес он.— И, полагаю, мне следует добавить мелкую деталь, которой вы не располагаете.

Священник опять повернулся к ним.

— В витрине мебельного магазина Барлоу и Стрейкера висит объявление. Оно гласит: «Закрыто до особого распоряжения». Сегодня утром, ровно в девять, я сам приходил туда обсудить голословные утверждения мистера Бэрка с этим вашим таинственным мистером Стрейкером. Магазин заперт — и с парадного, и с черного хода.

— Вы должны признать — это сходится с тем, что сказал Марк,— заметил Бен.

— Может быть. А может быть, это чистая случайность. Позвольте мне еще раз спросить: вы уверены, что без католической церкви не обойтись?

— Да,— ответил Бен.— Но, если придется, мы отправимся без вас. Если дойдет до того, что я останусь один — я пойду один.

— Нет нужды,— поднимаясь, отозвался отец Каллахэн.— Следуйте за мной к храму, джентльмены, и я выслушаю ваши исповеди.

9.

Бен неуклюже опустился на колени в затхлой сумрачной исповедальне. Голова шла кругом, в ней царил полный разброд и один за другим мелькали сюрреалистические образы: вот Сьюзан в парке, вот миссис Глик отступает перед импровизированным крестом из шпателей и ее дергающийся рот зияет, как от-

крытая рана, вот из ситроена на нетвердых ногах вылезает одетый как пугало Флойд Тиббитс и кидается на него, вот Марк Питри нагнулся к окошку машины Сьюзан. Бену в первый и последний раз пришло в голову: а не сон ли все это? — и его усталый рассудок с готовностью уцепился за такую возможность.

На глаза молодому человеку попалось что-то в углу исповедальни, и он с любопытством поднял предмет. Это оказалась пустая коробочка от мятных леденцов, возможно, выпавшая из кармана какого-нибудь маленького мальчика. Мазок неопровержимой реальности. Картонка под пальцами Бена была всамделишной и материальной. Кошмар происходил наяву.

Открылась маленькая раздвижная дверца. Бен посмотрел на нее, но увидеть за ней ничего не сумел. В окошке висела тяжелая шторка.

— Что мне делать? — спросил он шторку.

— Скажите: «Благослови, отче, ибо я грешил».

— Благослови, отче, ибо я грешил,— повторил Бен. Его голос прозвучал в замкнутом пространстве странно и тяжело.

— Теперь рассказывайте о своих грехах.

— Обо всех? — ужаснулся Бен.

Бен начал, напряженно размышляя и стараясь держать в уме Десять заповедей в качестве этакого сортирующего экрана. Но легче от того, что он рассказывал, не становилось. Чувства очищения не было вовсе — только неясное смущение, сопровождавшее раскрытие Беном незнакомцу недобрых тайн своего бытия. И все-таки он понимал, как такой обряд превращается в жгуче-захватывающую привычку, как процеженное спиртовое растирание для пьяницы-хроника или спрятанные за неплотно прилегающей доской в ванной похабные картинки для мальчишки-подростка. В исповеди было нечто средневековое, отвратительное, как в ритуальном акте рвоты. Бен обнаружил, что вспоминает сцену из бергмановской «Седьмой печати»: толпа оборванных кающихся грешников проходит по городу, пораженному черной чумой, и в кровь бичует себя березовыми прутьями. Такое самообнажение рождало в Бене ненависть (но солгать этот упрямец себе не позволил бы, хотя ложь могла получиться вполне убедительной), отчего цель этого дня становилась реальной в последнем смысле, и убедительной), отчего цель этого дня становилась реаль-

ной в последнем смысле, и Бен буквально видел написанное на черном экране своего мозга слово «вампир» — не так, как пишут в фильмах ужасов, а маленькими аккуратными буковками, предназначенными для вырезания на дереве или выцарапывания на свитке. В тисках чуждого обряда молодой человек чувствовал себя беспомощным, оторванным от своей эпохи — исповедальня могла бы быть прямым пневмопроводом в те времена, когда вервольфы, инкубы и ведьмы были той частью внешней тьмы, с которой мирились, а церковь — лишь маяком света. Бен впервые в жизни ощутил медленный, вселяющий ужас пульс разбухающих столетий. В первый раз собственная жизнь представилась ему искоркой, тускло поблескивающей в конструкции, которая при внимательном рассмотрении могла свести с ума кого угодно. Мэтт не говорил им, что отец Каллахэн убежден, будто его церковь — Сила, но теперь-то Бен мог догадаться сам. Он чуял присутствие Силы в этой вонючей коробчонке. Сила вламывалась к нему, оставляя нагим и презренным, и Бен чувствовал это лучше всякого католик, привыкшего к исповеди с младых ногтей.

Когда Бен вышел наружу, его опахнул благодатный свежий воздух из открытых дверей. Он провел ладонью по шее, и, когда отнял руку, та оказалась мокрой.

Появился Каллахэн.

— Еще не все,— сказал он.

Бен без единого слова вернулся внутрь, но колен не преклонил. Каллахэн назначил ему епитимью — десять «Отче наш» и десять «Радуйся, Мария».

— А эту я не знаю,— сказал Бен.

— Я дам вам карточку с текстом молитвы,— ответил голос из-за шторки.— Сможете повторять про себя по дороге в Камберленд.

Бен помялся.

— Знаете, Мэтт был прав. Когда говорил, что это окажется труднее, чем мы думаем. Раньше, чем дело будет кончено, мы изойдем кровавым потом.

— Да? — откликнулся Каллахэн.

Вежливо? или просто с сомнением? — Бен не мог решить. Он опустил глаза и увидел, что еще держит коробочку от мятных леденцов. Судорожно сжав пальцы, он превратил ее в нечто бесформенное.

10.

Около часу дня они влезли в большой бьюик Джимми Коди и тронулись в путь. Все молчали. Отец Дональд Каллахэн ехал в полном облачении — сутане, стихаре и белоснежной столе с пурпурной каймой. Каждому он дал небольшой пузырек со святой водой из священной купели и каждого благословил крестным знамением. На коленях священник держал небольшую серебряную дарохранительницу с несколькими кусочками Святого причастия.

Сначала они остановились в Камберленде у конторы Джимми. Оставив мотор работать вхолостую, доктор пошел к себе и вернулся в мешковатой спортивной куртке, которая скрывала массивный револьвер Маккаслина. В правой руке Джимми нес обычный молоток.

Бен, до некоторой степени увлеченный этим зрелищем, уголком глаза заметил, что Марк с Каллахэном тоже уперлись глазами в молоток. У того была вороненая стальная головка и дырчатая резиновая рукоятка.

— Что, страшненький? — заметил Джимми.

Бен задумался, как воспользуется этим молотком против Сьюзан, вгонит ей между грудей кол — и почувствовал, что желудок медленно переворачивается, наподобие самолета, неторопливо выполняющего «мертвую петлю».

— Да,— сказал он и облизал губы.— Что страшненький, то страшненький.

Они доехали до камберлендского «Стой. Купи.». Бен с Джимми пошли в супермаркет и забрали весь выставленный на прилавок овощного ряда чеснок — двадцать коробок серовато-белых луковиц. Девушка-контролер подняла брови и сказала:

— Слава Богу, ребята, я с вами нынче вечером не еду.

Выходя, Бен лениво проговорил:

— Интересно, почему чеснок так здорово действует на вампиров? Что-то библейское, или же древнее проклятие, или...

— Подозреваю, что это аллергия,— ответил Джимми.

— Аллергия?

Захвативший конец разговора Каллахэн попросил повторить его. Они тем временем ехали к цветочному магазину «Северная красотка».

— О да, я согласен с доктором Коди,— сказал он.— Вероятно, дело в аллергии... если чеснок вообще срабатывает, как отпугивающее средство. Помните, это еще не доказано.

— Почему? Раз я должен принять, что вампиры существуют (а я, похоже, должен — по крайней мере, в текущий момент), не должен ли я принять также, что это — существа, которым не писаны никакие законы природы? Уж некоторые — точно. Судя по фольклору, их нельзя увидеть в зеркале, они способны оборачиваться летучими мышами, волками или птицами (так называемый психопомпос) и ужимать тело, проскальзывая в тончайшие трещины. И все же известно, что они видят, слышат, говорят... и, почти наверняка, ощущают вкус. Возможно, им знакомы и неудобства, и боль...

— А любовь? — спросил Бен, глядя прямо перед собой.

— Нет,— ответил Джимми.— Я подозреваю, что любовь — выше их понимания.

Он заехал на небольшую автостоянку возле Г-образного цветочного магазина с примыкающей к нему оранжереей. Когда они вошли, над дверью звякнул колокольчик, а в нос ударил густой цветочный аромат, такой насыщенный, что от мешанины запахов Бена затошнило, и он вспомнил о похоронных бюро.

— Привет.— К ним направлялся высокий мужчина в полотняном фартуке, в руке он держал испачканный землей цветочный горшок.

Только Бен начал объяснять, что им нужно, как человек в фартуке покачал головой и перебил:

— Боюсь, вы опоздали. В прошлую пятницу к нам приходил какой-то мужчина, так он скупил все розы до единой, и в магазине, и на складе: и белые, и красные, и чайные. Новых не будет по крайней мере до среды. Если хотите заказать...

— Как выглядел этот мужчина?

— Очень впечатляюще,— сказал хозяин и поставил горшок.— Высокий, совершенно лысый. Пронзительный взгляд. Курил, судя по запаху, заграничные сигареты. Ему пришлось выносить цветы полными охапками в три приема. Он погрузил их в багажник очень старой машины — по-моему, «доджа».

— «Паккарда»,— сказал Бен.— Черного «паккарда».

— Значит, вы его знаете.

— Можно и так сказать.

— Он рассчитался наличными. Очень необычно, если учесть объем покупки. Но, может быть, если вы свяжетесь с ним, он перепродаст вам...

— Может быть,— сказал Бен.

Снова оказавшись в машине, они обсудили ситуацию.

— Есть магазин в Фолмуте...— с сомнением начал отец Каллахэн.

— Нет! — сказал Бен.— Нет! — И его тон, откровенно граничащий с истерикой, заставил всех оглядеться.— А если мы приедем в Фолмут и обнаружим, что Стрейкер и там уже побывал? Что тогда? Портленд? Киттери? *Бостон*? Вы что, не понимаете, что творится? Он предвидел, что мы будем делать! *Он водит нас занос!*

— Бен, будь благоразумным,— сказал Джимми.— Разве по-твоему мы не должны хотя бы...

— А ты забыл, что сказал Мэтт? «Не следует браться за дело с убеждением, будто днем он не может подняться и тронуть нас»! Посмотри на часы, Джимми.

Джимми посмотрел.

— Два пятнадцать,— медленно проговорил он и взглянул на небо, словно сомневаясь в правдивости циферблата. Но тот не обманывал: теперь тени падали в другую сторону.

— Он опередил нас,— сказал Бен.— Он всю дорогу идет на четыре шага впереди. Неужто мы и впрямь думали — как мы могли? — что ОН так и останется в блаженном неведении на наш счет? Что ОН не примет в расчет ни возможность быть обнаруженным, ни противника? Надо ехать *сейчас*, пока мы не истратили остаток дня на пустые споры о том, сколько ангелочков могут сплясать на булавочной головке.

— Он прав,— спокойно сказал Каллахэн.— Думаю, лучше закончить разговоры и отправиться в путь.

— Ну так *поехали*,— взмолился Марк.

Джимми быстро вырулил со стоянки у цветочного магазина, взвизгнув шинами на мостовой. Хозяин проводил их долгим взглядом: трое мужчин (один из них — священник) и мальчик сидели в машине, на номерном знаке которой стояло обозначение «Д.М.» (доктор медицины), и выкрикивали друг другу совершенно безумные вещи.

11.

Коди подъехал к дому Марстена с Брукс-роуд (тупиковая оконечность поселка). Поглядев на небо под новым углом, Дональд Каллахэн подумал: «Ну и ну, да этот дом просто *нависает* над головой. Странно, раньше я этого не замечал. Взгромоздился на вершину холма над перекрестком Джойнтер-авеню и Брок-стрит, как на насест... а высота тут, должно быть, идеальная. Идеальная высота и почти круговой обзор городского массива.» Дом был огромным, беспорядочно спланированным, а при закрытых ставнях приобретал в мозгу неудобную, чрезмерно большую конфигурацию, делаясь похожим на саркофаг монолитом, напоминанием о гибели.

А еще в нем произошло убийство и самоубийство, что означало: дом стоит на осквернённой земле.

Каллахэн открыл было рот, чтобы сказать об этом, но передумал.

Коди свернул на Брукс-роуд, и на секунду дом скрылся за деревьями. Потом они поредели, и вот Коди уже сворачивал на подъездную аллею. «Паккард» стоял возле самого гаража, и Джимми, заглушив мотор, достал револьвер Маккаслина.

Каллахэн ощутил, как атмосфера этого места вмиг завладела им. Он вынул из кармана крест, принадлежавший прежде его матери, и надел на шею вместе со своим собственным. В здешних оголенных осенью деревьях птицы не пели. Длинная растрепанная трава казалась неоправданно высохшей и обезвоженной даже для этого времени года, а земля — серой и истощенной. Ведущие на крыльцо ступеньки покоробились самым диким образом. На одном из столбиков крыльца выделялся более светлый квадратик краски — там недавно сняли знак «Посторонним вход воспрещен». Под старым ржавым засовом парадной двери поблескивал медью новый английский замок.

— Может, как Марк, через окно...— неуверенно начал Джимми.

— Нет,— сказал Бен.— Через парадный вход, и баста. Если придется, выломаем дверь.

— Не думаю, что это понадобится,— сказал Каллахэн, и они не узнали его голос. Когда все они выбрались из машины, священник, не задумываясь, повел их к крыльцу. Стоило приблизиться к ступень-

кам, как Каллахэном овладел тот прежний пыл, какой он полагал пропавшим навеки. Дом словно бы склонялся к ним со всех сторон, из трещин в краске буквально сочилось здешнее зло. И все же отец Каллахэн не помедлил. Всякие мысли о том, чтобы потянуть время, исчезли без следа. В последние минуты он принял руководство на себя, но что-то побуждало его к большему.

— Во имя Господа, Отца нашего! — выкрикнул священник, и в голосе прозвучала хриплая командирская нота, отчего все придвинулись ближе.— Приказываю тебе, зло: изыди из этого дома! Духи, прочь! — И, не отдавая себе отчета, что собирается делать, Каллахэн ударил в дверь зажатым в руке распятием.

Последовала вспышка света (позже все сошлись на том, что действительно полыхнуло), едкое дуновение озона и треск, будто закричали самые доски. Округлое веерное окошко над дверью внезапно взорвалось, наружу полетели кусочки стекла, и в ту же секунду по левую руку от них большое окно, выходящее на газон, харкнуло на траву осколками. Джимми вскрикнул: новый английский замок лег на дощатый пол к их ногам, расплавившись в малоузнаваемую массу. Марк нагнулся, чтобы подобрать его, и ойкнул:

— Горячо!

Каллахэн, дрожа, отодвинулся от двери и опустил взгляд к зажатому в руке кресту.

— Это, несомненно, самое удивительное, что случалось со мной в жизни,— священник посмотрел на небо, словно желая увидеть ни много ни мало — лик Господень, но небеса оставались равнодушными.

Бен толкнулся в дверь, и та с легкостью распахнулась, но молодой человек подождал, чтобы первым в дом зашел отец Каллахэн. В холле священник взглянул на Марка.

— В подвале,— сказал тот.— Можно пройти через кухню. Стрейкер наверху. Только...— Он, хмурясь, помолчал.— Что-то не так. Не знаю, что. Что-то изменилось.

Сперва они поднялись наверх, и, приближаясь к дверям в конце коридора, Бен ощутил покалывание давнего ужаса, хотя шел не первым. С того дня, как он вернулся в Салимов Удел, прошел без малого месяц, и вот ему предстояло второй раз заглянуть в эту комнату. Каллахэн распахнул дверь, взгляд Бена скользнул

вверх... к горлу подкатил крик, и Бен не успел сдержаться. Крик вышел бабьим, истеричным, тонким.

Но с потолочной балки свисал не Хьюберт Марстен и не его дух.

Это был Стрейкер, и висел он вверх ногами с распполосованным от уха до уха горлом. В вошедших уперлись остекленевшие глаза — они смотрели сквозь них, мимо них. Лицо Стрейкера заливала меловая бледность: ему выпустили всю кровь.

12.

— Боже милостивый,— сказал отец Каллахэн.— Боже милостивый.

Они медленно зашли в комнату — Каллахэн с Коди чуть впереди, жмущиеся друг к другу Бен с Марком следом.

Стрейкера стреножили, потом вздернули и привязали к балке. В дальнем уголке мозга Бена шевельнулась мысль: чтобы поднять туда вес мертвого Стрейкера, требовалась невероятная физическая сила.

Джимми коснулся лба Стрейкера внутренней стороной запястья, потом задержал руку мертвеца в своих.

— Уже часов восемнадцать как умер,— сказал он и, передернувшись, выпустил пальцы Стрейкера.— Господи, какой ужасный способ... непонятно. Зачем... кто...

— Барлоу,— ответил Марк. Он не сводил глаз с трупа Стрейкера.

— Стрейкер — и тот облажался,— сказал Джимми.— Ему-то никакой вечной жизни не будет. Но почему вот так? Вниз головой?

— О, это старо,— отозвался отец Каллахэн.— Еще в Македонии врагов и предателей вешали вниз головой, чтобы лицо было обращено к земле, а не к небесам. Так распяли Святого Павла — с перебитыми ногами, на кресте в виде буквы Х.

Голосом дряхлого старца Бен сказал:

— Опять отвлекает наше внимание. У него сотни уловок. Пошли.

Они проследовали за ним обратно: коридор, лестница, кухня. Оказавшись на кухне, Бен вновь уступил лидерство отцу Каллахэну. Обменявшись корот-

ким взглядом, они посмотрели на дверь, ведущую в подвал. Вот так же двадцать пять лет назад Бен шел вверх по лестнице, чтобы столкнуться с неразрешимым вопросом.

13.

Когда священник открыл дверь, Марк опять почувствовал атаковавший ноздри прогорклый запах тухлятины. Но и он был иным. Не таким сильным. Менее зловещим.

Каллахэн двинулся вниз по лестнице. И все-таки Бену потребовалось собрать всю силу воли, чтобы следом за святым отцом начать спуск в эту яму мертвецов.

Джимми вытащил из сумки фонарик и щелкнул выключателем. Луч осветил пол, передвинулся на противоположную стену и метнулся обратно. Ненадолго задержавшись на продолговатом ящике, сноп света упал на стол.

— Вот,— сказал Джимми.— Смотрите.

Там оказался конверт из густо-желтой веленевой бумаги — чистый, сияющий в мрачной тьме.

— Тут дело нечисто,— сказал отец Каллахэн.— Лучше не трогать.

— Нет,— заговорил Марк, чувствуя сразу и облегчение, и разочарование.— Его тут нет. Ушел. Это для нас. Небось, полно всяких гадостей.

Бен шагнул вперед и взял конверт. Он дважды перевернул его (в свете фонарика Джимми Марк разглядел, что у Бена дрожат пальцы), а потом вскрыл, разорвав. Внутри оказался один листок — веленевая бумага, как и конверт. Джимми направил фонарик на страницу, тесно исписанную изящным, паутинно-тонким почерком. Читали все вместе, Марк — чуть медленнее прочих.

«4 октября.

Дорогие юные друзья!

Как чудесно, что вы заглянули ко мне!

Я никогда не питал отвращения к общению — оно составляло одну из величайших радостей моей долгой и частенько одинокой жизни. Приди вы вечером, я бы с огромным удовольствием лично приветствовал вас. Однако, заподозрив, что вы предпочтете явиться при свете дня, я счел за лучшее удалиться.

Оставляю вам небольшой знак своей признательности: там, где я коротал дни, покуда не решил, что мне больше подойдет иная квартира, находится весьма близкая и дорогая одному из вас особа. Она очень мила, мистер Мирс — очень *приятна на вкус*, если мне будет позволено маленькое «бон мо». Мне она больше не нужна, и потому оставляю ее Вам для — как там у вас говорится? — разминки перед главными событиями. Если хотите, чтобы разжечь аппетит. Посмотрим, как Вам понравится острая закуска перед той главной переменой блюд, какую Вы ожидаете.

Мастер Питри, Вы ограбили меня: лишили самого верного и находчивого слуги, какого я когда-либо знал. Вы косвенным образом явились причиной моего участия в его уничтожении, причиной того, что меня подвели собственные аппетиты. Несомненно, Вы прокрались сюда за его спиной. Я доставлю себе удовольствие заняться Вами лично. Но, думаю, в первую голову — Вашими родными. Сегодня... или завтра... или послезавтра ночью. Затем — Ваша очередь. Но Вы войдете в мой храм, как мальчик-певчий, кастратом.

А, отец Каллахэн... что же, они убедили Вас придти? Я так и думал. Прибыв в Иерусалимов Удел, я следил за Вами из некоторого отдаления — так хороший шахматист изучает игру противника. Хотя католическая церковь — не самый старинный мой противник. На заре ее возникновения (когда последователи вашей веры скрывались в римских катакомбах и рисовали на груди рыб, чтобы отличать одного от другого) я был уже немолод. Слабенькая кучка жеманно улыбающихся хлебоедов, благоговеющих перед овечьим спасителем... а я уже был силен! Обряды Вашей церкви еще и не зачинались, а мои уже были древними. И все же я оцениваю Вас должным образом. В добре я разбираюсь не хуже, чем в зле. Я не пресытился.

И я одержу верх. «*Как?*» — спросите Вы.— «Разве не несет Каллахэн символ Чистоты? Разве не ходит Каллахэн днем так же, как ночью? Разве не существует дивных зелий и снадобий — и языческих, и христианских — о которых мне и моим землякам рассказал наш добрый друг, Мэтью Бэрк?» Да, да и еще раз да. Но я живу на свете дольше Вашего. Я не змея, но отец змей.

И все-таки, скажете Вы, этого мало. Так и есть. В

итоге, «отец» Каллахэн, Вы сами погубите себя. Что Ваша вера? Слабая и дряблая. Что Ваши проповеди любви? Предположения. Только о бутылке толкуете Вы со знанием дела.

Милые друзья мои — мистер Мирс, мистер Коди, мастер Питри, отец Каллахэн! Наслаждайтесь своим пребыванием здесь. «Медок» превосходен — его специально доставил для меня последний владелец этого дома, чьим обществом я никогда не был в состоянии наслаждаться. Если, завершив предстоящий вам труд, вы не потеряете вкуса к вину, прошу быть моими гостями. Мы еще увидимся лично, и тогда я каждого поздравлю в более личной форме.

Пока же — прощайте.

БАРЛОУ»

Бен, дрожа, уронил письмо на стол. Он поглядел на остальных. Марк стоял, сжав кулаки, рот застыл в такой гримасе, словно мальчик откусил от чего-то гнилого. Странно мальчишеское лицо Джимми было измученным и бледным. У отца Дональда Каллахэна горели глаза, а губы изогнулись книзу дрожащим луком.

Потом, один за другим, они подняли глаза на Бена.

— Пошли,— сказал он.

И вся четверка свернула за угол.

14.

Паркинс Джиллеспи стоял на крыльце кирпичного здания муниципалитета, с мощным цейссовским биноклем у глаз, и тут подъехал Нолли Гарднер в служебной машине. Нолли вылез, одновременно цепляя на место ремень и выбираясь с сиденья.

— В чем дело, Парк? — спросил он; поднимаясь по ступенькам.

Паркинс молча отдал ему бинокль и ткнул мозолистым пальцем в сторону дома Марстена. Нолли посмотрел. Он увидел знакомый старый «паккард», перед которым стоял новый желто-коричневый «бьюик». Чтобы разобрать регистрационный номер, разрешения бинокля не хватало, и Нолли опустил его.

— Тачка доктора Коди, так?

— Да, сдается мне, что она самая,— Паркинс сунул в рот «Пэлл-Мэлл» и чиркнул спичкой по кирпичной стене позади себя.

— Первый раз вижу там не «паккард», а другую машину.

— Да, точно,— задумчиво протянул Паркинс.

— Думаешь, надо скатать взглянуть? — В словах Нолли заметно не хватало обычного энтузиазма. Гарднер был представителем закона уже пять лет, но этот пост все еще не потерял для него своего очарования.

— Нет,— отозвался Паркинс,— по мне, лучше оставить ее в покое.— Он вытащил из жилетного кармана часы и щелкнул поцарапанной серебряной крышкой, как тормозной кондуктор, останавливающий экспресс. Еще только 3:41. Он сверил часы с часами на башне городского вокзала, а потом сунул на место.

— Чего там вышло с Флойдом Тиббитсом и дитем Макдугаллов? — спросил Нолли.

— Не знаю.

— О,— сказал мигом зашедший в тупик Нолли. Паркинс всегда был скуп на слова, но теперь достиг новых высот. Он опять поднес бинокль к глазам: все по-прежнему.— Похоже, в городе сегодня тихо,— сделал Нолли еще одну попытку завязать разговор.

— Угу,— откликнулся Паркинс, окидывая взглядом выцветших голубых глазок парк и Джойнтер-авеню. И улица, и парк были пустынны. Заметно недоставало мамаш, прогуливающих детишек, и бездельников у Военного мемориала.

Нолли на последнем издыхании закинул удочку с той приманкой, на какую Паркинс неизменно клевал: погода.

— Чего-то хмурится,— сказал он.— К ночи будет дождь.

Паркинс изучил небо. Прямо над головой плыли барашки, а на юго-западе собирались тучи.

— Да,— согласился он и выкинул окурок.

— Парк, да ты не приболел ненароком?

Паркинс Джиллеспи подумал.

— Не-а,— сказал он.

— Ну так в чем, черт дери, дело?

— Сдается мне,— сказал Джиллеспи,— что я усираюсь со страху.

— Чего? — забарахтался в словах Нолли.— С чего это?

— Не знаю,— сказал Паркинс и забрал у него би-

нокль. Он снова принялся разглядывать дом Марстена, а лишившийся дара речи Нолли стоял рядом.

15.

Позади стола, на котором лежало письмо, подвал повернул за угол, и они оказались в помещении, которое некогда служило винным погребом. «Хьюберт Марстен, должно быть, и впрямь был бутлеггером,» — подумал Бен. В подвале стояли покрытые пылью и паутиной бочонки — маленькие и средние. Одну стену закрывала стойка для бутылок, и кое-где из ромбовидных гнезд еще выглядывали древние четвертьгаллонные посудины. Некоторые взорвались, и там, где когда-то тонкого ценителя вкуса поджидало искристое бургундское, теперь устроил себе жилище паук. Содержимое прочих бутылей, вне всяких сомнений, обратилось в уксус — его острый запах витал в воздухе, мешаясь с запахом медленного разрушения.

— Нет,— спокойно, констатируя факт, сказал Бен.— Не могу.

— Вы должны,— отозвался отец Каллахэн.— Я не говорю, что это будет легко или к лучшему. Только, что вы должны.

— *Не могу!* — выкрикнул Бен, и на сей раз слова эхом отразились от стен подвала.

Посередке, на выхваченном из мрака фонариком Джимми возвышении-помосте, неподвижно лежала Сьюзан. От плеч до ступней девушку укрывало простое белое льняное полотно. Приблизившись, они лишились дара речи. Слова поглотило изумление. При жизни Сьюзан была веселой хорошенькой девчонкой, где-то прозевавшей поворот к красоте (ошибившись, быть может, всего несколькими дюймами). Не то, чтобы в ее чертах чего-то недоставало. Нет, скорее причина заключалась в том, как ровно, без волнений и удивительных событий текла ее жизнь. Но теперь Сьюзан обрела красоту — угрюмую, мрачную красоту.

Смерть не оставила на Сьюзан своих следов. Лицо сохраняло легкую краску, не знающие грима губы светились глубоким красным тоном. Глаза были закрыты. Темные ресницы полосками сажи лежали на щеках. Одна рука притулилась у бока, а вторая легко прикрывала запястье первой. Кожа бледного лба была

безупречной, сливочной. И все же общим впечатлением была не ангельская прелесть, а холодная, отчужденная красота. Что-то в лице девушки неотчетливо, намеком, заставило Джимми вспомнить про молоденьких сайгонских девчонок (некоторым не было и тринадцати), которые в переулках позади баров становились перед солдатами на колени — не в первый и не в сотый раз. Однако тех девчушек разрушало не зло, а просто слишком рано пришедшее знание жизни. Перемена в лице Сьюзан была совершенно иной... но какой, Джимми не сумел бы сказать.

Калахэн выступил вперед. Он надавил на левую сторону упругой груди девушки.

— Сюда. В сердце.

— Нет,— повторил Бен.— Не могу.

— Будьте ее возлюбленным,— тихо проговорил отец Каллахэн.— А лучше — мужем. Вы не причините ей боли, Бен. Вы освободите ее. Больно будет только вам.

Бен немо смотрел на него. Марк достал из черной сумки Джимми кол и держал, не говоря ни слова. Бен взял деревяшку рукой, которая как будто бы растянулась на много миль.

Если я не буду думать о том, что делаю... может быть, тогда...

Но не думать было бы невозможно. Бену в голову вдруг пришла строчка из «Дракулы», развлекательного сочинения, которое напрочь перестало его развлекать. Когда Артур Холмвуд столкнулся с такой же страшной задачей, Ван Хельсинг сказал ему: «Прежде, чем попасть в воды радости, мы должны пройти горькие воды.»

Удастся ли хоть одному из них когда-нибудь вновь обрести радость?

— Уберите! — простонал он.— Не заставляйте меня...

Ответа не было.

Бен почувствовал, как лоб, щеки, подмышки взмокли от холодного нездорового пота. Кол (четыре часа назад — простая бейсбольная бита) словно бы напитался зловещей тяжестью, как будто на нем сошлись невидимые и тем не менее титанические силовые линии.

Он приподнял кол и приставил к груди Сьюзан — слева, над последней застегнутой пуговкой блузки.

На теле под острием образовалась ямочка, и Бен почувствовал, как уголок рта нервно, неуправляемо задергался.

— Она живая,— проговорил он грубым, хриплым голосом — Бен занял последнюю линию обороны.

— Нет,— неумолимо возразил Джимми.— Она Нежить, Бен.— Это Джимми уже успел им продемонстрировать: обернул манжетку тонометра вокруг неподвижной руки Сьюзан, подкачал воздух, и они прочли на шкале: 00/00. Джимми приложил к груди девушки стетоскоп, и каждый послушал тишину внутри грудной клетки.

В другую руку Бена тоже что-то вложили — он и через много лет не мог вспомнить, кто это сделал. Молоток. Молоток с дырчатой резиновой рукояткой. Головка в свете фонарика блестела.

— Быстро,— сказал Каллахэн,— и выходите на свет. Остальное — наша забота.

Прежде, чем попасть в воды радости, мы должны пройти горькие воды.

— Господи, прости меня,— прошептал Бен.

Он занес молоток и опустил его.

Молоток ударил точно по верхушке кола, и вверх по осине передалась студенистая дрожь, которая будет преследовать Бена во сне до конца его дней. Сьюзан распахнула большие голубые глаза, словно причиной тому была сама сила удара. Из того места, где кол проник в тело, изумительно ярким потоком, заливая руки, рубаху, щеки Бена брызнула кровь. Подвал в мгновение ока заполнил ее горячий медный запах.

Девушка забилась на помосте. Взлетевшие кверху руки дико, по-птичьи, затрепыхались в воздухе. Ноги впустую выстукивали на досках помоста глухую дробь. Развернувшийся провал рта обнажил клыки, потрясающе похожие на волчьи, а из горла девушки, подобно звукам адского рожка, чередой понеслись пронзительные крики. Из уголков рта выплескивалась кровь.

Молоток поднимался и опускался: еще... еще... еще...

В голове Бена орали большие черные вороны, клубились жуткие, незапоминающиеся видения. Руки, кол, безжалостно взлетающий и падающий молоток окрасились алым. Фонарик в трясущихся руках Джимми превратился в стробоскоп, короткими

вспышками освещая бесноватое, злобное лицо Сьюзан: вспарывающие плоть губ зубы превращали их в бахрому. Свежую льняную простыню, которую он так аккуратно отвернул, запятнала кровь, расписав полотно похожими на китайские иероглифы узорами.

Потом Сьюзан вдруг выгнула спину, а рот разинула так широко, что им показалось: сейчас челюсти сломаются. Из проделанной колом раны обильно выплеснулась более темная кровь — кровь из сердца. Поднявшийся из заполненной звуками клетушки судорожно разинутого рта крик шел из всех подполов глубинной памяти о преследовании через влажный мрак души человеческой. Изо рта и ноздрей Сьюзан неожиданно хлынула бурлящая волна крови... а с ней и еще что-то. В слабом свете оно оказалось всего лишь намеком, некой тенью — обманутая, погубленная, она кинулась наружу и вверх, слилась с мраком и исчезла.

Сьюзан осела на спину. Рот расслабился, закрываясь. Искромсанные губы приоткрылись, пропуская последнее присвистывающее дыхание, веки коротко затрепетали, и Бен увидел (или вообразил, что видит) ту Сьюзан, которую встретил в парке за чтением своей книги.

Дело было сделано.

Бен попятился, роняя молоток, держа вытянутые руки перед собой — в усмерть перепуганный дирижер, у которого взбунтовался оркестр.

Каллахэн положил ему руку на плечо.

— Бен...

Тот кинулся прочь.

Взбегая по ступенькам, он споткнулся, упал и пополз к вершине лестницы, к свету. Ужас ребенка смешивался с ужасом взрослого. Оглянись Бен через плечо, он увидел бы на расстоянии вытянутой руки Хьюби Марстена (или, может быть, Стрейкера) с глубоко врезавшейся в шею веревкой, зеленоватым лицом и ухмылкой, обнажавшей клыки вместо зубов. Один раз Бен страдальчески вскрикнул.

Он смутно услышал крик Каллахэна:

— Нет, пусть идет...

Промчавшись через кухню, Бен вывалился из дверей черного хода. Ступени крыльца ушли из-под ног, и он полетел головой вниз, в землю. Он поднялся на колени, ползком двинулся вперед, встал на ноги и оглянул-

ся. Ничего. Дом возвышался над ним, но без умысла, остатки зла незаметно ускользнули из его стен. Это снова был просто дом.

Запрокинув голову и глубоко, со свистом втягивая воздух, Бен Мирс стоял в мертвой тишине на задушенном сорняками заднем дворе.

16.

Осенью вечер в Удел приходит так.

Сперва солнце высвобождает воздух из своего некрепкого захвата, отчего тот становится холодным и вспоминает, что на носу зима, которая будет долгой. Появляются жидкие тучи, вытягиваются тени — тени, лишенные ширины летних теней, негустые от того, что на деревьях нет листьев, а в небе — пухлых облаков. Эти продолговатые недобрые тени вгрызаются в землю, как зубы.

Чем ближе солнце к горизонту, тем глубже его щедрый желтый цвет, тем более нездоровый оттенок он приобретает, пока не нальется гневным воспаленно-оранжевым сверканием. Это пестрое зарево раскрашивает облачную пелену горизонта красным, потом — оранжевым, багровым и, наконец, пурпурным. Иногда большие клочья облаков неторопливо расходятся и пропускают в промоины снопы невинно-желтого солнечного света, полные жгучей тоски по ушедшему лету.

Шесть часов, время ужина. В Уделе обедают в полдень, а свертки с ленчем, которые народ, уходя на работу, хватает с кухонного стола, известны как «второй завтрак». Мэйбл Уэртс, на чьих костях обвис нездоровый старческий жир, садится съесть вареную цыплячью грудку и запить ее чашечкой липтонского чая, телефон же занимает место подле ее локтя. В пансионе Евы сходятся к ужину жильцы — неважно, что за трапезу они разделят: полуфабрикатный обед, тушенку, консервированные бобы (которые, увы, совершенно не похожи на те бобы, что много лет назад пекли наши матушки, убивая на это все субботнее утро и день), спагетти или разогретые гамбургеры, прихваченные в фолмутском «Макдональдсе» по дороге с работы. Раздраженная Ева сидит в гостиной, играет с Гровером Веррилло в «джин-рамми» и фыр-

кает на остальных, чтобы подтирали за собой жир и перестали, черт побери, свинячить по всему дому. Никто не припоминает, чтобы Ева хоть раз вот так нервничала, как кошка, и кидалась на всех, как шавка. Но все знают, в чем дело, даже если самой Еве причина непонятна.

Мистер и миссис Питри жуют в кухне сэндвичи, пытаясь разгадать только что состоявшийся телефонный разговор с местным падре, отцом Каллахэном. «*Ваш сын со мной. С ним все в порядке. Скоро я привезу его домой. До свидания.*» Они уже обсудили, не позвонить ли местному представителю закона, Паркинсу Джиллеспи, и решили обождать еще немного — в сыне, который всегда был тем, что Джун Питри любила именовать «Серьезный Мальчик», они успели ощутить какую-то перемену. И все же над ними висят неузнанные призраки Ральфи и Дэнни Гликов.

Милт Кроссен на задах своего магазина запивает хлеб молоком. С тех пор, как в шестьдесят восьмом умерла его жена, аппетит у Милта из рук вон плохой. Делберт Марки, владелец кафе «У Делла», методично прокладывает путь через пяток гамбургеров, которые поджарил себе в гриле. Он сдобрил их горчицей и горками свежего сырого лука, и весь вечер будет жаловаться всякому, кто станет слушать, что кислотность с несварением желудка медленно, но верно сводят его в могилу. Экономка отца Каллахэна, Рода Корлесс, ничего не ест. Она тревожится за отца Каллахэна, который где-то бьет ноги по дорогам. Хэрриет Дорхэм с домочадцами заняты свиными отбивными. У Карла Смита, вдовеющего с пятьдесят седьмого года, на ужин одна вареная картофелина и бутылка «Мокси». Семейство Дерека Боддина приступило к ветчине с брюссельской капустой. «Э-эх-х,» — говорит Ричи Боддин, низложенный хулиган,— «брюссельская капуста...» «Или ты ее съешь, или я тебе жопу задом наперед поставлю,» — обещает Дерек. Он сам терпеть не может брюссельскую капусту.

У Реджи и Бонни Сойер на ужин жареные ребрышки, замороженная кукуруза, картофель по-французски, а на десерт — шоколадный пудинг с густой подливкой. Все это — любимые кушанья Реджи. Бонни, у которой только-только начали бледнеть синяки, подает на стол молча, опустив глаза. Реджи мерно, сосредоточенно жует, за ужином он прикончит три

банки «Буда». Бонни ест стоя. Ей все еще слишком больно сидеть. Особого аппетита у нее нет, но она все равно ест — не то Реджи заметит и что-нибудь скажет. В тот вечер, излупив Бонни, Реджи спустил в сортир все пилюли жены и изнасиловал ее. И с тех пор насиловал каждую ночь.

К четверти седьмого почти вся еда съедена, почти все послеобеденные сигареты, сигары и трубки выкурены, почти со всех столов убрано. Тарелки моются, ополаскиваются и отправляются в сушилки. Ребятишек помладше загоняют в пижамы и отсылают в другую комнату посмотреть перед сном телевизор.

Спаливший к чертовой матери полную сковороду телятины Рой Макдугалл чертыхается, выбрасывая ее (вместе со сковородкой) в помойку. Натянув джинсовую куртку, он берет курс к Деллу, оставляя эту проклятую, ни на что не годную свинью — свою жену — дрыхнуть в спальне. Пацан помер, жене все стало по фигу, ужин сгорел к чертям собачьим. Самое время надраться. Может быть, самое время собрать манатки и отвалить из этого городишки, который и ломаного гроша не стоит.

В небольшой квартирке на Тэггарт-стрит, отходящей от Джойнтер-авеню, чтобы очень скоро закончиться тупиком позади муниципалитета, Джо Крейн получает сомнительный дар небес. Прикончив мисочку дробленой пшеницы, он усаживается перед телевизором, и вдруг левую сторону груди и руку парализует внезапная боль. Джо думает: «Что такое? Сердечко?» Это оказывается чистой правдой. Крейн поднимается, успевает пройти полдороги к телефону, а потом боль вдруг разбухает и сбивает его с ног. Джо падает, как молодой бычок под ударом молота. Телевизор продолжает бормотать, а найдут Джо Крейна через сутки. Эта наступившая в без десяти семь вечера смерть будет шестого октября единственной естественной смертью в Иерусалимовом Уделе.

К семи часам доспехи красок, в которые оделся горизонт, съеживаются до ярко-оранжевой полоски на западе — можно подумать, что за краем земли кто-то растопил несколько печей. На востоке уже высыпали звезды. Они блестят ровно, жестко, как алмазы. В это время года в них нет ни благосклонности, ни успокоения влюбленным — они сверкают в прекрасном безразличии.

Детям подошло время ложиться спать — родители сейчас отправят малышей в кровати и колыбельки, а на слезные просьбы позволить лечь чуточку попозже или не гасить свет будут только улыбаться и снисходительно открывать дверцы шкафов, чтобы показать: там ничего нет. Вокруг же на мрачных крылах подымаются животные инстинкты ночи. Настал час вампира.

17.

Когда Джимми с Беном вошли в палату, Мэтт дремал, но почти мгновенно очнулся, стиснув зажатый в правой руке крест. Взгляд учителя коснулся Джимми, перекочевал на Бена... и задержался.

— Что случилось?

Джимми коротко объяснил.

— А тело?

— Мы с Каллахэном положили его лицом вниз в какой-то ящик, который стоял в подвале — может, это в нем Барлоу прибыл сюда. И меньше часа назад сбросили в Королевскую реку, заполнив камнями. Отвезли на машине Стрейкера. Если кто и заметил ее у моста, подумают на него.

— Правильно. Где Каллахэн? И мальчик?

— Пошли к Марку домой. Придется все рассказать его родителям — Барлоу угрожал им персонально.

— А они поверят?

— Если нет, Марк заставит отца позвонить вам.

Мэтт кивнул. Вид у него был очень усталый.

— Да, Бен,— сказал он.— Подите сюда. Сядьте на кровать.

Бен послушно подошел. Лицо было пустым, ошеломленным. Он сел и аккуратно сложил руки на коленях. Вместо глаз — выжженные сигаретой дыры.

— Вы безутешны,— сказал Мэтт. Он взял руку Бена в свои. Тот не воспротивился.— Но это неважно. Время утешит. А она обрела покой.

— Он держит нас за кретинов,— глухо проговорил Бен.— Он осмеял нас — всех по очереди. Джимми, дай письмо.

Джимми подал Мэтту конверт. Тот вытащил тяжелый листок и внимательно прочел, держа бумагу у самого носа и едва заметно шевеля губами. Опустив письмо, Мэтт сказал:

— Да, это он. Эго Барлоу даже крупнее, чем я представлял. Просто в дрожь бросает.

— Он оставил ее для смеха,— глухо выговорил Бен.— А *самого* давно и след простыл. Бороться с Барлоу все равно, что драться с ветром. Должно быть, мы кажемся ему букашками. Таракашками, суетящимися ему на потеху.

Джимми открыл рот, чтобы что-то сказать, но Мэтт еле заметно покачал головой:

— Вы далеки от истины,— сказал он.— Если бы Барлоу мог, он забрал бы Сьюзан с собой. Он не отдал бы свою нежить шутки ради — ведь их так мало! Бен, отвлекитесь на минутку и задумайтесь: что вы ему сделали. Убили Стрейкера, его товарища. И, по собственному признанию Барлоу, даже вынудили его принять участие в этом убийстве из-за ненасытности аппетитов. В какой же ужас он должен был придти, очнувшись от своего сна без видений и обнаружив, что безоружный мальчишка разделался с таким страшным созданием!

Мэтт с некоторым трудом сел в постели. Бен повернул голову и смотрел на учителя. В первый раз с тех пор, как вышедшие из дома Марстена товарищи отыскали молодого человека на заднем дворе, он проявил какую-то заинтересованность.

— Может, это не самая большая победа,— задумчиво проговорил Мэтт.— Вы выгнали Барлоу из дома — из дома, который он сам избрал. Джимми сказал, что отец Каллахэн простерилизовал подвал святой водой и запечатал двери Святым причастием. Если Барлоу еще раз зайдет туда, он погибнет... и *он это понимает*.

— Но он же удрал,— сказал Бен.— Какая разница?

— Удрал,— мягко повторил Мэтт.— А где он сегодня спал? В багажнике машины? В подвале у одной из своих жертв? Может быть, в подвале старой методистской церкви на Болотах, которая сгорела во время пожара пятьдесят первого года? Где бы он ни спал, вы думаете, ему там понравилось? Или он чувствовал себя в безопасности?

Бен молчал.

— Завтра вы начнете охоту,— сказал Мэтт, стиснув руку Бена.— Не только на Барлоу — на всю мелкую рыбешку... а ее к завтрашнему утру окажется ой

как много. *Их* голод не утолить никогда. Они будут есть, пока не обожрутся. Ночи принадлежат ему, но днем вы будете гнать и гнать Барлоу до тех пор, пока он не перепугается и не унесет отсюда ноги, или пока вы не выволочете его на солнечный свет, проткнутого колом и визжащего.

Эта речь заставила Бена вскинуть голову. Лицо оживилось от пугающего воодушевления. Губы тронула слабая улыбка.

— Да, да,— прошептал он.— Только не завтра, а сегодня ночью. Сейчас же...

Мэтт молниеносно вцепился Бену в плечо на удивление сильной и жилистой рукой.

— Нет, не сегодня. Эту ночь мы проведем вместе: вы, я, отец Каллахэн, Джимми и Марк с родителями. Теперь *он* знает... и боится. Только безумец или святой посмел бы приблизиться к Барлоу, когда тот бодрствует в породившей его ночи. А среди нас нет ни святых, ни сумасшедших.— Учитель закрыл глаза и тихо проговорил: — По-моему, я начинаю понимать Барлоу. Лежу тут на больничной койке и играю в Майкрофта Холмса — пытаюсь предугадать шаги нашего врага, поставив себя на его место. Барлоу прожил много столетий. Это блестящий ум, но он еще и эгоцентрик, как явствует из письма. Почему бы и нет? Его эго разрасталось подобно жемчужине, слой за слоем, пока не стало громадным и пагубным. Его переполняет гордыня... вот уж, вероятно, кто настоящий хвастун! И жажда мести Барлоу должна быть всепоглощающей, вызывающей трепет... но не исключено, что на ней можно сыграть.— Мэтт открыл глаза, мрачно поглядел на обоих молодых людей и поднял крест.— *Его* это остановит. Но вдруг Барлоу использует на манер Флойда Тиббитса еще кого-нибудь? Того крест может не остановить. Думаю, сегодня ночью Барлоу попробует избавиться от некоторых из нас... от некоторых или от всех.

Мэтт взглянул на Джимми.

— Я думаю, отослав Марка с отцом Каллахэном в дом родителей Марка, вы рассудили неправильно. Можно было позвонить им отсюда и вызвать, не вводя в курс дела. А теперь мы разделены... и особенно я тревожусь за мальчика. Джимми, лучше бы ты им позвонил... позвони-ка сейчас.

— Ладно.— Джимми поднялся.

Мэтт посмотрел на Бена.

— Вы остаетесь с нами? Будете бороться на нашей стороне?

— Да,— хрипло ответил Бен.— Да.

Джимми вышел из комнаты, прошел по коридору к ординаторской и отыскал в справочнике номер Питри. Быстро набрав его, он с болезненным ужасом услышал в трубке вместо гудков звонящего телефона пронзительный вой вышедшей из строя линии.

— Он до них добрался,— сказал Джимми.

Выражение лица молодого врача испугало старшую сестру, поднявшую глаза на звук его голоса.

18.

Генри Питри был образованным человеком. Он получил степень бакалавра наук в Северо-западном университете, мастера — в Массачусетском техе и доктора философии — на экономическом. Прекрасную должность преподавателя младших курсов колледжа он оставил ради административного поста в страховой компании «Благоразумный» — не только в надежде приработать, но и из любопытства: Генри Питри хотелось посмотреть, подтвердит ли практика его определенные экономические теории. Он надеялся, что к следующему лету сумеет выдержать испытание на дипломированного бухгалтера, а еще через пару лет — экзамен на адвоката. Сейчас целью Генри Питри было войти в восьмидесятые годы, занимая высокий экономический пост в федеральном правительстве. Увлечение Марка сверхъестественным шло не от Генри — отцовская логика была законченой и цельной, а мир — механизированным до степени почти полного совершенства. Генри — зарегистрированный демократ — на выборах семьдесят второго года голосовал за Никсона не потому, что верил, будто тот честен (Питри не раз говорил жене, что считает Ричарда Никсона неизобретательным плутом, в котором тонкости не больше, чем в промышляющем у Вулворта воришке), а потому, что оппозиция состояла из ненормальных строителей воздушных замков, которые привели бы страну к экономической разрухе. На контркультуру шестидесятых Генри взирал со спокойной терпимостью, рожденной из убеждения, что та

рухнет, не причинив никакого вреда, поскольку не имеет под собой финансовой основы. Любовь мистера Питри к жене и сыну не была красивой (кто же станет воспевать стихами страсть человека, скидывающего носки на глазах у жены), зато — прочной и непоколебимой. Генри был человеком прямым, верил в себя, а еще — в естественные законы физики, математики, экономики и (несколько меньше) социологии.

Рассказанную сыном и деревенским батюшкой историю Генри выслушал, прихлебывая кофе и подталкивая рассказчиков ясными вопросами в тех местах, где нить повествования запутывалась или теряла четкость. Казалось, спокойствие Генри углубляется прямо пропорционально нелепости рассказа и растущему волнению жены, Джун. В без пяти семь рассказ был закончен. Свой вердикт Генри Питри вынес в четырех спокойных, обдуманных слогах:

— Не-воз-мож-но.

Марк вздохнул, посмотрел на Каллахэна и сказал:

— Я же говорил.

Он *действительно* предупреждал Каллахэна, когда старенькая машина священника везла их от церкви к дому Питри.

— Генри, тебе не кажется, что мы...

— Погоди.

Генри как бы невзначай приподнял руку, и Джун мигом успокоилась. Она села, приобняла Марка и чуть отстранила его от Каллахэна. Мальчик подчинился.

Генри Питри вежливо взглянул на священника.

— Давайте посмотрим, не сумеем ли мы разобраться в этом... заблуждении, что ли... как разумные люди.

— Это может оказаться невыполнимым,— не менее любезно отозвался Каллахэн,— но мы, разумеется, попробуем. Мистер Питри, мы здесь именно потому, что Барлоу угрожал вам и вашей жене.

— Сегодня днем вы действительно заколотили в тело этой девочки кол?

— Не я. Мистер Мирс.

— А труп еще там?

— Сбросили в реку.

— Если все это правда,— сказал Питри,— вы вовлекли моего сына в преступление. Вы отдаете себе в этом отчет?

— Да. Мистер Питри, это было необходимо. Стоит вам просто позвонить в больницу мистеру Бэрку...

— О, я уверен, что ваши свидетели вас поддержат,— перебил Питри, с чьих губ не сходила слабая, выводящая из себя улыбка.— Вот еще чем пленяет это ваше безумие. Можно посмотреть письмо, которое оставил этот Барлоу?

Каллахэн мысленно чертыхнулся.

— Оно у доктора Коди.— И запоздало прибавил: — Нам действительно следует поехать в Камберлендскую больницу. Если вы поговорите с...

Питри качал головой.

— Давайте сперва поговорим еще немного. Я уверен, что ваши свидетели надежны — я уже указывал на это. Доктор Коди — наш семейный врач, мы все очень хорошо к нему относимся. Еще мне дали понять, что и Мэтью Бэрка не в чем упрекнуть... по крайней мере, как педагога.

— Но, несмотря на это? — спросил Каллахэн.

— Отец Каллахэн, позвольте объяснить. Если бы дюжина надежных свидетелей в один голос утверждала, что среди бела дня по городскому парку проползла, распевая «Милашка Аделина» и размахивая флагом конфедерации, гигантская божья коровка, вы бы поверили?

— Если бы я не сомневался, что свидетели надежны и не шутят, я был бы весьма недалек от того, чтобы поверить. Да-с.

Питри с прежней слабой улыбкой сказал:

— Вот в этом мы и расходимся.

— Ваш разум закрыт,— откликнулся Каллахэн.

— Нет... просто давно сформировался.

— Что, если разобраться, то же самое. Скажите... компания, на которую вы работаете, одобряет администраторов, которые принимают решения, руководствуясь не объективными фактами, а внутренней убежденностью? Питри, это же не логика, а ханжество!

Питри перестал улыбаться и поднялся.

— Надо отдать вам должное: история тревожная. Вы вовлекли моего сына в какое-то безумие, возможно — опасное. Счастье, если вы за него не пойдете под суд. Сейчас я позвоню вашим людям, поговорю с ними. Потом, мне думается, всем нам лучше будет отправиться в больницу к мистеру Бэрку и продолжить обсуждение вопроса.

— Большое вам спасибо за отступление от принципов,— сухо сказал Каллахэн.

Питри вышел в гостиную и поднял телефонную трубку. Она не отозвалась гудением — линия безмолвствовала. Слегка нахмурившись, Генри потыкал в рычаги. Никакого ответа. Он положил трубку на место и вернулся в кухню.

— Похоже, телефон не в порядке,— объявил он. Заметив, что сын с Каллахэном немедленно обменялись полным испуганного понимания взглядом, Генри ощутил раздражение.— Могу вас заверить,— сказал он чуть резче, чем собирался,— чтобы выйти из строя, телефонной сети Иерусалимова Удела не нужны никакие вампиры.

И тут погас свет.

19.

Джимми бегом вернулся в палату к Мэтту.

— У Питри дома телефон не работает. Думаю, Барлоу там. Черт, какие же мы *кретины*...

Бен сорвался с кровати. Лицо Мэтта словно бы съежилось и сжалось.

— Видите, как он действует? — пробормотал учитель.— Без сучка без задоринки... Если бы только до наступления темноты у нас оставался еще час! Мы могли бы... но нет. Уже все.

— Нужно ехать к ним,— сказал Джимми.

— Нет! Вы не должны! Ради своей и моей жизни — нет!

— Но они...

— *Они предоставлены самим себе!* То, что там происходит — или уже произошло — к тому времени, как вы туда доберетесь, завершится!

Молодые люди нерешительно стояли у двери.

С трудом собрав силы, Мэтт спокойно, но с нажимом проговорил:

— Эго Барлоу велико, да и гордыня тоже. Вот эти его пороки мы, может быть, сумеем использовать. Однако следует учитывать, что Барлоу — великий ум. И уважать это. Вы показали мне письмо. В нем говорится о шахматах. Не сомневаюсь, Барлоу — игрок высшего класса. Разве вы не понимаете, что он мог бы справиться со своим делом, не обрывая телефонную

связь с домом? А оборвал он ее, поскольку хочет, чтобы вы поняли: одной из белых фигур объявлен шах! Он понимает расстановку сил и ему ясно, что легче выиграть, если разъединишь силы противника и приведешь в замешательство. Забыв об этом, вы по недосмотру отдали ему первый ход — и первоначальная группа раскололась надвое. Если вы, сломя голову, помчитесь в дом Питри, наша группа разобьется на три части. Я останусь один, прикованный к постели — легкая добыча, невзирая на кресты, книги и заклинания. Потребуется только отправить сюда одного из кандидатов в нежить с ножом или револьвером, убить меня. И кто останется? Вы с Беном, мчащиеся, как угорелые, сквозь ночь навстречу собственной гибели. Тогда Салимов Удел — его. Разве вы не понимаете?

Первым заговорил Бен.

— Да,— сказал он.

Мэтт откинулся назад.

— Я говорю так не потому, что опасаюсь за свою жизнь. И не потому, что боюсь, как бы вы не погибли. Я боюсь за город. Неважно, что еще произойдет — кто-то должен уцелеть, чтобы завтра остановить Барлоу.

— Да. И, пока я не отомщу за Сьюзан, он меня не получит.

Воцарилось молчание, которое нарушил Джимми Коди.

— Вообще-то они могут удрать,— задумчиво проговорил он.— Думаю, Барлоу недооценил Каллахэна... а уж мальчонку он точно недооценил, ё-моё. Этот пацан...

— Будем надеяться,— отозвался Мэтт и закрыл глаза.

Они устроились и стали ждать.

20.

Отец Дональд Каллахэн стоял у стены в просторной кухне Питри, держа высоко над головой крест своей матери, который заливал помещение призрачным лучезарным блеском. У противоположной стены, возле раковины, стоял Барлоу. Одной рукой он удерживал завернутые за спину руки Марка, другая охватывала шею мальчика. Между ними на полу в осколках стекла, ознаменовавших появление Барлоу, распростерлись Генри и Джун Питри.

Каллахэн был совершенно ошеломлен. Все случилось так быстро, что он еще не сумел осознать, что происходит. Только что они с Питри разумно (хоть и досадуя) обсуждали вопрос в ярком, не оставляющем места никаким глупостям свете кухонных ламп — и вот нырнули в безумие, которое с такой спокойной, понимающей твердостью отрицал отец Марка.

Разум священника пытался восстановить ход событий.

Питри вернулся и сказал, что телефон не работает. Несколькими секундами позже они остались без света. Джун Питри взвизгнула. Кто-то перевернул стул. Некоторое время все, спотыкаясь, бродили в новорожденной тьме, окликая друг дружку. Тут окно над мойкой разлетелось, осыпав стеклом кухонный стол и линолеум. Все это произошло на протяжении тридцати секунд.

Потом в кухню проскользнула какая-то тень, и Каллахэн стряхнул удерживавшие его чары. Священник вцепился в свисавший с шеи крест и, стоило ему коснуться распятия, как комната озарилась неземным, нездешним светом. Он увидел Марка, который старался оттащить мать к арке, ведущей в гостиную. Рядом с ними, повернув голову, стоял Генри Питри. Куда девалось былое спокойствие! От такого абсолютно противоречащего логике вторжения у Генри отвисла челюсть. Из-за спины Питри на них надвинулось белое ухмыляющееся лицо, подобное фрагменту картины Фрацетти. Оно раскололось, показав длинные острые клыки и красные прозрачные глаза, похожие на пылающие врата в ад. Барлоу раскинул руки (Каллахэн как раз успел увидеть, как длинны и чувствительны эти мертвенно-бледные музыкальные пальцы), а потом одной ухватил голову Генри Питри, другой — голову Джун и свел их вместе с тошнотворным скрежещущим треском. Питри рухнули на пол, как камни, и первая угроза Барлоу оказалась выполнена.

С высоким, плачущим криком Марк, не задумываясь, кинулся на вампира.

— Вот ты и попался! — добродушно прогудел глубокий сильный голос. Марк атаковал необдуманно — и был немедленно пленен.

Каллахэн двинулся вперед, держа крест над головой.

Торжествующая усмешка Барлоу мигом преобразилась в зияющую пасть агонии. Он отпрянул к мойке, волоча мальчика перед собой. Под ногами хрустело битое стекло.

— Именем Господа...— начал Каллахэн.

При звуке имени Господня Барлоу издал громкий крик, словно получил удар хлыстом. Углы разинутого рта поехали книзу в уродливой гримасе, блеснули иглы клыков.

— Ближе не подходить! — предостерег он.— Ближе не подходить, шаман! Не то вздохнуть не успеешь, как я перегрызу мальчишке яремную вену! — Пока Барлоу говорил, верхняя губа ползла кверху, обнажая длинные острия клыков. Он умолк и с быстротой гадюки сделал головой хищное движение вперед и вниз, разойдясь с шеей Марка на какую-нибудь четверть дюйма.

Каллахэн остановился.

— Назад,— скомандовал Барлоу, опять ухмыляясь.— Ты — на своей половине, я — на своей, так?

Каллахэн медленно отступил, по-прежнему держа крест перед собой на уровне глаз, чтобы смотреть поверх перекладины. Тот ровно пульсировал светом, испуская вспышку за вспышкой, и его мощь стекала по руке священника так, что собравшиеся в пучок мышцы задрожали.

Они стояли лицом к лицу.

— Наконец-то вместе! — улыбаясь, сказал Барлоу. Лицо у него было сильным, умным, красивым некой пронзительной запретной красотой... тут свет упал подругому, и черты Барлоу показались едва ли не женоподобными. Где Каллахэн видел подобное лицо? И в момент величайшего в своей жизни ужаса он вспомнил. Это было лицо мистера Флипа, его личного буки, существа, которое днем пряталось в шкафу и вылезало после того, как мать затворяла двери спальни. Зажигать ночник Каллахэну не разрешали (и мать, и отец считали, что лучший способ победить детские страхи — это взглянуть им в лицо, а не потакать им), так что каждую ночь, когда дверь с ехидным скрипом закрывалась, а шаги матери удалялись по коридору, дверца шкафа едва заметно отъезжала в сторону, и Каллахэн чувствовал (или взаправду видел?) тонкое белое лицо и горящие глаза мистера Флипа. Теперь же тот снова явился из шкафа и пристально смотрел

поверх плеча Марка: клоунски-белое лицо, горящие глаза и красные чувственные губы.

— Дальше что? — чужим голосом спросил Каллахэн. Он не сводил глаз с пальцев Барлоу — длинных, чувствительных пальцев, лежащих на горле мальчика. На них виднелись мелкие синие пятнышки.

— Там будет видно. Что дашь за этого жалкого негодяя? — Барлоу вдруг высоко поддернул завернутые за спину запястья Марка, явно рассчитывая подчеркнуть вопрос воплем, но Марк не поддался. Мальчик не издал ни звука, только со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Ты у меня заорешь! — прошептал Барлоу, кривя губы в гримасе животной ненависти.— Будешь орать, пока глотка не лопнет!

— Прекрати! — крикнул Каллахэн.

— А нужно? — Ненависть с лица Барлоу как ветром сдуло. Вернулась полная мрачного очарования улыбка.— Я должен дать мальчику передышку? Приберечь его до другой ночи?

— Да!

Барлоу тихонько проговорил, словно промурлыкал:

— Бросишь крест, чтобы встретиться со мной на равных, черное против белого? Твоя вера против моей?

— Да,— отозвался Каллахэн уже не так уверенно.

— Ну, так давай же! — Полные губы нетерпеливо поджались, высокий лоб заблестел в странном волшебном свете, заполнявшем комнату.

— Полагаясь на то, что ты его отпустишь? Да умнее было бы сунуть за пазуху гремучую змею, поверив, что она не укусит.

— Но я-то тебе верю... смотри!

Барлоу выпустил Марка и отступил, держа на весу пустые руки.

Не веря, Марк секунду постоял неподвижно, а потом, не оглядываясь на Барлоу, подбежал к родителям.

— Беги, Марк! — крикнул Каллахэн.— Беги!

Марк поднял на него огромные потемневшие глаза:

— По-моему, они мертвые...

— БЕГИ!

Марк медленно поднялся, обернулся и посмотрел на Барлоу.

— Скоро, братишка,— почти милостиво сказал тот,— теперь мы с тобой уже совсем скоро...

Марк плюнул ему в лицо.

У Барлоу захватило дух. Чело омрачила такая ярость, что прежнее выражение его лица показалось тем, чем вполне могло быть: простым актерством. Каллахэн на миг увидел в глазах своего врага безумие, более черное, чем душа убийства.

— *Ты в меня плюнул,*— прошептал Барлоу. Он дрожал всем телом, буквально сотрясался от ярости. Как некий грозный слепец он сделал неверный шаг вперед.

— *Назад!* — взревел Каллахэн, делая выпад крестом.

Барлоу вскрикнул и вскинул руки к лицу. Крест полыхал сверхъестественным слепящим пламенем, ярчайшим блеском и, вероятно, осмелься Каллахэн двинуться в эту минуту дальше, он мог бы прогнать Барлоу.

— Я убью тебя,— сказал Марк и исчез, как маленький темный смерч.

Барлоу словно бы вырос, волосы, по-европейски откинутые назад со лба плыли вокруг головы. Одет Барлоу был в темный костюм с безукоризненно повязанным галстуком темно-красного цвета, отчего показался отцу Каллахэну частью окружавшего их мрака, его сгустком. В глазницах светились угли коварных, угрюмых глаз.

— Ну же, выполни свою часть уговора, шаман.

— *Я — священник!* — бросил ему Каллахэн.

Барлоу отвесил еле заметный издевательский поклон.

— *Священник,*— повторил он, выплюнув слово, как дохлую рыбу.

Каллахэн стоял в нерешительности. Зачем бросать крест? Провести Барлоу, сыграть сегодня вничью, а завтра...

Но из глубин сознания шло предостережение: отвергнуть вызов вампира значит рискнуть куда серьезнее, чем Каллахэн мог себе представить. Если он не посмеет бросить крест, тем самым он признает... признает... что? Если бы только события происходили не так быстро, если бы только было время подумать... разобраться...

Сияние креста меркло.

Каллахэн расширившимися глазами взглянул на распятие. В живот клубком раскаленной проволоки прыгнул страх. Вздернув голову, священник впился

глазами в Барлоу — тот шел к нему через кухню с широкой, почти сладострастной улыбкой.

— Не подходи,— хрипло выговорил Каллахэн, попятившись.— Приказываю именем Господа...

Барлоу расхохотался ему в лицо.

От сияющего креста остался жидкий оплывающий огонек, имеющий форму распятия. По лицу вампира снова поползли тени, скрывшие его черты за грубыми линиями и треугольниками пониже выступающих скул. Каллахэн отступил еще на шаг и уперся ягодицами в придвинутый к стене кухонный стол.

— Отступать некуда,— печально пробормотал Барлоу. В темных глазах вскипало адское веселье.— Грустно видеть, как вера подводит человека. Ну, ладно...

Крест в пальцах Каллахэна задрожал, и вдруг остатки света иссякли. Теперь это был просто кусок гипса, купленный матерью Каллахэна в дублинской сувенирной лавчонке (не исключено, по совершенно безбожной цене). Сила, перетекавшая из распятия в его руку, сила, которая могла бы крушить стены и дробить камни, ушла. Мышцы помнили трепещущие токи, но не могли воспроизвести их.

Барлоу протянул во мраке руки и выхватил крест из пальцев священника. Каллахэн издал страдальческий, дрожавший в душе (но никогда — в горле) крик давнишнего ребенка, которого каждую ночь оставляли наедине с мистером Флипом, а тот подглядывал за ним из шкафа сквозь ставни сна. Потом раздался звук, который будет преследовать его до конца жизни: два сухих щелчка (Барлоу обломал перекладину) и глухой бессмысленный стук (он швырнул крест на пол).

— Будь ты *проклят*! — выкрикнул Каллахэн.

— Слишком поздно для таких мелодрам,— отозвался Барлоу из темноты. Тон был почти скорбным.— К чему? Ведь ты забыл доктрину собственной церкви, разве не так? Крест, хлеб и вино, исповедь — только символы. Без веры крест — простое дерево, хлеб — печеная пшеница, вино — перекисший виноград. Отбрось ты крест, в другой раз ты бы одолел меня. В известном смысле я надеялся, что дело может обернуться именно так. Я так давно не встречал хоть сколько-нибудь достойного противника. Мальчишка стоит десяти таких, как ты, поп-притвора.

И нежданно-негаданно в плечи Каллахэна вцепились на редкость сильные руки.

— Думаю, теперь ты приветствуешь вечность моей смерти. У Нежити нет памяти — только голод и потребность служить Хозяину. Ты можешь мне пригодиться. Я мог бы отправить тебя к твоим друзьям. Но нужно ли? Лишившись предводителя — тебя — они, мне кажется, значат мало. И мальчишка все им расскажет. В эту минуту против них уже делается ход. А для тебя, поп-притвора, есть более подходящее наказание.

Каллахэну вспомнились слова Мэтта:

«*Есть вещи хуже смерти.*»

Он опять попытался вырваться, но руки держали, как тиски. Потом одну руку убрали. Раздался шелест ткани по голому телу, потом — царапанье.

Ладони переместились на шею Каллахэна.

— Ну, поп-лицемер, поучись истинной религии. Прими *мое* причастие.

Каллахэн вдруг понял, и его захлестнули страх и омерзение.

— Нет! Не надо... не надо...

Но руки были неумолимы. Голову священника тянули вперед, вперед... вперед...

— Ну, поп,— прошептал Барлоу.

И рот Каллахэна прижали к холодному, вонючему горлу вампира, где билась вскрытая вена. Он перестал дышать (ему показалось, на целую вечность), бешено крутя головой, нанося кровью на лоб, щеки, подбородок боевую раскраску — но тщетно.

В конце концов он глотнул.

21.

Энн Нортон вышла из машины, не потрудившись прихватить ключи, и направилась через больничную автостоянку в сторону ярко освещенного вестибюля. Над головой звезды скрылись за облаками — собирался дождь. Энн даже не взглянула на тучи. Она шагала, бесстрастно глядя прямо перед собой.

Внешним обликом Энн сильно отличалась от дамы, с которой Бен Мирс познакомился в тот вечер, когда Сьюзан в первый раз пригласила его поужинать с ее родными. Тогда Бена представили даме среднего роста, чье зеленое шерстяное платье хоть и не крича-

ло о богатстве, но говорило о материальном достатке. На ту даму приятно было смотреть — некрасивая, но холеная, со свежей завивкой на седеющих волосах.

На этой женщине были только ковровые тапочки. Без маскирующих эластичных чулок на голых ногах вспухли больные вены — правда, не так отчетливо, как раньше, ведь давление несколько упало. Неглиже прикрывал рваный желтый халат. Поднявшийся ветер трепал космы спутанных волос. Лицо было мертвенно-бледным, а под глазами легли тяжелые коричневые круги.

Она же твердила Сьюзан: берегись этого Мирса и его дружков! Она же предостерегала дочь от человека, который убил ее! А подбил его на это Мэтт Бэрк. Они сговорились. Да, да. Энн знала — *он* все ей растолковал.

Весь день миссис Нортон нездоровилось — одолевал сон и буквально не было сил вылезти из постели. А когда после обеда муж уехал писать дурацкое заявление о пропаже дочери и Энн провалилась в тяжкую дремоту, во сне явился о н. Красивое, властное, дерзкое, приковывающее внимание лицо. Ястребиный нос, откинутые со лба волосы, а тяжелый притягивающий рот скрывал странно волнующие белые зубы, которые показывались, когда о н улыбался. Глаза же... эти красные глаза зачаровывали. Когда о н смотрел на вас, отвести взгляд было невозможно... да и не хотелось.

Он объяснил ей все: и что нужно сделать, и что потом у Энн появится возможность присоединиться к дочери и к великому множеству других... и к *нему* тоже. Да что Сьюзан — это *ему* хотела угодить Энн, чтобы получить взамен то, чего так страстно желала, в чем так нуждалась: касание, проникновение.

В кармане Энн лежал мужнин револьвер тридцать восьмого калибра.

Она вошла в вестибюль и поглядела в сторону регистратуры. Попытайся кто-нибудь ее остановить, она бы с ними разобралась. Нет, стрелять Энн не стала бы — пока она не попала в палату к Бэрку, никакой стрельбы. Так велел *он*. Если Энн схватят и остановят до того, как дело будет сделано, о н не придет, чтобы одарить ее в ночи жгучими поцелуями.

За стойкой сидела молоденькая девушка в белом халате и колпачке. Она разгадывала кроссворд в мягком

свете лампы, прикрепленной к главной консоли. Санитар как раз уходил по коридору. Энн видела его спину.

Услышав шаги, дежурная сестра с заученной улыбкой подняла глаза, но, когда разглядела приближающуюся женщину в халате, с ввалившимися глазами, улыбка растаяла. Пустые глаза Энн странно сияли, словно она была заводной игрушкой, которую кто-то запустил. Может быть, заблудившаяся пациентка?

— Мэм, если вы...

Энн Нортон вытащила из кармана своего балахона револьвер — ни дать ни взять рехнувшийся ганслингер из будущего,— ткнула стволом в голову дежурной сестре и сказала:

— Повернись.

Сестра беззвучно пошевелила губами, судорожно втянула воздух...

— Не ори. А то убью.

Воздух со свистом вышел обратно. Сестра очень сильно побледнела.

— А теперь поворачивайся.

Сестра медленно встала и повернулась. Энн перехватила пистолет за ствол и приготовилась изо всех сил обрушить рукоятку дежурной на голову.

И тут ее сбили с ног.

22.

Пистолет полетел.

Женщина в рваном желтом халате не закричала — она тонко заскулила, запричитала и огромным крабом бросилась за ним, но ошарашенный и перепуганный мужчина, который обнаружился у нее за спиной, стрелой метнулся туда же. Сообразив, что она первой доберется до пистолета, он пинком отправил его на другой конец ковра, застилавшего вестибюль.

— Эй! — завопил он.— Эй, на помощь!

Оглянувшись через плечо, Энн Нортон зашипела. Лицо стянулось в гримасу обманутой ненависти. Потом она снова принялась подбираться к пистолету. Бегом вернулся санитар, на миг он с тупым изумлением воззрился на происходящее, потом поднял лежавший почти у самых его ног револьвер.

— О Господи,— сказал он,— хреновина-то заряжена...

Энн атаковала его, прошлась скрюченными пальцами по лицу, и лоб с правой щекой пробороздили красные полосы. Изумленный санитар держал револьвер так, что ей было не достать. Не переставая причитать, женщина тянулась к нему похожими на когти пальцами. Зашедший сзади ошарашенный мужчина схватил Энн. Позже он будет рассказывать, что ему показалось, будто он ухватился за мешок со змеями — тело под халатом оказалось горячим, отталкивающим, каждый мускул плясал и извивался.

Энн принялась вырываться. Санитар врезал ей по челюсти, она закатила глаза и упала.

Санитар с недоумевающим мужичком переглянулись. Регистраторша визжала, зажимая рот ладонями, отчего крики приобрели неповторимое звучание сирены в тумане.

— Ребята, а вообще-то, что тут у вас за больница? — спросил озадаченный мужичок.

— Чтоб я знал,— отозвался санитар.— Что, черт возьми, случилось?

— Иду это я навестить сестру — она родила, понял-нет? Тут подходит ко мне мальчишка и говорит: туда только что вошла тетенька с пистолетом. И...

— Какой мальчишка?

Обалделый мужичок, который пришел к сестре, огляделся. Вестибюль заполняли люди, но все они были уже в том возрасте, когда можно покупать спиртное.

— Сейчас его не видать, но он тут крутился. Пистолет заряжен?

— А как же,— сказал санитар.

— Так что тут у вас за больница такая, ребята? — спросил ничего не понимающий мужичок.

23.

Они увидели, как мимо двери в сторону лифта пробежали две медсестры, а снизу лестничной клетки донеслись неясные крики. Бен поглядел на Джимми, но тот слегка пожал плечами. Мэтт дремал, раскрыв рот. Бен закрыл дверь и погасил свет. Джимми засел в изножье кровати Мэтта, а когда они услышали, как кто-то нерешительно останавливается у дверей, Бен уже стоял под ними наготове.

Дверь приоткрылась, в палату просунулась чья-то

голова. Бен полунельсоном захватил ее и вжал в лицо крест, который держал в другой руке.

— *Пустите!*

Неизвестный поднял руки и забарабанил в грудь Бена, но без толку. Секундой позже вспыхнул верхний свет. Мэтт сидел в кровати и моргал, глядя на вырывающегося из рук Бена Марка Питри.

Джимми выскочил из засады, перебежал комнату и совсем уж собрался обнять мальчика, как вдруг заколебался.

— Подними подбородок.

Марк задрал голову, предъявляя присутствующим шею без единой отметины.

Джимми расслабился.

— Господи, я в жизни еще никому так не был рад. Где отче?

— Не знаю,— угрюмо ответил Марк.— Барлоу поймал меня... убил моих родителей. Они мертвые. Мои родители — мертвые. Он разбил им головы... друг об дружку... убил. Потом поймал меня и сказал отцу Каллахэну, что отпустит, если отец Каллахэн обещает бросить крест. Он пообещал. Я сбежал. Но сперва плюнул в него. Плюнул, и я его убью.

Мальчик пошатывался в дверном проеме. На лбу и щеках виднелись царапины — он бежал сквозь заросли ежевики, через лес, по той тропинке, где так давно Дэнни Глик с братом набрели на беду. Штаны выше колен были мокрыми — это Марк перемахнул ручей Тэггарт-стрим. Приехал мальчик на попутке, но кто его подвозил, вспомнить не мог. Помнил только, что играло радио.

У Бена отнялся язык. Он не знал, что сказать.

— Бедный мальчик,— тихо проговорил Мэтт.— Бедный храбрый мальчуган.

Лицо Марка исказилось. Глаза закрылись, а рот дернулся и напрягся.

— Моя ма-ма... *мама*...

Он слепо зашатался, и Бен подхватил его, обнял и стал укачивать, а рубашка намокала от яростных слез.

24.

Отец Дональд Каллахэн понятия не имел, сколько времени уже шагает в темноте. Он, спотыкаясь, брел

по Джойнтер-авеню к центру города, начисто позабыв, что оставил машину на подъездной дороге возле дома Питри. Иногда он забредал на середину мостовой, а иногда, покачиваясь, шел по обочине. Один раз на него выскочила машина с большими сияющими кругами фар, громко затрубил клаксон, и в последний миг автомобиль вильнул в сторону, взвизгнув шинами на мостовой. Один раз Каллахэн свалился в кювет. Когда до моргающего желтого огонька оставалось рукой подать, пошел дождь.

Отметить шествие отца Каллахэна по безлюдным улицам было некому — Салимов Удел задраился на ночь даже крепче обычного. В столовой не было ни души, а у Спенсера сидела за кассой мисс Кугэн и в льдистом свете флюоресцентных ламп под потолком читала взятый со стенда журнал признаний. Снаружи под светящимся знаком, изображавшим синюю собаку в прыжке, горели красные неоновые буквы: АВТОБУС.

Причиной, по мнению отца Каллахэна, был страх. У горожан были все причины бояться. Какая-то часть их существа вобрала в себя опасность, и нынче вечером в Уделе заперлись даже те двери, которые не запирались уже много лет... если вообще когда-нибудь запирались.

Каллахэн был на улице один. И только ему было нечего бояться. Забавно. Он громко рассмеялся, и этот смех напоминал дикие безумные всхлипы. Никакой вампир его не тронет. Других — может быть, но не его. Отмеченный Хозяином, он будет свободно шагать до тех пор, пока Хозяин не потребует своего.

Над ним навис храм Святого Андрея.

Каллахэн замялся, потом двинулся по дорожке. Он будет молиться. Если нужно — молиться всю ночь. Не новомодному Богу — Богу гетто, социального сознания и бесплатных обедов,— а древнему Господу, который устами Моисея велел не давать ведьме жить, который позволил своему сыну восстать из мертвых. Еще один шанс, Господи. Епитимья же — вся моя жизнь. Только... еще один шанс.

Спотыкаясь, Каллахэн поднялся по широким ступеням. Перепачканная сутана была в беспорядке, рот вымазан кровью Барлоу. На верхней ступеньке он ненадолго остановился, а потом потянулся к ручке центральной двери.

Стоило ему прикоснуться к ней, как синяя вспышка света отбросила его назад. Боль пронзила спину, потом голову, потом грудь, живот и икры, и Каллахэн кубарем скатился с гранитных ступеней на тротуар.

— Нечист,— бормотал он.— Нечист, нечист. О, Господи, значит, нечист!

Он задрожал. Обхватив себя за плечи, Каллахэн трясся под дождем, а церковь нависала над ним, и двери ее были для него закрыты.

25.

Марк Питри сидел на кровати Мэтта точно на том же месте, куда уселся Бен, когда пришел сюда с Джимми. Слезы Марк осушил рукавом и, хотя глаза мальчика опухли и покраснели, он держал себя в руках.

— Ты ведь знаешь,— сказал Мэтт,— что Салимов Удел в отчаянном положении?

Марк кивнул.

— Даже сейчас по нему расползается *его* Нежить,— угрюмо продолжил учитель.— Прихватывая с собой других. Всех им не достать,— во всяком случае, сегодня,— но завтра вам предстоит страшная работа.

— Мэтт, я хочу, чтобы вы поспали,— сказал Джимми.— Не тревожьтесь, мы никуда не уйдем. Вы выглядите скверно. Такое страшное напряжение...

— Родной город прекращает существование чуть ли не у меня на глазах, а ты хочешь, чтобы я спал? — с непокорного лица сверкнули глаза, в которых незаметна была усталость.

Джимми упрямо сказал:

— Если хотите попасть на финиш, лучше поберечься. Я говорю это, как ваш лечащий врач, черт побери!

— Ладно. Минутку.— Учитель оглядел собравшихся.— Завтра вы трое должны вернуться в дом Марка. Чтобы наделать кольев. Очень много кольев.

Они немедленно сообразили.

— Сколько? — тихо спросил Бен.

— Я бы сказал, понадобится самое малое сотни три. Советую сделать пятьсот.

— Невозможно,— категорически заявил Джимми.— Их не может быть так много.

— Нежить томится жаждой,— просто ответил Мэтт.— Лучше подготовиться. Пойдете все вместе. Не

смейте разделяться даже днем. Это охота станет очистительной. Нужно будет пройти город из конца в конец.

— Всех нам ни за что не найти,— возразил Бен.— Даже если начать с рассветом и трудиться дотемна.

— Надо постараться, Бен. Не исключено, что горожане поверят вам. Если вы докажете правдивость своих слов, найдутся помощники. А когда снова стемнеет, *его* труды во многом окажутся сведены на нет.— Мэтт вздохнул.— Следует признать, что отец Каллахэн для нас потерян. Скверно. Однако, невзирая на это, вы должны идти вперед. Вам — всем! — придется соблюдать осторожность. Будьте готовы солгать — если вас посадят под замок, это отлично послужит *его* цели. И подумайте вот о чем: шансы, что кто-то из нас (а то и все мы) уцелеет и победит только для того, чтобы пойти под суд за убийство, очень велики. Вам это еще не приходило в голову? — Он заглянул каждому в лицо. Увиденное, должно быть, удовлетворило Мэтта, поскольку он опять обратил все внимание на Марка.

— Ты знаешь, что важнее всего, правда?

— Да,— ответил Марк.— Надо убить Барлоу.

Мэтт бледновато улыбнулся.

— Боюсь, ты впрягаешь лошадь позади телеги. Сперва его надо найти.— Он пристально посмотрел на Марка.— Сегодня вечером ты видел, слышал, чуял, трогал хоть что-то, что могло бы помочь нам разыскать его? Погоди отвечать, подумай хорошенько! Ты лучше всех знаешь, насколько это важно!

Марк подумал. Бен впервые видел, чтобы человек так буквально воспринял распоряжение. Мальчик опустил подбородок в ладони, плотно закрыл глаза — казалось, он намеренно прокручивает в голове все нюансы ночной стычки.

Наконец, он открыл глаза, бегло оглядел присутствующих и покачал головой:

— Ничего.

У Мэтта вытянулось лицо, но он не сдался.

— Может быть, прицепившийся к пиджаку листок? Камышинка за отворотом штанины? Грязь на ботинках? Какая-нибудь нитка, которую Барлоу поленился оборвать? — Учитель беспомощно стукнул по кровати.— Боже Всемогущий, Иисусе Христе! Не сделан же он из цельного куска, как яйцо?

Вдруг у Марка расширились глаза.

— Что? — спросил Мэтт, схватив мальчика за локоть.— Что такое? О чем ты подумал?

— Синий мел,— ответил Марк.— Он обхватил меня рукой за шею, вот так, и я увидел его пальцы — длинные, белые, на двух — синий мел. Такие маленькие пятнышки.

— Синий мел,— задумчиво сказал Мэтт.

— Школа,— подсказал Бен.— Что же еще.

— Но не средняя,— ответил учитель,— все свои запасы мы получаем от «Дэннисона и компании» из Портленда. Они поставляют только белый и желтый мел, который уже много лет не выводится у меня из-под ногтей и с пиджаков.

— А уроки рисования? — спросил Бен.

— Нет, в средней школе только черчение. Там пользуются не мелом, а тушью. Марк, ты уверен, что это был...

— Мел,— ответил мальчик, кивая.

— По-моему, кто-то из естественников пользуется цветными мелками, но где спрячешься в средней школе? Вы ее видели — все на одном этаже, сплошное стекло. А в шкафы с пособиями целый день лазают. То же самое относится к котельной.

— А за кулисами?

Мэтт пожал плечами.

— Там достаточно темно. Но, если вместо меня за постановку возьмется миссис Родин (кстати, после того причудливого японского научно-фантастического фильма ученики прозвали ее Родэн), эту зону будут использовать весьма активно. Барлоу страшно бы рисковал.

— Как насчет начальной школы? — спросил Джимми.— В младших классах должны быть уроки рисования. Ставлю сто долларов, что среди предметов первой необходимости есть и цветные мелки.

Мэтт сказал:

— Начальную школу на Стэнли-стрит строили по тому же проекту, что и среднюю. Она такая же современная, одноэтажная и заполненная до отказа. Полно окон, пропускающих внутрь солнце. Совсем не то здание, куда охотно зачастила бы наша мишень. Им нравятся старые здания, полные преданий, темные и мрачные, как...

— Как школа на Брок-стрит,— сказал Марк.

— Да.— Мэтт взглянул на Бена.— Школа на

Брок-стрит — трехэтажное деревянное здание с подвалом, построенное примерно в одно время с домом Марстена. Когда проект новой школы ставили на голосование, многие в городе говорили, что старая — пожароопасна. По этой причине наш школьный проект и прошел. Два или три года назад в одной нью-хэмпширской школе был пожар...

— Я помню,— пробормотал Джимми.— В Коббс-Ферри, да?

— Да. Трое ребят сгорело.

— А школа на Брок-стрит работает до сих пор?

— Только первый этаж. С первого по четвертый классы. За два года ее должны постепенно свернуть, а школу на Стэнли-стрит — расширить.

— Барлоу найдет там, где спрятаться?

— Полагаю, найдет,— неохотно ответил Мэтт.— На втором и третьем этажах полно пустующих классов. А окна заколочены, потому что дети без конца швыряют в них камнями.

— Тогда он там,— сказал Бен.— Не иначе.

— Звучит неплохо,— признал Мэтт. Вот теперь вид у него был по-настоящему усталый.— Но уж больно просто получается. Слишком прозрачно.

Раскрыв свою черную сумку, Джимми извлек флакончик с таблетками.

— Две, и запить водой,— велел он.— Прямо сейчас.

— Нет. Слишком многое осталось просмотреть. Слишком многое...

— Слишком велик риск потерять вас,— решительно перебил Бен.— Если отец Каллахэн *действительно* отпал, вы теперь самый главный. Слушайтесь Джимми.

Марк принес из ванной стакан воды, и Мэтт довольно неуклюже сдался.

Четверть одиннадцатого.

Палата погрузилась в тишину. Бен подумал, что Мэтт выглядит пугающе старым и измученным. Седые волосы как бы поредели, усохли, на лице за прошедшие дни словно отпечаталась тревога — не подошел ли к концу отпущенный ему срок жизни. Бен подумал: в определенном отношении вполне уместно то, что беда — большая беда — нагрянула к нему вот так нереально, мрачно, фантастично. Вся жизнь готовила его к тому, чтобы приобщиться к символической

скверне, которая выскакивает на свет при настольной лампе и исчезает с зарей.

— Беспокоит он меня,— тихо проговорил Джимми.

— Я думал, приступ был несильным,— отозвался Бен.— С настоящим инфарктом и рядом не лежал.

— На этот раз обошлось небольшой закупоркой сосудов, но следующий приступ будет обширным. Если все это не закончится по-быстрому, то доконает его.— Джимми взял Мэтта за руку и осторожно, любовно, нащупал пульс.— Что,— добавил он,— было бы трагично.

Они устроились ждать вокруг койки Мэтта, по очереди бодрствуя. Мэтт проспал до утра, но Барлоу не объявился: у него были дела где-то еще.

26.

Мисс Кугэн читала в «Невыдуманных исповедях» рассказ под названием «Я пыталась задушить нашего малютку», и тут дверь открылась, пропуская внутрь первого за вечер клиента.

На памяти мисс Кугэн дела еще никогда не шли так вяло. Даже Рути Крокетт с компанией не явилась выпить содовой (не то, чтобы мисс Кугэн скучала без *этой* банды), а Лоретта Старчер не заскочила за «Нью-Йорк Таймс». Аккуратно сложенная газета так и лежала под прилавком. Лоретта одна на весь Иерусалимов Удел регулярно покупала «Таймс» (название она произносила так, что слышался курсив), а на следующий день относила газету в читальный зал.

Мистер Лэбри после ужина тоже не вернулся, хотя в этом ничего необычного не было. Мистер Лэбри, вдовец, обладатель большого дома на Школьном холме неподалеку от Гриффенов, домой ужинать не ходил, и мисс Кугэн это отлично знала. Он ездил к Деллу есть гамбургеры и пить пиво и, если не возвращался к одиннадцати (а сейчас было уже без четверти одиннадцать), она брала из ящичка под кассой ключ и сама запирала аптеку. И не один раз. Но, если придет тот, кому действительно позарез нужно лекарство, неприятностей не оберешься.

Иногда мисс Кугэн скучала по той валящей из кино толпе, которая неизменно появлялась примерно в это время, пока не снесли стоявшую через дорогу старую «Нордику». Люди спрашивали мороженое с содо-

вой, фрапе, солод, парочки держались за руки и болтали про то, сколько времени им дают на домашние задания. Приходилось нелегко, зато шло *во благо*. Тогдашние ребята не были похожи на Рути Крокетт с ее командой, которые сдавленно хихикали, выставляли напоказ бюсты, а джинсы носили такие тесные, что проступали края трусиков (если они их вообще надевали). Подлинные чувства мисс Кугэн к клиентам минувших дней (которые раздражали ее ничуть не меньше, хоть она и позабыла об этом) затуманила ностальгия, так что, когда дверь открылась, она с готовностью подняла глаза, словно там мог оказаться школьник из шестьдесят четвертого года со своей девочкой, предвкушающие мороженое с шоколадной помадкой и двойной порцией орехов.

Но вошедший оказался мужчиной — взрослым мужчиной, она знала его, но не могла узнать. С чемоданом в руке он прошел к прилавку, и тут что-то то ли в походке, то ли в движении головы подсказало мисс Кугэн, кто это.

— Отец Каллахэн! — проговорила она, не в силах сдержать удивление — она в первый раз видела его без облачения священника. Сейчас отец Каллахэн был в простых темных штанах и синей рубашке на манер фабричного рабочего. Она вдруг испугалась — одежда Каллахэна была чистой, волосы аккуратно причесаны, но в лице было что-то такое... такое...

Мисс Кугэн неожиданно вспомнила день двадцатилетней давности, когда вернулась из больницы, где внезапно умерла от инсульта ее мать — в прежние времена говорили «от удара». Сейчас Каллахэн чем-то напомнил ей брата, которому она сказала о смерти матери: осунувшееся обреченное лицо, пустой непонимающий взгляд выжженных глаз. Ей стало неуютно. Кожа вокруг рта покраснела, казалась раздраженной — не то переборщил, когда брился, не то натер полотенцем в долгих попытках избавиться от упрямого пятна.

— Я хочу купить билет на автобус,— сказал он.

«Вот оно что,— подумала мисс Кугэн.— Бедняжка, кто-то умер и ему только что позвонили в директорию... или как там называется его квартира?»

— Конечно,— сказала она.— Куда?

— Когда первый автобус?

— Куда?

— Куда угодно,— отозвался он, вдребезги разбивая ее теорию.

— Ну... не знаю... дайте взглянуть...— Она выкопала расписание и, волнуясь, заглянула в него.— Есть автобус в одиннадцать десять. Он останавливается в Портленде, Бостоне, Хартфорде и Нью-Йо...

— Этот,— перебил он.— Сколько?

— Надолго... я хочу сказать, далеко вам? — теперь она и вовсе засуетилась.

— До конца,— глухо ответил он и улыбнулся. Мисс Кугэн, никогда не видавшая на человеческом лице такой страшной улыбки, отпрянула. «*Если он меня тронет,*— подумала она,— *я закричу. Заору благим матом.*»

— З-значит, до Нью-Йорка,— выговорила она.— Двадцать девять долларов семьдесят пять центов.

Он с некоторым трудом выкопал из заднего кармана бумажник, и мисс Кугэн увидела повязку на правой руке. Каллахэн выложил перед ней двадцатку и две однодолларовых бумажки, а она, забирая билет с самого верха пачки незаполненных бланков, всю ее сшибла на пол. Пока мисс Кугэн их собирала, Каллахэн добавил еще пять долларов и кучку мелочи. Заполняя билет, она торопилась изо всех сил, но под его мертвым неподвижным взглядом любая поспешность казалась недостаточной. Проштамповав билет, мисс Кугэн подтолкнула его через прилавок, чтобы не пришлось коснуться руки Каллахэна.

— В-вам придется обождать снаружи, отец Каллахэн. Мне минут через пять нужно закрываться.— Она незряче смахнула банкноты и мелочь в ящик кассы, не сделав попытки пересчитать.

— Ничего страшного,— сказал он, засовывая билет в нагрудный карман и, не глядя на мисс Кугэн, сказал: — И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня, и поселился в земле Нод на восток от Едема... Священное Писание, мисс Кугэн. Самый тяжелый текст в Библии.

— Правда? — сказала она.— Боюсь, вам придется выйти на улицу, отец Каллахэн. Я... через минуту вернется мистер Лэбри, а он не любит... не любит, когда я... я...

— Да-да,— откликнулся он и развернулся, чтобы уйти. Потом приостановился и оглянулся. Под его

одеревеневшим взглядом она дрогнула.— Вы живете в Фолмуте, правда, мисс Кугэн?

— Да...

— У вас есть машина?

— Да, разумеется. Честное слово, я должна попросить вас подождать автобуса снаружи...

— Сегодня поезжайте домой побыстрее, мисс Кугэн. Заприте в машине все дверки и никого не подсаживайте. *Никого.* Даже, если это будет кто-то из ваших знакомых.

— Я *никогда* никого не подсаживаю,— добродетельно сказала она.

— А когда доберетесь домой, держитесь подальше от Иерусалимова Удела,— продолжал Каллахэн. Он не сводил с нее глаз.— Отныне в Уделе творятся скверные дела.

Мисс Кугэн проговорила слабым голосом:

— Не знаю, о чем вы говорите, но автобус вам придется подождать снаружи.

— Да. Хорошо.

Он вышел.

Мисс Кугэн неожиданно осознала, как тихо в аптеке — как абсолютно тихо. Как же это до темноты не зашел никто — *никто* — кроме отца Каллахэна? И правда ведь — ни живой души.

Отныне в Уделе творятся скверные дела.

Мисс Кугэн принялась обходить аптеку и гасить свет.

27.

Тьма в Уделе держалась цепко.

В без десяти двенадцать Чарли Роудса разбудил долгий непрекращающийся гудок. Проснувшись, Чарли резко сел в постели.

Мой автобус!

И сразу же:

Сволочата!

Дети и раньше пробовали такие штучки. Этих маленьких пройдох Чарли видел насквозь. Один раз они спичками спустили ему шины. Кто это сделал, он не засек, но отлично догадывался. Он сходил к ихнему мокрозадому директору, будь он проклят, и назвал Майка Филбрука с Оди Джеймсом.

Чарли знал, что это они — чего там еще видеть?

«Роудс, вы уверены, что это их работа?»

«Я же сказал, нет?»

Тут уж этот фигов неженка ничего поделать не мог, *пришлось* ему отстранить пацанов от занятий. Потом, неделю спустя, вызывает эта сволочь Чарли к себе в кабинет:

«Роудс, сегодня мы отстранили от занятий Энди Гарви.»

«Да-а? Чего ж он удумал?»

«Боб Томас поймал его, когда он спускал шины его автобуса.»

И награждает Чарли долгим холодным оценивающим взглядом.

Ну и что с того, коли это был Гарви, а не Филбрук с Джеймсом? Все они болтаются вместе, все они с придурью, всем им надо яйца оторвать.

Сейчас с улицы, доводя до бешенства, несся голос его клаксона — сажают аккумулятор, пузом, что ль, навалились!

— УОНК, УОНК, УООННННННННННННК...

— Ах, сукины дети,— прошептал Чарли, выскользнул из постели и, не зажигая света, натянул штаны — свет спугнул бы маленьких мерзавцев, а Чарли этого не хотел.

В другой раз кто-то подложил на водительское сиденье коровью лепешку — будьте покойны, Чарли прекрасно знал, чьих рук это дело. В их глазах он читал запросто, как в книге — такая постоянная настороженность была знакома Чарли еще с войны, с пересыльного пункта пополнения. Коровьей лепешкой Чарли занялся по-своему. Три дня подряд он выкидывал сучонка из автобуса в четырех милях от дома. Под конец пацан с ревом заявился к нему.

«Я ничё не делал, мистер Роудс. Чего вы меня гоняете?»

«Говоришь, подложить мне на сиденье коровью лепеху — это «ничё»?»

«Да это не я, честное-пречестное, не я!»

Да, надо отдать им должное — они способны с ясными, улыбающимися мордочками вешать лапшу на уши собственной мамке (уж, наверное, не без этого). Чарли высаживал пацана еще пару вечеров, а потом тот сознался как на духу. Чарли выкинул его из автобуса еще раз — так сказать, на посошок,— после

чего Дэйв Фельсен из автопарка посоветовал поостыть на время.

— УООННННННННННК!

Чарли схватил рубаху, а потом цапнул стоявшую в углу старую теннисную ракетку. Накажи его Бог, если сегодня ночью он не нахлещет кой-кому задницу! Выбравшись черным ходом, он обошел дом и во власти жесткой, холодной уверенности в своей правоте взял курс туда, где ставил большой желтый автобус. Он проникал в тыл врага, точь-в-точь как на войне. Остановившись за кустом олеандра, Чарли посмотрел на автобус. Да, он увидел всех, всю шайку — силуэты, которые были еще темнее зачерненных ночным мраком окон. От застарелой бешеной ярости, жгучей, как лед, ненависти Чарли так сдавил теннисную ракетку, что та в конце концов камертоном задрожала в руке. Они высадили... шесть, семь, восемь... восемь окон в *его* автобусе!

Проскользнув за машиной, Чарли прокрался вдоль длинного желтого бока к складной пассажирской двери. Та оказалась открыта. Он напрягся и вдруг взлетел вверх по ступенькам.

— Ладушки! Стоять, где стоите! Эй, пацан, оставь в покое проклятый клаксон, а не то я...

Пацан, который восседал на водительском месте, приклеившись к гудку обеими руками, обернулся, улыбаясь, как псих. Желудок Чарли болезненно ухнул вниз. Оказалось, что это Ричи Боддин, белый — белый как простыня! — только на месте глаз чернели угольки да рубинами краснели губы...

А зубы...

Чарли Роудс оглядел проход.

Кто это, Майк Филбрук? Оди Джеймс? Боже Всемогущий, там на заднем сиденье сидели мальчишки Гриффена, Хэл и Джек, с сеном в волосах! *Но они не ездят в моем автобусе!* Мэри Кейт Григсон рядышком с Брентом Тенни: она — в ночной рубашке, он — в джинсах и фланелевой рубахе, надетой задом наперед и навыворот, словно парнишка позабыл, как одеваются.

И Дэнни Глик. Но... о Господи... он же *умер*, уже *много недель*, как умер!

— Вы,— выговорил Чарли онемевшими губами,— вы, ребятки...

Теннисная ракетка выскользнула у него из руки.

Раздалось шипение, потом — глухой щелчок: это Ричи Боддин, продолжая дико улыбаться, дернул хромированный рычаг, закрывающий складную дверь. Все они стали выбираться со своих мест — все до единого.

— Нет,— сказал Чарли, пробуя улыбнуться.— Вы, это, ребята... не поняли... Это ж я, Чарли Роудс... Вы... вы...— он бессмысленно усмехнулся, потряс головой, протянул руки, показывая: это всего лишь руки ни в чем неповинного старины Чарли Роудса, и пятился, пятился, пока не прижался спиной к широкому темному ветровому стеклу.

— Не надо,— прошептал он.

Ухмыляющиеся дети не остановились.

— Прошу вас, не надо.

Они набросились на Чарли.

28.

Энн Нортон умерла в лифте, во время короткого переезда с первого этажа больницы на второй. Она содрогнулась, и из уголка рта вытекла тонкая струйка крови.

— О»кей,— сказал один из санитаров.— Теперь можешь выключить сирену.

29.

Еве Миллер снился сон.

Странный сон, но кошмаром его нельзя было назвать. Под бледно-голубым непрощающим небом, которое прямо над головой выцветало до жаркой беспощадной белизны, бушевал пожар пятьдесят первого года. На дне этой перевернутой чаши сверкал надраенный медяк солнца. Повсюду витал едкий запах дыма. Вся деловая жизнь замерла, люди высыпали на улицы и стояли, глядя на юго-запад, в сторону Болот, и на северо-запад, в сторону леса. Дым висел в воздухе все утро, но теперь, в час дня, за пастбищем Гриффена стали видны пляшущие в зелени яркие струйки огня. Неутихающий ветер, который уже позволил пламени перепрыгнуть одну баррикаду, теперь принес в город белый пепел, сыпавшийся и сыпавшийся с неба, как летний снег.

Ральф был жив, он ушел, чтобы попытаться спас-

ти лесопилку. Однако все перепуталось: с Евой был Эд Крейг, а ведь его она встретила только осенью пятьдесят четвертого.

Ева глядела на пожар из окна спальни наверху, стоя, в чем мать родила. Сзади ее коснулись руки, шершавые смуглые руки на гладкой белизне бедер, и она поняла, что это Эд, хотя в стекле не было и намека на отражение.

«Э д,— попыталась сказать Ева. Не сейчас.— *Слишком рано. Даже несмотря на девять без малого лет — нет.*»

Но руки оказались настойчивыми. Они пробежали по животу Евы, один палец поиграл с чашечкой пупка, потом обе ладони скользнули выше, чтобы с бесстыдной осведомленностью поймать груди.

Ева попробовала втолковать ему, что они торчат в окне и любой уличный зевака, оглянувшись, может их увидеть, но слова не шли с языка, а потом губы Эда коснулись ее руки, плеча и с решительной похотливой настойчивостью — шеи. Ева ощутила зубы, Эд кусал ее, кусал, высасывая, вытягивая кровь, и Ева опять попробовала возмутиться: «*Нечего устраивать конский флирт, Ральф увидит...*»

Но протестовать было невозможно, да она уже и не хотела протестовать. Ей стало наплевать, что кто-нибудь обернется и увидит их, нагих и бесстыдных. Пока зубы и губы Эда занимались шеей Евы, ее взгляд сонно проплыл к огню. Черный-пречерный, черный, как ночная тьма, дым застилал раскаленный ружейный металл неба, превращая день в ночь, но пламя продолжало двигаться в этом мраке, пульсируя алыми нитями и соцветиями... буйное цветение в полночных джунглях.

А потом в *самом деле* пришла ночь и город исчез, но буйство огня не прекратилось. Пламя принимало в черноте причудливые очертания, как в калейдоскопе, пока не начало казаться, что оно выписывает кровью лицо — лицо с ястребиным носом, глубоко посаженными жгучими глазами, полными чувственными губами, которые прятались в густых усах и с шевелюрой, откинутой назад со лба, как у музыканта.

— Уэльский посудный шкафчик,— донесся издалека чей-то голос, и Ева поняла, что голос принадлежит е м у.— Тот, на чердаке... я думаю, он отлично подойдет. А потом разберемся с лестницей... умнее будет подготовиться.

Голос растаял. Растаяло и пламя.

Осталась только тьма, а в ней — Ева, которая не то смотрела сон, не то только начинала смотреть. Она смутно подумала, что сон будет долгим и приятным, но в глубине — горьким и темным, как воды Леты.

Другой голос — голос Эда:

— Давай, лапушка. Вставай. Надо делать, как он говорит.

— Эд? Эд?

Над ее лицом склонилось лицо Эда, не нарисованное огнем, а очень бледное и странно пустое. И все же Ева опять любила его... сильнее, чем когда-либо. И в томлении ждала поцелуя.

— Пошли, Ева.

— Эд, это сон?

— Нет... не сон.

На мгновение Ева испугалась, а потом страх исчез без следа. Вместо него пришло понимание. А с ним — голод. Она взглянула в зеркало и увидела, что там отражается только пустая притихщая спальня. Дверь на чердак была заперта, а ключ лежал в нижнем ящике комода, но это не имело значения. Теперь в ключах не было нужды.

Они как тени проскользнули между дверью и косяком.

30.

В три часа ночи кровь течет медленно, неспешно, а дремота тяжела. В этот час душа либо спит в благословенном неведении, либо в полном отчаянии взирает на самое себя. Середины нет. В три часа ночи жизнь, старая шлюха, лишается своей пестрой раскраски и оказывается, что носа у нее нет, а глаз стеклянный. Веселье становится пустым и хрупким, как в окруженном Красной Смертью замке По. Ужас разрушает скука. Любовь — сон.

Паркинс Джиллеспи, шаркая, идет от рабочего стола к кофейнику. Констебль напоминает очень тощую крупную обезьяну, которую снедает изнурительная болезнь. За спиной остался разложенный пасьянс «солитер», похожий на часы. Чуть раньше из ночной тьмы до Паркинса донеслись пронзительные крики, странные рваные гудки автомобиля, а один раз — то-

пот бегущих ног. Но он ни разу не вышел разобраться, что бы это значило. В изборожденном складками лице с ввалившимися глазами поселился призрак того, что, по мнению констебля, творилось в Уделе. С шеи Паркинса свисали: крест, образок Святого Христофора и знак мира. Зачем он нацепил все это, Паркинс точно не знал, но так было спокойнее. Паркинс думал, что, если сумеет пережить нынешнюю ночь, то завтра уедет за тридевять земель, а значок шерифа оставит на полке рядом со связкой ключей.

Мэйбл Уэртс сидела в кухне у стола перед чашкой остывшего кофе, впервые за много лет задернув занавески и зачехлив окуляры бинокля. Впервые за шестьдесят лет Мэйбл не хотела ничего видеть и слышать. Ночь была полна смертных шепотов, которые Мэйбл не желала слушать.

Билл Нортон с неподвижным, одеревеневшим лицом держал путь в Камберлендскую больницу, откуда ему позвонили (Энн тогда была еще жива). Мерно щелкали дворники, стирая с ветрового стекла разошедшийся не на шутку дождь. Билл старался ни о чем не думать.

В Уделе были и другие нетронутые, кто спал или бодрствовал. Уцелели в основном люди одинокие, у кого в городе не было ни родственников, ни близких друзей. Многие даже не подозревали, что что-то происходит.

Однако те, кто не спал, зажигали в домах полный свет. Случись кому-нибудь проезжать через город (а в сторону Портленда и к югу действительно проехало несколько машин), он был бы поражен тем, что деревенька, так похожая на все прочие попадающиеся на пути, в самый мрачный утренний час непонятно почему вовсю жжет свет в домах. Прохожий, может статься, замедлил бы шаг, чтобы посмотреть на пожар или аварию, но, не увидев ни того, ни другого, заторопился бы прочь, выбросив это из головы.

Вот ведь странная штука! В Иерусалимовом Уделе никто из бодрствующих не знал правды. Горстка, может быть, и подозревала что-то, но эти подозрения были несформировавшимися и неопределенными, как трехмесячный зародыш. Тем не менее они без колебаний отправлялись к ящикам столов, сундукам на чердаке или в спальни к шкатулкам с украшениями, чтобы найти те символы веры, какие могли там ока-

заться. Делалось это бездумно — так человек, который долго вел машину в одиночестве, начинает петь и поет, не зная об этом. Медленно, словно их тела сделались стеклянными и хрупкими, они ходили из комнаты в комнату, повсюду зажигая свет и не выглядывая в окна.

Самое главное. Не выглядывая в окна.

Неважно, что за звуки раздавались в ночи, какие жуткие возможности они в себе таили, неважно, как страшила неизвестность. Смотреть Горгоне в лицо было еще хуже.

31.

Шум проник в сон подобно тому, как в толстую дубовую доску вгоняют гвоздь: исключительно медленно, слой за слоем. Сперва Реджи Сойер подумал, что спит и во сне видит плотников. Блуждавшее в лежащем между сном и бодрствованием призрачном царстве сознание не преминуло откликнуться воспоминанием, в котором они с отцом, как бы снятые «рапидом», приколачивали доски к боковым стенам дачи, той, что в шестидесятом выстроили на Брайант-Понд.

Эта картина растаяла, превратившись в путаную мысль, что он вовсе не спит и действительно слышит стук молотка. Потом Реджи не мог сориентироваться, а потом проснулся. Удары обрушивались на парадную дверь — кто-то с размеренностью метронома долбил в дерево кулаком.

Реджи быстро посмотрел на лежащую на боку Бонни, S-образный холмик под одеялом. Потом на часы: 4:15. Он встал, выскользнул из спальни и прикрыл за собой дверь. Включив в коридоре свет, Реджи направился было открывать, но остановился. Мысленно распушившись, как петух, Сойер с немым задиристым любопытством разглядывал свою входную дверь. Никто не стучится в дом в 4:15. Если кто из родни дал дуба, звонят по телефону, а не являются барабанить в дверь.

В шестьдесят восьмом Реджи семь месяцев провел во Вьетнаме (тот год оказался очень тяжелым для попавших в Нам американских парней), так что пороху он нюхнул. В те дни на переход от сна к яви уходило не больше времени, чем на то, чтобы хрустнуть паль-

цами или щелкнуть выключателем: только что ты был камень камнем, и вот уже бодрствуешь в темноте. Почти сразу, как их переправили по морю домой, эта привычка Реджи отмерла, чем он втайне гордился. Бог свидетель, он — не автомат. Нажмете кнопку «А» — Джонни проснется, нажмете кнопку «Б» — Джонни прикончит несколько косоглазых.

Но сейчас сонная одурь, набившая голову ватой, слетела с Реджи безо всякого предупреждения, как кожа со змеи, он озяб и заморгал.

Снаружи кто-то был. Скорей всего, мальчишка Брайант, пьяный в стельку и при пушке. Готовый победить или умереть за прекрасную деву.

Реджи направился в гостиную и подошел к дальней стене, где над декоративным камином висели ружья. Света он не зажигал, отлично зная дорогу на ощупь. Сняв со стены двустволку, Реджи переломил ее, и на меди тускло блеснул падающий из коридора свет. Реджи вернулся к дверям гостиной и высунул за порог голову. Мерный, но неритмичный монотонный стук продолжался.

— Валяй, заходи,— позвал Реджи Сойер.

Грохот прекратился.

Наступила долгая пауза, потом дверная ручка очень медленно повернулась. Дверь открылась. За ней стоял Кори Брайант.

Сердце Реджи на секунду остановилось. На Брайанте были те же шмотки, в которых Реджи выкинул его из дому, только теперь все было мятым, в грязных пятнах. К штанам и рубашке прицепились листья. Полоска грязи поперек лба подчеркивала бледность.

— Стой, где стоишь,— велел Реджи, поднимая дробовик и щелкая предохранителем.— На этот раз игрушка заряжена.

Но Кори тяжело шагнул вперед, не сводя с лица Реджи тусклых глаз, выражавших кое-что похуже ненависти, и облизнул губы выскользнувшим изо рта языком. С башмаков Кори на пол коридора облетали комки густой, раскисшей от дождя липкой грязи. Было в этом шаге что-то непрощающее, безжалостное, оставляющее у наблюдателя впечатление холодной, страшной беспощадности. Покрытые коркой грязи каблуки топали по полу. Их было не остановить никаким приказом, не задержать никакой мольбой.

— Еще два шага, и я тебе башку снесу, мать-перемать,— жестко и сухо выговорил Реджи. Парень не был пьян — хуже, он съехал с катушек. Реджи неожиданно ясно понял, что придется его застрелить.— Стой,— повторил он, однако небрежно, как бы между прочим.

Кори Брайант не остановился. Он не сводил с лица Реджи глаз, искрившихся мертвой алчностью, как у чучела лося. Каблуки зловеще стучали по полу.

За спиной у Реджи взвизгнула Бонни.

— Вали в спальню,— велел Реджи и шагнул в коридор, чтобы стать между ними. Теперь их с Брайантом разделяла всего пара шагов. Вялая белая рука потянулась, чтобы ухватить стволы «стивенса».

Реджи спустил оба курка.

В узком коридоре прозвучал громовой удар выстрела. Из обоих стволов вырвались язычки пламени — и пропали. Воздух пропитался запахом жженого пороха. Бонни снова пронзительно завизжала. Рубашка Кори почернела, превратилась в клочья, развалилась. И все же, когда она, лишившись пуговиц, обнажила рыбью белизну груди и живота, те невероятным образом оказались неповрежденными. У Реджи остановился взгляд — ему померещилось, будто на самом деле плоть была не плотью, а чем-то нематериальным, вроде кисейной занавески.

Потом ружье вышибли у Реджи из рук, точно он был ребенком, а самого схватили и швырнули о стену с такой силой, что зубы выбили дробь. Ноги отказались держать Реджи, и он, оглушенный, свалился на пол. Брайант прошел мимо него к Бонни. Съёжившись у косяка, она все равно не отрывала от лица Кори глаз, в которых Реджи сумел разглядеть жар.

Кори оглянулся и усмехнулся Реджи той широкой улыбкой-полумесяцем, какой встречают туристов в пустыне коровьи черепа. Бонни тянула к нему дрожащие руки. Сменяя друг друга, как солнечный свет сменяет тень, по ее лицу пробегали вспышки ужаса и похоти.

— Милый,— проговорила она.

Реджи закричал.

32.

— Эй,— сказал шофер автобуса,— Хартфорд, Мак.

Каллахэн посмотрел в широкое окно на незнако-

мую местность. В сочившемся с неба первом утреннем свете пейзаж казался еще более чужим. Должно быть, в Уделе они сейчас возвращаются в свои норы.

— Я знаю,— ответил он.

— Стоянка двадцать минут. Хотите сходить съесть сэндвич, или что другое?

Каллахэн выкопал забинтованной рукой из кармана бумажник и чуть не выронил его. Странное дело — теперь обожженная рука почти не болела, только потеряла чувствительность. Лучше бы болела. Боль, по крайней мере, вещь реальная. Во рту держался вкус смерти — идиотский мучнистый вкус, как от гнилого яблока. И все? Да. Довольно скверно.

Он подал шоферу двадцатку:

— Не возьмете мне бутылочку?

— Мистер, правила...

— А сдачу, разумеется, оставьте себе. Пинта будет в самый раз.

— Мистер, мне ни к чему, чтоб в моем автобусе кто-то фортеля выкидывал. Через два часа мы будем в Нью-Йорке. Можете получить то, что хотите, там. Что душе угодно.

«По-моему, друг, ты не прав,» — подумал Каллахэн. Он опять заглянул в бумажник, посмотреть, что там. Десятка, две пятерки и доллар. Он добавил к двадцатке десятку и перевязанной рукой протянул шоферу.

— Пинты хватит,— сказал он.— А сдачу, конечно, оставьте себе.

Шофер перевел взгляд с тридцати долларов на мрачные ввалившиеся глаза и на одно страшное мгновение подумал, что говорит с живым черепом. С черепом, который почему-то позабыл, как улыбаться.

— Тридцатку за пинту? Мистер, да вы рехнулись.— Но деньги взял, прошел по пустому автобусу к кабине водителя, потом обернулся. Деньги исчезли.— Только чтоб без фортелей. Не надо мне, чтоб в моем автобусе дурили.

«Что-нибудь дешевое,— подумал Каллахэн.— Чтобы сбожгло язык и опалило горло. Чтобы прогнать этот дурацкий сладковатый вкус... или хоть смягчить, пока я не нашел место, где можно будет напиться всерьез. Пить, пить, пить...» — Тут он подумал, что сломается и заплачет. Но слез не было. Он чувствовал страшную «Что-нибудь дешевое,— подумал Калла-

хэн.— Чтобы обожгло язык и опалило горло. Чтобы прогнать этот дурацкий сладковатый вкус... или хоть смягчить, пока я не нашел место, где можно будет напиться всерьез. Пить, пить, пить...» — Тут он подумал, что сломается и заплачет. Но слез не было. Он чувствовал страшную сухость и полную опустошенность. Остался только... этот вкус.

Скорей, шоферюга.

Каллахэн не отрывал глаз от окна. Через дорогу, положив голову на руки, на крыльце сидел подросток. Каллахэн смотрел на него, пока автобус не тронулся с места, но парнишка так и не шелохнулся.

33.

На руку Бену легла ладонь, и он поплыл кверху, из сна в явь. У правого уха раздался голос Марка:

— Утро.

Он открыл глаза, два раза моргнул, прогоняя сон, и выглянул из окошка на свет божий. Сквозь завесу умеренно сильного осеннего дождика украдкой пробивалась заря. Деревья, взявшие в кольцо заросшую травой площадку под северной стеной больничного корпуса, уже наполовину обнажились. Черные ветви напоминали выписанные на сером небе гигантские буквы неизвестного алфавита. Дорога № 30, которая за городской чертой поворачивала к востоку, блестела как тюленья шкура. Непогашенные задние фары проехавшей мимо машины зловеще отразились в покрытии красными бликами.

Бен встал и огляделся. Мэтт спал, грудь поднималась и опускалась от мерного, но неглубокого дыхания. Джимми тоже спал, раскинувшись на единственном в палате кресле. Щеки заросли совершенно недокторской щетиной, и Бен пробежал ладонью по своему лицу. Колко.

— Пора идти, да? — спросил Марк.

Бен кивнул. Подумав, что за день им предстоит, каким отвратительным он может оказаться, молодой человек шарахнулся от этих мыслей. Единственный способ прожить его — обдумывать не больше десяти следующих минут. Он взглянул в лицо мальчику, и его затошнило от каменной готовности, которую он увидел. Бен подошел к Джимми и тряхнул его.

— А?! — сказал Джимми, вскидываясь в кресле, как вынырнувший с глубины пловец. Лицо передернулось, глаза распахнулись, и какую-то долю секунды в них читался бессмысленный ужас. Джимми посмотрел на товарищей, не соображая и не узнавая их. Потом он понял, кто перед ним, и расслабился.

— Фу ты. Сон.

Марк с полным пониманием кивнул.

Джимми выглянул в окно и сказал: «Светает!» так, как скряга сказал бы «*Денежки!*» Он встал, подошел к Мэтту и взял учителя за запястье.

— Все нормально? — спросил Марк.

— Думаю, ему лучше, чем вчера ночью,— ответил Джимми.— Бен, я хочу, чтобы мы ушли через служебный лифт. Все трое. На случай, если вчера вечером кто-нибудь заметил Марка. Чем меньше риск, тем лучше.

— А ничего, что мистер Бэрк будет один? — спросил Марк.

— Думаю, ничего,— отозвался Бен.— Придется положиться на его изобретательность. Окажись мы связаны еще на день, Барлоу был бы страшно доволен.

Они на цыпочках прошли по коридору и воспользовались служебным лифтом. В этот час (без малого четверть восьмого) кухня еще только приходила в движение. Один из поваров поднял глаза, помахал и сказал: «Привет, Док.»

Больше никто с ними не заговорил.

— Куда сначала? — спросил Джимми.— В школу на Брок-Стрит?

— Нет,— сказал Бен.— До обеда там слишком много народу. Что, малышня рано уходит, а, Марк?

— Они учатся до двух.

— Что оставляет массу времени до захода солнца,— резюмировал Бен.— Сперва — домой к Марку. Колья.

34.

По мере приближения к Уделу в бьюике Джимми образовалось почти осязаемое облако страха, и разговор увял. Когда у большого, зеленого, подсвеченного рефлекторами знака «ДОРОГА № 12, ИЕРУСАЛИМОВ УДЕЛ, КАМБЕРЛЕНД, ОКРУГ КАМБЕРЛЕНД»

Джимми свернул с шоссе, Бен подумал, что именно этой дорогой они со Сьюзан возвращались домой со своего первого свидания — ей тогда захотелось посмотреть что-нибудь с автомобильной погоней.

— Плохо дело,— сказал Джимми. Мальчишеское лицо было бледным, испуганным и сердитым.— Господи, стоит только носом потянуть!

«Да, верно,» — подумал Бен, хотя запах существовал скорее в их сознании, чем на самом деле: этакое психологическое дыхание склепа.

Дорога « 12 была почти пустынной. По пути в город они проехали припаркованный у обочины брошенный молочный фургон Вина Пэринтона. Мотор урчал вхолостую, и, заглянув в кузов, Бен заглушил его и вернулся в бьюик. Джимми бросил на него вопросительный взгляд. Бен потряс головой:

— Его там нет. Зажигание было включено, а бензин почти кончился. Мотор проработал вхолостую уже не один час.

Джимми ударил кулаком по ноге.

Но, когда они въехали город, он с нелепым облегчением сказал:

— Смотри. У Кроссена открыто.

Действительно, у входа Милт пристраивал кусок клеенки на стенд с газетами, а рядом стоял Лестер Сильвиус в желтом дождевике.

— Что-то остальной команды не видать,— заметил Бен.

Милт взглянул на них и помахал рукой. Бен подумал, что заметил на лицах обоих мужчин морщины — сказывалось напряжение. На дверях похоронного бюро Формена изнутри по-прежнему висела табличка «Закрыто». Закрыта была и скобяная лавка, и неосвещенная аптека Спенсера. Работала столовая. Они проехали ее, и Джимми подогнал бьюик к тротуару перед новым магазином. Над витриной незатейливыми золотыми буквами было написано «Барлоу и Стрейкер. Отличная мебель». К дверям, как и говорил Каллахэн, липкой лентой было прикреплено объявление, написанное от руки красивым почерком, который все они узнали по виденному накануне письму: «Закрыто до особого распоряжения».

— Почему мы остановились? — спросил Марк.

— Есть ничтожный шанс, что Барлоу, может быть, устроил свое логово в магазине,— сказал Джим-

ми.— Вдруг по его прикидкам мы проглядим такую очевидную вещь? И потом, если я ничего не путаю, таможенники иногда пишут на проверенном багаже свое «добро». Пишут мелом.

Они обошли магазин с тыла, и пока Бен с Марком стояли, втянув от дождя головы в плечи, Джимми, одетый в куртку, долбил локтем стекло черного хода, пока все не оказались в состоянии забраться внутрь, в нездоровую затхлую атмосферу помещения, которое не открывали не то что несколько дней — несколько столетий. Бен сунулся в торговый зал, но там прятаться было негде: редкая мебель и никаких признаков того, что Стрейкер пополнял свои запасы.

— Иди сюда,— хрипло позвал Джимми, и у Бена екнуло сердце.

Джимми с Марком стояли возле длинного ящика, который Джимми частично вскрыл «лапой» молотка. Заглянув внутрь, они разглядели бледную кисть руки и темный рукав. Бен, не задумываясь, атаковал ящик. Джимми с помощью молотка трудился над другим концом.

— Бен,— сказал он,— порежешь руки. Ты...

Тот не услышал. Он с треском отдирал доски, не обращая внимания на гвозди и клепки. Они добрались-таки до Барлоу, скользкая ночная тварь — в их руках, и он вгонит ему в сердце кол, так же, как Сьюзан, он... Бен с треском оторвал еще одну дешевую деревянную планку и взглянул в мертвое, бледное, как луна, лицо Майка Райерсона. На миг воцарилась полная тишина, потом все шумно выдохнули и по комнате словно ветерок пронесся.

— Что делаем дальше? — спросил Джимми.

— Лучше сначала поехать к Марку домой,— сказал Бен тусклым от разочарования голосом.— Найти-то мы его нашли. Но у нас пока нет даже готового кола.

Они кое-как пристроили разломанные деревяшки на место.

— Лучше дай-ка посмотреть руки,— сказал Джимми.— Кровь идет.

— Потом,— ответил Бен.— Пошли.

Они еще раз обошли здание, молча радуясь возвращению под открытое небо, и Джимми повел бьюик по Джойнтер-авеню в соседствующую с небольшим деловым районом жилую часть города. К дому Марка они, вероятно, подъехали быстрее, чем хотелось бы.

На кольцевой подъездной дороге Питри, позади автомобильчика Генри — «пинто», говорившего о благоразумии своего хозяина, стоял старый седан отца Каллахэна. Увидев его, Марк шумно втянул воздух и отвел глаза. В лице не осталось ни кровинки.

— Я не могу идти внутрь,— пробормотал мальчик.— Извините. Я подожду в машине.

— Нечего извиняться, Марк,— сказал Джимми.

Он поставил машину, выключил зажигание и вылез. Бен секунду помедлил, потом опустил Марку руку на плечо:

— С тобой все будет в порядке?

— Конечно.— Но выглядел мальчик скверно. Дрожащий подбородок, пустые глаза. Он вдруг повернулся к Бену, пустота из глаз исчезла, осталась только боль, плававшая в слезах.— Накройте их, ладно? Если они мертвые, накройте.

— Само собой, конечно,— сказал Бен.

— Так лучше,— продолжал Марк.— Папа... из него бы вышел весьма преуспевающий вампир. Со временем, может быть, не хуже Барлоу. Он... ему удавалось все, за что он брался. Может, слишком удавалось.

— Постарайся не слишком много думать,— сказал Бен, возненавидев свой совет за то, как неубедительно прозвучали слетевшие с губ слова. Марк поглядел на него и бледно улыбнулся.

— Поленница за домом. В подвале — папин токарный станок... на нем выйдет быстрее.

— Ладно,— сказал Бен.— Не волнуйся. Если сможешь, не переживай.

Но мальчик уже отвернулся, утирая глаза рукавом. Бен с Джимми поднялись на черное крыльцо и вошли в дом.

35.

— Каллахэна тут нет,— категорически заявил Джимми. Они уже прочесали весь дом.

Бен принудил себя ответить:

— Значит, Барлоу до него добрался.

Он взглянул на обломки креста, которые держал в руке. Вчера этот крест висел на шее Каллахэна. Единственный след священника, какой они отыскали. Крест лежал сразу за телами четы Питри — те дей-

ствительно были мертвей мертвого. Их головы сокрушили одну о другую с силой, в буквальном смысле достаточной для того, чтобы размозжить череп. Бен припомнил, какую неестественную силу обнаружила миссис Глик, и ему стало нехорошо.

— Пошли,— сказал он Джимми.— Надо их прикрыть. Я обещал.

36.

Они накрыли тела покрывалом, которое взяли с кушетки в гостиной. Бен старался не смотреть и не думать, что делает, но это оказалось невозможно. Когда тела скрылись под ярким узорчатым покрывалом, оттуда вывалилась рука (судя по ухоженным накрашенным ногтям, она принадлежала Джун Питри), и Бен носком ботинка подоткнул ее обратно, скривившись от усилий справиться с желудком. Очертания тел под покрывалом (невозможно было ни принять их за что-то другое, ни отрицать, что они есть) заставили молодого человека вспомнить фоторепортажи из Вьетнама: вымершее поле брани и солдаты со страшными ношами в черных резиновых мешках, нелепо похожих на сумки для гольфа.

Они спустились по ступенькам, каждый — с охапкой желтых осиновых поленьев.

Подвал был владением Генри Питри и великолепно отражал личность хозяина: над рабочей зоной висели в ряд три мощные лампы, затененные широкими металлическими абажурами, что позволяло им отбрасывать сильный яркий свет на верстак, машинную ножовку, пилу, токарный станок и электрошлифовалку. Бен увидел, что Генри строил большой скворечник, настоящий птичий дворец, наверное, чтобы следующей весной повесить на заднем дворе, а синька, по которой он работал, была аккуратно развернута, и каждый угол удерживало металлическое пресс-папье, сделанное на станке. Питри работал деловито, со знанием дела, но без вдохновения. Теперь работа так и не будет закончена. Пол был аккуратно подметен, но в воздухе висел приятный запах опилок, вызывающий ностальгию.

— Ни хрена из этого не выйдет,— сказал Джимми.

— Знаю.

— Дрова,— всхрапнул Джимми и упустил поленья, которые с треском и грохотом посыпались на пол и беспорядочно раскатились там, как бирюльки. Джимми тонко истерически засмеялся.

— Джимми...

Но смех, как зубчики на рояльных струнах, пресек попытку Бена высказаться.

— Мы собираемся выйти и покончить с этой напастью, пользуясь охапкой дров с заднего двора Генри Питри! Как насчет ножек от стульев или бейсбольных бит?

— Джимми, ну что еще мы можем сделать?

Джимми посмотрел на него и с видимым усилием взял себя в руки.

— Тоже еще кладоискатели,— сказал он.— Пройди сорок шагов по северному пастбищу Чарльза Гриффена и загляни под большой камень. Ха! Господи. Можно же уехать из города. Можно.

— Ты хочешь все бросить? Ты этого хочешь?

— Нет. Но одним сегодняшним днем не обойтись, Бен. Прежде, чем мы расправимся со всеми — если вообще сможем — пройдет несколько недель... Ты выдержишь? Сможешь тысячу раз сделать то, что сделал со Сьюзан? Вытаскивать их, визжащих и сопротивляющихся, из шкафов и вонючих дыр только для того, чтобы загнать кол в грудную клетку и размозжить сердце? Ты выдержишь до ноября и не чокнешься?

Задумавшись над этим, Бен уперся в голую стену: полная неясность.

— Не знаю,— сказал он.

— Ну, а как насчет пацана? Ты думаешь, он вынесет это? Да он десять раз рехнется, мать твою! А Мэтт отправится на тот свет, это я тебе гарантирую. А что мы станем делать, когда фараоны из полиции штата примутся повсюду совать нос, чтобы выяснить, кой черт побрал Салимов Удел? Что мы им скажем? «Прошу прощения, я сейчас — вот только вгоню кол в этого кровососа»? Как с этим, Бен?

— Почем я знаю, черт возьми? По-твоему, есть возможность остановиться и обдумать, что да как?

Оба разом осознали, что стоят нос к носу и орут друг на друга.

— Эй,— сказал Джимми,— эй!

Бен опустил глаза.

— Прости.

— Да нет, я виноват. На нас давят... Барлоу, несомненно, назвал бы это эндшпилем.— Джимми причесал пятерней свою морковную шевелюру и бесцельно огляделся. Вдруг глаза у доктора загорелись, и он поднял что-то, лежавшее возле синьки Питри. Это был черный стеклограф.— Может быть, это лучший выход.

— Что?

— Оставайся тут, Бен. Начинай делать колья. Если мы решили покончить с этой нечистью, без научного подхода не обойтись. Ты — производственный сектор. Мы с Марком — изыскательский. Обойдем город, поищем их — и найдем, так же, как нашли Майка. Я могу обозначить их укрытия стеклографом. А завтра — колья.

— А если они увидят метки и переберутся еще куда-нибудь?

— Не думаю. По миссис Глик не скажешь, что она очень хорошо связывает одно с другим. По-моему, ими движет инстинкт, а не рассудок. Немного погодя они, может, и поумнеют, начнут прятаться лучше, но мне кажется, что поначалу это будет рыбная ловля в бочке.

— Почему я не иду?

— Потому что я знаю город, а город — меня, как знал моего отца. Сегодня те, кто еще жив, прячутся по домам. Если постучишься ты, тебе не откроют. Если приду я, мало кто не отворит двери. Я знаю часть мест, где можно прятаться. Я знаю, куда алкашня ходит перепихнуться на Болота и куда ведут проселочные дороги. А ты — нет. Умеешь работать на токарном станке?

— Да.

Конечно же, Джимми был прав. Но Бен почувствовал себя виноватым из-за облегчения, какое испытал от того, что не нужно выходить наружу, к *ним*.

— Ладно. Давай, начинай. Уже первый час.

Бен повернулся к токарному станку, потом помедлил.

— Если подождешь полчасика, дам тебе с собой полдюжины кольев.

Джимми после короткой паузы опустил глаза:

— Э-э... я думаю, завтра... завтра было бы...

— Лады,— сказал Бен.— Иди. Слушай, почему

бы тебе не вернуться часам к трем? К тому времени в школе станет достаточно тихо, и мы сможем разузнать, что там.

— Хорошо.

Джимми вышел за пределы рабочей зоны Питри и двинулся к лестнице. Что-то — обрывок мысли или, может быть, наитие — заставило его обернуться. На другом конце подвала он увидел Бена, работавшего в ярком свете висящих аккуратным рядком ламп.

Что-то... но оно пропало.

Джимми вернулся.

Бен вырубил станок и поглядел на товарища.

— Что-нибудь еще?

— Ага,— сказал Джимми.— Вертится на кончике языка, а дальше — никак.

Бен поднял брови.

— Я оглянулся с лестницы, увидел тебя, и что-то щелкнуло в голове. А теперь ушло.

— Важное?

— Не знаю.— Джимми бесцельно повозил ногами, ему хотелось, чтобы мысль вернулась — она была как-то связана с картиной, какую являл Бен, склоненный в свете ярких ламп над токарным станком,— но тщетно. Чем больше он думал об этом, тем дальше оно ускользало.

Джимми стал подниматься по лестнице, но еще раз задержался и оглянулся. Картина была мучительно знакомой, но не давалась. Он прошел через кухню, вышел из дома и направился к машине. Дождь уже не лил, а моросил.

37.

Машина Роя Макдугалла стояла на подъезде к стоянке трейлера на Бенд-роуд. Увидев ее там в будний день, Джимми волей-неволей заподозрил самое худшее.

Они с Марком вылезли из бьюика. Джимми нес черную сумку. Они поднялись по ступенькам, и молодой человек нажал кнопку звонка, но тот не сработал. Джимми постучал. На стук никто не отозвался ни в вагончике Макдугаллов, ни у соседей, двадцатью ярдами ниже по дороге. Там на подъездной дороге тоже стояла машина.

Джимми попробовал аварийный выход. Заперто.

— В машине на заднем сиденье молоток,— сказал он.

Марк принес. Джимми разбил стекло аварийного выхода возле ручки, просунул руку внутрь и щелкнул задвижкой. Внутренняя дверь оказалась незаперта, и они вошли.

Мигом распознав запах, Джимми почувствовал, как сжимаются ноздри, пытаясь не впускать этот смрад, не такой сильный, как в подвале дома Марстена, но по сути столь же противный — запах гнили и мертвечины. Воняло сыростью и тухлятиной. Джимми обнаружил, что вспоминает, как в детстве во время весенних каникул отправился на велике с приятелями собирать вылезшие из-под растаявшего снега бутылки из-под пива и лимонада. В одной из бутылок (из-под апельсиновой шипучки) он увидел разложившийся трупик полевки, которая позарилась на сладкое и потом не сумела выбраться. Нечаянно нюхнув, Джимми сразу отвернулся и его стошнило. Здешняя вонь была такой же убойной — смесь тошнотворно-сладкого с тухло-кислым, которая бешено ферментировалась. Он почувствовал, что желудок подкатывает к горлу.

— Они где-то здесь,— сказал Марк.

Они методично взялись прочесывать дом — кухня, столовая, гостиная, обе спальни,— открывая по дороге шкафы. Джимми думал, что они что-нибудь найдут в гардеробе большой спальни, но там оказалась лишь кучка нестиранной одежды.

— Подвала нет? — спросил Марк.

— Нет, но, может быть, есть место, куда заползти.

Они обошли фургон и увидели вделанную в дешевый цементный фундамент трейлера небольшую дверку, открывающуюся внутрь. На ней висел старый амбарный замок. Джимми сбил его пятью сильными ударами молотка, толкнул полулюк, тот открылся и на них накатила полновесная волна смрада.

— Они тут,— сказал Марк.

Заглянув внутрь, Джимми разглядел три пары ступней, напомнивших лежащие на поле битвы трупы. Одна пара ног была обута в рабочие башмаки, другая — в вязаные домашние тапочки, а третья пара поистине крохотных ножек — босая. «Семейный портрет,— мелькнула у Джимми сумасшедшая мысль.— «Читательский дайджест», где же ты, когда

ты нам нужен?» Его накрыла волна нереальности. «Дитенок,— подумал он.— Как же нам так обойтись с малышом?»

Пометив люк черным восковым карандашом, Джимми поднял сломанный замок.

— Пошли к следующей двери,— сказал он.

— Подождите,— сказал Марк.— Дайте, я вытащу одного наружу.

— Вытащишь?.. Зачем?

— Вдруг дневной свет их убьет,— объяснил мальчик.— И не придется делать это кольями.

Это обнадежило Джимми.

— Ага, ладно. Которого?

— Только не малыша,— немедленно сказал Марк.— Дядьку. Поймаете его за ногу.

— Хорошо,— согласился Джимми. Во рту пересохло. Он сглотнул, и в горле пискнуло.

То, что последовало, оказалось просто невыносимым. Стоило Рою Макдугаллу целиком оказаться на свету, он заворочался, как потревоженный во сне человек. Кожа пожелтела, обвисла, покрылась влажной испариной. Глазные яблоки под тонкой кожей сомкнутых век закатились. Ноги медленно, сонно задрыгались в сырой опавшей листве. Верхняя губа поджалась, показав клыки, не уступавшие по величине клыкам большой собаки, немецкой овчарки или колли. Руки медленно затрепыхались в воздухе, одна мазнула рубашку Марка, и мальчик с криком омерзения рванулся в сторону. большой собаки, немецкой овчарки или колли. Руки медленно затрепыхались в воздухе, одна мазнула рубашку Марка, и мальчик с криком омерзения рванулся в сторону.

Рой перевернулся на живот и медленно, горбясь, пополз обратно. Руки, колени, лицо оставляли на мягком от дождя перегное канавки. Джимми заметил, что прерывистое дыхание по типу Чейн-Стокса, начавшееся, как только на тело упал свет, прекратилось, стоило Макдугаллу полностью оказаться в тени. Как и выделение влаги. Добравшись до своего прежнего лежбища, Макдугалл перевернулся и замер.

— Закройте,— задушенным голосом сказал Марк.— Пожалуйста, закройте.

Джимми затворил люк и, насколько удалось, приладил сбитый молотком замок на место. Перед глазами стояла картина: тело Макдугалла с трудом проби-

рается по сырым гнилым листьям, как сонная змея. Джимми казалось, что время, когда эта картина будет храниться у него на задворках памяти, никогда не наступит. Даже проживи он до ста лет.

38.

Дрожа, они стояли под дождем и глядели друг на друга.

— К соседям? — спросил Марк.

— Да. По логике вещей, в первую очередь Макдугаллы должны были напасть на них.

Они перешли дорогу и на этот раз красноречивый запах гнили заполнил их ноздри еще во дворе. Под звонком была фамилия Ивенс. Джимми кивнул. Дэвид Ивенс с семьей. Дэвид работал механиком в автоотделе у Сирса, в Гэйтс-Фоллз. Пару лет назад Джимми лечил его, кажется, от кисты.

На сей раз звонок сработал, но никто не откликнулся. Миссис Ивенс они нашли в кровати. Двое ребятишек в одинаковых, разрисованных персонажами из «Винни-Пуха» пижамах, спали на койках в одной спальне. На поиски Дэвида Ивенса времени ушло больше. Он укрылся в неоконченной кладовке над небольшим гаражом.

Входную дверь и дверь гаража Джимми пометил кружками с крестом внутри.

— Неплохо,— сказал он.— Двое за двоих.

Марк застенчиво сказал:

— Можете две минутки подождать? Я бы вымыл руки.

— Конечно,— ответил Джимми.— Я и сам бы вымыл. Ивенсы не будут в претензии, если мы воспользуемся их ванной.

Они вошли в дом. Джимми уселся в гостиной, прикрыв глаза. Вскоре он услышал, как Марк пустил воду в ванной.

На затемненном экране глаз Джимми увидел секционный стол, увидел, как задрожала укрывающая тело Марджори Глик простыня, как из-под нее выпала рука и пальцы начали утонченный хрупкий танец в воздухе...

Он открыл глаза.

Ивенсы содержали свой вагончик лучше, чем

Макдугаллы — он был более опрятным и ухоженным. Джимми никогда не встречал миссис Ивенс, но она, казалось, гордилась своим домом. Игрушки мертвых ребятишек аккуратной кучкой лежали в маленькой кладовке — вероятно, в оригинальной брошюрке торговцев подвижными домами это помещение именовалось «прачечной». Ведные дети. Джимми надеялся, что, когда они еще могли наслаждаться ясными днями и солнечным светом, игрушки их радовали. В кладовке стоял трехколесный велосипед, несколько больших пластмассовых грузовиков с игрушечной автозаправочной станцией, трактор на колесах (из-за которого, должно быть, происходили солидные драки), игрушечный биллиард...

Джимми отвел было взгляд и вдруг, потрясенный, снова посмотрел на игрушки.

Синий мел.

Три затененных, висящих в ряд лампы.

В их ярком свете вокруг зеленого стола ходят, стряхивая с кончиков пальцев крупинки синего мела мужчины с киями...

— Марк! — крикнул Джимми, мигом выпрямляясь на стуле.— *Марк!*

И Марк, как был, без рубашки, бегом примчался узнать, в чем дело.

39.

Около половины третьего Мэтта забежал повидать давнишний ученик (выпуск шестьдесят четвертого года, литература — отлично, сочинение — удовлетворительно). Он не оставил без внимания груды литературы по чародейству и поинтересовался, не пишет ли Мэтт диссертацию по оккультизму. Мэтт пытался припомнить, как же его зовут — Герберт или Хэролд.

Когда Герберт-Хэролд зашел в палату, Мэтт, читавший книгу под названием «Странные исчезновения», приветствовал такой перерыв. Он уже ждал телефонного звонка, хотя понимал, что смело войти в школу на Брок-стрит до трех часов его товарищам не удастся. Старому учителю отчаянно хотелось знать, что же случилось с отцом Каллахэном. А дневные часы убегали с тревожной быстротой, хотя Мэтт всегда слышал, что в больнице время течет медленно. Вот

когда он, наконец, почувствовал себя стариком — медлительным и плохо соображающим.

Он начал рассказывать Герберту-Хэролду про вермонтский городок Момсон, чью историю только что читал и посчитал особенно занятной — Мэтту казалось, что, если она не грешит против истины, то может оказаться предвестницей судьбы Удела.

— Не осталось ни души,— рассказывал он Герберту-Хэролду, слушавшему с вежливой, но не слишком хорошо скрываемой скукой.— Обычный небольшой городок в глубинке, куда можно добраться по дороге № 2, соединяющей два штата, и по вермонтской дороге № 19. По переписи населения двадцатого года там проживало триста двенадцать душ. В августе 1923 года одна женщина в Нью-Йорке, два месяца не имея писем от сестры, встревожилась. Выехав туда, они с мужем первые осторожно сообщили эту историю в газеты, хотя я не сомневаюсь, что окрестные жители уже некоторое время знали об исчезновениях. Действительно, сестра с мужем исчезли вместе с прочими жителями Момсона. Все дома и сараи остались, в одном доме был накрыт к ужину стол. В свое время это происшествие стало сенсацией. Думаю, мне не хотелось бы провести ночь в Момсоне. Автор книги утверждает, что в соседних поселках рассказывают странные истории... духи, гоблины и все такое прочее. Несколько стоящих на отшибе сараев и до сего дня украшают знаки от сглаза и нарисованные краской большие кресты. Вот, смотри — тут снимок универмага, бензоколонки и продовольственного магазина — они считались в Момсоне центром города. Как ты полагаешь, что там произошло?

Герберт-Хэролд вежливо взглянул на фотографию. Городишко как городишко: несколько лавчонок да несколько домов. Некоторые грозили обрушиться — возможно, под тяжестью зимнего снега. В глубинке таких поселков пруд пруди. Во всех (за редкими исключениями) местные жители уматывают по домам в восемь и, проезжая через такой поселок, не поймешь: есть там кто живой, или нет. Конечно, старик рехнулся — в его-то возрасте! Герберт-Хэролд подумал о своей старой тетке — та в последние два года жизни пришла к убеждению, будто дочь убила ее любимца, длиннохвостого попугая, и скармливает ей бедняжку в котлетах. У стариков бывают странные идеи...

— Очень интересно,— сказал он, поднимая глаза.— Но не думаю... мистер Бэрк? Мистер Бэрк, что-нибудь не так? Вы... сестра! *Сестра!*

Глаза Мэтта стали совершенно неподвижными. Одной рукой он вцепился в простыню, вторую прижал к груди. Лицо побледнело, на лбу билась жила.

«*Слишком скоро*,— подумал он.— *Нет, слишком скоро...*»

Боль, врезающаяся волнами, утаскивающая в темноту. Он смутно подумал: «*Осторожней, этот последний шаг убивает.*»

Потом падение.

Герберт-Хэролд, опрокинув стул и развалив стопку книг, выбежал из палаты. Сестра была уже на подходе, она тоже почти бежала.

— Мистер Бэрк,— объяснил Герберт-Хэролд, так и не выпустивший из рук книги, где заложил указательным пальцем снимок вермонтского Момсона. Сиделка коротко кивнула и вошла в палату. Голова Мэтта наполовину свесилась с кровати, глаза были закрыты.

— Он?..— робко спросил Герберт-Хэролд. Это был законченный вопрос.

— Мне кажется, да,— ответила сестра, нажимая кнопку вызова реанимационной бригады.— А сейчас вам придется уйти.

Теперь, когда все было известно, она вновь обрела хладнокровие и время пожалеть о брошенном ленче, съеденном лишь наполовину.

40.

— Но в Уделе нет биллиардной,— сказал Марк.— Ближайшая — в Гэйтс-Фоллз. Разве он туда пойдет?

— Нет,— согласился Джимми.— Уверен, что нет. Но бывает, биллиардные столы ставят дома.

— Да, я знаю.

— И вот еще что,— прибавил Джимми.— Еще чуть-чуть, и я это ухвачу.

Он откинулся назад, прикрыл глаза и положил на них ладони. Еще что-то — ассоциирующееся у него с пластиком. Почему с пластиком? Бывают пластиковые игрушки, пластиковые столовые приборы для пикников, пластиковые зимние чехлы для лодок...

И нежданно-негаданно в мозгу у Джимми оформи-

лась картинка — задрапированный от пыли здоровенным куском пластика биллиардный стол и голос: «*Ей-Богу, надо его продавать, пока сукно не заплесневело... Эд Крейг говорит, может заплесневеть... но это был стол Ральфа...*»

Джимми открыл глаза.

— Я знаю, где он. Я знаю, где Барлоу. Он в подвале пансиона Евы Миллер.

Джимми знал, что это правда: думая об этом, он ощущал неоспоримую правоту.

Марк сверкнул глазами:

— Пошли.

— Подожди.

Джимми подошел к телефону, нашел в справочнике номер Евы и быстро набрал. На звонки никто не ответил. Десять гудков, одиннадцать, двенадцать. Он испуганно опустил трубку на рычаг. У Евы снимали комнаты по меньшей мере десять человек, в основном — старики-пенсионеры. В доме всегда кто-нибудь да был. Всегда — до этого дня.

Джимми взглянул на часы. Четверть четвертого, а время летело так быстро...

— Пошли,— сказал он.

— А как же Бен?

Джимми мрачно ответил:

— Позвонить мы не можем — у тебя дома не работает телефон. Давай поедем прямо к Еве. Если мы ошиблись, дотемна останется еще уйма времени. Если нет, мы вернемся, прихватим Бена и остановим моторчик Барлоу, мать его за ногу.

— Дайте, я надену рубашку,— сказал Марк и убежал по коридору в ванную.

41.

На стоянке у пансиона все еще стоял ситроен Бена, облепленный теперь сырыми листьями с вязов, затенявших засыпанную гравием площадку. Поднялся ветер, зато дождь кончился. Вывеска, гласившая «Комнаты Евы», со скрипом раскачивалась в сером дневном свете. В доме царила зловещая тишина. Джимми мысленно провел аналогию, и его зазнобило: пансион как две капли воды напоминал дом Марстена. «Интересно,— подумал Джимми,— а тут кому-

нибудь случалось наложить на себя руки?» Наверное, Ева знала, но Джимми думал, что теперь-то она едва ли будет очень разговорчива...

— Это было бы идеально,— сказал он вслух.— Устроить резиденцию в местном пансионе и затем окружить себя своими чадами.

— Точно не нужно съездить за Беном?

— Позже. Идем.

Они вылезли из машины и прошли к крыльцу. Ветер теребил одежду, ерошил волосы. Все тени поблекли, а дом, казалось, надвинулся на непрошенных гостей.

— Чувствуешь запах?

— Да. Такой густой...

— Ты готов?

— Да,— твердо ответил Марк.— А вы?

— Надеюсь.

Они поднялись на крыльцо, и Джимми подергал дверь. Как только они переступили порог неисправимо чистой большой кухни Евы Миллер, в нос шибанула вонь открытой помойной ямы, только запах был сухим, словно прокопченным временем.

Джимми припомнил свой разговор с Евой — было это четыре года назад, сразу после того, как он начал практиковать. Ева пришла провериться. Она много лет была пациенткой отца Джимми, и, когда его место занял сын — пусть даже сменивший камберлендскую приемную — она без смущения пришла к нему. Они поговорили про Ральфа (и тогда уже двенадцать лет, как покинувшего земную юдоль), и Ева рассказала Джимми, что призрак Ральфа до сих пор обитает в доме: время от времени она обнаруживает на чердаке или в ящиках письменного стола что-нибудь новое, временно позабытое. И, конечно, биллиардный стол в подвале. Ева сказала: и впрямь, надо бы от избавиться от этого стола — он только занимает место, которое сгодилось бы на что-нибудь другое. Но его покупал Ральф, и Ева просто не могла заставить себя дать объявление в газету или позвонить на местное радио в программу «Янки-торговец».

Они прошли через кухню к двери в подвал. Джимми открыл ее. Пахнуло густым, почти непреодолимым смрадом. Джимми ткнул в выключатель, но безрезультатно. Конечно! Разве Барлоу мог не сломать его?

— Оглядись,— велел Джимми Марку.— У нее должен быть фонарик... или свечи.

Марк принялся шнырять по кухне, выдвигая ящики и заглядывая в них. Он заметил, что вешалка для ножей над раковиной пуста, но не задумался над этим. Сердце мальчика больно, медленно бухало, как обернутый толстой тряпкой барабан. Марк сообразил, что подошел к дальней, заброшенной границе своего терпения, к пределам стойкости. Он уже утратил способность рассуждать и мог только реагировать. Мальчику все время мерещилось, что краем глаза он улавливает какое-то шевеление, и он резко оборачивался... но ничего не видел. Опытный солдат распознал бы симптомы, сигнализирующие о начале боевой усталости.

Марк вышел в коридор и осмотрел стоявший там комод. В третьем ящике обнаружился длинный фонарик на четырех батарейках. Марк вернулся с ним в кухню.

— Джимми, вот...

Раздался грохот, потом — тяжелый удар.

Дверь подвала была открыта.

А снизу неслись крики.

42.

Вновь Марк переступил порог кухни в без двадцати пять. Футболка была окровавлена, в пустых глазах — тупое непонимание и потрясение.

Вдруг мальчик закричал.

Звук с ревом поднялся из живота по темному тоннелю горла, протиснулся между напрягшимися челюстями. Марк кричал, пока не почувствовал, что мозг частично освободился от безумия. Он кричал, пока не охрип, пока в голосовых связках осколком кости не засела страшная боль. И, даже выплеснув весь ужас, всю ярость и разочарование, какие сумел, мальчик не избавился от страшного давления, которое волнами поднималось из подвала, от сознания, что Барлоу где-то там, внизу, а до захода солнца осталось всего ничего.

Марк вышел на крыльцо, хватая широко раскрытым ртом пронизанный ветром воздух. Бен. Нужно привести Бена. Но от некой странной летаргии ноги мальчика словно налились свинцом. Что толку? Верх одержит Барлоу. Они, наверное, были не в себе, когда

пошли против него. А теперь Джимми заплатил сполна. И Сьюзан. И святой отец.

В нем поднялось ожесточение. *Нет. Нет. Нет.*

Спустившись на дрожащих ногах с крыльца, мальчик сел в бьюик Джимми. Ключи зажигания висели на месте.

Приведи Бена. Попробуй еще раз.

Ноги не доставали до педалей, он привстал и повернул ключ. Мотор взревел. Марк вывел переключение передачи в рабочее состояние и поставил ногу на педаль газа. Машина прыгнула вперед. Мальчик надавил на тормоз и больно стукнулся о руль. Рявкнул гудок.

Не могу я водить!

Тут ему показалось, что он слышит голос отца. Тот логично и педантично объяснял: учиться водить, Марк, надо осторожно. Езда на машине — единственный способ передвижения, который федеральное законодательство регулирует не полностью. В результате среди водителей нет профессионалов. Среди любителей же много суицидных типов. Следовательно, ты должен быть в *высшей степени* осторожен. Обращайся с педалью газа так, будто между ней и твоей ступней яйцо. Когда ведешь машину с автоматической передачей, как наша, левой ногой вообще не пользуешься. Только правой. Сперва тормоз, потом газ.

Марк снял ногу с тормоза. Машина поползла вниз по подъездной аллее, наткнулась на край тротуара, и Марк порывисто остановил ее. Ветровое стекло затуманилось. Он протер его рукавом, но только сильнее испачкал.

— Блин,— пробормотал мальчик.

Он рывком двинулся с места и, держась вдоль дальней кромки тротуара, выписал широкий, виляющий U-образный поворот, а затем взял курс к дому. Чтобы руль не загораживал обзор, Марку приходилось вытягивать шею. Он нашарил правой рукой радио и включил, потом добавил громкости. Он плакал.

43.

Бен шагал по Джойнтер-авеню к центру города, и тут, пьяно виляя, двигаясь судорожными рывками, по дороге проехал желтовато-коричневый бьюик

Джимми. Бен помахал. Машина подъехала к тротуару. Левое переднее колесо подпрыгнуло на кромке, и она остановилась.

Делая колья, Бен потерял счет времени и, взглянув на часы, с изумлением и испугом понял, что почти десять минут пятого. Он закрыл станок, взял пару кольев, засунул за ремень и пошел наверх позвонить. Только он взялся за телефон, как вспомнил, что тот не работает.

Страшно встревожившись, Бен выбежал из дома и заглянул в обе машины, и Каллахэна, и Питри. Ключей не оказалось ни в одной. Вернуться и обыскать карманы Генри Питри? Бен счел, что такая мысль — это уж слишком, и быстрым шагом направился в город, держа ушки на макушке, чтобы не прозевать бьюик Джимми. Когда автомобиль появился в поле его зрения, Бен уже собрался идти прямиком в школу на Брок-стрит.

Он обежал вокруг машины. Оказалось, что за рулем Марк Питри... один. Мальчик смотрел на Бена и молчал. Губы пошевелились, но с них не сорвалось ни звука.

— Что случилось? Где Джимми?

— Джимми погиб,— одеревенело отозвался Марк.— Барлоу опять оказался умнее нас. Сам он где-то в подвале пансиона миссис Миллер. И Джимми тоже там. Я спустился помочь ему и не мог выбраться. В конце концов я поставил доску, по которой можно было выползти наверх, но сперва думал, что из этой ловушки мне не выбраться до з-з-заката...

— Что случилось? О чем ты?

— Понимаете, Джимми догадался, откуда синий мел. Когда мы были в одном доме на Повороте. Синий мел. Биллиардные столы. В подвале у миссис Миллер есть старый биллиардный стол ее мужа. Джимми позвонил в пансион, никто не ответил, ну мы и поехали туда.— Мальчик поднял к Бену лицо, на котором не видно было слез.— Он велел мне поискать фонарик, потому что выключатель в подвале был сломан, как в доме Марстена. Вот я и начал искать. Я... я заметил, что с вешалки над раковиной пропали все ножи, и ничего об этом не подумал. Поэтому, можно сказать, Джимми убил я. Я. Я виноват, во всем виноват только я, я один ви...

Бен два раза коротко встряхнул мальчика.

— Прекрати, Марк. Прекрати!

Марк зажал рот руками, словно желая сдержать истерический лепет и не дать ему выплеснуться. Поверх ладоней на Бена уставились огромные глаза. Наконец, парнишка продолжил:

— В коридоре я нашел фонарик. В комоде. Вот. И тут Джимми упал и начал кричать. Он... я бы тоже свалился, только он меня предупредил. Последнее, что он сказал, было «*Осторожно, Марк!*»

— Что там было? — настаивал Бен.

— Просто Барлоу со своими убрал лестницу,— ответил Марк мертвым ровным голосом.— Отпилили сразу после второй ступеньки. И оставили чуть больше перил, чтобы казалось... казалось...— Он потряс головой.— И Джимми в темноте просто подумал, что лестница на месте. Понимаете?

— Да,— сказал Бен. Он понял, и ему стало плохо.— А ножи?..

— Были под лестницей,— прошептал Марк.— *Они* проткнули ими такие тонкие фанерные квадратики, а потом обломали ручки, чтоб оно стояло на полу, нацеленное... нацеленное лезвиями.

— А,— беспомощно сказал Бен.— О, Господи.— Он потянулся и взял Марка за плечи.— Марк, ты уверен, что Джимми мертв?

— Да. Он... его проткнуло местах в десяти. Кровь...

Бен взглянул на часы. Без десяти пять. Снова возникло ощущение, что времени в обрез и он опаздывает.

— Что теперь? — отстраненно спросил Марк.

— Едем в город. Позвоним Мэтту, потом — Паркинсу Джиллеспи. До темноты мы прикончим Барлоу. Мы должны.

Марк едва заметно болезненно улыбнулся.

— Джимми тоже так говорил. «Остановим его моторчик». Но Барлоу все время сажает нас в галошу. Должно быть, и парни получше нас пробовали...

Бен сверху вниз посмотрел на мальчика и приготовился сделать гадость.

— Да ты никак трусишь,— сказал он.

— *Да*, я боюсь,— отозвался Марк, не клюнув на подначку.— А вы — нет?

— Боюсь,— признался Бен.— Но еще меня зло берет — я потерял девчонку, которая нравилась мне до чертиков. Наверное, я любил ее. Мы оба лишились Джимми. Ты остался без отца с матерью, они лежат у

вас в гостиной под диванным покрывалом.— Бен подтолкнул себя к последней жестокости.— Хочешь вернуться посмотреть?

Марк вздрогнул и отпрянул. Потрясенное, испуганное лицо переполняла боль.

— Я хочу, чтобы ты был при мне,— сказал Бен уже мягче, чувствуя в животе микроб отвращения к себе. Он говорил, как футбольный тренер перед крупной игрой.— Мне плевать, кто раньше пытался остановить Барлоу. Мне плевать, если Аттила Венгр брался играть с ним и проиграл. Я сделаю свой выстрел. И хочу, чтобы ты был при мне. Ты мне нужен.— Что было чистой и неприкрытой правдой.

— Ладно,— сказал Марк. Он глядел себе в колени, нашедшие друг друга руки сплелись в пантомиме безумного горя.

— Крепись,— сказал Бен.

Марк безнадежно взглянул на него.

— Я стараюсь,— ответил он.

44.

Бензоколонка Сынка Экссона на другом конце Джойнтер-авеню оказалась открыта, и Сынок Джеймс (который эксплуатировал своего тезку из песенки, поместив в витрине рядом с пирамидой жестянок из-под бензина огромную цветную вывеску) лично вышел подождать Бена с Марком. Сынок был низеньким, похожим на гнома мужичком, стриженным под машинку. Вечный ежик демонстрировал розовую кожу головы.

— А-а, мистер Мирс, как делишки? Где ваш ситроен?

— Я его экономлю, Сынок. Где Пит?

Пит Кук был приходящим помощником Сынка и, в отличие от Экссона, жил в городе.

— Сегодня так и не явился. Да плевать. Все равно дела идут не шибко. Город, похоже, вымер.

В животе у Бена заворочался мрачный истерический смех, угрожая вскипеть и вырваться изо рта мощной, напоенной горечью волной. Ему удалось выговорить:

— Не зальете бензинчику? Я хочу от вас позвонить.

— Ради Бога. Здорово, пацан. Что, сегодня занятий нет?

— Я поехал прогуляться с мистером Мирсом,— ответил Марк.— У меня шла кровь из носа.

— Да я уж догадался. С моим брательником такое бывало. Это значит, мальчуган, у тебя высокое кровяное давление. Ты давай поосторожней.— Он прошагал к багажнику машины Джимми и отвинтил колпачок.

Бен зашел внутрь и набрал номер по таксофону, висевшему возле витрины с картами дорог Новой Англии.

— Камберлендская больница, какое вам отделение?

— Можно поговорить с мистером Бэрком? Четыреста вторая палата. Пожалуйста.

Наступила необычная пауза, и Бен уже собрался поинтересоваться, не сменилась ли палата, но тот же голос спросил:

— Простите, кто говорит?

— Бенджамен Мирс.— Неожиданно в мозгу Бена выросла длинная тень — вдруг Мэтт умер? Неужели? Конечно, нет — это было бы слишком.— С ним все в порядке?

— Вы родственник?

— Нет, близкий друг. Он не...

— Мистер Мирс, сегодня днем мистер Бэрк скончался. В 3:07. Если хотите, погодите минутку, я посмотрю, не пришел ли доктор Коди. Может быть, он мог бы...

Голос еще что-то говорил, но Бен перестал его слышать, хотя трубка по-прежнему была приклеена к уху. Он вдруг понял, как сильно зависел от Мэтта, который должен был провести их через остаток этого кошмарного дня, и это сознание внедрилось в него, вломилось всем весом, вызвав дурноту. Мэтт умер. Сердце не выдержало. Естественные причины. Словно сам Господь отвернул от них Свой лик.

Теперь только мы с Марком.

Сьюзан, Джимми, отец Каллахэн, Мэтт. Никого не осталось.

Он молча боролся с охватившей его паникой.

Бездумно повесив трубку на рычаг, обрубив на середине какой-то вопрос, Бен снова вышел наружу. Было десять минут шестого. На западе в тучах появилась промоина.

— Ровно на три доллара,— жизнерадостно сооб-

щил Сынок.— Тачка доктора Коди, да? Как вижу «Д.М.» на номере, так каждый раз вспоминаю одно кино про шайку воров — там один мужик все крал тачки с «Д.М.» на номере, потому что...

Бен дал ему три однодолларовых купюры.

— Мне надо сваливать, Сынок. Прости. Неприятности.

Сынок сморщился. — Вот жалость-то, мистер Мирс. Плохие новости от издателя?

— Наверное, можно и так сказать.— Бен сел за руль, захлопнул дверцу и отъехал, оставив одетого в желтый плащ Сынка глядеть им вслед.

— Мэтт умер, да? — спросил Марк, приглядываясь к нему.

— Да. Сердечный приступ. Откуда ты знаешь?

— Ваше лицо. Увидел ваше лицо.

Было 5:15.

45.

Паркинс Джиллеспи, дымя сигаретой, стоял под навесом на крылечке здания муниципалитета, разглядывал небо на западе и внимание на Бена с Марком переключил неохотно. Лицо констебля казалось пожилым и грустным, как стакан с водой из дешевой забегаловки.

— Как дела, констебль? — спросил Бен.

— Терпимо,— соизволил ответить Паркинс. Он рассматривал заусенец на полукруглом валике огрубевшей кожи, который окаймлял ноготь большого пальца.— Видел, как вы катались взад-назад. Кажись, в последний заход пацан катил от Рэйлроуд-стрит один. Так?

— Да,— сознался Марк.

— Чуть не поцеловался с мужиком, который ехал навстречу. Разошлись впритирочку.

— Констебль,— сказал Бен,— мы хотим рассказать вам, что здесь творится.

Паркинс Джиллеспи, не снимая руки с перил крылечка, выплюнул окурок. Не глядя на них, он спокойно объявил:

— И слышать не хочу.

Они ошеломленно посмотрели на него.

— Нолли сегодня не явился,— сказал Паркинс

прежним спокойным общительным тоном.— Чтой-то мне сдается, что уже и не придет. Вчера поздно вечером он заскочил сюда сказать, что на Дип-Кат-роуд видел машину Хомера Маккаслина... по-моему, он сказал, на Дип-Кат. Да так и не возвращался.— Медленно, грустно, как человек под водой, Паркинс полез в карман рубахи и вытянул очередную сигарету, которую машинально размял между большим и указательным пальцами.— Сведет меня в могилу эта хренотень, так ее разэдак.

Бен предпринял еще одну попытку.

— Человек, которому достался дом Марстена, Джиллеспи. Его зовут Барлоу. Сейчас он находится в подвале пансиона Евы Миллер.

— Вон как? — без особого удивления отозвался Паркинс.— Вампир, что ль? Ишь ты, прямо как в комиксах, что печатали лет двадцать назад!

Бен промолчал. Он все сильнее ощущал себя затерянным в огромном скрежещущем кошмаре, где под самой поверхностью происходящего бесконечно раскручивается невидимая заводная пружина.

— Я уезжаю из города,— сказал Паркинс.— Все барахло собрал — вон, в багажнике лежит. Ствол, рацию и значок оставил на полке. Хватит мне законничать. Сыт по горло. Махну повидать сестру в Киттери, так вот. Сдается мне, Киттери достаточно далеко, чтоб не бояться.

Бен услышал собственный далекий голос:

— Дерьмо трусливое. Что, кишка тонка, придурок? Город еще жив, а ты смываешься?

— Хрен-то ваш город жив,— сказал Паркинс, прикуривая от спички.— Потому *он* и заявился сюда. Удел лет двадцать, а то и больше, такой же мертвый, как он сам. Вся страна катится туда же. Пару недель назад мы с Нолли были в Фолмуте — как раз перед тем, как киношку закрыли до следующего сезона. В первом ихнем вестерне я нагляделся на кровь да убийства больше, чем за оба года в Корее. А пацанва лопала кукурузу и орала «давай-давай!» — Он неопределенно махнул в сторону города, неестественно вызолоченного сломанными лучами клонящегося к закату солнца — ни дать ни взять, поселок мечты.— Может, им быть вампирами по вкусу. А мне — нет. Нолли ночью приходил за мной. Я уезжаю.

Бен беспомощно смотрел на него.

— Давайте-ка вы, ребята, оба в машину и валите отсюда,— посоветовал Паркинс.— Этот город обойдется без нас... какое-то время. А потом будет все равно.

«Д а,— подумал Бен.— *Почему мы не уезжаем?*»

Причину за обоих высказал Марк.

— Потому, что он плохой, мистер. Взаправду плохой. Вот и все.

— Вон оно что? — протянул Паркинс. Он кивнул и пыхнул сигаретой.— Ну, ладно.— Он поглядел на Объединенную среднюю школу.— Офигенно мало нынче народу... во всяком случае, уделовских. Автобусы опаздывают, детишки не идут — приболели, канцелярия обзванивает дома и никто ей не отвечает. Ко мне тут забегал завуч, я его чуток успокоил. Занятный лысый типчик — думает, будто знает, чего делает. Да ладно, так ли, эдак ли, а учителя на месте. Живут-то в основном за городом. Вот смогут поучить друг дружку.

Думая про Мэтта, Бен сказал:

— Не все живут за городом.

— Один черт,— отозвался Паркинс. Ему на глаза попались колья за ремнем у Бена.— Собрались укокошить этого хмыря такой вот штукой?

— Да.

— Хотите, дак возьмите мою пушку. Нолли об ней мечтал. Да-а, любил Нолли ходить при оружии, только ему и понадеяться нельзя было, что кто-нибудь банк грабанет — банка-то в Уделе нету. Правда, вампир из Нолли выйдет хороший — коли парень вникнет в это дело.

Марк смотрел на Паркинса с нарастающим ужасом, и Бен понял, что мальчика надо увозить. Это было хуже всего.

— Пошли,— сказал он Марку.— Он конченый человек.

— Кажись, так оно и есть,— согласился Паркинс. Блеклые глаза, окруженные сеткой морщинок, осмотрели город.— Что тихо, то тихо. Я тут видел Мэйбл Уэртс с биноклем... а чего нынче высматривать? Вот ночью, похоже, будет, чего.

Бен с Марком вернулись к машине. Было почти 5:30.

46.

В без четверти шесть они подъехали к церкви Святого Андрея. Храм отбрасывал длинные тени, которые, словно пророчествуя, накрыли дом священника, стоявший на другой стороне улицы. Вытащив с заднего сиденья сумку Джимми, Бен вытряхнул ее содержимое. Там отыскалось несколько маленьких ампул. Бен выплеснул то, что в них было, за окошко, сохранив флакончики.

— Что вы делаете?

— Наберем туда святой воды,— объяснил Бен.— Идем.

Они прошли по тротуару к церкви и поднялись по ступеням. Собравшийся было открыть центральную дверь Марк вдруг остановился и ткнул пальцем:

— Смотрите.

Ручка почернела и слегка оплавилась, будто сквозь нее пропустили мощный электрический разряд.

— Тебе это о чем-нибудь говорит? — спросил Бен.

— Нет. Нет, но...— Марк тряхнул головой, прогоняя неоформившуюся мысль, открыл дверь, и они вошли. В церкви было серо, прохладно, ее заполняло то бесконечное беременное молчание, которое роднит все пустые алтари веры, и белой, и черной. По обе стороны от широкого прохода, разделяющего два ряда скамей, гипсовые ангелы удерживали чаши со святой водой, склонив спокойные, полные радостного понимания лица, словно им хотелось увидеть свое отражение в неподвижной воде.

Бен положил ампулы в карман и велел:

— Омой лицо и руки.

Марк встревоженно посмотрел на него.

— Это же свя... свято...

— Святотатство? На этот раз нет. Давай.

Они макнули в неподвижную воду руки, потом плеснули на лица — так только что проснувшийся человек плещет холодной водой в глаза, чтобы снова загнать в них окружающее. Достав из кармана первую ампулу, Бен стал заполнять ее, и тут пронзительный голос прокричал: «Эй, там! А ну! Что это вы делаете?»

Бен обернулся. Оказалось, что голос принадлежит Роде Корлесс, домоправительнице отца Каллахэна,

которая сидела на первой скамье, беспомощно крутя в руках четки. Из-под подола черного платья торчала нижняя рубашка, волосы были в беспорядке — она причесывала их пальцами.

— Где святой отец? Что вы делаете? — голос был тонким, пронзительным, близким к истерике.

— Вы кто? — спросил Бен.

— Миссис Корлесс. Экономка отца Каллахэна. Где святой отец? Что вы делаете? — Женщина стиснула руки, ломая пальцы.

— Отец Каллахэн нас покинул,— сказал Бен как мог осторожно.

— О,— она прикрыла глаза.— Он выступил против той напасти, что поразила этот город?

— Да,— ответил Бен.

— Так я и знала,— сказала миссис Корлесс.— Можно было не спрашивать. Отец Каллахэн — хороший священник, твердый слуга Господа. Всегда находились такие, что говорили: ему-де никогда не обрести такой силы духа, чтобы занять место отца Бергерона... но он занял. Значит, вышло, что отец Каллахэн не то что хорош — слишком хорош для него.— Миссис Корлесс посмотрела на них широко раскрытыми глазами. Из левого выкатилась и сбежала по щеке слезинка.— Он ведь не вернется, правда?

— Не знаю,— сказал Бен.

— Болтали, дескать, святой отец пьет,— продолжала Рода Корлесс, словно не услышала.— А был хоть один священник-ирландец, который не зря ел свой хлеб да к бутылке не прикладывался? Это вам не белоручки-неженки, сосунки, церковные крысы! Куда им до него! — Ее голос поднялся к сводчатому потолку в хриплом, почти вызывающем крике.— Он *священником* был, а не каким-нибудь святошей-олдерменом!

Бен с Марком слушали молча, не удивляясь. День был пронизан нереальностью, и ничто уже не удивляло, даже сил на это не было. Бен с Марком перестали считать себя борцами, мстителями, избавителями — день вобрал их в себя, они беспомощно жили — и только.

— Когда вы видели его в последний раз, он не потерял твердости духа? — потребовала ответа миссис Корлесс, пронзительно глядя на них. Слезы усиливали бескомпромиссность взгляда.

— Да,— сказал Марк, припомнив, как отец Каллахэн стоял у них в кухне с воздетым крестом.

— А теперь вы беретесь за его труд?

— Да,— снова сказал Марк.

— Ну, так собирайтесь,— фыркнула Рода,— чего вы ждете?

И пошла по проходу, оставив их одних — черное платье, одинокая плакальщица на похоронах, состоявшихся в другом месте.

47.

Снова к Еве, в последний раз. Было десять минут седьмого. Солнце повисло над соснами на западе, проглядывая из разорванных облаков кровавым пятном. Бен зарулил на стоянку и с любопытством посмотрел на окна своей комнаты. Сквозь незадернутые занавески была видна пишущая машинка, стоявшая на страже у стопки рукописи, придавленной стеклянным шаром пресс-папье. Бен изумился, что разглядел все это отсюда, да так отчетливо, будто в мире царили здравый смысл, обыденность и порядок. Он позволил взгляду спуститься к заднему крыльцу. Там бок о бок стояли неизменившиеся кресла-качалки, в которых они со Сьюзан разделили свой первый поцелуй. Дверь, ведущая в кухню, была открыта, как ее оставил Марк.

— Не могу,— пробормотал мальчик.— Просто не могу.— Его широко раскрытые глаза побелели, он скорчился на сиденье, подтянув колени к подбородку.

— Нас должно быть двое,— сказал Бен, протягивая мальчику две ампулы со святой водой. Марк в ужасе отпрянул, словно, дотронься он до них, через кожу проник бы яд.

— Давай,— поторопил Бен. Он исчерпал все аргументы.— Давай, пошли.

— Нет.

— Марк?

— Нет!

— Марк, ты мне нужен. Остались только мы с тобой!

— Я сделал уже достаточно! — выкрикнул Марк.— Я больше не могу! *Я не могу его видеть, как вы не понимаете!*

— Марк, нас должно быть двое, разве ты не знаешь?

Марк взял ампулы и зажал в кулаке у груди.

— Мамочки,— прошептал он.— Ой, мамочки.— Он взглянул на Бена и кивнул. Жест получился дерганым и вымученным.— Ладно.

— Где молоток? — спросил Бен, когда они вышли из машины.

— Был у Джимми.

— Ладно.

Они взошли на крыльцо. Ветер усилился, солнце ослепительно сверкало сквозь тучи, раскрашивая все в красный цвет. В кухне на них гранитной плитой навалилось влажное, осязаемое зловоние смерти. Дверь в подвал была открыта.

— Я так боюсь,— вздрогнув, сказал Марк.

— Оно и к лучшему. Где фонарик?

— В подвале. Я бросил его, когда...

— Ладно.— Они стояли возле пасти подвала. Как и предупреждал Марк, лестница в закатном свете казалась нетронутой.— Иди за мной,— сказал Бен.

48.

Бен довольно легко подумал: «*Иду умирать.*»

Мысль пришла естественно, в ней не было ни страха, ни сожаления. Кипящие в душе чувства терялись в нависшей над домом всеподавляющей атмосфере зла. Съезжая вниз по доске, которую Марк поставил, чтобы выбраться из подвала, обдирая руки, Бен ощущал неестественное ледяное спокойствие. Он увидел, что пальцы светятся, словно одетые в призрачные перчатки. Это его не удивило.

«*Пусть «кажется» придет конец. Довольно! На трон взошел пломбирный император.*» Кто это сказал? Мэтт? Мэтт умер. И Сьюзан умерла. И Миранда. И Уоллес Стивенс тоже умер. «*На твоем месте я бы туда не смотрел.*» Но Бен посмотрел. Так вот как выглядишь, когда все позади. Как что-то размозженное, изломанное, некогда заполненное разноцветными жидкостями... Не так уж плохо. О н умрет страшнее. У Джимми был пистолет Маккаслина — наверное, до сих пор лежит в кармане. Бен заберет его и, если до заката они не успеют добраться до Барлоу... сначала мальчика, потом себя. Скверно, но о н умрет страшнее. Бен спрыгнул в подвал и помог спуститься Марку.

Взгляд мальчика скакнул к темному, свернувшемуся на полу силуэту, и метнулся прочь.

— Не могу я на это смотреть,— хрипло сказал он.

— Ну и ладно.

Марк отвернулся, а Бен опустился на колени и отшвырнул в сторону смертоносные фанерные квадраты, из которых торчали поблескивающие драконьи зубы забитых в них ножей. Потом осторожно перевернул Джимми.

На твоем месте я бы не смотрел.

— Джимми, Джимми,— попытался он выговорить, но слова разломились в горле, закровоточив. Бен левой рукой обнял Джимми и приподнял, а правой вытащил из тела товарища ножи Барлоу. Их оказалось шесть. Джимми потерял очень много крови. В углу на полке лежала стопка аккуратно сложенных штор из гостиной. Забрав револьвер, фонарик и молоток, Бен сходил за ними и закрыл тело Джимми. Потом он выпрямился и проверил фонарик. Пластиковая линза, закрывающая лампочку, треснула, но сама лампочка работала. Он быстро посветил по сторонам. Ничего. Осветил пространство под биллиардным столом. Пусто. За печкой — тоже. Стеллажи с консервами, доска, увешанная инструментом и, как эшафот, ведущий в никуда, отпиленная лестница, которую затолкали в дальний угол, чтобы было не видно из кухни.

— Где же он? — пробормотал Бен. Он поглядел на часы, стрелки показывали 6:23. Когда сядет солнце? Вспомнить не удавалось. Разумеется, не позже, чем в без пяти семь. У них оставалось от силы полчаса.

— Ну, где он? — закричал Бен.— *Чую*, что здесь, только где?

— Вот! — крикнул Марк, ткнув куда-то светящимся пальцем.— Что это?

Бен поймал предмет в луч света. Уэльский посудный шкафчик.

— Маловат будет,— сказал он Марку,— вдобавок, он придвинут к стене.

— Давайте посмотрим за ним.

Бен пожал плечами. Они пересекли подвал, подошли к шкафчику и взялись за него с двух сторон. Бен ощутил растущее возбуждение. Конечно, разве запах (или аура, или атмосфера, называйте, как хотите) не был здесь гуще, противнее? Он бросил

взгляд наверх, на открытую в кухню дверь. Свет потускнел, золото в нем таяло.

— Мне не поднять, слишком тяжело,— пропыхтел Марк.

— Плевать,— ответил Бен.— Сейчас мы его перевернем. Держи крепко.

Марк наклонился над шкафчиком, уперевшись плечом в древесину. На светящемся лице выделялись свирепые глаза.

— О»кей.

Они дружно навалились на шкафчик всей тяжестью, и тот опрокинулся с таким треском, словно ломались кости: это внутри разлетался вдребезги старый свадебный китайский сервиз Евы Миллер.

— Я *знал*! — торжествующе крикнул Марк.

На месте посудного шкафчика в стене обнаружилась дверца по грудь высотой. Новенький амбарный замок надежно сторожил засов.

Два размашистых удара молотком убедили Бена, что замок сдаваться не намерен. «Господи Исусе,» — тихонько пробормотал молодой человек. К горлу подступило горькое разочарование. Потерпеть поражение под самый занавес, и из-за чего? Из-за замка, которому красная цена — пять долларов... Нет. Если придется, он прогрызет эти доски. Пошарив вокруг лучом, он наткнулся на аккуратно подвешенную справа от лестницы доску с инструментом. Два колышка удерживали топорик, лезвие пряталось в резиновом чехле.

Бен подбежал к доске, сорвал топорик, стащил чехол, достал из кармана ампулу, выронил, и святая вода, немедленно засияв, вылилась на пол. Он вынул другую, отвинтил маленький колпачок и полил топорик, который сразу замерцал жутким волшебным светом. А когда Бен взялся за деревянное топорище, то почувствовал, что оно легло в руку хорошо, невероятно *правильно*. Энергия приварила пальцы молодого человека к топору, не давая им разжаться. Бен секунду постоял с топором в руках, разглядывая сияющее лезвие, а потом, побуждаемый неким любопытством, коснулся им своего лба. Его охватила непоколебимая уверенность, ощущение неминуемой правоты, *чистоты*. Бен впервые за много недель почувствовал, что больше не бредет ощупью в туманах веры и неверия, что бой с противником, чье тело слишком невещественно, чтобы получать удары, закончен.

Руки наливались гудящей, как высокое напряжение, силой. Лезвие засияло ярче.

— Ну! — взмолился Марк.— Скорее! Пожалуйста!

Бен Мирс расставил ноги, размахнулся и саданул. Топор описал светящуюся дугу, оставившую перед глазами след, лезвие с глухим стуком вгрызлось в дерево и утонуло по самое топорище. Полетели щепки.

Бен выдернул топор, дерево отдавало сталь с пронзительным визгом. Он опустил топор снова, еще раз... еще. Мышцы рук и спины ощутимо, гибко растягивались и переплетались, двигаясь с такой уверенностью и обдуманным жаром, каких еще не знали. От каждого удара по подвалу разлеталась шрапнель щепок. На пятом ударе топор с треском прошел насквозь, в пустоту, и Бен принялся расширять дыру почти с лихорадочной быстротой.

Марк в изумлении не сводил с него глаз. От топорища по рукам Бена сползало холодное синее пламя, и вот уже стало казаться, что молодой человек трудится в огненном столбе: склоненная набок голова, натянутые от напряжения мышцы шеи, один глаз горит, второй сощурен. Рубашка на спине между напрягшихся крыльев лопаток лопнула, и под кожей перекатывались канаты мышц. Это был человек одержимый, и Марк, не понимая или не имея нужды понимать, увидел, что ничего христианского в этой одержимости нет — она, подобно извергнутым земными недрами голым слиткам железной руды, была проще, не такой чистой. Лишенная всякой законченности, она являла собой Силу, Мощь, то, что вращает главнейшие колеса вселенной. Дверь в подпол Евы Миллер не смогла перед ней устоять. Топор замелькал так, что слепило глаза: он превратился в рябь, в арку, в радугу, соединившую плечо Бена с разбитой древесиной последней двери. Бен нанес последний удар, отшвырнул топор и поднес к глазам нестерпимо ярко сияющие руки. Он протянул их Марку, и мальчик вздрогнул.

— Я люблю тебя,— сказал Бен.

Их руки соединились в пожатии.

50.

Подпол оказался небольшим, похожим на камеру и пустым, если не считать нескольких пыльных буты-

лок, каких-то ящиков, пыльной корзины с бушелем очень старой, проросшей во все стороны картошки... и тел. В дальнем конце, прислоненный к стене, как саркофаг, стоял гроб Барлоу. В принесенном ими свете гребень крышки холодно засиял, напомнив огни Святого Эльма.

Перед гробом, как железнодорожные шпалы, лежали тела людей, с которыми Бен делил стол и кров: Евы Миллер, Проныры Крейга, Мэба Малликэна из комнаты в конце коридора второго этажа, Джона Сноу — инвалида, который жил на пенсию и из-за артрита был едва в состоянии сойти к завтраку, Винни Апшо, Гровера Веррилла.

Перешагнув через них, Бен с Марком стали у гроба. Бен поглядел на часы: без двадцати семь.

— Сейчас мы его отсюда вынесем,— сказал он.— Клянусь Джимми.

— Он, наверное, весит целую тонну,— отозвался Марк.

— Ничего, справимся.— Бен вытянул руку, словно примериваясь, а потом ухватился за верхний правый угол гроба. Гребень крышки бесстрастно блестел, как глаз, дерево на ощупь оказалось неприятным до мурашек, гладким и закаменевшим от времени. В нем, казалось, не было ни отверстий, ни небольших изъянов, чтобы пальцы могли нащупать их и уцепиться. Несмотря на это, Бен без труда раскачал его одной рукой и легонько подтолкнул вперед с таким чувством, будто огромную тяжесть сдерживали невидимые противовесы. Внутри что-то глухо стукнуло. Бен принял тяжесть гроба на руку.

— Теперь,— сказал он,— твою сторону.

Марк потянул кверху, и изножье гроба легко поднялось. Лицо мальчика выразило радостное изумление:

— По-моему, я мог поднять его одним пальцем.

— Наверное. Наконец-то дела пошли по-нашему. Но действовать надо быстро.

Когда они проносили гроб в разбитую дверь, возникла угроза, что самая широкая его часть не пройдет, и Марк, пригнув голову, подтолкнул. Гроб с деревянным скрипом пролез, и его отнесли туда, где лежал накрытый шторами Евы Миллер Джимми Коди.

— Вот он, Джимми,— сказал Бен.— Вот эта сволочь. Ставь, Марк.

Он опять взглянул на часы. 6:45. Теперь свет, шедший из кухонной двери над их головами, был пепельно-серым.

— Сейчас? — спросил Марк.

Они переглянулись поверх гроба.

— Да,— ответил Бен.

Марк обошел гроб. Постояв над запертым, запечатанным гробом, оба нагнулись, дотронулись до замков, и те раскололись с таким звуком, будто треснула тонкая дощечка. Они подняли крышку. Сверкая обращенными к потолку глазами, перед ними лежал Барлоу.

Теперь это был молодой человек. Черные, блестящие, трепещущие волосы рассыпались по шелковой подушке, лежавшей в головах узкого обиталища вампира. Кожа лучилась жизнью. Щеки рдели, как вино. Из-под полных губ выступали полукружья похожих на слоновую кость, белых с желтыми прожилками зубов.

— Он..— начал Марк, но так и не договорил.

К их ужасу красные глаза Барлоу заворочались в глазницах, наполняясь жизнью и издевательским торжеством. Взгляд вампира пересекся со взглядом Марка и уже не отпускал, мальчик провалился в него, его собственные глаза опустели и стали далекими.

— Не смотри на него! — крикнул Бен, но было слишком поздно. Он оттолкнул Марка в сторону. У мальчика вырвалось горловое хныканье, и он вдруг кинулся на Бена. Тот, захваченный врасплох, шатнулся и попятился. Миг — и руки мальчика проникли к нему в карман, зашарили в поисках револьвера Хомера Маккаслина.— Марк! Нечего...

Но мальчик не слышал. Лицо было пустым, как вымытая классная доска, из горла безостановочно неслся скулящий звук, вой пойманного в ловушку очень маленького зверька. Он обеими руками вцепился в пистолет. Началась борьба — Бен пытался вырвать оружие из судорожно стиснутых пальцев парнишки и отвести от них обоих ствол.

— Марк! — рявкнул он.— Марк, очнись! Ради Бога...

Дуло дернулось вниз, к голове Бена, раздался выстрел. Молодой человек почувствовал, что пуля прошла у виска. Он схватил Марка за руки, лягнул, тот откачнулся назад и пистолет лязгнул об пол между

ними. Мальчик, поскуливая, прыгнул к пистолету, но Бен изо всех сил дал ему в зубы, вскрикнув, словно сам получил удар. Марк упал на колени, а Бен пинком отшвырнул пистолет подальше. Марк попытался поползти за ним, но Бен опять ударил его.

Парнишка с усталым вздохом рухнул на пол.

Теперь силы оставили Бена, а с ними — уверенность. Он опять стал просто Беном Мирсом, и ему было страшно. Квадрат света в проеме кухонной двери выцвел до бледно-пурпурного, часы показывали 6:51.

Страшная сила потянула голову молодого человека, приказывая посмотреть на розового обожравшегося паразита, который лежал рядом с ним в гробу.

Смотри, смотри на меня, ничтожество. Смотри на Барлоу, который коротает столетия так, как ты коротаешь с книгой у камина часы. Смотри, смотри на великое творение ночи, которое ты лишишь жизни своей жалкой деревяшкой. Смотри, писака: я писал в жизнях человеческих, и чернилами мне служила кровь. Учти это и оставь надежды, сдайся!

«Джимми, я не могу. Поздно, он слишком силен...»

СМОТРИ НА МЕНЯ!

Было 6:53.

С полу донесся стон Марка: «Ма? Мам, ты где? У меня болит голова...темно.»

Он придет ко мне на службу кастратом...

Бен завозился, вытаскивая из-за пояса кол, выронил его и страдальчески вскрикнул — это был крик полного отчаяния. Снаружи солнце покидало Иерусалимов Удел. Последние лучи косо падали на крышу дома Марстена.

Бен быстро поднял кол. Но где молоток? *Где этот чертов молоток?*

У двери в подпол. Он сбивал там замок.

Бен бросился на другой конец подвала и взял лежавший там молоток.

Марк, чей рот превратился в кровавую рану, приподнялся на локтях, утерся ладонью и тупо взглянул на кровь.

— Мама! — крикнул он.— Где моя мама?

6:55.

Свет и тьма пришли в идеальное равновесие.

Подвал погружался во мрак. Бен побежал обратно, одной рукой стискивая кол, другой — молоток.

Раздался гулкий торжествующий хохот. Барлоу си-

дел в гробу, красные глаза полыхали адским торжеством. Они впились в глаза Бена, и тот почувствовал, что воля покидает его. Издав безумный судорожный вопль, он занес кол над головой и опустил, описав свистящую дугу. Заточенное острие пробило рубашку Барлоу, и Бен почувствовал, как кол входит в плоть.

Барлоу пронзительно закричал — этот жуткий крик боли был похож на волчий вой. Сила, с какой кол поразил цель, отбросила вампира в гроб, опрокинув на спину. Над краями гроба поднялись бешено машущие руки со скрюченными пальцами.

Бен ударил молотком, и Барлоу опять закричал. В левую руку Бена, мертвой хваткой державшую кол, вцепились леденящие могильным холодом пальцы. Извернувшись, Бен оказался в гробу, притиснув коленями кслени Барлоу. Он уставился вниз, в изможденное ненавистью и болью лицо.

— ПУСТИ! — крикнул Барлоу.

— Вот тебе, гадина,— всхлипнул Бен.— Вот тебе, кровопийца, вот тебе.

Он опять ударил молотком. Вверх, на миг ослепив его, ударила струя холодной крови. Голова Барлоу моталась по шелковой подушке из стороны в сторону.

— *Пусти, ты не смеешь, не смеешь, не смеешь этого делать...*

Бен снова и снова ударял молотком. Из ноздрей Барлоу брызнула кровь. Вампир забился в гробу, как пронзенная острогой рыба. Скрюченные пальцы вцепились Бену в щеки, оставив на коже длинные царапины:

— ПУСТИ МЕНЯАААААААААА...

Бен еще раз ударил молотком по колу. Кровь, толчками выплескивавшаяся из груди Барлоу, стала черной. И началось растворение.

Происходило оно на протяжении двух секунд, слишком быстро, чтобы хоть раз в течение последующих лет поверить в него при свете дня, и все же достаточно медленно, чтобы вновь и вновь возвращаться в кошмарах с жуткой неспешностью замедленной съемки.

Кожа пожелтела, загрубела, покоробилась, как старая полотняная простыня. Глаза выцвели, заволоклись белой пленкой и провалились. Поседевшие волосы отпали, как кучка перьев. Тело под темным костюмом затряслось, осело, губы разлезлись, открывая в судорожном зевке провал рта, нос сполз книзу

и, наконец, все это исчезло в кольце выступивших зубов. Ногти почернели, слезли, и остались только кости, еще украшенные кольцами, которые позвякивали и щелкали, как кастаньеты. Сквозь лен рубашки летела пыль. Лысая сморщенная голова превратилась в череп. Штанины, которым не на чем стало держаться, опали, словно в черный шелк обернули пару метел. На долю секунды под Беном оказалось извивающееся, страшным образом ожившее пугало, и молодой человек со сдавленным криком ужаса ринулся прочь из гроба. Но оторваться от последнего превращения Барлоу было невозможно, оно завораживало. По шелковой подушке из стороны в сторону мотался голый череп, разевая голые челюсти в беззвучном крике, которому нечем было придать силу — голосовых связок у Барлоу уже не осталось. Пальцы скелета плясали и прищелкивали в темноте, как марионетки.

В нос, сразу же исчезая, ударяли плотные облачка запахов: газы, ужасный густой смрад тухлятины, запах библиотечной плесени, едкая пыль... все. Извивающиеся, протестующие костлявые пальцы разъединились на фаланги, и те осыпались, как карандаши. Носовая полость расширилась и слилась с провалом рта. Пустые глазницы росли, бесплотно выражая ужас и удивление, а потом встретились и перестали существовать. Череп обвалился внутрь, как древняя ваза эпохи Минг. Одежда легла плоско и равнодушно, словно грязное белье.

Но это существо еще по-осьминожьи цепко держалось за жизнь — в гробу колыхались и кружились крохотные смерчи праха. А потом Бен неожиданно ощутил пронесшееся мимо дуновение, похожее на сильный порыв ветра, которое заставило его содрогнуться. В тот же миг все окна в пансионе Евы Миллер вылетели.

— Осторожно, Бен! — пронзительно крикнул Марк.— Осторожно!

Молодой человек резко обернулся и увидел, что они выходят из подпола — Ева, Проныра, Мэб, Гровер и остальные. Их час настал.

Крики Марка набатом отдавались у Бена в ушах. Он сгреб мальчика за плечи и проорал в замученное лицо:

— *Святая вода! Они не могут нас тронуть!*

Крики Марка превратились в подвывание.

— Лезь по доске наверх,— велел Бен.— Давай.— Чтобы заставить паренька взобраться на доску, пришлось развернуть его к ней лицом и наградить шлепком по пятой точке. Убедившись, что мальчик взбирается наверх, Бен обернулся и посмотрел на них. На нежить.

— Ты убил Хозяина,— сказала Ева, и Бен готов был подумать, что в ее голосе прозвучала скорбь.— Как ты мог убить Хозяина?

— Я вернусь,— пообещал он.— За всеми вами.

Он пригнулся и, подтягиваясь на руках, полез по доске. Она застонала под тяжестью его тела, но выдержала. Добравшись до двери, Бен бросил вниз один-единственный взгляд. Теперь они столпились у гроба, молча заглядывая внутрь. Они напомнили ему людей, окруживших тело Миранды после столкновения с фургоном.

Оглядевшись в поисках Марка, Бен увидел, что тот ничком лежит у двери, ведущей на крыльцо.

5О.

Бен сказал себе: мальчик просто в обмороке, вот и все. Что вполне могло соответствовать истине. Пульс у парнишки бился сильно и мерно. Подхватив Марка на руки, Бен понес его в ситроен.

Он сел за руль, завел машину, выехал на Рэйлроуд-стрит, и тут его как обухом по голове ударило — начиналась запоздалая реакция. Ему пришлось подавить крик.

Зомби вышли на улицы.

Бена бросало то в жар, то в холод. В голове звучал дикий рев. Он свернул влево, на Джойнтер-авеню, и поехал прочь из Салимова Удела.

Глава пятнадцатая

БЕН И МАРК

1.

Один раз Марк очнулся, позволив ровному гудению ситроена вернуть себя к действительности бездумным и беспамятным. Наконец мальчик поглядел в окно, и

очутился в грубых лапах страха. Было темно. Деревья по обочинам казались смутными пятнами, а встречные машины ехали со включенными фарами и габаритными огнями. У него вырвался невнятный сдавленный стон, и он схватился за крест, все еще свисавший с шеи.

— Расслабься,— сказал Бен,— мы за городом. До него двадцать миль.

Потянувшись через него (отчего машина чуть не вильнула), мальчик запер дверцу со стороны водителя, резко обернулся и запер свою. Потом медленно скрючился на сиденье. Ему хотелось, чтобы снова пришло небытие. Небытие было приятным. Приятное небытие безо всяких мерзких картин.

Ровный шум мотора успокаивал. *Мммммммм.* Как хорошо. Мальчик закрыл глаза.

— Марк?

Безопаснее не отвечать.

— Марк, с тобой все в порядке?

Мммммммммммммммммм.

— ...марк...

Издалека. Беды в этом не было. Вернулось приятное небытие, и мальчика поглотили серые тени.

2.

Сразу за границей штата Нью-Хэмпшир Бен снял номер в мотеле, неразборчиво записавшись в книге как «Бен Коди с сыном». Марк зашел в номер, вытянув перед собой руку с крестом. Глаза метались из стороны в сторону маленькими затравленными зверьками. Крест он выпустил из рук только тогда, когда Бен закрыл и запер дверь, повесив на ручку свое распятие. В номере стоял цветной телевизор, и Бен немного посмотрел его. Два африканских племени затеяли войну. Президент простыл, но серьезной опасности не было. В Лос-Анжелесе какой-то мужчина сошел с ума и перестрелял четырнадцать человек. Служба погоды обещала дождь, а на севере Мэна — небольшой снег.

3.

Салимов Удел мрачно спал, а по его улицам и проселочным дорогам напоминанием о зле бродили вам-

пиры. Некоторые настолько отделились от смертных теней, что вернули себе зачатки хитрости. Лоренс Крокетт позвонил Ройялу Сноу и пригласил его к себе в контору сыграть в криббидж. Когда Ройял затормозил возле конторы и вошел, Лоренс с женой набросились на него.

Глинис Мэйберри позвонила Мэйбл Уэртс, сказала, что боится и спросила, нельзя ли зайти скоротать вечер, пока муж Глинис не вернется из Уотервилля. Мэйбл с жалостливым облегчением согласилась, а когда десять минут спустя отворила дверь, Глинис стояла там в чем мать родила, с сумочкой через плечо, и ухмылялась, показывая здоровенные хищные клыки. Мэйбл успела взвизгнуть только один раз.

Когда Делберт Марки в девятом часу вышел из безлюдного кафе, из тени выступили Карл Формен с усмехающимся Хомером Маккаслином и объявили, что пришли выпить.

Милта Кроссена сразу после закрытия магазина навестили несколько самых верных покупателей и старинных закадычных друзей.

Джордж Миддлер заглянул к тем старшеклассникам, которые, делая у него покупки, всегда смотрели на него с презрением, смешанным с пониманием, и удовлетворил свои самые темные и фантастические прихоти.

По дороге « 12 по-прежнему проезжали туристы и транзитные пассажиры, но они Удела не видели — только рекламный щит «ЭЛКС» да знак ограничения скорости до тридцати пять миль в час. Возвращаясь за городской чертой к шестидесяти милям, они, может статься, начисто забывали про поселок, удостоив его одной-единственной мысли: «Господи, что за мертвый городишко!»

Город хранил свои секреты, а над ним, как низложенный король, нависал дом Марстена.

4.

На рассвете следующего дня Бен поехал обратно, оставив Марка в номере мотеля. В Вестбруке он остановился, зашел в бойко торгующий магазин скобяных товаров и купил лопату с мотыгой.

Под хмурым небом, с которого еще не полился

дождь, лежал объятый тишиной Салимов Удел. По улицам проезжали редкие машины. У Спенсера было открыто, зато закрылось кафе «Экселлент» — все зеленые шторы были спущены, меню убрано из витрин, а небольшая доска, на которой каждый день писали мелом фирменное блюдо, вытерта начисто.

От вида пустынных улиц Бена до костей пробрал озноб, а перед глазами встал старый рок-н-ролльный альбом, на верхней обложке которого был изображен трансвестит, а сзади — он же в профиль, странное, кровоточащее румянами и гримом мужское лицо. Альбом назывался «Они выходят только ночью».

Сначала Бен отправился в пансион, взобрался на второй этаж и толкнул дверь своей комнаты. Все было так, как он оставил: неубранная постель, вскрытая консервная банка на столе, под ним — пустое жестяное ведро для мусора. Бен вытащил его на середину комнаты, взял рукопись, бросил в ведро и сделал из титульного листа крученый бумажный фитиль. Он поднес к нему зажигалку и, когда тот вспыхнул, кинул его на холмик машинописных страниц. Огонь лизнул их, остался доволен вкусом и резво пополз по бумаге. Уголки обугливались, закручивались кверху, чернели. Над ведром заколыхался беловатый дым, и Бен машинально перегнулся через стол открыть окно.

Под руку попалось пресс-папье — стеклянный шар, с которым Бен не расставался с детских лет, прошедших в этом погрузившемся во мрак городке, шар, без ведома для себя прихваченный во время похожего на сон визита в дом чудовища. Тряхни и гляди, как падает снег.

Вот и сейчас Бен встряхнул шар, держа его у глаз, как делал, когда был маленьким, и шар показал свой старый-престарый фокус. Сквозь медленно падающий снег виднелся пряничный домик, к нему вела тропинка. Пряничные ставни были закрыты, но будучи фантазером (как теперь — Марк Питри), Бен воображал, будто за один из них тянет длинная белая рука (и в самом деле, сейчас один ставень словно бы приоткрылся), и выглядывает очень бледное лицо. Оно показывает в ухмылке длинные зубы и приглашает тебя в этот домик, за грань нашего мира, в ту бескрайнюю фантастическую страну, где идет поддельный снег, а торопиться некуда, потому что время здесь — миф. Сейчас это лицо тоже смотрело на Бена: бледное,

голодное лицо, которому никогда больше не видеть ни света дня, ни голубого неба.

Его собственное лицо.

Бен отшвырнул пресс-папье в угол, и оно разлетелось вдребезги.

Не задерживаясь, чтобы посмотреть, что там может обнаружиться, молодой человек покинул комнату.

5.

Он спустился в подвал забрать тело Джимми, и это оказалось труднее всего. Гроб лежал на том же месте, что и накануне вечером, в нем не осталось даже пыли. И все же... он был не совсем пуст. В гробу лежал кол и что-то еще. Бен с отвращением увидел, что это зубы. Зубы Барлоу — все, что осталось от вампира. Бен потянулся, взял их, и они закрутились в пальцах, как крохотные белые зверьки, пытаясь соединиться и укусить.

Бен с криком омерзения отшвырнул их, и зубы разлетелись вдребезги.

— Господи,— прошептал молодой человек, вытирая руку о рубашку.— Боже милостивый. Прошу тебя, пусть на этом все кончится. Пусть ему не будет возврата.

6.

Каким-то образом ему удалось вытащить по-прежнему завернутое в шторы тело Джимми из подвала. Он уложил узел в багажник бьюика Джимми и поехал к дому Питри. На заднем сиденье рядом с черной сумкой Джимми покоились кирка и лопата. Остаток утра и половину дня Бен провел на лесной поляне за домом Питри неподалеку от лепечущего ручья Тэггарт-стрим, копая широкую могилу в четыре фута глубиной. Он опустил в нее тело Джимми и супругов Питри, завернутых в диванное покрывало.

Зарывать могилу этих чистых созданий он начал в половине третьего. Когда свет начал свой долгий отток с пасмурного неба, Бен поднажал. Он весь взмок от пота, но причиной тому было не только напряжение.

К четырем яма заполнилась. Бен, как мог, при-

топтал дерн и поехал обратно в город, переложив испачканные землей мотыгу с лопатой в багажник. Машину он поставил перед кафе «Экселлент», не вынув ключей из зажигания. Секунду Бен медлил, оглядываясь. Заброшенные конторы с фальшивыми фасадами словно бы наклонились над улицей, скрипя и похрустывая. Начавшийся около полудня дождь падал тихо и медленно, словно оплакивал город. Маленький парк, где они повстречались со Сьюзан Нортон, был пустынным и заброшенным. В окне конторы по страхованию и торговле недвижимостью Ларри Крокетта висела неискренне-беспечная записка «Скоро вернусь». Тишину нарушал только тихий дождь. Гулко стуча каблуками, Бен пошел к Рэйлроуд-стрит. Добравшись до пансиона Евы, он остановился у машины и постоял, оглядываясь в последний раз на замерший город.

Город был мертв. Это вдруг стало ясно и не вызывало сомнений — с Беном уже было такое, когда, увидев на мостовой туфельку Миранды, он мгновенно понял, что жена погибла. Бен заплакал. Слезы текли у него по щекам, когда он проезжал мимо щита «ЭЛКС», где было написано: «Сейчас вы покидаете замечательный город Иерусалимов Удел. Приезжайте еще!» Оказавшись на автостраде, Бен поехал под уклон параллельно железнодорожной ветке, и дом Марстена заслонили деревья. Молодой человек взял курс на юг — к Марку, к своей жизни.

ЭПИЛОГ

Средь этих разоренных деревень
и на мысу, нагом пред южным ветром,
пред горной цепью, прячущей тебя,
кто вынесет решение забыть?
Кто примет то, что мы ему предложим
в последние осенние деньки?

Джордж Сеферис

Теперь она слепа,
и змеи, что когда-то жили в доме,
отъели руки ей...

Джордж Сеферис

1.

Из материалов Бена Мирса (все вырезки — из портлендской «Пресс-Герольд»)

19 ноября 1975 года (стр. 27)

ИЕРУСАЛИМОВ УДЕЛ.

Семья Чарльза В.Притчетта, который всего месяц назад купил ферму в поселке Иерусалимов Удел округа Камберленд, уезжает, поскольку, если верить Чарльзу и Аманде Притчетт, переехавшим сюда из Портленда, по ночам раздаются странные звуки. Ферма на Школьном холме (местная достопримечательность) раньше принадлежала Чарльзу Гриффену, отец которого был владельцем фирмы «Солнечное молоко», поглощенной в 1962 году корпорацией «Слюфутские молочные продукты». Добраться до Чарльза Гриффена, продавшего ферму, по словам Притчетта, «за бесценок», и получить комментарии невозможно. Аманда Притчетт в первый раз рассказала мужу о странном шуме на сеновале вскоре после...

4 января 1976 года (стр. 1)

ИЕРУСАЛИМОВ УДЕЛ.

Сегодня утром на юге штата Мэн, в маленьком городке Иерусалимов Удел, произошла странная авария. Найденные на месте происшествия следы заноса позволяют полиции предполагать, что машина, седан последней модели, шла с превышением скорости, соскочила с дороги и врезалась в вышку Центральной энергокомпании. Машина разбилась вдребезги, но, хотя на приборном щитке и переднем сиденье найдена кровь, пассажиры до сих пор не обнаружены. Согласно данным полиции, машина зарегистрирована на имя мистера Гордона Филипса из Скарборо. По словам соседей, Филипс с семьей поехал в Ярмут навестить родственников. Версия полиции такова: возможно, Филипс с женой и двумя детьми, оглушенные во время катастрофы, убрели прочь и заблудились. Планы розысков...

14 февраля 1976 года (стр. 4)

КАМБЕРЛЕНД.

Сегодня утром в полицейский участок округа Камберленд от миссис Гертруды Герси, племянницы миссис Фионы Коггинс, одинокой вдовы, проживавшей на Смит-роуд в восточном Камберленде, поступило заявление о том, что ее тетушка пропала. Миссис Герси

сообщила офицерам полиции, что миссис Коггинс была домоседкой, а в последнее время прихварывала. Представители шерифа ведут расследование, однако заявляют, что в настоящее время невозможно сказать, что же...

27 февраля 1976 года (стр. 6)

ФОЛМУТ.

Сегодня рано утром в своем амбаре найден мертвым старожил Фолмута фермер Джон Фаррингтон. Тело обнаружил зять покойного, Фрэнк Викери. По словам Викери, Фаррингтон лежал ничком у сенокосилки с вилами около руки. Медицинский эксперт округа Дэвид Райс заявляет: Фаррингтон явно умер от обширного кровоизлияния или внутреннего кровотечения...

20 мая 1976 года (стр. 17)

ПОРТЛЕНД.

Лесники Камберлендского округа получили от Мэнской службы охраны дикой природы инструкцию остерегаться стаи диких собак, которая, предположительно, рыщет в зоне Иерусалимов Удел — Камберленд — Фолмут. За прошлый месяц были найдены несколько овец с растерзанным горлом и брюхом. Главный лесник Аптон Прюитт сказал: «Как вы знаете, положение дел в южном Мэне значительно ухудшилось...»

29 мая 1976 года (стр. 1)

ИЕРУСАЛИМОВ УДЕЛ.

Есть подозрение, что с исчезновением семейства Дэниела Холлоуэя, которое недавно переехало сюда, в небольшой домик на Тэггарт-Стрим-роуд, дело нечисто. Полицию поднял на ноги дедушка Дэниела Холлоуэя, встревоженный тем, что никак не может дозвониться внуку — дома у Дэниела никто не подходил к телефону. Переехавшие в апреле на Тэггарт-Стрим-роуд с двумя детьми Холлоуэи уже давно жаловались родным и друзьям, что после захода солнца слышат «странные звуки». За последние несколько месяцев Иерусалимов Удел уже становился центром ряда странных происшествий, и очень многим семьям пришлось...

4 июня 1976 года (стр. 2)

КАМБЕРЛЕНД.

Миссис Илейн Тремонт, вдова, проживавшая в собственном доме на Бэк-Стэйдж-роуд в небольшом по-

селке округа Камберленд, поступила сегодня рано утром в приемное отделение Камберлендской больницы с сердечным приступом. Она рассказала нашему корреспонденту, что услышала за окном спальни царапанье (сама она в это время смотрела телевизор), подняла глаза и увидела, что кто-то заглядывает в дом.

«Он ухмылялся,» — сказала миссис Тремонт.— «Такое ужасное лицо... я в жизни так не пугалась. А с тех пор, как всего в миле от моего дома на Тэггарт-стримроуд убили ту семью, я живу в постоянном страхе.»

Миссис Тремонт имела в виду семью Дэниела Холлоуэя, которая исчезла из своего дома в Иерусалимовом Уделе неделей раньше. По сообщениям полиции, связь между происшествиями расследуется, но...

2.

Высокий мужчина с мальчиком прибыли в Портленд в середине сентября и на три недели остановились в местной гостинице. К жаре они привыкли, но после сухого климата Лос-Сапатос сочли высокую влажность действующей на нервы. Оба много плавали в бассейне и много наблюдали за небом. Мужчина каждый день покупал портлендскую «Пресс-Герольд» — теперь газета была свежей, не отмеченной ни временем, ни собачьей мочой. Он прочитывал прогноз погоды и искал заметки, которые бы касались Иерусалимова Удела. На девятый день их пребывания в Портленде в Фолмуте исчез какой-то мужчина. Его собаку нашли во дворе мертвой. Случаем занялась полиция.

Шестого октября поднявшийся ни свет ни заря мужчина стоял во дворе мотеля. Почти все туристы уже разъехались по своим Нью-Йоркам, Нью-Джерси и Флоридам, Онтарио и Нова-Скотиям, по Пеннсильваниям и Калифорниям. После них остался мусор, их отпускные да местные жители — наслаждаться самым прекрасным в штате временем года.

Этим утром в воздухе появилось что-то новое. С шоссе меньше несло выхлопными газами. Горизонт очистился от дымки, а рекламный щит в поле через дорогу уже не стоял по колено в молочном тумане. Утреннее небо было очень ясным, воздух — холодным. Судя по всему, ночью бабье лето ушло из этих мест.

Из отеля вышел мальчик и стал рядом.
Мужчина сказал:
— Сегодня.

3.

До поворота на Салимов Удел они добрались почти в полдень, и Бен с болью припомнил тот день, когда явился сюда, намереваясь изгнать всех преследовавших его демонов, не сомневаясь в успехе. Тот день был теплее, западный ветер дул не так сильно, а бабье лето только начиналось. Бен вспомнил двух мальчишек с удочками. Сегодня небо было синее, холоднее.

Приемник объявил, что индекс пожароопасности — 5, второе по величине значение. С первой недели сентября в южной части Мэна не было сколько-нибудь значительного дождя. Диктор посоветовал водителям потушить сигареты, а потом пустил запись песенки про субъекта, собравшегося от любви спрыгнуть с водонапорной башни.

Они проехали по дороге « 12 мимо щита «ЭЛКС» и оказались на Джойнтер-авеню. Бен сразу заметил, что мигалка не горит. Теперь предупредительные огни стали не нужны.

Потом они очутились в черте города. Они ехали медленно, и Бен почувствовал прежний страх, одевший его, как найденная на чердаке старая куртка, которая стала тесной, но еще пригодна для носки. Марк оцепенело сидел рядом, держа склянку со святой водой, привезенную из Лос-Сапатос. Ее им подарил на прощанье отец Гракон.

Со страхом пришли воспоминания, буквально разрывающие сердце.

«Всякая всячина Спенсера» превратилась во «Всякую всячину Ля Вердье», но лучше не стало — голые грязные закрытые окна, вывеска автобусной станции «Грейхаунд» исчезла. В витрине кафе «Экселлент» криво висело объявление «Продается», а все табуретки возле стойки вырвали с корнем и перевезли в какую-то более процветающую закусочную. В конце улицы над бывшей прачечной все еще висела вывеска «Барлоу и Стрейкер», только теперь позолоченные буквы пошли пятнами и глядели на безлюдные троту-

ары. Витрина пустовала, декоративный ковер запылился. Бен подумал: а что, Майк Райерсон так и лежит в ящике на задах магазина? От этой мысли во рту у него пересохло.

На перекрестке Бен сбавил скорость. Отсюда был виден дом Нортонов на вершине холма. И перед ним, и на заднем дворе, где когда-то стояла жаровня Билла Нортона, разрослась длинная, теперь уже желтая трава. Некоторые окна были выбиты.

Проехав чуть дальше, он притормозил у края тротуара и заглянул в парк. Над похожими на джунгли зарослями кустов и травы главенствовал Военный мемориал. Обмелевший пруд задушили летние водоросли. Со скамеек лохмотьями слезала зеленая краска. Цепи качелей заржавели, и вздумай кто-нибудь покачаться, они своим противным скрипом испортили бы все удовольствие. Перевернутая горка лежала, как дохлая антилопа, выставив окоченевшие ножки, а из угла песочницы торчала свесившаяся в траву ручонка забытой кем-то из детей куклы Энди-Оборвашки. Пуговичные кукольные глаза, казалось, отражают тупой ужас, как будто за долгое время, проведенное в песочнице, они перевидали все тайны мрака. Может, так оно и было.

Бен поднял взгляд и увидел дом Марстена. Ставни по-прежнему были закрыты. Дом смотрел вниз на город с шаткой угрозой. Сейчас он не представлял опасности, но после заката?..

Дожди должны были смыть тот кусочек Святого причастия, которым Каллахэн запечатал двери. Пожелай нежить, и дом — их святыня, маяк тьмы, возвышающийся над смертоносным городом, которого чураются — мог снова принадлежать ей. «Интересно, они действительно собираются там? — подумал Бен.— Бродят, мертвенно-бледные, по темным коридорам и устраивают свои пиршества, извращенные службы Творцу своего Творца?»

Похолодев, он отвел взгляд.

Марк смотрел на дома. Занавески почти везде были задернуты, кое-где незашторенные окна глядели в пустые комнаты. Уж лучше честно закрытые, подумалось Бену. А эти, казалось, смотрят на незваных гостей пустым неподвижным взглядом умственно неполноценных.

— Они там, в домах,— с трудом проговорил

Марк.— Вот в эту минуту они там, в каждом доме. За занавесками. В кроватях, шкафах, подвалах. Под полами. Прячутся.

— Не переживай так,— сказал Бен.

Оставшийся за спиной поселок ушел под уклон. Бен свернул на Брукс-роуд, и они проехали мимо дома Марстена — ставни по-прежнему висели косо, вместо газона — сложная путаница ведьминой травы и золотарника высотой до колен.

Вдруг Марк куда-то ткнул пальцем. Бен посмотрел туда: в траве была вытоптана тропинка, вытоптана добела. Она пересекала газон от дороги к крыльцу. Потом они миновали дом Марстена, и у Бена перестало щемить в груди. Они не побоялись встретить самое худшее, и оно осталось позади.

Бен остановил машину в дальнем конце Бернс-роуд, неподалеку от кладбища Хармони-Хилл, они вышли и углубились в лес. Под ногами громко, сухо хрустел подлесок. Можжевеловые ягоды напитали воздух резким запахом джина, пели поздние цикады. Бен с Марком вышли на маленький, похожий на холмик земляной выступ, который смотрел вниз на лесную просеку, где в ветреной прохладе дня мерцала линия электропередачи. Кое-где деревья уже начали менять цвет.

— Старики говорят, пожар начался здесь,— сказал Бен.— Тогда, в пятьдесят первом. Дул западный ветер. Считается, что кто-то, может быть, неаккуратно обошелся с сигаретой. Одна сигаретка! Огонь перебрался через болота, и никто не мог его остановить!

Он вытащил из кармана пачку «Пэлл-Мэлл», задумчиво взглянул на эмблему — «in hoc signo vinces» — сорвал целлофановый верх, закурил и потушил спичку. Сигарета оказалась удивительно вкусной, хотя Бен не курил уже много месяцев.

— Дома-то у них есть,— проговорил он,— но они могут их лишиться. Многие погибнут... или, лучше сказать, будут уничтожены. Но не все. Понимаешь?

— Да,— отозвался Марк.

— Умом они не блещут. Потеряв свои укрытия, перепрячутся плохо. Тогда достаточно будет, если два человека обыщут самые очевидные места. Может быть, к первому снегу этому придет конец. Может быть, конца этому не будет никогда. Ни одно, ни другое гарантировать невозможно. Но если не... не выкурить их, не испугать — шансы равны нулю.

— Да.

— Это будет неприятно и опасно.

— Я знаю.

— Но огонь, говорят, очищает,— задумчиво сказал Бен.— Очищение чего-нибудь да стоит, как по-твоему?

— Да,— повторил Марк.

Бен поднялся.

— Надо возвращаться.

Он бросил тлеющую сигарету в кучу сухих сучьев и ольховых листьев. На зеленом фоне можжевельника на два или три фута поднялась узкая белая ленточка дыма, и ветер разорвал ее в клочки. В двадцати футах от них, на подветренной стороне, лежала здоровенная груда ветровала.

Не трогаясь с места, они зачарованно глядели на дым. Он стал гуще. Появился язычок пламени. Занялись прутья, и из кучи сухих веток донеслось негромкое постреливание.

— Сегодня вечером им не придется гонять овец и разгуливать по фермам,— тихо сказал Бен.— Сегодня они станут беглецами. А завтра...

— Мы с вами,— сказал Марк, сжимая кулак. Бледность исчезла, уступив место яркому румянцу. Глаза полыхали.

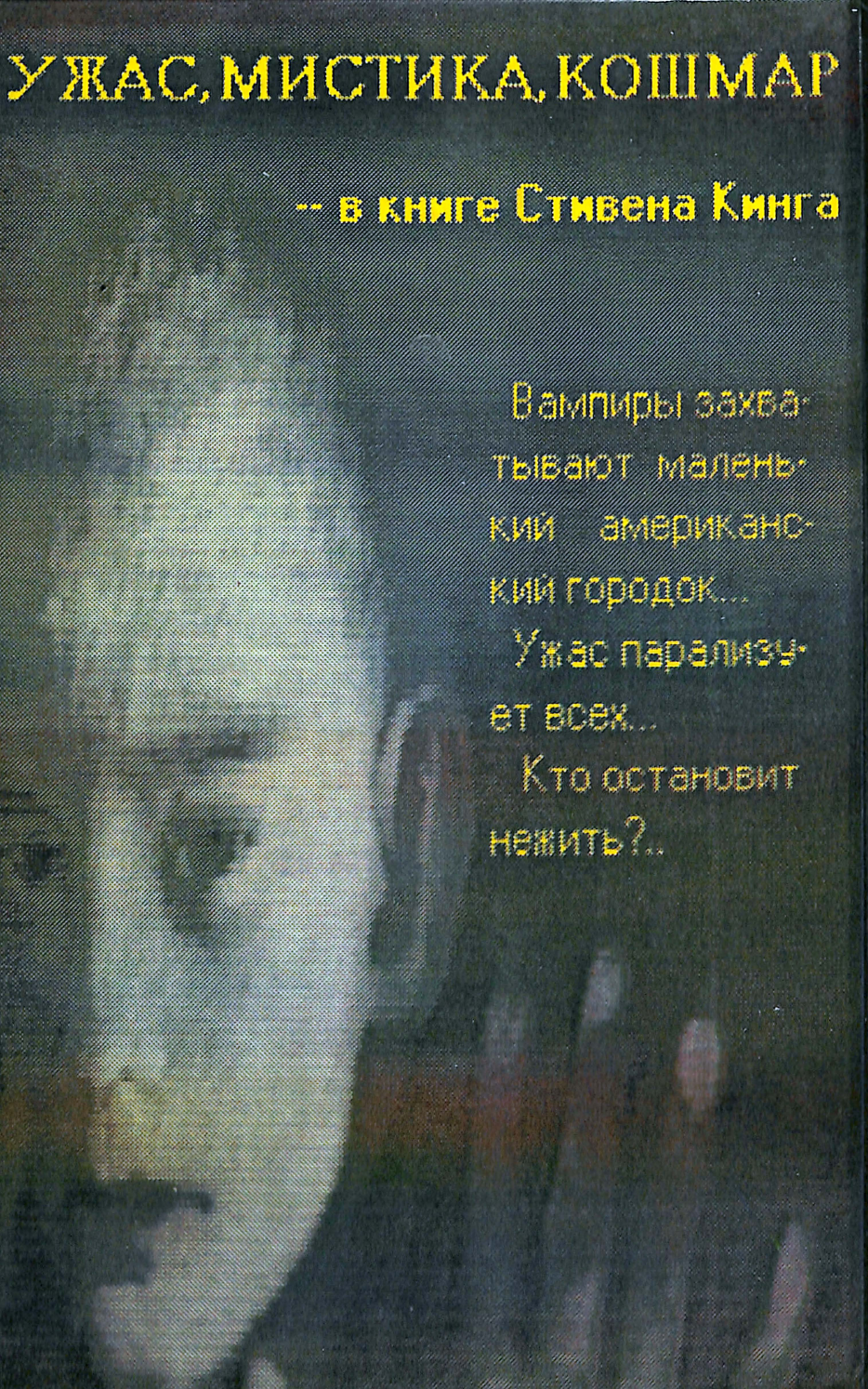
Они вернулись на дорогу и уехали.

На полянке, выходившей на линию электропередачи, в куче хвороста все сильнее разгорался огонь, подгоняемый осенним западным ветром.

Подписано в печать с оригинал-макета 24.02.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5 Тираж 100 000 экз. Зак. 177.

«Баркалая и К°». 103031, Москва, Б. Кисельный, 16. Тел. 925-60-18.

Отпечатано в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220041, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

УЖАС, МИСТИКА, КОШМАР
-- в книге Стивена Кинга
Вампиры захватывают маленький американский городок...
Ужас парализует всех...
Кто остановит нежить?..